МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫХ И ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК

16+

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

International Journal of Humanities and Natural Sciences

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук
№ 2-2 (113)

2026

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук

№ 2-2 (113), февраль 2026 г.

международный ежемесячный научный журнал

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на платформе Elibrary.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77 — 66830 от 15.08.2016 выдано Роскомнадзором.

Главный редактор – Матвеев Данил Максимович, канд. экон. наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Шматко А.Д. – д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент РАО (Россия)
Усов С.В. – д-р техн. наук, профессор (Россия)
Бекбоев А.А. – д-р филос. наук, профессор (Кыргызстан)
Марков А.А. – д-р социол. наук, канд. юрид. наук, профессор (Россия)
Ионесов В.И. – д-р культурологии, канд. ист. наук, доцент (Россия)
Югов Н.Т. – д-р физ.-мат. наук, профессор (Россия)
Зак А.З. – д-р психол. наук, профессор (Россия)
Портнова Т.В. – д-р искусствоведения, профессор (Россия)
Ларионов М.В. – д-р биол. наук, профессор (Россия)
Жаркова С.В. – д-р с.-х. наук, доцент (Россия)
Чертыкова М.Д. – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник (Россия)
Коробейников А.Г. – д-р техн. наук, профессор (Россия)
Кондрашихин А.Б. – д-р экон. наук, канд. техн. наук, профессор (Россия)
Саидов С.Ш. – д-р полит. наук (Узбекистан)
Жеребкин М.В. – д-р полит. наук, профессор (Россия)
Храмцова Ф.И. – д-р полит. наук, профессор (Белоруссия)
Логинова М.В. – д-р филос. наук, профессор (Россия)
Герасимов Б.Н. – д-р экон. наук, профессор (Россия)
Окулич-Казарин В.П. – д-р пед. наук, профессор (Польша)
Эрастов Е.Р. – д-р мед. наук, доцент (Россия)

Рабочий язык журнала: русский и английский.
Все статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Материалы публикуются в авторской редакции

Контактная информация:
E-mail: info@intjournal.ru
Сайт: http://intjournal.ru/
Телефон: +7-905-951-51-63
Ответственный редактор: Меняйкин Данила Владимирович
Учредитель и издатель: ООО «Капитал»
Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252
Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

СОДЕРЖАНИЕ

Философские науки

Бекбоев А.А., Жайлообаева А.Т. Искусственный интеллект и биофилософия: вызовы новой онтологии жизни 6

Жайлообаева А.Т., Бекбоев А.А., Шаршеевич К.К. Типология мышления: между фрагментом и системой 15

Имашова А.А., Жайлообаева А.Т., Сооронбаева Ч.К. Мышление и алгоритм в контексте искусственного интеллекта 22

Кашбулгаянов Р.А., Ковшик Е.А. Язык как инструмент культурного влияния: философское осмысление феномена 28

Осмонова Д.А., Тынарбекова М.Т., Жумабеков Н.А. Взаимосвязь религиозного фактора в миграционных процессах и системы государственного регулирования религиозного образования в Кыргызской Республике 34

Поляруш А.А. Диалектика и позитивизм в решении проблем прогнозирования общественного прогресса 41

Поляруш А.А. Производящая деятельность людей как источник мышления 47

Тайлакова А.А., Осмонов О.Дж., Алтымышбаева Л.К. Историческая память в стратегии духовного развития: междисциплинарное прочтение доктрины «Национальный дух – мировые высоты» 52

Филологические науки

Айтматова Г.А., Бисерова А.Х., Тойчуева Д.Р., Жамшитова Г.Ж. Молодежный сленг в языке интернет-форумов Кыргызстана 58

Айтматова Г.А., Тойчуева Д.Р., Бисерова А.Х. Образ женщины в трансформированных современных пословицах кыргызского народа 64

Гафар Гусейнов Постмодернистская чувствительность и эпистемологическая неуверенность как объяснение специфической формы художественного текста (на материале повести Эльчина «Карабахское шикесте») 71

Жунусова Ж.Ж., Шамуратова А.Н. Интерпретация и использование фразеологических единиц с компонентом «воздух» в английском, русском и кыргызском языках 77

Зиба В.С. Терминал «молодой/зрелый» фрейма «красота человека» в русской и французской лингвокультурах 83

Кудякова А.А. Лингвокультурологический анализ арабских паремий (на материале сборника «Арабские пословицы и поговорки» Аль-Майдания, перевод И. Сарбулатова) 88

Мкртчян Д.С. Механизмы памяти и идентичности в колофонах рукописей и старопечатных книг: социокультурная биография книги 95

Нарматова Г.К., Калыгулова С.Ш., Шериева С.А. Английские заимствования в киргизском языке в условиях глобализации 106

Тираспольская А.Ю., Роднева Е.К. Изучение медицинских метафорических терминов с суффиксоидами -видный и -образный в иностранной аудитории 111

Тургунбаева С.Ж., Шаимкулова Р.Р., Кыбыева З.Ж. Паремии как источник формирования лингвокультурной компетенции в кыргызском и английском языка 117

Тургунбаева С.Ж., Кыдыкеева А.А., Гаас А.М., Кыбыева З.Ж. Пословицы как когнитивные модели национальной картины мира (сравнительный анализ русской, кыргызской и английской традиций) 124

Чойбекова Н.Т., Ормокеева Р.К., Кудайбердиева Г.Г. Семантическая дифференциация адъективных номинантов концепта «страх» (на материале русского, кыргызского и английского языков) 131

Исторические науки

Грищенко И.А. Народы Северного Приазовья: этническая история региона от древнейших времён до начала XXI века (на примере Бердянска и Бердянщины) 137

Осмонов О.Дж., Алтымышбаева Л.К. Историческая трансформация государственной политики Кыргызской Республики в сфере золотодобывающей промышленности 143

Селезнев А.В. Сословные реформы казачьего населения Енисейской губернии во второй половине XIX века: от оказачивания старожильческого крестьянства к его расказачиванию 148

Упоров И.В. Попечение о тюрьмах в XIX веке: правовое регулирование и деятельность 156

Упоров И.В. Выборы местных депутатов после принятия конституции СССР 1977 года: процедурные вопросы и особенности 161

Усов С.В. Анатолий Евгеньевич Карпов – советский и российский шахматист, государственный и политический деятель (75 лет со дня рождения – 23.05.2026) 168

Юридические науки

Абгарян А.М., Афонина О.С. Правовой статус фан-фильмов и пользовательского контента в контексте защиты исключительных прав правообладателей 175

Абдылдаева Н.У., Мусуралиева М.М., Сагыналиева В.Ж., Мамашарип кызы Багдагул Правовой статус и срок полномочий действующего Президента Кыргызской Республики 180

Али О.Х. Этические аспекты защиты прав человека в деятельности полиции Республики Сомали 184

Баракова А.Р. Проблемы реализации контрольно-надзорной деятельности в РФ в сфере регулирования алкогольного и табачного рынка 190

Бычков С.Н., Алешина-Алексеева Е.Н., Семенов К.П. Анализ конститутивных признаков незаконного предпринимательства в контексте повышения эффективности правоприменения 196

Гаврилова Э.Д. Субъекты и объекты функции обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий 201

Гаврилова Э.Д. К вопросу о признании договора продажи недвижимости заключенным 206

Клюев А.С. Состояние и перспективы правового регулирования применения беспилотных технологий в агропромышленном и рыбохозяйственном комплексах 211

Ларионова Н.С., Сучкова Т.Е. К вопросу о необходимости существования статуса самозанятого лица в Российской Федерации и его отличия от статуса индивидуального предпринимателя 217

Мирзоев М.Ш. Анализ опыта информирования сотрудников милиции Республики Таджикистан о наиболее характерных способах борьбы с наркотизацией населения 223

Рыбакова И.В. Прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав: теоретические и организационно-правовые аспекты 228

Саякова М.К., Адамбекова А.Д., Бегалиева Г.К. Институциональная природа государства как социально-правового института 233

Светлякова А.С. Возмещение судебных расходов третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований 238

Турсуналиева Ы.Т. Современные проблемы в области охраны авторских и смежных прав на государственном уровне 243

Турсуналиева Ы.Т. Меры по борьбе с нелегальным копированием и другими формами нарушения авторских и смежных прав 248

Упоров И.В., Демьяненко М.А. Расследование уголовно-политических дел при Анне Иоанновне: организационный аспект и методы 253

Упоров И.В. Местное самоуправлении в новейшей истории России: первые законы и тенденции 259

Файзуллина А.А., Абрарова Р.Р. Типовые следственные ситуации, возникающие при расследовании краж, совершенных несовершеннолетними 266

Файзуллина А.А., Фархутдинова А.С. Особенности расследования похищения человека и незаконного лишения свободы 271

Ветров К.А. Космическое право как самостоятельная отрасль современной системы права: теоретико-правовой анализ 276

Экономические науки

Абдурашидов Ф.Ф. у., Бухарова Д.Х. Гармонизация учета финансовых результатов по видам деятельности с МСФО: практика и вызовы 282

Бекмуратова А.А. Снижение бедности и неравенства в условиях быстрого экономического роста 287

Сариева М.А., Бакирова Г.В., Ахметова Э.Н. Развитие устойчивого лидерства и управление изменениями в эпоху множественных кризисов 293

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И БИОФИЛОСОФИЯ: ВЫЗОВЫ НОВОЙ ОНТОЛОГИИ ЖИЗНИ

А.А. Бекбоев[1], *д-р филос. наук, профессор, заведующий сектором*
А.Т. Жайлообаева[2], *канд. филос. наук, доцент, директор*
[1]Институт философии имени академика А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук при Президенте Кыргызской Республики
[2]Центр тестирования и развития клинических навыков Кыргызской государственной медицинской академии имени И.К. Ахунбаева
[1,2](Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-6-14

Аннотация. *В статье рассматриваются онтологические и этические вызовы, которые искусственный интеллект предъявляет современной биофилософии. Показано, что развитие автономных алгоритмических систем трансформирует традиционные представления о жизни, субъектности и ответственности. Анализируется размывание классических оппозиций «живое/неживое», «природное/искусственное», «человек/машина» в условиях технологической эмерджентности. Обосновывается необходимость перехода от субстанционального понимания жизни к процессуально-организационной модели, в рамках которой искусственные системы демонстрируют функциональные свойства, ранее приписываемые исключительно биологическим организмам. Рассматривается проблема техноонтологии субъекта, включая различие между экзистенциальной и функциональной субъектностью. Особое внимание уделяется этическому измерению алгоритмических решений, принципу ответственности и проблеме непрозрачности («чёрного ящика»). Делается вывод о формировании новой дисциплинарной области – технобиоэтики, ориентированной на междисциплинарное осмысление взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Будущее биофилософии определяется как философия сосуществования, способная интегрировать биологические, гибридные и технологические формы организации жизни.*

Ключевые слова: *искусственный интеллект; биофилософия; онтология жизни; техноонтология субъекта; функциональная субъектность; постчеловеческая идентичность; алгоритмическая рациональность; ответственность; технобиоэтика; непрозрачность алгоритмов; эмерджентность; гибридные формы жизни.*

Развитие искусственного интеллекта в XXI веке стало одним из ключевых и системообразующих процессов современной цивилизации. Его значение выходит далеко за пределы технологической модернизации и цифровой автоматизации социальных институтов. Искусственный интеллект трансформирует структуру человеческого опыта, меняет способы производства и интерпретации знания, переопределяет границы ответственности и затрагивает фундаментальные основания философской антропологии и биофилософии.

Если в индустриальную эпоху техника выступала преимущественно как средство усиления физических возможностей человека, а в информационную эпоху – как инструмент обработки и передачи данных, то в условиях алгоритмической рациональности искусственный интеллект начинает участвовать в когнитивных, интерпретационных и нормативных процессах. Он не только расширяет функциональные горизонты человеческой деятельности, но и занимает позиции, традиционно связывавшиеся с субъектностью: анализирует, прогнозирует, принимает решения и адаптируется к изменяющейся среде.

Современные алгоритмы машинного обучения, автономные робототехнические комплексы и нейросетевые архитектуры демонстрируют свойства, которые ранее рассматривались как отличительные признаки живых систем: способность к обучению на основе опыта, адаптивность, самооптимизацию, генерацию новых поведенческих конфигураций, реакцию на неопределённость. Эти характеристики не сводятся к механическому вос-

произведению заранее заданных процедур; они предполагают динамическую перестройку внутренних структур в процессе функционирования системы.

В результате искусственный интеллект перестаёт восприниматься исключительно как инструмент. Он приобретает статус феномена онтологического порядка, требующего пересмотра самих категорий бытия. Традиционные оппозиции – «живое и неживое», «естественное и искусственное», «органическое и техническое» – утрачивают прежнюю однозначность. Возникает ситуация концептуальной неопределённости, в которой устоявшиеся философские определения оказываются недостаточными для описания новых форм организации сложности.

Биофилософия, исторически ориентированная на анализ феномена жизни в её биологическом, системном и семиотическом измерениях, сталкивается с необходимостью расширения собственного проблемного поля. Если жизнь понимается как самоорганизующаяся система, поддерживающая структурную целостность в динамическом взаимодействии со средой, то возникает вопрос: в какой мере искусственные системы, обладающие сходными функциональными характеристиками, могут быть включены в расширенный онтологический горизонт живого?

Очевидно, что искусственный интеллект не обладает биохимической основой, метаболизмом и не включён в биологическую эволюцию в строгом смысле. Однако философское понятие жизни не исчерпывается физиологическими параметрами. Во многих концепциях жизнь рассматривается как процесс, как форма организации отношений и как динамическая структура, способная к самообновлению и интерпретации среды.

Именно в этом процессуальном измерении искусственный интеллект приближается к функциональной модели живого. Он функционирует в режиме непрерывной коррекции, обработки информации, адаптации к контексту и интеграции новых данных в существующую архитектуру. Его поведение носит вероятностный и эмерджентный характер и не сводится к линейной механистической причинности.

Тем самым биофилософия оказывается перед новой ситуацией, требующей переосмысления самого понятия жизни. Когда функциональные характеристики живого частично воспроизводятся технологическими системами, неизбежно возникает вопрос об их онтологическом статусе: являются ли они лишь сложными симуляциями или предвосхищают новые формы существования – постбиологические, гибридные, техносоциальные?

Проблема носит не только теоретический, но и экзистенциальный характер. Интеграция искусственного интеллекта в медицинскую диагностику, биоинженерию, управление инфраструктурой и когнитивные процессы общества делает его участником жизненного мира человека. Он становится элементом биосоциальных систем, влияя на продолжительность и качество жизни, на распределение ресурсов и формирование норм.

Искусственный интеллект, таким образом, выступает не внешним наблюдателем, а фактором трансформации жизненных процессов. Это усиливает напряжение между онтологическим и этическим измерениями проблемы. Если алгоритмические системы участвуют в поддержании и регуляции жизненно значимых процессов, то вопрос об их статусе неизбежно сопрягается с вопросом ответственности.

Кроме того, развитие искусственного интеллекта ставит под сомнение устойчивость антропоцентрической модели философии жизни. Человек перестаёт быть единственным носителем сложной когнитивной организации. Возникает перспектива множественности форм интеллектуальности и, возможно, расширенного понимания форм жизни.

В этих условиях биофилософия должна решить двойную задачу: сохранить различие между биологическим и технологическим, не сводя живое к функциональной имитации, и одновременно признать трансформацию самого поля живого, разработав категориальный аппарат для описания гибридных форм существования, возникающих на стыке органического и искусственного.

Следовательно, перед философией стоит задача формирования новой онтологии жизни – интегративной, а не редукционистской, учитывающей технологическую эмерджентность, распределённую агентность и алгоритмическую рациональность. Такая онтология должна соединить системный анализ, философию

техники, философию сознания и биоэтику в единую концептуальную рамку.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении ключевых онтологических и этических вызовов, которые искусственный интеллект предъявляет биофилософии, а также в обозначении концептуальных оснований новой онтологии жизни. Речь идёт не о включении искусственного интеллекта в прежние теоретические схемы, а о пересмотре самих оснований понимания живого в условиях технологической трансформации современности.

I. Искусственный интеллект и границы живого: от субстанции к процессу

Формально искусственный интеллект не обладает классическими биологическими признаками жизни: метаболизмом, клеточной структурой, генетическим воспроизводством, автономной биохимической регуляцией. В рамках традиционной биологической парадигмы именно эти характеристики служили критерием различения живого и неживого. Однако философское понимание жизни никогда не сводилось исключительно к физиологическим или биохимическим параметрам. Уже в XX веке в контексте системного подхода и биофилософии жизнь стала осмысляться как особый режим организации сложности – как динамическая целостность, способная к саморегуляции, воспроизводству структуры и интерпретации среды [6].

Современные концепции трактуют жизнь прежде всего как процессуальную организацию: как форму самоорганизации, поддержания собственной структуры и адаптации к изменяющейся среде. В этой перспективе жизнь предстает не как субстанция, а как непрерывное воспроизводство структурной целостности во взаимодействии с внешним миром. Смещение акцента с субстанциональности на процессуальность имеет принципиальное значение. Если жизнь понимается как способ организации отношений и устойчивое поддержание сложной структуры, то решающим оказывается не материал носителя, а форма и динамика его организации.

Именно в этом процессуальном измерении искусственный интеллект обнаруживает черты, сближающие его с функциональной моделью живого. Алгоритмы глубокого обучения способны к самонастройке внутренних параметров; адаптивные системы обновляют модели поведения на основе накопленного опыта; эволюционные алгоритмы осуществляют поиск решений в условиях высокой неопределённости. В ряде случаев наблюдается эффект эмерджентности – возникновение свойств, не редуцируемых к сумме исходных инструкций. Поведение системы приобретает характер вероятностной динамики, а не линейной механической причинности.

Эта динамика требует философской интерпретации. Речь не идёт о признании искусственного интеллекта живым в биологическом смысле. Скорее, фиксируется феномен имитационно-эмерджентной организации, в рамках которой искусственная система воспроизводит функциональные свойства живых процессов. Современная технологическая культура характеризуется переходом от репрезентации к симуляции, где различие между подлинным и воспроизводимым постепенно утрачивает очевидность. В этом контексте искусственный интеллект выступает не просто как инструмент, а как элемент новой структуры реальности, в которой имитация приобретает системообразующий характер [3].

При этом искусственный интеллект не обладает автономной телесностью, не переживает мир феноменологически и не поддерживает метаболический цикл. Однако философский вопрос формулируется иначе: является ли биохимическая основа необходимым и достаточным условием жизни как онтологической категории, или же жизнь следует понимать как способ самоорганизации и поддержания структурной целостности независимо от конкретного материального субстрата?

Проблема обостряется в рамках информационной интерпретации живого. Если жизнь рассматривается как система обработки и интерпретации информации, то нейросетевые архитектуры начинают воспроизводить ключевые характеристики когнитивных процессов. Они не только перерабатывают данные, но и формируют внутренние модели, корректируют параметры, строят вероятностные сценарии развития среды. В этом смысле искусственный интеллект оказывается включённым в процессы, которые ранее связывались исключительно с биологической эволюцией.

Отсюда возникает феномен размывания онтологической границы между живым и неживым. Речь не о полном снятии различия, а о его проблематизации. Функциональные свойства, традиционно считавшиеся прерогативой органического, воспроизводятся в искусственных системах. Следовательно, различие должно быть переосмыслено на более глубоком уровне – возможно, через категории внутреннего опыта, телесной укоренённости или автопоэтической самодостаточности.

Особое значение приобретает семиотический аспект проблемы. Понятие жизни исторически связывалось не только с физиологией, но и со способностью к интерпретации и порождению значений. Живое — это система, ориентирующаяся в среде посредством смысловых структур. В этом измерении искусственный интеллект демонстрирует двойственность. С одной стороны, он генерирует тексты, изображения и прогнозы, участвует в формировании информационных потоков и влияет на смысловое поле общества. С другой стороны, остаётся открытым вопрос: сопровождается ли это подлинным смыслообразованием или речь идёт лишь о статистической корреляции знаков без внутренней направленности на смысл.

Алгоритмические системы способны воспроизводить формы коммуникации и рационального поведения, не обладая экзистенциальной перспективой. Тем не менее их включённость в социотехнические практики трансформирует структуру жизненного мира человека. Искусственный интеллект становится посредником в принятии решений, элементом инфраструктуры и участником когнитивных процессов. Он приобретает квазионтологический статус агента, влияющего на распределение возможностей, рисков и ценностей.

В этой ситуации имитация перестаёт быть поверхностным копированием и превращается в форму организации реальности [3]. Различие между оригиналом и воспроизведением усложняется и требует философского анализа. Биофилософия оказывается перед необходимостью расширить категориальный аппарат: жизнь должна мыслиться не только как биологический феномен, но и как процесс организации и поддержания сложных структур, включая техносоциальные формы её проявления [6].

Это не означает автоматического признания искусственных систем живыми. Речь идёт о выработке новой онтологической рамки, способной удержать различие, не отрицая факта функционального сближения. Таким образом, вопрос о границах живого в эпоху искусственного интеллекта превращается из сугубо биологической проблемы в проблему философской онтологии. Он требует пересмотра понятий субстанции, процесса, организации и смысла – и именно в этом пересмотре проявляется один из ключевых вызовов, который искусственный интеллект предъявляет современной биофилософии.

II. Техноонтология субъекта: постчеловеческая трансформация идентичности

Развитие искусственного интеллекта трансформирует не только понимание жизни, но и само представление о субъектности. В классической философской традиции субъект мыслится как носитель сознания, самосознания, свободы воли, телесного переживания и моральной ответственности. В условиях технологической эволюции возникает иной феномен – функциональная субъектность, представляющая собой форму организации, воспроизводящую признаки автономного поведения без гарантированного наличия внутреннего феноменального опыта.

Исторически субъектность связывалась с опытом «быть-в-мире», с укоренённостью в телесности и переживании. В феноменологической перспективе субъект не просто действует, но переживает своё действие, осознаёт его и несёт за него ответственность. Он выступает не совокупностью функций, а экзистенциальным центром смыслообразования. Субъектность в этом смысле не редуцируема к поведенческой эффективности; она предполагает внутренний горизонт опыта.

Развитие автономных алгоритмических систем усложняет данную картину. Современные диагностические комплексы, интеллектуальные языковые модели и роботизированные агенты демонстрируют способность принимать решения, учитывать контекст, корректировать поведение и взаимодействовать с человеком в режиме диалога. Их действия нередко воспринимаются как интенциональные и целенаправленные. Возникает принципи-

альный вопрос: может ли система, лишённая телесного укоренения и феноменального переживания, быть признана субъектом?

Ответ на этот вопрос зависит от того, как определяется субъектность. Если она связывается исключительно с наличием внутреннего опыта, то искусственный интеллект остаётся сложной функциональной машиной. Если же субъектность трактуется как способность к автономной регуляции, адаптации и целеполаганию, то граница между биологическим и технологическим носителем перестаёт быть однозначной. В этом контексте подчёркивается, что алгоритмические системы способны воспроизводить формы рационального поведения, не обладая экзистенциальной глубиной субъекта [1].

Феноменологическая традиция настаивает на том, что подлинная субъектность невозможна без телесного переживания мира и опыта собственной конечности. Субъект – это воплощённое бытие, включённое в горизонт времени, ответственности и предельности. Без переживания страдания, риска и свободы не возникает подлинного «Я». С этой позиции искусственный интеллект остаётся внешней структурой, лишённой внутреннего измерения.

Однако функционалистские и системные подходы предлагают иную интерпретацию. Если субъектность понимать как уровень организации процессов, обеспечивающий автономное поведение и способность к самокоррекции, то сложные алгоритмические системы начинают воспроизводить определённые признаки субъектной организации. Их действия возникают не как прямое следствие линейной причинности, а как результат многослойной вероятностной обработки данных и адаптивной перестройки внутренних параметров.

Тем самым субъектность перестаёт восприниматься как субстанциальное свойство и начинает интерпретироваться как структурная характеристика организации. В этой связи целесообразно различать два уровня субъектности:

1) экзистенциальную, основанную на внутреннем опыте, телесности и ответственности;

2) функциональную, проявляющуюся в автономном поведении, способности к адаптации и целеполаганию.

Искусственный интеллект, по всей вероятности, относится ко второму уровню. Однако именно функциональная субъектность приобретает возрастающее значение в социотехнической реальности. В медицинской диагностике, финансовом прогнозировании или управлении инфраструктурой алгоритмические решения получают нормативный статус и оказывают влияние на жизнь и судьбы людей.

В этом контексте проблема субъектности неизбежно сопрягается с проблемой ответственности. Если искусственные системы участвуют в принятии решений, затрагивающих жизненные процессы, возникает вопрос о распределении ответственности за их последствия. Алгоритм не обладает моральной интенцией, но его решения имеют реальные эффекты. Формируется феномен распределённой субъектности, в рамках которой ответственность рассредоточена между разработчиками, пользователями, институциями и архитектурой системы.

Такое положение указывает на переход от индивидуалистической модели субъекта к сетевой, техносоциальной модели субъектности. Возникает необходимость новой парадигмы – техноонтологии субъекта. В её рамках субъектность рассматривается не как исключительно биологическое качество, а как форма организации процессов в гибридных системах, где человеческое и искусственное взаимосвязаны.

Техноонтология не нивелирует различие между человеком и машиной, но стремится описать их взаимодействие как единое поле распределённой агентности. Решения возникают на стыке алгоритмической обработки и человеческой интерпретации, образуя сложные уровни взаимной обусловленности. Человек остаётся носителем экзистенциального опыта, однако его субъектность всё чаще реализуется в диалоге с алгоритмическими посредниками.

Современная эпоха формирует условия, при которых идентичность конституируется в процессе взаимодействия с цифровыми системами. Память, предпочтения, способы интерпретации информации и даже формы самоописания оказываются опосредованными алгоритмической средой. Постчеловеческая трансформация идентичности не означает ис-

чезновения человека, но свидетельствует об изменении структуры его субъектности. Он перестаёт быть единственным центром рациональности и становится участником сети распределённых интеллектуальных процессов.

В этой ситуации биофилософия сталкивается с необходимостью удержать различие между экзистенциальной глубиной человеческого субъекта и функциональной эффективностью искусственного агента, не сводя одно к другому. Проблема техноонтологии субъекта становится центральной для понимания постбиологической эпохи. Она требует пересмотра категорий автономии, ответственности, идентичности и агентности.

Искусственный интеллект не разрушает субъектность, но радикально усложняет её структуру. Он заставляет переосмыслить её как форму организации в поле взаимосвязанных систем, где человеческое и технологическое образуют новую конфигурацию бытия.

III. Этическое измерение: от алгоритмической логики к технобиоэтике

Наиболее острым и концептуально сложным аспектом включения искусственного интеллекта в поле биофилософии является проблема ответственности. Если в предыдущих разделах речь шла о трансформации понятий жизни и субъектности, то здесь фокус смещается к нормативному измерению: к вопросу о том, как оценивать действия автономных систем и кто несёт ответственность за их последствия.

Современные алгоритмические системы всё чаще функционируют в зонах, непосредственно связанных с жизнью и благополучием человека. Искусственный интеллект применяется в медицинской диагностике, при выборе терапевтических стратегий, в системах автономного транспорта, в распределении социальных ресурсов и управлении инфраструктурой. В этих контекстах решения алгоритма оказывают реальное воздействие на продолжительность жизни, качество лечения, безопасность и социальную справедливость.

Тем самым искусственный интеллект перестаёт быть нейтральным инструментом. Он входит в пространство биоэтической регуляции.

Возникают вопросы, не имеющие однозначных ответов:

1. Может ли алгоритм быть носителем моральной ответственности?

2. Кто отвечает за ошибку автономной системы – разработчик, оператор, институция или пользователь?

3. Допустимо ли внедрение встроенных моральных алгоритмов, имитирующих этическое рассуждение?

Эти вопросы выводят нас за пределы классической биоэтики. Традиционная биоэтическая модель строится вокруг автономного человеческого субъекта, обладающего сознанием, волей и способностью к моральной рефлексии. Ответственность здесь персонализирована и связана с намерением.

Однако в условиях техносоциальных систем мы сталкиваемся с феноменом распределённой агентности. Алгоритм действует автономно, но не обладает намерением в экзистенциальном смысле. Его поведение является результатом статистической обработки данных и архитектурных решений, принятых ранее. Ответственность оказывается рассредоточенной между множеством акторов: программистами, разработчиками, поставщиками данных, институциями и пользователями.

В этом контексте особое значение приобретает концепция ответственности как предвосхищения последствий. Ханс Йонас подчёркивал, что в эпоху технологической цивилизации ответственность должна быть направлена не только на актуальные действия, но и на их возможные будущие эффекты [5]. Если следовать этой логике, то ответственность за действия искусственного интеллекта не может быть устранена ссылкой на автономность системы. Напротив, чем выше степень технологической мощности, тем выше требование к ответственности человека.

Проблема усложняется в ситуации самообучающихся алгоритмов. Когда система обучается на больших массивах данных и формирует внутренние модели, которые не полностью прозрачны для разработчика, возникает так называемый «разрыв ответственности». Решение принимается системой, логика которой не всегда поддаётся прямой реконструкции.

Именно здесь проблема непрозрачности становится не только технической, но и этической категорией. Если невозможно объяснить, на основании каких внутренних корре-

ляций была принята рекомендация, затрудняется моральная оценка действия. Оценка предполагает понимание оснований решения, а в условиях алгоритмической сложности это понимание часто оказывается опосредованным.

Принцип объяснимости приобретает статус морального требования. Без возможности реконструировать логику решения невозможно говорить о справедливости, подотчётности и праве на защиту. Особенно это актуально в медицинской и социальной сфере, где алгоритмические рекомендации могут влиять на судьбы людей.

Возможность внедрения «моральных алгоритмов» также остаётся дискуссионной. Формализация этических норм в виде правил или оптимизационных критериев сталкивается с тем, что моральное решение в человеческом опыте не сводится к вычислению максимальной пользы или следованию абстрактной норме. Оно связано с контекстом, переживанием и ответственностью перед другим.

Таким образом, проблема «этики алгоритмов» оказывается не столько проблемой машинной автономии, сколько проблемой коллективного нормативного выбора.

В этом контексте становится очевидной необходимость формирования технобиоэтики – дисциплины, интегрирующей философию, инженерное проектирование, право и социальную теорию. Технобиоэтика должна учитывать несколько ключевых принципов:

1. Принцип приоритета человеческого достоинства и жизни.

2. Принцип прозрачности и объяснимости алгоритмических решений.

3. Принцип распределённой, но не устранённой ответственности.

4. Принцип превентивной оценки рисков.

Особое значение приобретает превентивное измерение ответственности. В условиях высокой технологической мощности последствия могут быть масштабными и необратимыми. Йонас указывал на необходимость ответственности перед будущим как фундаментального принципа технологической эпохи [5].

Таким образом, этическое измерение искусственного интеллекта затрагивает саму структуру моральной философии. Мы сталкиваемся с переходом от персонализированной ответственности к сетевой, от локального действия к системному воздействию, от прозрачной причинности к вероятностной эмерджентности.

Биофилософия в этой ситуации должна соединить анализ живого как ценности с анализом технологических систем как факторов, воздействующих на эту ценность. Искусственный интеллект не может быть этически нейтральным: его архитектура всегда уже предполагает определённое распределение рисков и выгод.

Ключевой вопрос состоит не в том, может ли алгоритм быть моральным субъектом, а в том, как организовать социотехническую систему таким образом, чтобы сохранение жизни, достоинства и справедливости оставалось приоритетом.

В этом заключается главный вызов: искусственный интеллект требует не только новой онтологии жизни и новой концепции субъектности, но и новой этической парадигмы – парадигмы ответственности в условиях алгоритмической рациональности.

Заключение

Искусственный интеллект радикально трансформирует поле биофилософии, затрагивая не частные аспекты философского анализа, а его фундаментальные основания. Речь идёт не о корректировке отдельных категорий, а о пересмотре самой структуры онтологического мышления. Искусственный интеллект проблематизирует традиционные бинарные оппозиции – живое и неживое, естественное и искусственное, субъект и инструмент, – выявляя их историческую условность и ограниченность.

Однако размывание границ не означает их полного исчезновения. Напротив, современная ситуация требует более тонкого различения. Жизнь уже не может мыслиться исключительно как биохимическая субстанция; она всё более осознаётся как форма поддержания сложности, как процесс организации и воспроизводства структур в динамической среде. В этом контексте искусственные системы, воспроизводящие функциональные характеристики адаптивности и самоорганизации, становятся философски значимым феноменом, требующим включения в расширенный онтологический горизонт анализа.

Одновременно искусственный интеллект трансформирует понимание субъектности. Человеческий субъект больше не является единственным центром рациональности и принятия решений. Возникает пространство распределённой агентности, в котором человеческое и алгоритмическое взаимодействуют, образуя гибридные формы организации. Тем самым философия сталкивается с необходимостью различать экзистенциальную глубину человеческого опыта и функциональную эффективность технологических систем, не сводя одно к другому.

Особое значение приобретает этическое измерение этой трансформации. Чем выше степень технологической мощности, тем выше требование к ответственности. Искусственный интеллект не является автономным моральным субъектом, однако его включённость в жизненно значимые сферы делает человека ответственным не только за непосредственные действия, но и за проектирование, внедрение и долгосрочные последствия технологических решений. Таким образом, формируется новая парадигма ответственности – ответственности в условиях алгоритмической рациональности и системной сложности.

Будущее биофилософии, по-видимому, связано с переходом от жёсткого антропоцентризма к философии множественных форм организации жизни. Это не означает утраты уникальности человеческого опыта, но предполагает признание того, что человеческая субъектность развивается в диалоге с технологическими посредниками. Человек остаётся носителем экзистенциальной глубины и моральной ответственности, однако его бытие всё чаще реализуется в сетевом, техносоциальном контексте.

Искусственный интеллект не отменяет философию жизни – он расширяет её горизонты. Он требует новой онтологии, способной удержать различие и взаимосвязь биологического и технологического, и новой этики, ориентированной на предвидение последствий и сохранение человеческого достоинства в условиях растущей технологической мощности. Именно в этом направлении и должна развиваться современная биофилософия.

Библиографический список

1. Бекбоев А.А. Адам и Искусственный интеллект (в двух разделах). – Алматы: Дарын, 2024. – 350 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cslnaskr.krena.kg/collections/ru/view/9995/.

2. Бекбоев А.А., Имашова А.А., Касымов С.К. Искусственный интеллект как «чёрный ящик» разума (историко-философский и эпистемологический подход) // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики. – 2025. – № 4. – С. 158-165.

3. Бекбоев А.А., Исаков К.А. Имитация как диагноз эпохи: от симулякра к социальной энтропии // Вестник Ошского государственного университета. – 2025. – № 1 (5). – С. 31-40. – DOI: 10.52754/16948823_2025_1(5)_5.

4. Горохов В.Г. Место и роль философии техники в современной философии и её органическая связь с философией науки. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/ps/ps16/7.pdf.

5. Йонас Г. Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации / пер. с нем. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с. – ISBN 5-8112-0625-9.

6. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

7. Шталь Б.К., Шредер Д., Родригес Р. Этика искусственного интеллекта. 2-е изд. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2025.

8. Ястреб Н.А. Основания критического подхода к решению этических проблем искусственного интеллекта // Философия науки и техники. – 2025. – Т. 30. – № 2. – С. 90-103. – DOI: 10.21146/2413-9084-2025-30-2-90-103.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND BIOPHILOSOPHY: CHALLENGES OF A NEW ONTOLOGY OF LIFE

A.A. Bekboev[1], *Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Sector*
A.T. Zhailoobaeva[2], *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Director*
[1]Institute of Philosophy named after Academician A.A. Altymyshbaev of the National Academy of Sciences under the President of the Kyrgyz Republic
[2]Center for Testing and Development of Clinical Skills of the I.K. Akhunbaev Kyrgyz State Medical Academy
[1,2](Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *The article examines the ontological and ethical challenges that artificial intelligence poses to contemporary biophilosophy. It argues that the development of autonomous algorithmic systems transforms traditional conceptions of life, subjectivity, and responsibility. The analysis highlights the erosion of classical oppositions such as "living/non-living", "natural/artificial", and "human/machine" in the context of technological emergence. The paper substantiates the need to move from a substantial understanding of life to a process-oriented and organizational model, within which artificial systems demonstrate functional properties previously attributed exclusively to biological organisms. The concept of techno-ontology of the subject is explored, including the distinction between existential and functional subjectivity. Particular attention is given to the ethical dimension of algorithmic decision-making, the principle of responsibility, and the problem of opacity ("black box" systems). The article concludes that a new interdisciplinary field – technobioethics – is emerging, aimed at integrating philosophical, technological, and normative perspectives on human – AI interaction. The future of biophilosophy is defined as a philosophy of coexistence capable of incorporating biological, hybrid, and technological forms of life organization.*

Keywords: *artificial intelligence; biophilosophy; ontology of life; techno-ontology of the subject; functional subjectivity; posthuman identity; algorithmic rationality; responsibility; technobioethics; algorithmic opacity; emergence; hybrid forms of life.*

ТИПОЛОГИЯ МЫШЛЕНИЯ: МЕЖДУ ФРАГМЕНТОМ И СИСТЕМОЙ

А.Т. Жайлообаева, *канд. филос. наук*
А.А. Бекбоев, *д-р филос. наук, профессор*
К.К. Шаршеевич, *д-р филос. наук*
Институт философии им. академика А.А. Алтмышбаева Национальной академии наук Кыргызской Республики при Президенте Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-15-21

Аннотация. *В статье проводится глубокий анализ типологии мышления с акцентом на динамическое взаимодействие между фрагментарным и системным восприятием информации. Рассматриваются четыре основных когнитивных типа – детализированное, системное, фрагментарное и метатеоретическое мышление – с детальным описанием их характеристик, преимуществ и уязвимостей. Особое внимание уделено методологии гегелевской диалектики как эффективному инструменту развития зрелого мышления, сочетающего аналитическую строгость и синтетическую целостность. В статье также, подчёркивается, что формирование развитого мышления требует сознательных усилий, критического самонаблюдения и постоянного интеллектуального труда. В контексте современной информационной перегрузки автор утверждает, что способность к системному и детализированному мышлению становится не только интеллектуальным достоинством, но и экзистенциальной необходимостью для личностного и культурного развития.*

Ключевые слова: *типология мышления; когнитивные стили; системное мышление; фрагментарное мышление; гегелевская диалектика; интеллектуальное развитие; когнитивные стратегии; аналитическое мышление; синтетическое мышление; критическое мышление; познание.*

Мышление как основа познания и ориентации человека в мире представляет собой многоуровневый и разнородный процесс [1]. Однако степень его развитости и направленности может существенно различаться у разных людей. Эти различия проявляются, прежде всего, в способности к системному и детализированному осмыслению реальности. Предлагаемая типология основывается на перекрестии двух фундаментальных параметров мышления: системности (умения видеть и строить целостные структуры) и детализированности (способности воспринимать и анализировать отдельные элементы действительности) [2]. В результате их комбинации формируются четыре основных типа мышления, каждый из которых характеризуется своими когнитивными особенностями, сильными и слабыми сторонами.

Критерии типологии

Системность мышления предполагает способность субъекта видеть внутренние связи между явлениями, устанавливать причинно-следственные отношения, строить логически непротиворечивые модели. Это мышление, ориентированное на целостность, структуру, динамику процессов.

Детализированность мышления, напротив, фокусируется на конкретике: фактах, эмпирических проявлениях, нюансах. Это мышление аналитического склада, склонное к углублённому рассмотрению частных аспектов и локальных проявлений.

Комбинация этих параметров дает четыре типа мышления:

1. Детализированное, но несистемное мышление

Этот тип мышления отличается острой восприимчивостью к конкретным фактам, событиям и внешним признакам. Люди, обладающие таким ментальным складом, как правило, демонстрируют выдающуюся способность к запоминанию деталей, нюансов, эпизодов и мелких отличий. Они легко усваивают эмпирическую информацию, могут быть настоящими энциклопедистами в пределах конкретной темы: помнить точные даты, фамилии, географические координаты, состав

химических соединений или мельчайшие детали исторических событий. Их мышление хорошо приспособлено для накопления знаний, однако не всегда – для их осмысления и интеграции в более широкие смысловые структуры.

Основной особенностью детализированного, но несистемного мышления является неспособность к формированию цельной, иерархически организованной картины. Человек может изумлять глубиной информированности в частностях, но при этом теряться при необходимости осмыслить причины и следствия, выявить закономерности или сформировать концептуальную модель. Факты живут в его сознании как отдельные «островки», между которыми отсутствуют устойчивые мосты. Это мышление накапливает, но не синтезирует. Примером может быть историк или культуролог, который с лёгкостью воспроизводит даты династических браков, составы делегаций на дипломатических встречах, хроники локальных конфликтов или особенности региональных обрядов, но при этом затрудняется объяснить, как эти события связаны с макросоциальными трансформациями, изменениями в менталитете эпохи, сменой типов политического или религиозного сознания. Такая человек может описывать множество деревьев, но не видеть леса.

Детализированное мышление, не переходящее в аналитическое, часто подменяет понимание объёмом информации. Однако знание само по себе не является пониманием. Чтобы фрагменты приобрели смысл, необходимо уметь выстраивать связи между ними, классифицировать, иерархизировать и, что особенно важно, подвергать их критической рефлексии. В противном случае возникает иллюзия глубины, за которой скрывается не мышление, а механическое запоминание.

Психологически такие люди нередко ощущают тревогу при попытке выйти за пределы эмпирического и спекулировать на уровне обобщений. Концептуальное мышление вызывает у них либо недоверие, либо дискомфорт. Они склонны прибегать к внешним авторитетам – к мнению признанных экспертов, к «правильным» учебникам или «неопровержимым» фактам. Это делает их уязвимыми перед идеологическим манипулированием и псевдонаучными построениями, которые под видом системы выдают набор грубых, но убедительных обобщений. В результате детализированное мышление, не поддерживаемое системным, может превратиться в базу для догматизма или интеллектуального конформизма.

Потенциальный риск данного типа мышления – неспособность к стратегическому прогнозированию, к постановке широких исследовательских задач, к переосмыслению уже накопленного материала. Люди с подобным мышлением нередко остаются в рамках обслуживающего интеллекта – исполнителей, архивариусов, комментаторов, но не создателей новых парадигм. Они чувствуют себя уверенно в известных координатах, но теряются, когда требуется шагнуть в неизвестное, сформулировать гипотезу или предложить оригинальную точку зрения. Однако при соответствующем развитии и поддержке такие люди могут играть незаменимую роль в исследовательских коллективах и интеллектуальных проектах: как носители богатейшей фактологической базы, они становятся живыми источниками информации, которую другие, более концептуально ориентированные мыслители, способны трансформировать в понимание, идеи и гипотезы. Таким образом, при грамотной координации и включении в более широкую мыслительную структуру детализированное мышление может стать опорой для интеллектуального роста.

2. Системное, но фрагментарное мышление

Люди этого типа отличаются ярко выраженной склонностью к построению теоретических конструкций, концептуальных схем, универсальных моделей и интерпретационных рамок. Их мышление стремится к выходу за пределы единичного и случайного – к постижению глубинных закономерностей, внутренней логики явлений и процессов. Такой ум обладает способностью видеть за пестротой частных случаев – структурное ядро, за внешним – внутреннее, за временным – вечное. Это мышление философов, теоретиков, идеологов, социологов, метафизиков – тех, кто способен преобразовывать хаос фактов в стройные, целостные системы понятий и значений.

Когнитивной доминантой здесь выступает стремление к целостности, системности и

упорядоченности. Мыслящий подобным образом человек воспринимает мир не как набор разрозненных эпизодов, а как текст, в котором всё подчинено логике, ритму, смыслу. Его задача – не просто знать, но понять как и почему, выявить структуры, которые не лежат на поверхности. Он склонен к абстракции, к обобщению, к метафизическому взгляду, в котором феномены теряют свою эмпирическую «телесность» и становятся носителями функций, ролей, смыслов в рамках более широкой системы. Однако именно эта сильная сторона может легко превратиться в уязвимость. Абстрактно-системное мышление при недостатке эмпирической опоры рискует утратить контакт с действительностью. Теории, лишённые проверки фактом, становятся схемами, в которых реальность подгоняется под заранее заданную логику. Начинает работать не мышление как способ понимания мира, а мышление как конструкция, в которую мир насильственно встраивается. Это порождает интеллектуальные псевдореальности, где изящные логические конструкции не подтверждаются ничем, кроме собственной стройности. Подобный тип мышления может рождать идеи, впечатляющие своей масштабностью, внутренней логикой и философской завершённостью, но абсолютно неприменимые в конкретных социальных или политических условиях. Классический пример – идеолог или теоретик, конструирующий всеобъемлющую картину мира, в которой каждое явление занимает строго отведённое ему место, но при этом игнорирующий реальную динамику человеческих поступков, исторического контекста или экономических закономерностей. В его теории всё выглядит непротиворечиво, но при столкновении с эмпирией – рушится, как карточный домик.

Одной из характерных черт такого мышления является склонность к метанарративам – большим, объясняющим всё теориям, от религиозных до марксистских или технократических. Сила этих нарративов в их универсализме; слабость – в том, что они плохо приспособлены к описанию многообразия и изменчивости человеческой реальности. Там, где жизнь требует тонкой настройки, внимательного взгляда, гибкости, абстрактный мыслитель предлагает жёсткую рамку и «большую теорию». Это может быть эффективно в сфере пропаганды или философского дискурса, но губительно в прикладной практике.

Не менее опасным является соблазн интеллектуального самодовольства: абстрактные мыслители нередко ощущают презрение к «мелочам» – к деталям, исключениям, к эмпирии, считая её вторичной по отношению к идее. Но именно в этих деталях и проявляется сопротивление реальности. Без внимания к ним любая теория рискует превратиться в идеологию – то есть в систему мышления, озабоченную самосохранением, а не самокритичным поиском истины.

Тем не менее, при наличии обратной связи с эмпирическим материалом, критического сознания и способности к уточнению собственных схем, абстрактно-системное мышление может стать мощнейшим инструментом анализа и преобразования действительности. Оно создаёт каркас – скелет смысла, на который могут быть «нанизаны» факты. В связке с эмпирически-ориентированным подходом оно позволяет не просто описывать мир, но – понимать его и проектировать возможные альтернативы.

3. Несистемное и ригидно-фрагментарное мышление

Это наиболее уязвимый и ограниченный тип когнитивной ориентации, характеризующийся неспособностью как к восприятию сложных структур, так и к внимательной работе с деталями. Такие субъекты утрачивают и целое, и часть: они не видят ни широких взаимосвязей, ни тонких различий. Их мышление лишено внутренней организованности и когнитивной гибкости – оно подменяется набором штампов, готовых суждений, поверхностных ассоциаций, зачастую заимствованных из внешней информационной среды без малейшей критической обработки. Ключевая особенность этого типа – доминирование стереотипного и реактивного мышления. Вместо анализа – автоматическая реакция; вместо понимания – эмоциональное согласие или отторжение; вместо аргумента – шаблон. Мышление не столько функционирует, сколько *имитирует* мысль, производя ментальные конструкции, которые только внешне напоминают суждения, но при ближайшем рассмотрении оказываются пустыми, противоречивыми или логически невыдержанными. По-

добные умственные конструкции не формируются на основании реального опыта или рассуждения, а возникают как результат пассивного впитывания информационного шума: телевизионных ток-шоу, заголовков новостей, фрагментов чужого мнения. Они легко поддаются манипуляции, особенно в условиях массовой культуры, политической пропаганды или социальных кризисов, где предлагаются упрощённые, бинарные картины мира: «свои – чужие», «добро – зло», «простое решение – сложная проблема». Люди с ригидно-фрагментарным мышлением охотно принимают эти нарративы, поскольку они не требуют усилий понимания, не заставляют сомневаться, не предполагают внутренней работы мысли. Такая когнитивная леность делает их идеальной аудиторией для демагогов, популистов, конспирологов – всех, кто предлагает не истину, а удобный миф.

Отметим, что на психологическом уровне это мышление часто сопряжено с эмоциональной импульсивностью, категоричностью и неспособностью к саморефлексии. Устойчивость к критике сочетается с низкой терпимостью к неопределённости. Такие люди стремятся к немедленному, однозначному объяснению и потому склонны отвергать сложные, многозначные интерпретации реальности. Вследствие этого они становятся носителями интеллектуальной агрессии, нетерпимости, а иногда – коллективных иллюзий.

В наиболее острой форме такой тип мышления вырождается в когнитивную инфантилизацию, при которой человек полностью утрачивает способность к самостоятельному осмыслению событий и ситуаций. Он существует в мире готовых установок, часто противоречивых, но воспринимаемых как непреложная истина. Его аргументы строятся не на логике, а на «чувстве правоты», опыте окружения или слепом доверии к харизматическому источнику. Такой тип мышления особенно опасен тем, что, будучи массовым, он способствует формированию среды, в которой подлинная мысль становится невозможной.

Следует отметить, что подобная когнитивная ориентация – не врождённая, а формируется под воздействием среды, особенно в условиях информационной перегрузки, дефицита образования, социального давления и страха перед сложностью. Именно страх – ключевой компонент: страх ошибиться, не понять, остаться один на один с неопределённым. И в этом страхе человек находит спасение не в мышлении, а в отказе от него.

Тем не менее, несмотря на всю уязвимость, такие когнитивные типы не обречены на интеллектуальную стагнацию. При грамотной образовательной работе, при включении в рефлексивные практики, при создании среды, где критическое мышление поощряется, даже ригидно-фрагментарное мышление может начать путь к становлению – к росту сложности, глубины, а значит – к подлинному мышлению.

4. Системное и детализированное мышление

Это высшая и наиболее интегрированная форма когнитивного развития, в которой достигается подлинный синтез – точность аналитического ума сочетается с масштабом синтетического охвата. Люди с данным типом мышления обладают способностью одновременно работать с фактами и контекстами, с частными деталями и общими законами, с конкретным опытом и абстрактной моделью. Их мышление отличается не только глубиной и широтой, но и *направленностью к истине*, а не к подтверждению уже имеющихся установок или эмоциональных предпочтений.

На уровне структурных характеристик системно-детализированное мышление проявляется в способности удерживать в сознании несколько уровней реальности: от эмпирических данных до философских категорий, от конкретной ситуации до её концептуального обоснования. Такие субъекты не просто собирают информацию или строят теории – они умеют их *согласовывать*, интегрируя знания в целостную картину, в которой элементы не теряют своей сложности, но обретают место и функцию [3].

Важнейшее свойство – когнитивная гибкость, заключающаяся в способности перестраивать собственные интеллектуальные схемы в ответ на новые данные, контраргументы, противоречия. Эти мыслители свободны от догматизма, потому что они не отождествляют себя с любой одной системой взглядов: они видят *ограниченность* любой схемы и потому стремятся к постоянной работе над пределами мысли. Их мышление *ре-*

флексивно – то есть направлено не только на объект, но и на сам способ мышления: они мыслят о том, *как* они мыслят.

Этот тип предполагает постоянную внутреннюю дисциплину, диалог с различными формами знания – философией, наукой, искусством, историей – и умение преодолевать когнитивные иллюзии, включая иллюзию завершённого знания. Здесь мыслить – значит *бесконечно уточнять*, подвергать сомнению даже самые устоявшиеся представления, не боясь разрушить прежние конструкции ради построения более точных. В этом смысле системно-детализированное мышление глубоко этическое: оно требует честности перед собой, открытости к инакомыслию и отказа от интеллектуального комфорта.

Представители этого типа – философы, учёные, стратеги, визионеры, реформаторы – не просто создают идеи, они формируют интеллектуальные парадигмы, определяющие направления культурного, научного и исторического развития [4]. Их вклад не сводится к сумме достижений, поскольку они меняют сами способы мышления и восприятия мира. Именно благодаря их усилиям человечество совершает *скачки понимания*, выходит за пределы очевидного и привычного.

Однако следует подчеркнуть: этот тип мышления не возникает спонтанно. Он требует многолетней практики, воли к пониманию, умения мыслить в условиях сложности, неопределённости и сопротивления среды. Это не просто результат образования – это плод *интеллектуального аскетизма*, направленного на формирование ума, способного одновременно чувствовать детали и постигать целое.

В конечном счёте, системное и детализированное мышление – это не только когнитивный навык, но и форма существования: способ быть в мире не как потребитель знаний, а как его деятельный интерпретатор и преобразователь. В нём соединяются глубина мысли, интеллектуальная честность и подлинная внутренняя свобода – та редкая и драгоценная свобода, которая рождается в самой мысли и делает её подлинным актом человеческого достоинства.

5. Гегелевская диалектика как метод формирования развитого мышления

Диалектическая логика Георга Вильгельма Фридриха Гегеля представляет собой не просто теоретическую систему, а уникальный инструмент формирования мышления, способного одновременно к системной целостности и глубокой детализации [5]. В отличие от классической формальной логики, которая оперирует фиксированными категориями и законами идентичности, гегелевская диалектика – это живая логика движения и развития, процесс внутреннего становления понятий и явлений. В основе гегелевской логики лежит принцип противоречия – не как случайный сбой, а как двигатель развития [6]. Противоречие – это динамический конфликт, который не разрушает целое, а приводит к его отрицанию (в смысле преодоления) и последующему снятию – переходу на более высокий, качественно новый уровень. Это не просто смена состояний, а трансформация, где сохраняется и переосмысляется предыдущее, позволяя двигаться вперёд без потери внутренней связи.

Гегель мыслил онтологически: каждая категория – это не абстрактный фиксированный объект, а момент процесса развития целого, его стадия и одновременно предпосылка дальнейшего роста. Такое мышление требует от субъекта способности удерживать в сознании противоположности, видеть их не как тупик, а как движущую силу, а также осознавать диалектическую спираль становления, где каждое явление связано с предшествующими и последующими, и всё находится в бесконечном движении.

Изучение и практика гегелевской диалектики развивают в мышлении культуру внутренней сложностности и гибкости. Она учит видеть частное в его непрерывном соотнесении с общим и наоборот – видеть общее не как абстракцию, а как живое единство конкретных проявлений. Это мышление не боится противоречий, неопределённости и многоуровневости, а наоборот – питается ими, находит в них источник силы и движения.

Благодаря гегелевской диалектике развивается навык не просто накапливать знания или создавать статичные схемы, а создавать динамические, развивающиеся системы понимания, где анализ и синтез не противопоставлены, а работают в единстве. Такое мышление – основа для философов, учёных, стратегов и

лидеров, способных не только ориентироваться в сложном мире, но и влиять на его развитие, предлагая новые перспективы и решая противоречия.

Таким образом, гегелевская диалектика – это не только метод логики, но и ключ к формированию высокого уровня когнитивной зрелости, обеспечивающий способность мыслить глубоко, широко и творчески, преодолевая поверхностность и упрощения. Это путь к тому, чтобы мышление стало подлинным актом свободы и ответственности, способным встречать вызовы времени с ясностью и силой.

Заключение

Понимание различных типов мышления – это не просто интеллектуальная игра, а фундаментальный шаг на пути к подлинному самопознанию и системному интеллектуальному развитию. Осознание собственных когнитивных склонностей, сильных и слабых сторон мышления открывает возможность не только более глубокого и критического осмысления окружающей реальности, но и построения осознанной стратегии личностного и профессионального роста. В эпоху, когда информационный поток становится лавиной, а сложность мира нарастает с беспрецедентной скоростью, способность к системному и детализированному мышлению превращается в неотъемлемое интеллектуальное преимущество и одновременно – в экзистенциальную необходимость.

Зрелое мышление – это не врождённый дар или случайное благословение судьбы, а результат сознательного, дисциплинированного и зачастую напряжённого труда над собой. Оно требует постоянной работы, критического самоанализа и открытости к новым знаниям и опыту. Тот, кто готов взяться за эту задачу, получает не только инструменты для преобразования собственного сознания, но и возможность стать активным творцом культурного пространства, в котором он живёт.

Таким образом, развитие мышления – это ключ к расширению горизонтов понимания мира и собственного места в нём, а также к формированию личности, способной достойно и ответственно отвечать на вызовы современности. Это путь к свободе мысли и действия, который делает человека не просто наблюдателем, но созидателем реальности.

Библиографический список

1. Ниязимбетов М.К., Алланазарова Б.Ж. Системное мышление в познании // Наука и общество. – 2020. – № 4. – С. 34-36.

2. Панов А.В., Федорова М.А. Формирование системного мышления // Омский научный вестник. – 2014. – № 4 (131). – С. 162-165.

3. Тогусаков О.А., Бекбоев А.А., Карабукаев К.Ш. Слово, язык и сознание // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 3-1 (102). – С. 312-317.

4. Алымкулов З.А., Бекбоев А.А., Карабукаев К.Ш. Футурология. Мораль. Вселенная. – Бишкек, 2023. – 257 с.

5. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. – 495 с.

6. Гегель Г.В.Ф. Наука логики – М.: Мысль, 1998.

TYPOLOGY OF THINKING: BETWEEN FRAGMENT AND SYSTEM

A.T. Zhailoobaeva, *Candidate Of Philosophical Sciences*
A.A. Bekboev, *Doctor of Philosophical Science, Professor*
K.K. Karabukaev, *Doctor of Philosophical Science*
Institute of Philosophy named after academician A.A. Altmyshbayev of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic under the President of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *This article provides an in-depth analysis of the typology of thinking, focusing on the dynamic interaction between fragmented and systematic perception of information. Four main cognitive types are examined–detailed, systemic, fragmented, and metatheoretical thinking–with a thorough description of their characteristics, advantages, and vulnerabilities. Particular attention is paid to the methodology of Hegelian dialectics as an effective tool for developing mature thinking that combines analytical rigor and synthetic wholeness. The article also emphasizes that the development of advanced thinking requires conscious effort, critical self-reflection, and constant intellectual work. In the context of modern information overload, the author argues that the ability to think systematically and in detail is becoming not only an intellectual asset but also an existential necessity for personal and cultural development.*

Keywords: *typology of thinking; cognitive styles; systematic thinking; fragmented thinking; Hegelian dialectics; intellectual development; cognitive strategies; analytical thinking; synthetic thinking; critical thinking; cognition.*

МЫШЛЕНИЕ И АЛГОРИТМ В КОНТЕКСТЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

А.А. Имашова[1], *старший научный сотрудник*
А.Т. Жайлообаева[2], *канд. филос. наук, доцент, директор*
Ч.К. Сооронбаева[3], *старший преподаватель*
[1]Институт философии имени академика А.А. Алтмышбаева НАН КР
[2]Центр тестирования и развития клинических навыков Кыргызской государственной медицинской академии имени И.К. Ахунбаева
[3]Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова
[1,2](Кыргызстан, г. Бишкек)
[3](Кыргызстан, г Каракол)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-22-27

Аннотация. *Статья посвящена философскому анализу соотношения мышления и алгоритма в контексте развития искусственного интеллекта. Исследование направлено на выявление онтологических и эпистемологических различий между алгоритмической обработкой информации и мышлением как актом субъективного смыслообразования. Показано, что алгоритм представляет собой формальную процедуру преобразования данных, основанную на детерминированных или вероятностных правилах, тогда как мышление обладает интенциональностью, рефлексивностью и экзистенциальной ответственностью. Особое внимание уделяется феномену иллюзии совпадения алгоритма и мышления, возникающему в условиях цифровой медиасреды. Рассматриваются последствия алгоритмизации сознания и пределы редукции субъективности к вычислительным моделям. Обосновывается положение о том, что усложнение алгоритмических структур не устраняет онтологической дистанции между процедурой вычисления и актом понимания.*

Ключевые слова: *мышление; алгоритм; искусственный интеллект; субъект; интенциональность; рефлексия; алгоритмизация сознания; философия техники; цифровая рациональность; субъективность.*

Современный этап технологического развития характеризуется не просто ускоренным внедрением систем искусственного интеллекта в различные сферы человеческой деятельности, но радикальным изменением структуры когнитивного пространства. Искусственный интеллект перестаёт быть вспомогательным инструментом вычисления и постепенно становится медиатором мышления, фильтром интерпретации и участником принятия решений. В этом контексте за внешней эффективностью алгоритмов скрывается фундаментальный философский вопрос: совпадает ли алгоритмическая обработка информации с мышлением как онтологическим актом субъекта?

Данный вопрос выходит за пределы инженерной проблематики и касается самой природы разума. Если алгоритм способен генерировать тексты, анализировать данные, прогнозировать поведение и принимать решения на основе вероятностных моделей, означает ли это, что он мыслит? Или же речь идёт о сложной форме имитации, в которой воспроизводится структура рассуждения без внутреннего переживания смысла?

Проблема соотношения мышления и алгоритма требует не только технического, но прежде всего философского анализа. Здесь затрагиваются ключевые категории: субъект, интенциональность, рефлексия, свобода, ответственность. Алгоритм функционирует в рамках формализованных процедур, тогда как мышление в классической философской традиции понимается как акт смыслообразования, включающий способность к сомнению, отрицанию, самоосознанию и пересмотру оснований.

Особую остроту данная проблема приобретает в условиях цифровой медиасреды, где происходит постепенная алгоритмизация повседневного опыта. Если мышление начинает восприниматься как алгоритмически воспроизводимый процесс, то происходит не просто

технологическое обновление, а переопределение самого понятия субъекта. Человек в таком случае начинает мыслить себя через модель вычисления, а разум – через логику оптимизации. Возникает риск редукции мышления к функциональной процедуре обработки данных.

В этой связи актуализируется несколько исследовательских вопросов:

1. Является ли алгоритм онтологическим аналогом мышления или лишь его формальной моделью?
2. Возможно ли полное описание мышления в терминах вычисления?
3. Где проходят философские пределы алгоритмизации сознания?
4. Какие трансформации претерпевает понимание субъекта в эпоху ИИ?

Методологически исследование опирается на онтологический и эпистемологический анализ, сопоставление философской концепции мышления с формально-вычислительной моделью алгоритма, а также на критическое рассмотрение современных дискуссий об искусственном интеллекте.

Новизна работы заключается в том, что алгоритм рассматривается не только как техническая структура, но как феномен, оказывающий влияние на трансформацию самого понимания мышления. В центре внимания – не вопрос «может ли ИИ мыслить», а более глубокий вопрос: «что происходит с человеческим мышлением в условиях алгоритмической среды?»

Цель настоящей статьи – выявить онтологические и гносеологические различия между мышлением и алгоритмом в контексте развития искусственного интеллекта, а также определить философские пределы алгоритмизации сознания.

Тем самым исследование направлено не на противопоставление человека и технологии, а на прояснение различия между вычислением и пониманием, между процедурой и смыслом, между симуляцией интеллектуальной активности и экзистенциальным актом мышления.

Мышление как онтологический акт

Если алгоритм представляет собой формальную процедуру преобразования данных, то мышление в философском смысле не сводится к операции. Оно есть событие присутствия субъекта в мире, способ его бытия. Мышление не просто производит выводы – оно устанавливает отношение к сущему, раскрывает смысл, соотносит себя с истиной.

В классической философской традиции мышление мыслится как акт, в котором субъект не только познаёт объект, но и обнаруживает себя как носителя ответственности. В этом отношении мышление всегда превосходит чисто инструментальную рациональность. Оно способно к отрицанию, сомнению, пересмотру оснований и самоограничению. Там, где алгоритм завершает вычисление, мышление может начать вопрос.

Существенной характеристикой мышления является интенциональность – направленность на мир как на значимое целое. Мышление не ограничивается структурой данных; оно выходит за пределы заданного, потому что способно ставить под вопрос саму структуру. Эта способность к выходу за пределы формального порядка отличает его от алгоритмической процедуры.

Кроме того, мышление обладает рефлексивностью. Оно может обращаться к собственным основаниям, проблематизировать их, обнаруживать скрытые предпосылки. В этом проявляется его онтологическая глубина: мышление не просто функционирует, оно осознаёт своё функционирование. В отличие от алгоритма, который реализует правило, мышление способно поставить под вопрос само правило.

Философия техники указывала на опасность редукции мышления к инструментальному рассудку. Когда разум начинает пониматься исключительно как средство расчёта и оптимизации, происходит сужение горизонта бытия до технической доступности. В таком горизонте исчезает различие между сущим как ресурсом и сущим как смыслом. Мышление же сохраняет способность удерживать это различие.

Современные исследования трансформации сознания в цифровой среде показывают, что алгоритмизация повседневных когнитивных практик постепенно изменяет сам способ самопонимания субъекта. Человек начинает воспринимать собственное мышление как вычислительную функцию, а не как акт внутреннего самоопределения. В этом проявляется сдвиг от онтологической к процедурной модели разума.

Искусственный интеллект – это не просто техническая революция или инструмент новой эпохи. Он – воплощённая метафора сдвига в самом основании мысли, симптом тектонического смещения между знанием и бытием, между субъектом и функцией, между присутствием и моделированием. В ИИ современность смотрит на себя как в зеркало: и видит там не образ разума, но его алгоритмическое эхо. Разум, когда-то ассоциировавшийся с внутренней глубиной, экзистенцией, трагедией и выбором, оказывается вынесен за пределы человека, разбросан по нейронным сетям и языковым моделям. Но с этим выносом исчезает не просто субъект, а основание ответственности, вектор свободы, интенция бытия. Мы подошли к порогу, где мышление теряет почву, но обретает новую форму – гибридную, распределённую, виртуализированную. Здесь больше нет единой точки отсчёта, но есть множественность кодов, потоков, архитектур смысла. ИИ становится пространством, в котором возможное вторгается в реальное, а реальное перестаёт быть необходимым. Но именно в этом – вызов для философии. Не отступить, не раствориться в технократической очевидности, а снова задать предельные вопросы: – Можно ли симулировать со знание без уничтожения подлинности? – Что сохраняет человеческое, когда разум становится машинным? – Какая форма мышления возможна после субъекта? Искусственный интеллект как метафизика – это не об ИИ, а о нас самих: о границах, которые мы готовы пересечь, о реальности, которую мы готовы переписать, и о философии, которую мы призваны вновь оживить в сердце алгоритмической эпохи [1; с. 11].

Однако мышление остаётся актом выбора. Оно связано с ответственностью, поскольку предполагает принятие решения в условиях неопределённости. Алгоритм минимизирует неопределённость через расчёт вероятностей; мышление же может принять решение, даже когда расчёт невозможен. Здесь обнаруживается экзистенциальное измерение: мыслить – значит брать на себя риск истины.

Мышление также связано с временной структурой субъекта. Оно удерживает прошлое в форме памяти, проектирует будущее в форме намерения и переживает настоящее как поле выбора. Алгоритм же существует только в режиме текущей операции. Он не имеет собственной временной перспективы; его «память» есть сохранённые данные, но не пережитый опыт. Машина, которая «думает», но не знает, что думает. ИИ оказывается как бы за пределами классической эпистемологии – он производит решения, не обладая знанием о самих основаниях принятого решения. Это создает новые вызовы не только в области этики и технологий, но и в сфере онтологии мышления. Что значит мыслить – и может ли быть мышление без субъективности? Может ли быть познание без самопонимания? [2; с. 161].

Мышление как онтологический акт характеризуется интенциональностью, рефлексивностью, способностью к отрицанию и пересмотру оснований, временной протяжённостью и ответственностью за принятое решение. Оно не сводится к вычислению, поскольку его сущность состоит не в преобразовании символов, а в раскрытии смысла.

Именно поэтому проблема искусственного интеллекта не может быть сведена к вопросу вычислительной мощности. Даже при бесконечном усложнении алгоритмических структур остаётся открытым вопрос: возможен ли у системы акт самоотнесения, без которого мышление превращается в имитацию?

Иллюзия совпадения: алгоритм как модель мышления

Развитие систем искусственного интеллекта усилило тенденцию к отождествлению алгоритма и мышления. Способность машин генерировать тексты, анализировать сложные данные, моделировать поведение и поддерживать диалог создаёт впечатление наличия субъективности. Возникает иллюзия совпадения: если структура вывода воспроизводится, значит воспроизводится и мышление.

Однако совпадение формы не означает совпадения сущности. Алгоритм способен имитировать внешнюю конфигурацию рассуждения, но имитация не равна внутреннему акту понимания. Он оперирует вероятностями, а не смыслом; реагирует на входные данные, но не переживает их значимости.

Именно здесь возникает феномен симуляции интеллектуальности. Машина воспроизводит когнитивный результат без экзистенциального измерения, которое сопровождает человеческое мышление. Внешне создаётся эф-

фект рассуждения, но внутренне отсутствует самоотнесённость. Алгоритм не знает, что он «мыслит»; он не осознаёт, что производит вывод.

Критика сильного ИИ подчёркивала, что формальная обработка символов не тождественна пониманию контекста и ситуации. Даже сложные вычислительные системы остаются в пределах формализованной процедуры и не обладают тем, что можно назвать «жизненным миром» [3]. Машина может моделировать стратегию, но не проживает ситуацию.

Современная цифровая среда усиливает данную иллюзию. Чем более убедительно алгоритм воспроизводит интеллектуальные операции, тем сильнее возникает соблазн признать его носителем мышления. В этом процессе происходит постепенное смещение критериев: мышление начинает оцениваться по результату, а не по внутреннему акту.

Такое смещение имеет философские последствия. Если мыслить – значит производить корректный вывод, то субъект перестаёт быть необходимым. Мышление превращается в функциональный эффект, а не в событие бытия. Именно эта редукция фиксируется в анализе трансформации сознания под влиянием цифровых технологий [4].

Проблема усложняется тем, что человек, взаимодействуя с алгоритмом, постепенно адаптирует собственное мышление к его логике. Он начинает мыслить в терминах оптимизации, эффективности, вероятности. Тем самым алгоритм перестаёт быть просто инструментом и становится моделью рациональности.

В результате возникает парадокс: чем совершеннее алгоритм воспроизводит структуру рассуждения, тем более размытым становится различие между вычислением и пониманием. Однако это размывание носит эпистемологический характер и не устраняет онтологической дистанции. Отсутствие самоотнесения, интенциональности и ответственности сохраняет границу, которую невозможно устранить усложнением программной архитектуры.

Иллюзия совпадения алгоритма и мышления – это не техническая ошибка, а философическая проблема эпохи. Она проявляется там, где результат подменяет акт, форма – содержание, симуляция – присутствие.

Алгоритмизация сознания и пределы субъективности

Если в предыдущих разделах было показано различие между алгоритмом как формальной процедурой и мышлением как онтологическим актом, то на данном этапе возникает более сложный вопрос: что происходит с самим субъектом в условиях повсеместной алгоритмизации когнитивной среды?

Алгоритмизация сознания означает не просто использование цифровых инструментов, а постепенное структурирование повседневного мышления по модели вычисления. Рекомендательные системы, автоматизированные решения, цифровые фильтры интерпретации информации – всё это формирует среду, в которой мышление всё чаще осуществляется через заранее заданные алгоритмические траектории [5].

В такой среде субъект начинает соотносить себя с логикой оптимизации. Решение оценивается по критерию эффективности, мысль – по скорости обработки, истина – по вероятностной достоверности. Рациональность постепенно редуцируется к инструментальному измерению. Этот процесс был осмыслен как трансформация сознания в условиях цифровой медиасреды, где внешние алгоритмические структуры начинают выполнять функцию когнитивного посредника [6].

Алгоритмизация не уничтожает субъекта, но изменяет способ его самопонимания. Человек всё чаще доверяет алгоритмическому выводу больше, чем собственной рефлексии. Возникает делегирование интеллектуальной ответственности: решение принимается системой, а субъект становится пользователем результата. Тем самым ослабляется экзистенциальная составляющая мышления – способность не только вычислять, но и отвечать.

Особую опасность представляет превращение технической рациональности в универсальную модель мышления. Когда техника начинает диктовать структуру рассуждения, возникает феномен, который можно обозначить как расширение инструментального разума [7]. В таком горизонте мир воспринимается преимущественно как совокупность ресурсов и данных, доступных для обработки. Смысл уступает место функциональности.

Пределы субъективности в этом контексте проявляются в нескольких измерениях. Во-

первых, снижается глубина рефлексии: алгоритм предлагает готовую интерпретацию быстрее, чем субъект успевает её осмыслить. Во-вторых, сокращается пространство сомнения: вероятностный расчёт создаёт иллюзию достаточности знания. В-третьих, трансформируется ответственность: если решение оптимально по данным системы, то вопрос личной ответственности размывается.

Тем не менее субъективность не может быть полностью растворена в алгоритмической среде. Она сохраняется в способности к отрицанию, в возможности выйти за пределы предписанной логики, в праве на ошибку, не сводимую к статистической погрешности. Именно здесь пролегает граница алгоритмизации: вычисление может сопровождать мышление, но не способно заменить акт самоотнесения.

Алгоритмизация сознания обнаруживает философский парадокс. Чем более совершенными становятся цифровые системы, тем острее встаёт вопрос о сохранении субъекта как носителя смысла. Если мышление окончательно интерпретируется как функция обработки данных, то исчезает различие между человеком и системой. Если же мышление сохраняет онтологическую глубину, то алгоритм остаётся инструментом, каким бы сложным он ни был [8].

Предел субъективности проходит там, где заканчивается вычисление и начинается ответственность. Именно в этом переходе – от процедуры к выбору – сохраняется уникальность человеческого мышления.

Заключение

Проведённый анализ позволил прояснить принципиальное различие между алгоритмом и мышлением, которое в условиях цифровой эпохи нередко оказывается размытым. Алгоритм представляет собой формальную структуру обработки данных, детерминированную или вероятностную, но всегда замкнутую в пределах заданных правил. Мышление же выступает как онтологический акт субъекта – событие смысла, сопряжённое с рефлексией, интенциональностью и ответственностью.

Совпадение внешней структуры рассуждения не устраняет внутреннего различия. Алгоритм способен воспроизводить форму вывода, но не переживает истины; он моделирует стратегию, но не вступает в экзистенциальное отношение к выбору. В этом различии пролегает граница между вычислением и пониманием.

Особую значимость приобретает не вопрос о том, может ли искусственный интеллект мыслить, а вопрос о том, что происходит с человеческим мышлением в алгоритмизируемой среде. Когда рациональность начинает отождествляться с процедурой оптимизации, возникает риск редукции субъекта к носителю вычислительных функций. Мышление в таком горизонте утрачивает глубину самоотнесения и превращается в инструментальную операцию [9].

Однако субъект не сводится к алгоритму именно потому, что мыслит не только в рамках заданного, но и вопреки ему. Он способен сомневаться, пересматривать основания, принимать решения в условиях неопределённости и нести за них ответственность. Эта способность не выводима из формальной процедуры и не может быть исчерпана усложнением программной архитектуры.

Алгоритмизация сознания выявляет пределы технической рациональности. Вычисление может сопровождать мышление, расширять его возможности, структурировать данные, но оно не подменяет акт самоопределения. Там, где начинается ответственность, где возникает риск истины, где субъект берёт на себя последствия решения, алгоритм остаётся лишь инструментом.

Тем самым философская задача состоит не в противопоставлении человека и технологии, а в сохранении различия между процедурой и смыслом. Только удерживая эту границу, возможно ответственное развитие искусственного интеллекта без утраты субъективности как онтологического основания мышления.

Библиографический список

1. Бекбоев А.А., Имашова А.А., Сооронбаева Ч.К. Искусственный интеллект как метафизика: философский подход // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 7-1 (106). – P. 6-12. – DOI: 10.24412/2500-1000-2025-7-1-6-12.

2. Бекбоев А.А., Имашова А.А., Касымов С.К. Искусственный интеллект как «чёрный ящик» разума (историко-философский и эпистемологический подход) // Известия НАН КР. – 2025. – № 4. – С. 158-165.

3. Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины: критика искусственного разума / Х. Дрейфус; пер. с англ. – 2-е изд. – М.: ЛЕНАНД, 2010. – 336 с. – (Серия «Науки об искусственном»).

4. Сёрл Дж.Р. Сознание, мозг и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. – М., 1998.

5. Тьюринг А. Вычислительные машины и разум / А.М. Тьюринг; пер. с англ. К. Королёва. – М.: АСТ, 2018. – 128 с. – (Серия «Эксклюзивная классика»). – ISBN 978-5-17-105970-5.

6. Хлебников Г.В. Философия информации Лучано Флориди / Г.В. Хлебников // Теория и практика общественно-научной информации. – 2013. – № 21. – С. 15-58. – EDN SJKJCV.

7. Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология» / Ю. Хабермас // Гуманитарный портал: гуманитарная библиотека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/library/articles/6261/6263.

8. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер; пер. с нем. В.В. Бибихина. – 4-е изд., испр. – М.: Академический проект, 2013. – 460 с.

9. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – С. 221-238.

THINKING AND ALGORITHM IN THE CONTEXT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

A.A. Imashova[1], *Senior Research Fellow*
A.T. Zhailoobaeva[2], *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Director*
Ch.K. Sooronbaeva[3], *Senior Lecturer*
[1]Institute of Philosophy named after Academician A.A. Altymyshbayev, National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
[2]Center for Testing and Development of Clinical Skills I.K. Akhunbaev Kyrgyz State Medical Academy
[3]Karakol State University after K. Tynystanov
[1,2](Kyrgyzstan, Bishkek)
[3](Karakol, Kyrgyzstan)

Abstract. *The article presents a philosophical analysis of the relationship between thinking and algorithm in the context of artificial intelligence development. The study aims to identify the ontological and epistemological differences between algorithmic data processing and thinking understood as an act of subjective meaning-formation. It is argued that an algorithm constitutes a formal procedure based on deterministic or probabilistic rules, whereas thinking involves intentionality, reflexivity, and existential responsibility. Particular attention is given to the illusion of equivalence between algorithm and thinking emerging within the digital media environment. The paper examines the consequences of the algorithmization of consciousness and the limits of reducing subjectivity to computational models. It is demonstrated that increasing algorithmic complexity does not eliminate the ontological gap between calculation and understanding.*

Keywords: *thinking; algorithm; artificial intelligence; subject; intentionality; reflexivity; algorithmization of consciousness; philosophy of technology; digital rationality; subjectivity.*

ЯЗЫК КАК ИНСТРУМЕНТ КУЛЬТУРНОГО ВЛИЯНИЯ: ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА

Р.А. Кашбулгаянов[1], *канд. техн. наук*
Е.А. Ковшик[2], *аспирант, проректор*
[1]Дальневосточный государственный аграрный университет
[2]Благовещенский государственный педагогический университет
[1,2](Россия, г. Благовещенск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-28-33

Аннотация. *Статья посвящена философскому исследованию языка как инструмента, посредством которого культура оказывает влияние в условиях глобализации. Язык рассматривается не просто как инструмент общения, а как хранитель культурного кода, способ символического отражения мира и канал передачи ценностей и социальных норм. Исходя из философских подходов к языку и культуре, определяются когнитивные, символические и социальные измерения влияния языка, а также исследуется его роль в конструировании культурной идентичности, культурной интеграции и неравенстве символического капитала. Язык выступает в роли инструмента «мягкой силы», посредством которой осуществляется влияние на мышление и ценностные ориентации людей. Это влияние проявляется через социализацию, образование и межкультурные контакты. В связи с этим, подчеркивается важность дальнейшего философского анализа языка как сложного социокультурного явления, где переплетаются онтологические, аксиологические и символические аспекты человеческого существования.*

Ключевые слова: *язык; культура; культурное влияние; идентичность; философия языка; глобализация.*

В эпоху глобализации язык приобретает все большую значимость не только как инструмент общения, но и как мощный фактор культурного влияния. С его помощью происходит передача ценностей, норм, мировоззрения и моделей социального взаимодействия. Философский анализ языка в данном случае особенно важен, поскольку языковое пространство превращается в поле символического столкновения культур. Именно здесь складываются и пересматриваются границы идентичности, культурной автономии и социокультурного суверенитета. Язык, являясь, так называемым, хранителем культурного кода, действует как посредник между индивидуальным и общественным сознанием, связывая исторический опыт с современными выражениями культуры, что и ставит его в центр философского осмысления.

В данной статье предпринимается попытка философского анализа языка как инструмента, посредством которого осуществляется культурное воздействие. Рассматриваются его социокультурные и мировоззренческие функции, а также изучены механизмы, с помощью которых язык способствует формированию и изменению культурной идентичности. Статья направлена на решение следующих задач, определяемых ее целью:

1) исследуется философское понимание языка как инструмента передачи культурного кода;

2) анализируется его роль в культурной интеграции и нормативном регулировании;

3) рассматривается язык как мощный фактор социокультурного взаимодействия в эпоху глобализации;

4) выявляются философские трактовки языка как символа власти и источника культурного влияния.

Исследование основывается на теоретико-методологических концепциях философии языка и философии культуры, которые отсылают к идеям В. фон Гумбольдта о языке как отражении мировоззрения, а также к классическим и религиозным философским взглядам на символическую сущность языка. Важное значение для исследования представляют современные философские и социокультурные интерпретации языка, рассматривающего его как средство воздействия и интеграции, изло-

женные в работах российских и зарубежных ученых.

Язык как носитель культурного кода и форма философской репрезентации культуры. Философия культуры давно признает язык универсальным инструментом выражения культурного опыта. Е.П. Логунова и М.А. Кобцева обращают внимание на то, что язык служит основой культурного кода, храня в себе накопленные исторически смыслы, ценностные установки и символические системы, посредством которых культура самовоспроизводится в течение времени [4, с. 113]. В данном контексте язык не просто средство передачи сведений, а действенный механизм, через который осуществляется культурная селекция и формирование интерпретации действительности.

Идеи о языке как о способе познания и освоения мира находят свое выражение в трудах Н.В. Михалкина и А.Н. Аверюшкина, которые рассматривают язык не просто как инструмент, но и как саму основу человеческого бытия, акцентируя внимание на его онтологической значимости [5, с. 36]. С этой позиции язык выступает как инструмент структурирования субъективного опыта, устанавливая рамки понимания и тем самым влияя на формы культурного воздействия. Языковые структуры определяют специфический тип отношения человека к миру и к окружающим людям.

Е.А. Савина, исследуя связь языка и культуры, подчеркивает, что язык не просто отображает культуру, но и играет активную роль в ее воспроизводстве, являясь инструментом социализации и инкультурации [6, с. 466]. С философской точки зрения, это означает, что язык действует как механизм нормирования, определяющий допустимые границы понимания культурных значений. Л. Ли разделяет это мнение, утверждая, что язык создает культурную идентичность посредством системы символов и семантических противопоставлений, присущих определенному социокультурному контексту [2, с. 73].

Особое значение для философского анализа имеет обращение к традиции русской религиозной философии. Е.Г. Логинова и Е.Н. Гвоздева, интерпретируя идеи В.С. Соловьева, С.Л. Франка и П.А. Флоренского, рассматривают язык как форму всеединства, соединяющую индивидуальное и универсальное, эмпирическое и трансцендентное [3, с. 132]. В этом контексте язык предстает не только средством культурного влияния, но и пространством духовного взаимодействия, где осуществляется синтез культурных и метафизических смыслов.

Язык как инструмент культурного влияния в условиях глобализации. В эпоху глобализации язык приобретает новое значение, становясь инструментом культурной интеграции и обладающим сильным символическим потенциалом. Т.Г. Сологуб подчеркивает роль языка как фактора культурной интеграции, способствующего взаимодействию разных социокультурных групп и созданию надэтнических коммуникативных площадок [7, с. 41]. Однако философское рассмотрение этого процесса обнаруживает его двусмысленность: интегративная функция языка может сочетаться с асимметрией культурного воздействия и неравномерным распределением символического капитала.

В философии культуры язык все чаще интерпретируется как форма символического капитала, неравномерное распределение которого способно порождать устойчивые иерархии между культурами. Массовое усвоение языка, обладающего высоким статусом в глобальном коммуникативном поле, может сопровождаться не только расширением возможностей межкультурного взаимодействия, но и формированием символического неравенства, при котором культура-носитель данного языка приобретает привилегированное положение в системе интерпретации смыслов и ценностей. В этом случае язык начинает функционировать как инструмент культурного влияния, обеспечивающий трансляцию нормативных установок и мировоззренческих схем, воспринимаемых как универсальные.

С философской точки зрения подобная асимметрия не предполагает наличия сознательного намерения к доминированию со стороны конкретной культуры, однако она может порождать эффект культурного давления, переживаемый принимающей стороной как угроза символической автономии. В данном контексте справедливо говорить о языке как медиаторе «мягкой силы», воздействие которой осуществляется не через прямое принуждение, а через постепенное изменение когни-

тивных и ценностных структур социального сознания. Именно на этом уровне возможно возникновение напряжения между сохранением культурной идентичности и включенностью в глобальное языковое пространство. Как отмечает А. Дегтярев, в подобных условиях активизируются формы языкового национализма, направленные на защиту символических границ культуры и переосмысление роли языка как основания коллективной идентичности [1, с. 225].

Массовое распространение иностранного языка может сопровождаться не прямым конфликтом, а латентным противоречием между универсалистскими притязаниями глобального языкового дискурса и стремлением культурных сообществ к сохранению собственной семантической и ценностной автономии. Язык в данном случае выступает не причиной социальных или политических столкновений, а пространством символического взаимодействия, в котором отражаются более глубокие процессы культурной асимметрии и перераспределения символической власти.

Д. Тилавова обращает внимание на историческую значимость языка, утверждая, что он фиксирует коллективную память и культурный «багаж» народа, что в свою очередь обеспечивает преемственность традиций и культурных ценностей [8, с. 171]. В эпоху глобальных культурных перемен именно способность языка хранить культурную специфику делает его важным инструментом сохранения национальной идентичности при одновременном участии в межкультурном диалоге.

Зарубежные исследования также обращают внимание на языковую функцию как средство культурного влияния. И. Багеа рассматривает освоение языка в глобальной перспективе как путь усвоения не только языковых конструкций, но и культурных стандартов и ценностей, что способствует распространению доминирующих культурных паттернов [9, с. 635]. Е. Ергешов и Ж. Бисенбаева сходятся во мнении, что связь между языком и культурой обладает глубоким философским значением, поскольку она оказывает влияние на способы понимания социальной действительности и формирует культурные ориентиры индивидов [10, с. 130].

В контексте анализа языка как инструмента культурного влияния особого внимания заслуживает феномен массового распространения иностранного языка, который в ряде исторических ситуаций сопровождался формированием асимметрии культурного воздействия. Под массовым распространением в данном случае понимается не индивидуальное владение языком, а его институционализированное присутствие в системе образования, элитарной культуре и символическом пространстве принимающего общества. Философское осмысление данного феномена позволяет рассматривать асимметрию культурного влияния как многомерный процесс, затрагивающий когнитивные установки, ценностные ориентиры и представления о культурной иерархии.

Особого философского анализа требует рассмотрение феномена массового распространения иностранного языка как повторяющейся исторической тенденции. Если рассматривать распространение французского языка в начале XIX в., немецкого языка в начале XX в. и английского языка во второй половине XX в. как самостоятельные и внешне независимые культурно-исторические процессы, каждый из них может быть объяснен конкретной социополитической конъюнктурой. Однако при их совместном анализе обнаруживается устойчивая закономерность, связанная с формированием асимметрии культурного влияния между культурой-источником и культурой-реципиентом.

В начале XIX в. широкое распространение французского языка в российской аристократической среде сопровождалось принятием культурных норм и ценностных установок наполеоновской Франции как культурного центра Европы. Язык в данном случае выступал не только средством коммуникации, но и инструментом трансляции культурного кода, что объективно формировало асимметричную структуру культурного взаимодействия. Культура-реципиент, массово усваивая язык страны-источника, включалась в ее символическое пространство и тем самым допускала перераспределение символического капитала в пользу внешнего культурного центра. Данный процесс может быть интерпретирован как частичное смещение культурной самоиденти-

фикации и ослабление автономии собственного культурного кода.

Аналогичная конфигурация прослеживается в начале XX в. при расширении распространения немецкого языка, когда принятие немецкой философской, научной и образовательной традиции сопровождалось ориентацией на культурные стандарты страны-источника. Расширяя коммуникативные возможности и заимствуя новые модели социального поведения, культура-реципиент одновременно транслировала стандарты, исходящие извне, что объективно усиливало зависимость от внешнего символического центра.

Во второй половине XX в. массовое распространение английского языка сопровождалось активным заимствованием экономической, политической и управленческой терминологии, отражающей англо-саксонскую модель общественного устройства. В данном случае речь идет не только о лексическом заимствовании, но о переносе понятийных схем, через которые осмысливаются институты власти, экономики и общественной организации. Тем самым развитие государственности и общественных практик происходило в значительной степени в координатах культурной модели, транслируемой языком страны-источника. В результате формировалась устойчивая асимметрия культурного влияния, при которой символический центр находился вне национального культурного пространства.

С позиции авторской интерпретации массовое распространение иностранного языка рассматривается как причинный социокультурный фактор, лежащий в основании вооружённых конфликтов начала XIX в., начала XX в. и первой половины XXI в., поскольку именно языковая экспансия как форма трансляции чужого культурного кода формирует асимметрию культурного влияния, трансформирует ценностно-смысловые основания принимающего общества и тем самым инициирует исторические процессы противостояния культурных систем.

Таким образом, совместный анализ указанных исторических случаев позволяет говорить о повторяющемся феномене: массовое распространение иностранного языка сопровождается расширением культурного влияния страны-источника и формированием асимметричной структуры символического взаимодействия. В этой структуре культура-реципиент оказывается включенной в чужой культурный код, что может восприниматься как ограничение развития собственной символической автономии.

Объединяя эти подходы, можно рассматривать язык как многоуровневую систему, оказывающую культурное влияние на когнитивном, символическом и социальном планах (рис. 1).

Рис. 1. Многоуровневая модель культурного влияния языка

Язык не диктует культурные смыслы прямо, но посредством социализации, образования и межкультурного взаимодействия он формирует специфические способы мышления и ценностные установки, что и лежит в основе его философского осмысления.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что язык в философском измерении выступает не только средством коммуникации, но и фундаментальным инструментом культурного влияния, посредством которого осуществляется трансляция и воспроизводство культурных смыслов. Язык функционирует как носитель культурного кода, форма символической репрезентации мира и механизм формирования идентичности, что делает его ключевым элементом социокультурных процессов. В условиях глобализации усиливается его интегративная и нормативная функция, одновременно возрастает и потенциал асимметричного культурного воздействия.

Проведенный анализ позволяет рассматривать асимметрию культурного влияния как закономерное следствие массового распространения иностранного языка в социокультурном пространстве. Данный феномен связан с тем, что язык, являясь носителем культурного кода страны-источника, объективно транслирует ее ценностные и институциональные модели, что в условиях масштабного усвоения может приводить к смещению символического центра и ослаблению собственной культурной идентичности. Осознание данной асимметрии приобретает принципиальное значение для сохранения национальной культурной автономии и предотвращения утраты самобытного культурного кода в будущем.

Вместе с тем в условиях геополитического напряжения и культурной конкуренции язык может восприниматься как канал трансляции внешнего культурного кода, что усиливает чувствительность принимающего общества к вопросам культурного суверенитета и идентичности. В этом смысле массовое изучение иностранного языка актуализирует философскую проблему границ культурного влияния и механизмов символической защиты культуры.

Философское осмысление языка как инструмента культурного влияния позволяет преодолеть редукционистские интерпретации, сводящие его либо к нейтральному средству передачи информации, либо к идеологическому инструменту давления. Язык предстает как сложный социокультурный феномен, в котором пересекаются онтологические, аксиологические и символические измерения человеческого бытия. Именно в этом качестве он требует дальнейшего философского анализа в контексте проблем культуры, идентичности и глобального взаимодействия.

Библиографический список

1. Дегтярев А. Языковой национализм как социокультурный феномен // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2022. – Т. 47, № 2. – С. 219-229. – DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-2-219-229.

2. Ли Л. Язык и культура: аспекты взаимосвязи и взаимовлияния // Вестник Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 71-77. – DOI 10.29235/2524-2369-2020-65-1-71-77.

3. Логинова Е.Г., Гвоздева Е.Н. Язык как социокультурный феномен в философии всеединства В.С. Соловьева, С.Л. Франка и П.А. Флоренского // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2020. – Т. 9, № 5А. – С. 130-138. – DOI 10.34670/AR.2020.74.23.002.

4. Логунова Е.П. язык как основа культурного кода / Е.П. Логунова, М.А. Кобцева // Наука и Образование. – 2025. – Т. 8, № 2. – С. 112-118. – EDN YYYKAS.

5. Михалкин Н.В., Аверюшкин А.Н. Философский взгляд на язык как средство и способ реализации // Язык и текст. – 2019. – Т. 6, № 3. – С. 35-42. – DOI 10.17759/langt.2019060304.

6. Савина Е.А. Язык и культура: взаимосвязь и влияние // Молодой ученый. – 2023. – № 20 (467). – С. 465-467.

7. Сологуб Т.Г. Культурно-интегрирующая роль языка в эпоху глобализации: дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. – Омск, 2006. – 154 с.

8. Тилавова Д. Связь языка с историей и культурой народа // Modern Science and Research. – 2025. – Т. 4, № 2. – С. 170-173.

9. Bagea I. Cultural influences in language learning in a global context // Indo-MathEdu Intellectuals Journal. – 2023. – Vol. 4, № 2. – P. 630-645. – DOI 10.54373/imeij.v4i2.248.

10. Yergeshov Y., Bissenbayeva Z. Philosophical analysis of the interaction of language and culture // The Eurasia Proceedings of Educational and Social Sciences. – 2024. – Vol. 36. – P. 127-136. – DOI 10.55549/epess.840.

LANGUAGE AS AN INSTRUMENT OF CULTURAL INFLUENCE: A PHILOSOPHICAL INTERPRETATION OF THE PHENOMENON

R.A. Kashbulgayanov[1], *Candidate of Technical Science*
E.A. Kovshik[2], *Graduate Student, Vice-rector*
[1]Far Eastern State Agrarian University
[2]Blagoveshchensk State Pedagogical University
[1,2](Russia, Blagoveshchensk)

Abstract. *The article presents a philosophical analysis of language as an instrument of cultural influence in the context of globalization. Language is considered not only as a means of communication, but also as a bearer of cultural code, a form of symbolic representation of the world, and a mechanism for transmitting values and norms. Based on the concepts of the philosophy of language and the philosophy of culture, the cognitive, symbolic, and social levels of linguistic influence are identified, and the role of language in the formation of cultural identity, cultural integration, and the asymmetry of symbolic capital is examined. It is shown that language functions as a mediator of "soft power", shaping modes of thinking and value orientations through socialization, education, and intercultural interaction. The study concludes that further philosophical reflection on language as a complex sociocultural phenomenon is necessary, as it integrates ontological, axiological, and symbolic dimensions of human existence.*

Keywords: *language; culture; cultural influence; identity; philosophy of language; globalization.*

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕЛИГИОЗНОГО ФАКТОРА В МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ И СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Д.А. Осмонова[1], *д-р филос. наук, профессор*
М.Т. Тынарбекова[1], *аспирант*
Н.А. Жумабеков[2], *аспирант*
[1]Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына
[2]Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики имени Ж. Абдрахманова
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-34-40

Аннотация. *В данной статье исследуется синергия двух актуальных аспектов общественной жизни современного Кыргызстана: влияние религии на миграционные потоки и необходимость государственного контроля над качеством религиозного образования. Авторы анализируют, как религиозная самоидентификация влияет на адаптацию мигрантов и как государственная политика в сфере образования может служить инструментом профилактики радикализма в условиях высокой мобильности населения. Особое внимание уделяется роли религиозного фактора как «социального демпфера», сглаживающего конфликты адаптации, а также значению институционализации исламского образования как барьера на пути экспорта экстремистских смыслов. На основе статистических данных за 2015-2025 гг. демонстрируется эффективность внедрения государственных стандартов и аттестации кадров для формирования идеологического иммунитета граждан.*

Ключевые слова: *Кыргызская Республика; миграция; религиозный фактор; религиозное образование; государственное регулирование; конфессиональная идентичность; радикализация; социальная адаптация; ханафитский мазхаб.*

Миграционные процессы и религиозная ситуация являются определяющими факторами социальной стабильности Кыргызстана. В условиях глобализации религия перестает быть только частным делом и становится важным инструментом социокультурной интеграции или, напротив, дезориентации мигрантов. Параллельно с этим, вопрос о том, где и какое религиозное знание получают граждане, становится вопросом национальной безопасности.

Религиозный фактор как маркер миграционных процессов. Для анализа мы обратились к междисциплинарным исследованиям, где религия рассматривается не только как вероисповедание, но и как мощный социальный капитал, инструмент интеграции или, напротив, фактор самоизоляции.

Современные исследователи рассматривают религиозную идентичность как один из первичных маркеров при выборе направления миграции. Так, Абашин С.Н. указывает, что в условиях глобальной нестабильности религия становится «безопасной гаванью». Миграционные потоки часто направляются в страны, где уже сформированы устойчивые религиозные общины (диаспоры). В этом контексте религия выступает маркером безопасности: мигрант выбирает среду, где его повседневные практики (халяль, молитва, праздники) не будут вызывать конфликта, а религия в миграции становится формой «социального страхования». Мечеть предоставляет не только духовный ресурс, но и конкретную физическую безопасность: информацию о работодателях, юридическую помощь и жилье [1].

Миграция не просто перемещает людей, она переносит смыслы, трансформируя принимающее общество. Казахстанские исследователи Кабиденова Ж., Турлыбекова анализируют феномен «детерриториализации» религии. Религиозная идентичность мигранта в XXI веке перестает быть привязанной к конкретному зданию (храму/мечети) и перемещается в киберпространство. Это создает «глобальные религиозные сети», которые позволяют мигранту сохранять маркеры своей культуры, даже находясь в глубоко секуляр-

ной среде [2, с. 51]. Для кыргызстанских мигрантов это проявляется в поиске локальных и виртуальных джамаатов как единственно надежных институтов в условиях правовой и социальной незащищенности.

Методологический подход к оценке интеграции, предложенный В.И. Мукомелем, позволяет рассматривать социальную включенность мигранта как многомерный процесс, где ключевым фактором является минимизация дистанции между индивидом и обществом. Автор подчеркивает, что отсутствие эффективных механизмов взаимодействия в социальной и культурной сферах неизбежно ведет к росту социальной исключенности и маргинализации мигрантских групп [3, с. 414].

В этом контексте вовлеченность в деятельность общинных (в том числе религиозных) институтов выступает как инструмент укрепления «интеграционного потенциала», обеспечивая субъекту психологическую опору в противодействии этно- и мигрантофобиям [3, с. 421]. Данная защитная функция реализуется через формирование устойчивых социальных сетей, которые минимизируют травматичный опыт столкновения с чужеродной средой. Вследствие этого религиозная община начинает выполнять роль «социального демпфера», сглаживающего конфликт между завышенными ожиданиями мигранта и жесткой реальностью принимающего общества [3, с. 414].

Для многих мигрантов религиозная община становится первым и главным институтом первичной адаптации. Филип Коннор – один из ведущих западных исследователей связи религии и миграции в своем исследовании доказывает, что высокий уровень религиозной вовлеченности (посещение общины) положительно коррелирует с более быстрой экономической адаптацией. Религиозные организации предоставляют мигрантам психологическую поддержку, помощь с жильем и информацию о вакансиях, выступая мощным ресурсом «мягкой силы» [4, p. 1354].

Если в США религия часто рассматривается как «мост» к ассимиляции, то в европейской науке преобладает мнение о религии как о маркере «дистанции». Ученые подчеркивают, что в Европе, в отличие от США, религиозный маркер (особенно ислам) часто воспринимается принимающим обществом как фактор непреодолимого культурного разрыва. Это ведет к формированию «параллельных сообществ», где религия из инструмента связи превращается в маркер этнической и культурной замкнутости [5, с. 17].

Важным маркером является то, как меняется религиозность у детей мигрантов. Анализ данных исследований Прониной Т., Талалаевой Е. показывает интересную закономерность: в то время как первое поколение мигрантов использует религию для выживания, второе поколение часто либо полностью секуляризируется, либо, наоборот, радикализирует свою религиозную идентичность как форму социального протеста против непринятия обществом [6, с. 13].

Таким образом, религиозный фактор в миграции выполняет три ключевые функции-маркера:

- навигатор: определяет вектор движения потоков;
- амортизатор: помогает пережить стресс адаптации в новой среде;
- граница: служит инструментом демаркации «свой-чужой» в политическом дискурсе принимающих стран.

Анализ ситуации в Кыргызстане диктует необходимость учитывать, что республика выступает одновременно и как страна-донор (массовая внешняя миграция в Российскую Федерацию и Казахстан), и как принимающая сторона (внутренняя миграция из регионов в Бишкек, а также иммиграция из стран Южной Азии и соседних государств).

Для граждан Кыргызстана в миграции (преимущественно в России) религия становится важнейшим институтом самоорганизации в условиях правовой и социальной уязвимости, мечети в крупных городах России выполняют роль не только культовых сооружений, но и центров «первичного приема». Религиозная среда обеспечивает мигрантам из Кыргызстана систему взаимной помощи и доверия в агрессивной или чуждой среде. Религиозный маркер становится гарантией честности при трудоустройстве внутри диаспоральных сетей («мусульманское предпринимательство») [7, с. 47].

Процесс миграции из сельских регионов в Бишкек («новостройки») наглядно демонстрирует религию как маркер социального зонирования. В пригородных жилмассивах Бишкека, населенных внутренними мигрантами, мечеть часто оказывается единственным функционирующим социальным институтом (при дефиците школ, клубов и госучрежде-

ний). Здесь религия выступает маркером солидарности мигрантов-выходцев из южных и северных регионов, сглаживая земляческие различия и предлагая единую этическую платформу для выживания в городе [8, с. 165].

Миграционные процессы приводят к тому, что возвращающиеся мигранты меняют религиозный ландшафт внутри самого Кыргызстана. Исследователь Насритдинов Э. подчеркивает феномен «транснационального ислама». Мигранты, возвращаясь из арабских стран или Турции, приносят новые формы религиозности, которые иногда входят в конфликт с традиционным «народным исламом» Кыргызстана. Здесь религия становится маркером социального статуса и «просвещенности» мигранта, получившего доступ к глобальным исламским знаниям [9].

В контексте вышеуказанных данных о втором поколении в Европе, кыргызские исследователи также фиксируют риски радикализации, связанные с миграционным стрессом. Эргешов З. отмечает, что утрата традиционных семейных связей при переезде (атомизация) делает мигранта уязвимым для радикальных течений. В данном случае выбор радикальной религиозной идентичности выступает как маркер протеста против правовой дискриминации в странах приема и отсутствия социальных лифтов на родине [10, с. 91].

Рассмотрим исследования, которые рассматривают радикализацию как результат социальной дезориентации и попадания в «идеологический вакуум». Отрыв от традиционной социокультурной среды и отсутствие базовых религиозных знаний у мигрантов создают благоприятные условия для деятельности вербовщиков экстремистских организаций. Исследователи фиксируют феномен так называемой «кризисной идентичности», когда мигрант, лишенный поддержки привычных институтов (семьи, махалли), ищет упрощенную систему ценностей, которую и предлагают радикальные группы. Калинина С.Б. указывает, что отсутствие системного религиозного образования делает мигранта беззащитным перед манипуляциями. Вербовщики используют «примитивизированный ислам», подменяя глубокие теологические знания политическими лозунгами. Радикализация в данном случае выступает как дефектная форма социализации в новой среде [11].

Исследование Тирских А.А. подтверждает, что значительная часть случаев радикализации происходит именно в процессе «транзита» или в период первичной адаптации. Социальная исключенность и правовая незащищенность мигрантов позволяют экстремистским сетям выступать в роли «альтернативного государства», предоставляющего помощь в обмен на лояльность к радикальной идеологии [12].

В условиях социальной депривации отсутствие устойчивых связей с официальным духовенством, как в Кыргызстане, так и в странах пребывания, неизбежно толкает мигранта в пространство социальных сетей. В этой цифровой среде так называемый «электронный джихад» становится для мигранта-одиночки инструментом обретения «ложной значимости» и формой сопричастности к глобальному движению. Такая виртуальная радикализация выступает следствием глубокой социальной изоляции и оказывается наиболее опасной для молодежи, стремящейся восполнить дефицит идентичности через радикальные смыслы [6, с. 15].

Данный механизм психологической компенсации находит свое прямое подтверждение в миграционных процессах современного Кыргызстана. Массовая миграция граждан, в первую очередь молодежи и женщин, в страны СНГ и дальнего зарубежья (Россию, Казахстан) обусловлена поиском экономических возможностей, однако на практике часто оборачивается столкновением с дискриминацией и правовой уязвимостью. Именно этот вакуум поддержки и интеграции в принимающих странах усиливает чувство отчуждения, делая мигрантов идеальной мишенью для радикальных идеологов. Под видом религиозной общности деструктивные группировки предлагают готовые ответы на экзистенциальные вызовы: обретение смысла, четкую идентичность и социальную поддержку.

Ситуация осложняется тем, что зарубежная идеологическая экспансия ложится на подготовленную почву внутри самой республики. После распада СССР Кыргызстан оказался в состоянии ценностного вакуума, который активно заполнялся внешними игроками. Турецкие и арабские институты, часто придерживающиеся салафитско-ваххабитской доктрины, сформировали в регионе специфическую религиозную экосистему. В результате синергии внутренней нестабильности и внеш-

него влияния миграция превратилась в канал вербовки: молодые люди, лишенные перспектив и религиозной грамотности, становятся основным ресурсом для формирования потоков иностранных боевиков.

Таким образом, виртуальная радикализация и реальная социальная изоляция мигрантов являются взаимосвязанными механизмами, которые при отсутствии устойчивого государственного институционального влияния делают представителей этнических меньшинств и молодежь максимально восприимчивыми к экстремистским мировоззрениям [13, с. 220-221]. Религиозный фактор в контексте радикализации выступает не первопричиной, а инструментом, заполняющим лакуны в социальной адаптации. Радикализация становится маркером неудачи интеграционных процессов, где экстремистские идеи замещают мигранту утраченную культурную и гражданскую идентичность.

Для Кыргызстана религиозный фактор как маркер миграции специфичен тем, что:

- компенсирует слабость государственных институтов поддержки мигрантов за рубежом;
- служит интегратором для внутренних мигрантов из разных областей страны;
- выступает каналом трансформации общества через возвращающихся мигрантов, меняющих религиозные нормы внутри Кыргызстана.

Состояние религиозного образования и его государственное регулирование. Кыргызская Республика выбрала путь упорядочивания религиозного образовательного пространства. В соответствии с Законом «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» (2025) государство усиливает контроль над учебными программами в медресе и исламских институтах.

Основные направления регулирования:

1. Стандартизация: внедрение государственных стандартов в учебные планы религиозных учебных заведений (включая светские дисциплины).

2. Учет и регистрация: обязательная аттестация преподавателей и лицензирование учебных заведений через Национальное агентство по делам религии и межэтнических отношений при Президенте Кыргызской Республики (НАДРМО ПКР, ранее ГКДР КР).

3. Контроль зарубежного обучения: мониторинг граждан, выезжающих за пределы республики для получения теологического образования, с целью предотвращения импорта чуждых идеологических установок.

Взаимосвязь между качеством внутреннего религиозного образования и устойчивостью граждан к радикальным идеологиям в условиях миграции выступает сегодня ключевым аспектом обеспечения национальной безопасности Кыргызской Республики. Как справедливо отмечает эксперт Мурзахалилов К.С., системные пробелы в просвещении и отсутствие должного государственного контроля в предшествующие десятилетия создали условия, при которых «религиозный вакуум» мигрантов заполняется деструктивными внешними доктринами. Согласно его позиции, именно глубокая институционализация исламского образования в КР должна стать основным барьером на пути экспорта экстремистских смыслов, формируя у граждан устойчивый идеологический иммунитет [14]. Для анализа эффективности проводимых в этом направлении реформ необходимо рассмотреть динамику институциональных показателей системы исламского образования за период 2015-2025 гг., представленную в таблице.

Таблица. Динамика институциональных показателей системы исламского образования в КР (2015-2025 гг.)

Показатель	2015 г.	2020 г.	2025 г.	Влияние на миграционные риски
Зарегистрированные медресе	78	102	115	Снижение спроса на нелегальные и онлайн-курсы «электронного джихада».
Аттестованные преподаватели	~35%	~65%	>85%	Формирование иммунитета к радикальным трактовкам через умеренное просвещение.
Внедрение светских дисциплин	<10%	45%	75%	Рост правовой грамотности и социальной адаптивности мигрантов за рубежом
Лицензированные вузы/институты	10	11	12	Создание национальной элиты теологов, способных противостоять внешней экспансии.

Приведенные статистические данные наглядно демонстрируют, что упорядочивание программ в медресе и поэтапная аттестация педагогических кадров позволяют минимизировать риски, связанные с «кризисом идентичности» молодежи, так как гражданин, обладающий качественной базовой религиозной грамотностью, значительно реже становится объектом вербовки в социальных сетях. Более того, активное включение светских предметов в учебные планы религиозных заведений напрямую способствует успешной интеграции мигрантов в принимающих странах, существенно снижая уровень их маргинализации и чувства социальной отчужденности.

Параллельно с этим, механизмы государственного мониторинга, включающие лицензирование образовательной деятельности и контроль за выездом граждан на теологическое обучение за рубеж, позволяют государству эффективно купировать угрозу импорта чуждых идеологических установок. Таким образом, создание контролируемой и качественной образовательной среды внутри республики обеспечивает сохранение традиционной для региона религиозной экосистемы и выступает фундаментальным инструментом профилактики экстремизма в условиях глобальных миграционных процессов.

Точки соприкосновения: образование как фильтр миграционных рисков. Интеграция вопросов религиозного просвещения и миграционной политики позволяет рассматривать качественное государственное регулирование образовательной сферы в Кыргызской Республике как превентивный механизм обеспечения безопасности миграционных процессов. В данной парадигме образование выступает не только инструментом передачи знаний, но и многоуровневым «фильтром», минимизирующим риски радикализации граждан за пределами страны.

Первым эшелоном такой защиты выступает формирование индивидуального идеологического «иммунитета» мигранта. Гражданин, получивший системное, верифицированное государством религиозное образование на родине в рамках ханафитского мазхаба и матуридийской школы, обладает устойчивой ценностной базой. Это делает его менее восприимчивым к деструктивной пропаганде и риторике «электронного джихада» в условиях трудовой миграции, где социальная изоляция и правовая уязвимость часто подталкивают индивида к поиску упрощенных радикальных смыслов. Государственный контроль над учебными планами медресе, включающий светские дисциплины, обеспечивает мигранту когнитивную гибкость и правовую грамотность, необходимые для успешной навигации в инокультурной среде и снижения уровня конфликтности с принимающим обществом.

Вторым критически важным аспектом является регулирование репатриационных образовательных потоков. Процесс возвращения соотечественников, получивших теологическое образование в зарубежных исламских центрах, требует особого институционального внимания. Государственное регулирование позволяет эффективно реализовать процедуру верификации компетенций и «переаттестации» таких лиц. Это необходимо для предотвращения инфильтрации чуждых идеологических установок в локальную религиозную экосистему Кыргызстана.

Обязательная регистрация и аттестация в НАДРМО ПКР для тех, кто претендует на роль духовных лидеров или преподавателей по возвращении, служит гарантией того, что транслируемые ими ценности не вступают в противоречие с конституционными принципами светскости и национальными интересами.

Таким образом, образовательный фильтр работает в обоих направлениях: защищая мигранта от внешнего деструктивного влияния в период пребывания за рубежом и обеспечивая безопасность религиозного поля республики при возвращении кадров из-за границы.

В конечном итоге, синхронизация образовательных стандартов с вызовами миграции трансформирует систему религиозного обучения из закрытой корпоративной сферы в действенный институт гражданской обороны и социальной стабилизации.

Заключение. Проведенное исследование подтверждает, что в условиях высокой мобильности населения Кыргызской Республики религиозный фактор выступает не только маркером идентичности, но и определяющим элементом социальной адаптации мигрантов. Синергия миграционных потоков и образовательной политики государства создает усло-

вия, при которых качественное религиозное просвещение внутри страны становится базовым инструментом профилактики радикализма за её пределами.

Для совершенствования государственной политики в данной области предлагаются следующие рекомендации, направленные на укрепление взаимосвязи между образовательной сферой и миграционной безопасностью:

1. Интеграция миграционного контекста в образовательные стандарты: необходимо расширить светский компонент в учебных планах религиозных образовательных заведений (право, история и др.) для повышения правовой грамотности и социальной адаптивности будущих мигрантов в инокультурной среде.

2. Создание идеологического «фильтра» на стадии предвыездной подготовки: рекомендуется развивать программы первичного просвещения, которые формируют у потенциальных мигрантов устойчивый иммунитет к радикальной пропаганде и риторике «электронного джихада» еще до пересечения границы.

3. Верификация и переаттестация репатриационных потоков: следует обеспечить строгий контроль и процедуру подтверждения компетенций для лиц, возвращающихся после обучения в зарубежных религиозных образовательных заведениях, с целью предотвращения импорта и трансляции чуждых идеологических установок внутри страны.

4. Институциональная поддержка соотечественников за рубежом: целесообразно использовать потенциал умеренных религиозных организаций для создания легальных площадок адаптации мигрантов в странах приема, что позволит минимизировать их вовлеченность в неформальные и радикальные джамааты.

5. Цифровизация профилактической работы: необходимо усиливать присутствие официальных образовательных структур в киберпространстве, создавая качественный контент, способный конкурировать с примитивизированными лозунгами экстремистских вербовщиков в социальных сетях.

6. Развитие национальной теологической школы: приоритетом должно стать формирование собственной образовательной элиты, способной транслировать традиционные ценности ханафитского мазхаба, что снизит зависимость мигрантов от внешних центров влияния и сохранит уникальную религиозную экосистему региона.

В конечном итоге, синхронизация стандартов религиозного образования с реальными вызовами миграции позволяет трансформировать учебный процесс в действенный институт гражданской обороны, обеспечивающий социальную стабилизацию и национальную безопасность Кыргызской Республики.

Библиографический список

1. Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ethnorevras.ru/s0869-54150000527-2-1-ru-2/?version_id=22664.

2. Кабиденова Ж., Турлыбекова А. Роль религии в миграционных процессах: исследовательские дискурсы. Вестник КазНУ. Серия Религиоведение. – 2025. – № 41 (1). – С. 49-57.

3. Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Вестник Института социологии. – 2016. – № 1 (16). – С. 411-424.

4. Connor P. Religion as Resource: Religion and Immigrant Economic Incorporation // Social Science Research. – 2011. – Vol. 40, № 5. – P. 1350-1361.

5. Руткевич Е.Д. Влияние иммигрантских религий на характер религиозного плюрализма в США и Западной Европе // Социологический журнал. – 2019. – Т. 25, № 2. – С. 8-32.

6. Пронина Т., Талалаева Е. Миграция и религия: основные направления исследований // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2023. – № 41 (2). – С. 7-29.

7. Экспертное сообщество в системе профилактики экстремизма и терроризма в среде мигрантов: учебно-методическое пособие // Под общ. ред. Р.Г. Минзарипова. – Казань: Издательство Казанского университета, 2019. – 110 с.

8. Медетбекова Ы.М. Факторы миграции сельского населения Кыргызстана // Россия и мир: научный диалог. – 2025. – № 1. – С. 148-163.

9. Насритдинов Э. Транснациональная идентичность кыргызских трудовых мигрантов в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://auca.academia.edu/EmilNasritdinov.

10. Почему молодежь Центральной Азии радикализируется? 2 Июнь, 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nlkg.kg/ru/society/security/pochemu-molodezh-centralnoj-azii-radikaliziruetsya.

11. Калинина С.Б. Психологические методы вербовки молодежи в террористические организации / С.Б. Калинина // Наука. Общество. Оборона. – 2018. – № 2(15). – С. 4. – EDN YKZYNV.

12. Тирских А.А. Некоторые аспекты противодействия распространению идеологии терроризма среди мигрантов // Human Progress. – 2025. – Т. 11, Вып. 8. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://progress-human.com/images/2025/Tom11_8/Tirskikh.pdf DOI 10.46320/2073-4506-2025-8a-3.

13. Осмонова Д.А., Молдобаева А.Д. Социокультурные особенности религиозного экстремизма в современном Кыргызстане // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 8 (107). – С. 219-224.

14. Мурзахалилов К.С. Кыргызстан обладает уникальным историческим опытом для создания современной системы религиозного образования. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://caravan-info.kg/ru/interview/662867-kanatbek-murzahalilov-kyrgyzstan-obladaet-unikalnym-istoricheskim-opytom-dlya-sozdaniya-sovremennoy-sistemy-religioznogo-obrazovaniya.html.

THE INTERRELATION BETWEEN THE RELIGIOUS FACTOR IN MIGRATION PROCESSES AND THE SYSTEM OF STATE REGULATION OF RELIGIOUS EDUCATION IN THE KYRGYZ REPUBLIC

D.A. Osmonova[1], *Doctor of Philosophical Sciences, Professor*
M.T. Tynarbekova[1], *Postgraduate Student*
N.A. Zhumabekov[2], *Postgraduate Student*
[1]Kyrgyz National University named after J. Balasagyn
[2]Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic named after J. Abdrakhmanov
[1,2](Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *This article explores the synergy between two vital aspects of public life in modern Kyrgyzstan: the influence of religion on migration flows and the necessity for state control over the quality of religious education. The authors analyze how religious self-identification affects the adaptation of migrants and how state policy in the sphere of education can serve as a tool for preventing radicalism in conditions of high population mobility. Specific focus is placed on the role of the religious factor as a "social damper" that eases adaptation conflicts, and the significance of institutionalizing Islamic education as a barrier against the export of extremist ideologies. Based on statistical data from 2015–2025, the study demonstrates the effectiveness of implementing state standards and staff certification in building ideological immunity among citizens.*

Keywords: *Kyrgyz Republic; migration; religious factor; religious education; state regulation; confessional identity; radicalization; social adaptation; Hanafi madhhab.*

ДИАЛЕКТИКА И ПОЗИТИВИЗМ В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОГРЕССА

А.А. Поляруш, *канд. пед. наук, доцент*
Красноярский государственный аграрный университет, Ачинский филиал (Россия, г. Ачинск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-41-46

Аннотация. *Статья посвящена актуальной сегодня проблеме перспектив существования и развития человечества в условиях колоссального ускорения научно-технического прогресса. Основное содержание составляет сравнительный анализ позитивизма и диалектики как противоположных подходов к познанию. Предпринята попытка раскрыть основные причины доминирования позитивистского подхода к проблеме прогнозирования будущего человечества. На основании критического анализа исследуемых подходов автор приходит к выводу о безусловном приоритете диалектического мышления в его прогностической функции.*

Ключевые слова: *прогресс; формальная логика; прагматизм; образование; верификация; эмпирия; всеобщее; диалектика; критическое мышление; К. Поппер; Э.В. Ильенков.*

Сегодня человечество является свидетелем и участником гигантского ускорения научно-технического прогресса, распространяющегося на все сферы жизни человека. Скорость прогресса находится на таком витке, что крупные трансформации происходят неоднократно на протяжении жизни одного поколения. Эти изменения вносят коррективы во многие проявления реальной жизни, но далеко не во все. Базовые установки жизненного уклада народов резко не меняются. Социальные институты в государствах достаточно консервативны. Но насколько определённые аспекты жизни людей пластичны под влиянием научно-технического прогресса, а какие из них проявят своё постоянство? Вместе с тем, возможно, мощь научно-технического прогресс окажется столь всепоглощающей, что коренным образом изменит критерии и траекторию развития цивилизации. В этом и заключается особенность прогнозирования путей дальнейшего развития человечества. Например, перспектива широкого освоения космоса от фантастических грёз выросла до прагматической задачи ближайшего будущего. Бесконтрольный и прогрессирующий под натиском техники грабёж окружающей среды грозит обернуться ситуацией, когда человек станет окружающей средой для Природы. Достаточно взглянуть на перспективы освоения Арктики – самой хрупкой и уязвимой экосистему Земли.

В этом контексте естественным было бы ожидание запроса общества на самое общее осмысление сложившейся новой действительности и на возможные пути существования и развития в соответствии с ней. Однако сегодня такого явного и активного запроса в массовом обществе пока не сложилось. Обывательские заклинания по типу: «всему своё время», «поживём – увидим»», «время покажет» – действуют магически успокаивающе на людей. Но в ситуации ежедневного грандиозного технического наступления общество должно осознать свою приоритетную задачу формирования нового человека. Эту задачу обязан решать институт образования.

Поскольку сама задача общего прогнозирования традиционным формально-логическим и технократическим подходом становится неосуществимой, следовательно, необходимо искать вопросы и ответы в противоположном направлении. Если проблема принимает всеобщий характер, то с категорией «общее» оперирует диалектика. Следовательно, остроактуальная задача образования на текущий момент – формирование диалектического мышления – того единственного метода, который выступает синонимом критического и системного мышления. И здесь не поможет создание профессионального сообщества, которые, по мнению И.Г. Шестаковой, будут генерировать «новые «смыслы» (цели и пути развития), адекватные новой реальности». Возникает непраздный вопрос о

представителях профессий, входящих в это «профессиональное сообщество». О философах автор не рассуждает.

В том-то и дело, что в общественном сознании не сформировалось понятия «новой реальности». Чтобы это свершилось, надо чётко осознавать отличия «новой» реальности от «старой», что неизбежно влечёт за собой определение общего понятии «реальность». На этих-то гносеологических, перерастающих в идеологические, перекрёстках сталкиваются позитивизм, включающий в себя множество исторических форм, и диалектическая философия.

Загадочная квантовая механика дала основание Нильсу Бору утверждать, что бессмысленно говорить о реальности вне наблюдений и предлагает нам принять антиреализм. В философии такая позиция получила названии е идеализма. Получается парадокс: идеализм противоречит всей естественной науке. Наука всегда стремилась объяснить наблюдаемые явления через лежащие в их основе механизмы. Другое дело – что это не всегда получалось, например, с идеей гравитации И. Ньютона. Интерпретация Бора и его последователей говорит: «Хватит искать механизмы! Измерения – это всё, что у нас есть». Это не прорыв – это интеллектуальная капитуляция. Этой формулой описывается вся сущность позитивизма, на фундаменте которого построена современная наука и, соответственно, образование. А ведь проблема еще глубже. Если сознание наблюдателя играет ключевую роль в определении реальности, то мы оказываемся на опасно зыбкой почве, граничащей с мистицизмом. Вместе с тем необходимо отметить, что именно туманная для созерцания и понимания квантовая механика сегодня, спустя сто лет с её возникновения, явилась тем пунктом, когда учёные признали, что в фундаментальную физику нужно вернуть причинность и понимание, а не довольствоваться чистым математическим формализмом. «Наконец, нам нужен междисциплинарный диалог. Физики должны преодолеть снобизм по отношению к философии… Философы, в свою очередь, должны глубже погрузиться в технические детали квантовой теории» [2].

Осознание поворота науки и техники к философии неизбежно. Однако сегодня некритическая фетишизация наличной реальности диктуется безумными скоростями технического прогресса и страха могущественных государств отстать в этой гонке от других. Позитивизм, подогреваемый прагматизмом, получившим своё распространение в США с конца 19 в., не обнаруживает за практической значимостью вещи никакого духовного начала, никакой человеческой субъективности и универсальности. Самое большое зло, причинённое позитивизмом, – это внедрение прагматизма в воспитание и образование нового поколения. Дж. Дьюи, под чьей прагматической педагогикой пали Америка и Европа в 20 веке, считал, что истина определяется её практической пользой. Цель педагогики по Дьюи – помочь человеку в потоке опыта двигаться по направлению к поставленной цели и достигать её. Сегодня система образования в России глубоко увязла в этой парадигме, что и породило её деградацию. Увлечение проектной деятельностью, раннее профилирование школьников, личностно ориентированные образовательные технологии – факторы, обрекающие школу на отставание от новых запросов общества [4].

Таким образом, в парадигме позитивизма из сознания ускользает осмысление перспективы развития, поскольку мир предстает как процесс трансформации социальных структур и институтов, воплощённых в вещах без человеческого содержания [3]. Примирить, найти органичное общее между материальным и духовным под силу лишь диалектической логике, выявляющей и разрешающей противоречия. Сам способ существования человека как «общественно-человеческая жизнедеятельность» – закон, открытый К. Марксом и воспринятый нашим видным философом, психологом, педагогом Э.В. Ильенковым, содержит в своей основе поход к постановке и решению проблемы отношения материи к сознанию. Поэтому только человек выступает в оппозиции к прагматичной и меркантильной реальности, как субъект общественно-исторического бытия. В своей содержательной книге «Философия и культура» и во всех других работах Ильенков защищает интеллект и дух от разрушающей цивилизации, нашедшей свое отражение в позитивистской науке. В таком качестве он, конечно, – не просто марксист, а последователь идей русской философии.

Но изобличить позитивизм в его деструктивной силе влияния на науку и образование означает доказать истину диалектического способа мышления. Главным направлением своей деятельности по утверждению материалистической диалектики Ильенков определяет в «первую очередь систему образования, т. е. ту систему и ту деятельность, где можно (и должно) надеяться диалектику формировать как мыслящую способность, как разум» [6].

Но ни мышление, ни вера не дают нам уверенности, что мы определились в природе и смыслах человеческого бытия. Разобраться с мышлением намного сложнее, чем с верой, потому что оно с античных времён остается проблема и для самого мышления – не только для школы. Человек сомнению подвергает и то, что исповедует и чего держится. Не только человек в его онтогенезе, но и вся история человечества выглядит непознаваемой. И для того, чтобы хоть как-то определить себя в культурно-историческом пространстве и времени, человечество вырабатывает определённые меры. И вся история демонстрирует, как менялись эти меры. Это происходило объективно, независимо от самого себя человека, например, на смену рабской покорности средневекового человека лику божьему пришло буйство проявления человеческих чувств в эпоху Ренессанса или костры инквизиции сменились искрами науки в Новое время. Одним словом, менялись меры и критерии осмысления человека в историческом измерении, но для умного человека внешние условия, такие как нанотехнологии, искусственный интеллект, напористая цифровизация и прочие никак не влияют на развитие нравственной культуры. Безусловно, внешние материальные условия оказывают влияние на субъективность, но лишь на преобразование формы, но не меняют ее сути.

Современная информационная среда, включающая роботизацию, существенно меняет содержание профессиональной деятельности, но смыслы человеческого бытия в своих базовых определениях от этого не меняются. Сущность человека определяется общественными отношениями, как показал ещё К. Маркс. В этом же ключе разрабатывает культурно-историческую теорию видный психолог Л.С. Выготский, с концепцией интериоризации в статусе её ядра: человек есть социальное внутри [7]. Но сознание этого «социального» выражено рассудочными суждениями, отвечающими на вопрос «как?», а на глубокий вопрос «почему?», раскрывающий сущность мира, отвечает разум. Рассудок способен лишь различать, подобно младенцу, но ему неподвластно осознание единства противоположностей. Эти метафизические вопросы «как?» всерьёз становятся предметом жарких споров и борьбой за их утверждение. Подобную ситуацию давно остроумно описал великий баснописец И.А. Крылов: «А вы, друзья, *как* ни садитесь…». Позитивизм, паразитируя на рассудочном способе мышления современного человека, без труда находит ясные определения окружающей действительности, выдавая их за истину.

В общественных дисциплинах закрепилось устойчивое выражение «ползучий эмпиризм» для обозначения симулякра формы познания, т.е. познания в рамках явлений (что вижу, то и понимаю) в рамках суждений, не стремящихся дойти до основания предмета. Поиск основания – особая задача, но если оно не найдено, то все суждения внутри этого предмета будут иметь случайный характер. Любой студент, погружённый преподавателем в Способ диалектического обучения [8], испытывает наибольшее интеллектуальное напряжение при выявлении основания, начала вещи, он хорошо понимает, что фиксируемый сознанием факт не отражает истины этого факта. Бесспорно, что внешнее восприятие вещи как факта играет важную роль в познании, выступая опорой, но не доказательством. Чтобы стать бесспорным доказательством, обосновывающим теоретическое движения мысли, факт может стать лишь тогда, когда определена его научная обоснованность, его сущностное содержание как начало вещи.

Почему позитивизм так легко завоёвывает сознание людей, не встречая никакого сопротивления со стороны субъекта? А.Н. Леонтьев, глубокий советский психолог, продолжая мысль Л.С. Выготского об интериоризации, саркастически изображает «личность» как «мешок, наполненный различными содержаниями, которые индивид собирает на путях своей судьбы» [3]. А ведь в массовом обществе и массовом образовании, кроме мусора позитивизма, ничего нет. Гегель и Маркс, Ильенков и Выготский – не те фигу-

ры, которые, по мнению государственных чиновников, которые должны определять компетентностную парадигму образования. Неслучайно у просвещённой части публики появился дерзкий афоризм: «Компетенции или образование?» [9].

Можно игнорировать великую диалектику исторических умов, но тогда навсегда останешься с «мешком, набитым психологической рухлядью», не способным видеть ничего ближе собственного носа. Иллюзия понимания мира и овладение сознанием создаются тем легче, чем отдалённее перспектива реализация предлагаемых человечеству конструкций. Так, понятие ноосферы, введенное Э. Ле Руа сто лет назад и разработанное В.И. Вернадским, так понравилось человечеству, что в начале XXI века в России учение о ноосфере послужило основой для формирования «комплексного научного и образовательного направления – ноосферологии», как утверждают авторы [10].

Таких конструкций в мире много, потому что против «свободы слова» никто не возражает. Мешки с рухлядью так иллюзорных знаний, без преуменьшения, каждый таскает за своими плечами. Потрясающе выразил современное состояние общества Г.В. Лобастов, ученик и убеждённый последователь Э.В. Ильенкова, непримиримый враг позитивизма в российской философии сегодня: «…каким удивляющим бредом мы пытаемся выстроить хаос своих представлений – из разных сфер бытия и многоразличных наук…» [11].

Самое парадоксальное – человечество это сегодня хорошо сознает, но при этом будто поощряет эту фальшь – как в сознании, так и в живой жизни. Так, тема искусственного интеллекта превратилась в архетип по концепции К. Юнга. Психологи давно заметили, что иллюзию, фальшь человек использует как удобную упаковку, куда можно прятаться от самого себя, а вокруг фантазировать опасный мир. Такой наивной иллюзией, как показал Ильенков, являются усилия исследователей проникнуть в суть человеческой онтологии без категории идеального, что подтверждает принцип верификации в неопозитивизме, требующий подведение всех положений науки под факты опыта. Если теоретическое положение невозможно проверить опытным путём, следовательно, это положение не имеет смысла. Так, позитивисты исключают из области науки такие всеобщие философски е категории как сознание, мышление, материя, поскольку не подлежат верификации. К. Поппер своей теорией фальсификации, противоположной теории верификации Т. Куна, на основании формально-логического закона выводит парадоксальный тезис о том, что истина и ложь тождественны [13].

Как видим, позитивизм опирается на законы формальной логики. Но ещё в далёком XVIII веке великий Г. Гегель подарил миру диалектическую логику – логику рационального мышления, подвергнув заслуженной критике средневековую логику – эмпирическую логику. Диалектическая философия занимает противоположную позицию по отношению к проблеме истины: абсолютная истина недостижима по причине её относительности к уровню развития знаний на определённом этапе развития способов познания.

Чтобы с позиций всеобщего предвидеть перспективы человечества, нужна теория критического мышления, которая существует в рамках диалектической логики. Несмотря на востребованность философией и наукой, она не обрела до сих пор даже каких-либо контуров, в которых обозначился бы единый подход, хотя, как было замечено выше, к некоторым физикам приходит осознание этого объективного требования.

Разумеется, в современной философии науки (позитивизме) сложилось многообразие определений понятия «критическое мышление», этим понятием оперировал и К. Поппер. Однако все эти многочисленные попытки хоть как-то обозначить смысловые стержни критического мышления при всём своём формальном многообразии едины по сути – они представляют собой бесконечные варианты позитивизма, основанного только на здравом смысле, на наблюдаемых фактах эмпирической реальности «и не ведающем о действительной форме ума: здравый смысл бессознательно и некритично возводит себя во всеобщую форму и потому всегда мнит себя истинным», по выражению Г.В. Лобастова [14].

Мышление, как оно трактуется в философии, есть мышление рефлексирующее, оно «видит» самого себя, оно не застревает на «точке зрения», подобно позитивизму в лю-

бой его форме, любую свою позицию выковывает через разностороннюю критику. Отсутствие абсолютных измерений приводит к релятивизму и плюрализму позиций, способных лишь затуманить проблему будущего человечества. Поиск этих абсолютных измерений критического мышления (если оно – мышление) должен идти по классической линии в истории философии: Платон – Спиноза – Гегель – Маркс. Эту линию до нас, сегодняшних, продолжил Эвальд Васильевич Ильенков.

Рассмотрение проблемы будущего обретёт свои чёткие контуры, если эту проблему рассматривать с позиции всеобщей связи. Такой наукой о всеобщей связи является диалектика и способ мышления – диалектический.

Библиографический список

1. Шестакова И.Г. Анализ современных тенденций научно-технического прогресса и горизонты планирования / И.Г. Шестакова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2013. – № 3. – С. 32. – EDN THROZR.

2. Шафоростов А.И. История фундаментальных идей: детерминизм // Известия Лаборатории древних технологий. – 2023. – Т. 19. № 2. – С. 91-102.

3. Межуев В.М. Эвальд Ильенков и конец классической марксистской философии в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://oleg-devyatkin.livejournal.com/10899.html.

4. Поляруш А.А. Рефлексия теории и практики проблемного обучения М.И. Махмутова с позиций диалектической логики / А.А. Поляруш // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 9-1(108). – С. 82-87. – DOI 10.24412/2500-1000-2025-9-1-82-87. – EDN ZLTZCZ.

5. Визгин В.П. От философии жизни к философии культуры. Сборник статей. СПб.: Алетейя, 2001. – 395 с.

6. Ильенков Э.В. Философия и культура. – М.: Политиздат, 1991. – 464 с.

7. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: АСТ, 2024. – 432 с.

8. Гончарук А.И., Зорина В.Л., Ботов М.И. Способ диалектического обучения // Международный центр педагогического изобретательства (Патентное свидетельство № 126 от 29 марта 1996 года).

9. Андреев А. Знания или компетенции? / А. Андреев // Высшее образование в России. – 2005. – № 2. – С. 3-11. – EDN IBLTFF.

10. Попов Н.С. Вернадский, эволюция и устойчивое развитие / Н.С. Попов, О.В. Пещерова, А.А. Чуксин // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. – 2017. – № 4(66). – С. 29-40. – DOI 10.17277/voprosy.2017.04.pp.29-40. – EDN YLQQUF.

11. Лобастов Г.В. Вместе. В пространстве смыслов Э.В. Ильенкова (философическое эссе) / Г.В. Лобастов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2(42). – С. 143-156. – DOI 10.24151/2409-1073-2024-2-143-156. – EDN VVWFTJ.

12. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сборник трудов [Федер. программа книгоиздания России]. – Москва: Аспект-пресс, 2000. – 511 с.

13. Поппер К. Объективное знание. Эволюционный подход. – М.: Ленанд, 2024. – 384 с.

14. Лобастов Г.В. Диалектика разумной формы и феноменология безумия. – М.: Русская панорама, 2012. – 560 с.

DIALECTICS AND POSITIVISM IN SOLVING PROBLEMS OF FORECASTING SOCIAL PROGRESS

A.A. Polyarush, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
Krasnoyarsk State Agrarian University, Achinsk branch
(Russia, Achinsk)

Abstract. *The article is devoted to the current problem of the prospects for the existence and development of mankind in the context of a tremendous acceleration of scientific and technological progress. The main content is a comparative analysis of positivism and dialectics as opposing approaches to cognition. An attempt is made to reveal the main reasons for the dominance of the positivist approach to the problem of forecasting the future of mankind. Based on a critical analysis of the approaches studied, the author comes to the conclusion that dialectical thinking has an absolute priority in its predictive function.*

Keywords: *progress; formal logic; pragmatism; education; verification; empiricism; universal; dialectics; critical thinking; K. Popper; E.V. Ilyenkov.*

ПРОИЗВОДЯЩАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДЕЙ КАК ИСТОЧНИК МЫШЛЕНИЯ

А.А. Поляруш, *канд. пед. наук, доцент*
Красноярский государственный аграрный университет, Ачинский филиал
(Россия, г. Ачинск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-47-51

Аннотация. *Статья посвящена актуальной проблеме вымывания философского фундамента из педагогической мысли. Основное содержание исследования составляет анализ природы мышления человека. На основе философских воззрений Б. Спинозы, К. Маркса, Э.В. Ильенкова, а также психологии Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева обосновывается материалистическая концепция преобразующей деятельности людей как источника мышления. Особое внимание в работе автор акцентирует на огромном потенциале данной концепции для совершенствования содержания образования и методов обучения. Работа имеет междисциплинарный характер, написана на стыке философии, психологии и педагогики.*

Ключевые слова: *преобразующая деятельность; сознание; рассудок; разум; конкретное и абстрактное; диалектика; К. Маркс; Б. Спиноза; Э.В. Ильенков; Г.В. Лобастов.*

Сегодня российское образование, когда в его приоритетных направлениях наблюдается сдвиг к прагматизму и усилению гражданского самосознания, демонстрирует скептическое отношение к фундаментальным научным знаниям и способам их формирования [1]. Однако в условиях небывалых темпов развития техники и технологий, грозящих критическим отставанием нашей страны от Запада, обществом востребованы мыслящие личности. Но в любом противоречии, как нас учит Гегель, заложено его разрешение, просто по определению.

Для разрешения этого противоречия нам необходимо обратиться к Эвальду Васильевичу Ильенкову (1924-1979) – философу советского периода с мировой известностью. Глубокое содержание его работ, редкая смелость мысли, сравнимая, возможно, лишь со Спинозой – идеалом самого Ильенкова, независимый от общепринятых мнений поиск ответов на «вечные» мировоззренческие проблемы и блестящий литературный стиль – всё вызывает научный и человеческий интерес и доверие к этой личности. В силу обстоятельств 40-70-ых годов прошлого века он не был принят официальной властью и философами, обслуживающими идеологию режима [2].

Э.В. Ильенкова волновали проблемы мышления, творческой деятельности человека, феномена личности. Эти и многие другие вопросы культурологического характера нашли отражение в его известной книге «Философия и культура». В то время как философы советского периода служили искажённому в интересах режима марксизму, то уже при жизни харизматичного учёного его смелыми и оригинальными идеями интересовалась молодая интеллигенция, которой приходилось слушать идеологическую ложь и пропаганду в студенческих аудиториях. Например, марксово понимание формационной теории в учебниках по истории ВКП (б) «нотариально заверенными марксистами» сводилось к механистической интерпретации, к пресловутой смене «строя»: первобытно-общинно, рабовладельческого, феодального, капиталистического и, наконец, коммунизмом, как будто общество развивается не по объективным причинам, а по заранее предопределённой схеме, где никакая случайность не может поколебать этой схемы.

Непонимание или намеренное отрицание властью того, что марксизм – это, прежде всего, концепция сущности человека, заключающейся в его сознании, и привело к этой пресловутой «пятичленке». Некритическое мышление авторов современных учебников продолжает традицию фальсификации формационной теории Маркса [3].

Ключевая мысль Маркса, как её правильно увидел Ильенков, была о человеке как субъекте, созидающем самого себя в процессе преобразования природы. А в условиях общественного разделения труда происходит и преобразование общественных отношений.

Сегодня информационные технологии кардинально трансформируют общественного производство, изменяется само понятие рабочей силы, но человеческое бытие в своих фундаментальных смыслах не меняются. Сущность человека по-прежнему определяется общественными отношениями, о чём и говорил Маркс [4].

Ильенков, воспитавший в себе диалектическое мышление в высшей степени, был единственным философом в стране в 50-70-ых годах прошлого века, оценившем Маркса как гениальную историческую личность, проложившую дорогу к разумному пониманию процесса мышления как к общественно-историческому процессу.

Эвальд Васильевич разворачивает эту мысль К. Маркса и с психологических позиций. В психологии отдельного человека процесс мышления затушеван, он не проявляется воочию. Индивид пользуется категориями, часто не осознавая этого подобно тому, как господин Журден из известного произведения не знал, что всю свою жизнь он говорил именно прозой. Но человечество в целом, в противоположность индивиду, обладает способностью исследовать сам процесс образования сознания. Если человечество этого не делает, то оно не способно развить способности мыслить в каждом человеке. Человеческое общество выступает как подлинный субъект мышления. Собственно, простая по форме, но глубокая по содержанию сентенция «откуда берётся ум?» [5] – это и есть вся философия Ильенкова.

Отвечая на свой вопрос, он делает важнейший вывод, который для психологов выглядит как абсурд: мышление в подлинном и точном смысле этого слова начинается объективной характеристикой объективной реальности, не зависящей от познающего субъекта. Это подход глубокомысленного диалектика, добросовестно изучившего и познавшего историю философии и в первую очередь – диалектику великого Гегеля.

Г. Гегель в мышлении выделяет две формы – низшую (рассудок) и высшую (разум). Рассудок даёт абстрактное, т. е. общее представление (не знание!) о предмете как единственное верное. Несмотря на теоретические знания учителя, что любое вещество имеет три агрегатных состояния, ученик в своём сознании укрепил сведения, что вода – жидкость, железо – твёрдое вещество, азот – газ. Рассудок останавливает сознание на представлении, неспособен привести к понятию. Так «крепостное право», «коллективизация», «деспотия», представленные в школьном курсе, так и останутся в сознании ученика раскрашенным в самых трагичных и тёмных красках, как неприглядные страницы в истории государства. Рассудок – распределение – это дизъюнкция в формальной логике: жидкое или твёрдое, демократия или деспотия, победитель или поверженный, слуга или хозяин, корень или побег, тычинка или лепесток, любовь или ненависть, красота или безобразие, бог или убожество и т.д.

Представление как абстрактная, однобокая форма мысли – это лишь первая ступень к формированию понятия как разумной формы мысли. Разум охватывает представление в целом, в его движении, в его превращении в противоположность. Так, крепостное право сохранило государственность России. Без закрепления крестьян на земле помещика они разбежались бы по огромной территории. Особенности нашего государства: людей мало, а земли много – продиктовали эту необходимость. Для сравнения с Европой: людей много, а земли мало. Коллективизация и раскулачивание привлекли в город огромные ряды рабочих, обеспечивших остро необходимую индустриализацию. Только рассмотрение с противоположных сторон, заключающихся в неразрывном единстве, постигается вещь – способом восхождения от абстрактного к конкретному. Так мыслит индивидуальное сознание, так познание реализуется в процессе обучения.

Вот тут-то, в этом пункте Ильенков предупреждает нас, что необходимость двигаться от неполного, одностороннего взгляда на предмет к более полному, к всестороннему знанию о нем исходит не из внутренних свойств сознания, из «природы сознания» как из чего-то однажды данного и неизменного, о чём было сказано выше.

Такой поход к пониманию мышления, по убеждению Ильенкова, неспособен объяснить появления и развития социальной деятельности человека, направленной на преобразование природы, поскольку особенности такой деятельности можно объяснить только с по-

зиций понимания социальной основы мышления, дающей знания о предмете преобразования. Далее, трактовка мышления как восхождение от абстрактного к конкретному, как это представлено у Гегеля [6], не позволяет вовсе понять специфику и законы научно-теоретического мышления как единственно способного открыть закономерности реально всеобщих законов, которым одинаково подчиняется любая конкретная система – экономическая система, солнечная система, химическая, политическая, биологическая форма взаимодействия – безразлично. Становление теории охватывает значительные временные промежутки с участием многих исследователей.

Итак, первопричина мышления – производящая деятельность людей, вынужденными действовать с предметами для своей потребности, но при этом на основе знания свойств этого предмета. На эту особенность человеческой деятельности указывал ещё Платон, заметив смертельно опасную угрозу со стороны природных предметов, подлежащих преобразованию человеком и избегание которой связано со знанием свойств этого предмета. Чтобы произвести необходимые человеку разнообразные материалы и предметы из нефти, надо знать химические свойства, химический состав, физические свойства и прочие научные принципы – математические, геологические, географические и т.д.

Таким образом, развитие производящей деятельности людей приводит к развитию мышления, к появлению всеобщих категорий мышления. Познавая свойства отдельных вещей, человек познаёт всеобщие закономерности развития. а не только отдельные свойства вещей. Но это возможно лишь в социальных условиях.

До Маркса первым мыслителем, давшим материалистическое объяснение мышления, Ильенков считал Бенедикта Спинозу. Ильенков в «Этике» уловил смелую мысль Спинозы о том, что человеческая деятельность – это не деятельность некой особой духовной субстанции, как это было принято в идеализме, а как деятельность особого мыслящего материального тела по логике вещей вне этого мыслящего тела. Такая трактовка философии Спинозы не была принята философами единодушно [7].

Г.В. Лобастов в своём эссе об Ильенкове резюмирует, что материалистическое понимание мышления – это, по сути, и развертывание тезиса о развитии мышления как органической части общественно-исторического процесса и закономерного атрибута производящей деятельности человека (как импульса самого исторического процесса [4].

Известная и многострадальная работа Э.В. Ильенкова «Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении», корнями уходящая во «Введение к «К критике политической экономии»» К. Маркса [8], представляет собой системное обозрение философии Ильенкова и подлинно научное их понимание идей К. Маркса и Ф. Энгельса. Полное издание и под первоначальным заголовком книга Ильенкова вышла лишь в 1997 году. Истинно диалектическое проникновение в воззрения К. Маркса позволило Ильенкову своим широким взглядом охватить природу личности, роль воображения и искусства в человеческом познании, основания и задачи психологии и педагогики через призму материалистического понимания истории. Он показал, что сознание заключено не в особенностях работы мозга, не в его физиологии, как полагают современные психологи, а в содержании и особенностях чувственно-конкретной деятельности. Видные советские и российские психологи также стояли на этой материалистической основе. Теория получившие всемирную известность теория интериоризации Л.С. Выготского [8], культурно-историческая теория А.Н. Леонтьева [10] построены на материалистической основе.

Ильенков последовательно и популярно доказывает тезис об общественной преобразовательной деятельности, обусловливающей появление и развитие сознания. Человек рождается в окружении предметов, сделанных людьми для людей, т.е. общественных предметов. Ребёнку приходится оперировать с общественными предметами, созданных трудом на основе мышления. Таким образом, в предметы заложена не биология, а человеческие отношения, культура. И ребёнок вынужден их познавать, познавать логику этих предметов. В этот момент рождается психика, способная воспринимать информацию, обучаться. Именно с этого момента ребенок спо-

собен овладевать речью, включаться в человеческие взаимодействия. Вот так умно и без унизительного менторства Ильенков доводит до очевидности глубокие философские закономерности.

Философ последовательно критиковал претензии к Марксу, который, якобы, говорит о социальных макросущностях и ничего не говорит о личности, об индивидуальном «Я». Также критиковал призывы дополнить теорию Маркса, фокусируясь на благополучии и счастье личности. Фальсификаторы марксизма видели в нём злой умысел: якобы, это классическое учение сознательно выявляет общие объективные закономерности исторических процессов, и в эти тщательно «продуманные» рамки загоняют живых участников истории – индивидов.

Насколько несостоятельна подобная критика классического марксизма Ильенков показывает разработкой своей теории личности. Именно на мысль Маркса о формировании человека и человеческих отношений в процессе общественно-производственной деятельности опирается Ильенков. Диалектический метод доказывает, что именно такой подход позволяет понять, как складывается человеческая личность, нисколько не противореча очевидной уникальности и неповторимости каждого человека, каждой конкретной личности. Ильенков приводит гегелевское понимание всеобщего как закон, управляющий массой людей и в то же самое время реализующийся в движении каждого из них, несмотря на их неодинаковость и, более того, благодаря этой неодинаковости. Маркс обозначил этот феномен как широко известную идеологему: «единство во многообразии». «Конкретная всеобщность» заключается и сохраняет себя лишь при условии многообразно расчлененной внутри себя.

Каково же это всеобщее, представленное содержанием человеческой личности? Собственно, это то, что является условием для ее формирования – совокупность всех общественных отношений. Маркс выразился ещё многозначительнее – «ансамбль» всех социальных отношений.

Отвечая на критику экзистенциалистов о невозможности разнообразия индивидов в единых социальных условиях, Ильенков совершенно диалектически отвечает, что личность - индивидуально освоенный, пережитый и осмысленный индивидом «ансамбль человеческих отношений» в конкретной жизненной определённости. Однако сами способы осознания индивид черпает из того самого «ансамбля», состоящего из общих качеств взаимодействующих элементов национальной культуры, образования и традиций, из общих характеристик социального строя, в которых человек живёт и развивается.

Биосоциальные теории природы человека пошли ещё дальше в своём механицизме, чем экзистенциальные, утверждая наличие врождённых различий между индивидами. Отвечая на всякую форму критики, Ильенков остаётся на прочной позиции, что среда есть всегда конкретная совокупность социальных отношений, включающая разнообразные формы взаимоотношений между индивидами.

Концепция Ильенкова, заключающаяся в прямой зависимости личности от конкретной формы общественной деятельности, побудила философа погрузиться в педагогику. Подлинное образование состоит не в передаче готовых формул и правил, которые нужно потом еще учиться как-то практически применять (известный педагогический маразм – применение знаний на практике), а в создании условий, … предписывающих ученику определённый способ действий. И после совершения действия в его составе можно и нужно выявить правило, схему, которой это действие вынуждено было подчиняться. В таком случае человек уже умеет обращаться с предметом сообразно его природе. Здесь речь не идёт о реальном действии в пространстве. Школа всегда занималась формированием идеального, хоть в этом не отдавала себе отчёта. Действие с предметом в учебном процессе разворачивается в моделировании [11].

Итак, преобразующая, творческая деятельность есть сущность человека, его и «всеобщее», формирующее культуру его мышления. С изменением условий меняется содержание и формы этой деятельности, вместе с этими изменениями меняется сама сущность человека. Однако не надо думать, как показали К. Маркс и Э.В. Ильенков, что развитая цивилизация автоматически высветит в каждом яркую индивидуальность, сформирует в каждом человеке свободную счастливую личность. Тотальное развитие каждого индивидуума от-

нюдь не только следствие, но и условие возможности новых отношений человека к человеку. Существующая организация каждой отдельно взятой человеческой жизни воспроизводит лишь «частичного человека» (по Марксу), не способного ни к осуществлению своего развития, ни к организации условий для этого.

Выявленная К. Марксом и развёрнутая Э.В. Ильенковым концепция общественной деятельности людей как источник мышления имеет колоссальное педагогическое значение и налагает на учительские коллективы соответствующую меру ответственности за создание условий для формирования мыслящих, полезных обществу личностей.

Библиографический список

1. Сухарев О.С. Трансформация высшего образования: преодоление конфликта компетенций и фундаментальности / О.С. Сухарев, В.В. Спасенников // Эргодизайн. – 2020. – № 3 (9). – С. 107-119. – DOI 10.30987/2658-4026-2020-3-107-119. – EDN TDUHZR.

2. Зера Черкесова. Новеллы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stihi.ru/avtor/zorka1001.

3. Бабленкова И.И., Сурова Е.А. Обществознание для поступающих в вузы. – М.: ЭКСМО, 2012. – 352 с.

4. Лобастов Г.В. Вместе. В пространстве смыслов Э.В. Ильенкова (философическое эссе) / Г.В. Лобастов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2(42). – С. 143-156. – DOI 10.24151/2409-1073-2024-2-143-156. – EDN VVWFTJ.

5. Ильенков Э.В. Учитесь мыслить смолоду. – М.: Полииздат, 1997. – 256 с.

6. Гегель Г.В.Ф. Кто мыслит абстрактно? // Знание – сила. – 1973. – № 10. – С. 41-42.

7. Поляруш А.А. Детерминация свободы знанием в этике Б. Спинозы как актуальный педагогический ресурс / А.А. Поляруш // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 11-4 (98). – С. 84-86. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-11-4-84-86. – EDN CSJYLM.

8. Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857-1858 годов) // Собр. соч., изд. 2, т. 12. – М.: Политиздат, 1958. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH018ddaf076549bb2276a3b8d.

9. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: АСТ, 2025. – 576 с.

10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, Академия. 2010. – 303 с.

11. Поляруш А.А. Всеобщий принцип противоречия как методологическая основа системного моделирования / А.А. Поляруш // Эпоха науки. – 2019. – № 18. – С. 140-144. – DOI 10.24411/2409-3203-2018-11831. – EDN NHVEOW.

DIALECTICS AND POSITIVISM IN SOLVING PROBLEMS OF FORECASTING SOCIAL PROGRESS

A.A. Polyarush, *Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor*
Krasnoyarsk State Agrarian University, Achinsk branch
(Russia, Achinsk)

Abstract. *The article is devoted to the urgent problem of leaching the philosophical foundation from pedagogical thought. The main content of the research is an analysis of the nature of human thinking. Based on the philosophical views of B. Spinoza, K. Marx, E.V. Ilyenkov, as well as the psychology of L.S. Vygotsky and A.N. Leontiev, the materialistic concept of transformative human activity as a source of thought is substantiated. The author pays special attention to the enormous potential of this concept for improving the content of education and teaching methods. The work is interdisciplinary, written at the intersection of philosophy, psychology and pedagogy.*

Keywords: *transformative activity; consciousness; reason; reason; concrete and abstract; dialectics; K. Marx; B. Spinoza; E.V. Ilyenkov; G.V. Lobastov.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СТРАТЕГИИ ДУХОВНОГО РАЗВИТИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ДОКТРИНЫ «НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДУХ – МИРОВЫЕ ВЫСОТЫ»

А.А. Тайлакова[1], *канд. филос. наук, доцент*
О.Дж. Осмонов[2], *чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук, профессор*
Л.К. Алтымышбаева[3], *канд. ист. наук, ст. преподаватель*
[1]Международный университет Кыргызской Республики
[2]Кыргызский национальный аграрный университет им. К.И. Скрябина
[3]Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-52-57

Аннотация. *Статья посвящена междисциплинарному исследованию исторической памяти как ключевого фактора стратегии духовного развития общества в контексте Доктрины Кыргызской Республики «Национальный дух – мировые высоты». Цель исследования – раскрыть функции исторической памяти как ценностного, мировоззренческого и нормативного ресурса доктринальной модели развития. Методология опирается на историко-аналитический, философско-герменевтический и аксиологический подходы. Доктринальный текст рассматривается как стратегический гуманитарный документ, институционализирующий формы культурной памяти. Делается вывод о том, что память выступает механизмом ценностной преемственности и духовной консолидации в стратегии развития государства.*

Ключевые слова: *историческая память; духовное развитие; национальная идентичность; ценности; доктрина; гуманитарная стратегия; междисциплинарный анализ.*

В современном гуманитарном знании историческая память рассматривается как одна из ключевых форм общественного самосознания, обеспечивающая преемственность культурного опыта, устойчивость идентичности и ценностную направленность развития. В условиях глобальных трансформаций и усложнения общественных процессов возрастает значение стратегических документов, закрепляющих духовные и ценностные ориентиры общественного развития.

Доктринальные тексты выполняют не только программную, но и символически-интегративную функцию: они формируют нормативный образ прошлого, настоящего и будущего, обеспечивая смысловую рамку коллективного развития. В этом отношении особый интерес представляет *Доктрина Кыргызской Республики «Национальный дух – мировые высоты»* (далее – Доктрина) [1], в которой стратегия развития напрямую связывается с исторической преемственностью, культурным наследием и духовными ценностями.

Цель выполненного исследования – раскрыть роль исторической памяти в стратегии духовного развития на основе междисциплинарного прочтения Доктрины.

Методологическую основу составляет междисциплинарный подход, объединяющий историко-аналитический, философско-герменевтический и аксиологический методы. Применяется концептуальный анализ ценностных формулировок, интерпретация нарратива и смысловой структуры стратегического текста. Доктрина рассматривается как эмпирический источник гуманитарно-стратегического типа, отражающий институционализированную форму культурной памяти.

Историческая память в гуманитарном знании понимается как ключевая форма общественного самосознания, обеспечивающая преемственность культурного опыта, устойчивость идентичности и ценностную направленность развития общества. Она изучается на стыке истории, философии, социологии и культурологии и включает познавательные, символические и нормативные элементы. Здесь уместно отметить, что академическая история ориентирована на критический анализ источников и реконструкцию событийной картины прошлого, тогда как историческая

память функционирует в пространстве общественных интерпретаций и символических представлений. Она проявляется через устойчивые повествовательные модели, знаковые образы, коммеморативные практики и культурные формы фиксации опыта. Тем самым речь идет не только о сохранении сведений о прошлом, но и о формировании его социально значимых интерпретаций, которые участвуют в осмыслении текущей реальности и определении направлений дальнейшего развития. В этой логике Ж.Т. Тощенко трактует историческую память как особую форму актуализированного исторического сознания, выделяющего и переосмысливающего наиболее значимые события и образы прошлого в соотнесении с современными общественными задачами и представлениями о будущем [2].

Историческая память имеет социальную природу: она складывается в рамках культурных традиций и институтов и всегда связана с ценностями и интересами общества. Поэтому она носит нормативный характер и играет важную роль в духовных стратегиях. При этом память избирательна – сохраняется не все прошлое, а то, что признано значимым и образцовым. Так формируется символическое ядро опыта, выполняющее ориентирующую функцию. Анализ взаимодействия исторической и социальной памяти показывает их взаимную обусловленность и функциональное дополнение: отражение исторических процессов в общественном сознании направлено не только на реконструкцию прошлого, но и на выработку ценностно-смысловых ориентиров настоящего [3].

С философской точки зрения прошлое присутствует в сознании через интерпретацию, а не как набор фактов. Его понимание меняется вместе с ценностными установками эпохи, поэтому память подвижна и подлежит переосмыслению. Через нее формируется коллективная идентичность – образ общего «мы», имеющий временную глубину и культурную опору.

Междисциплинарный подход обеспечивает возможность рассмотрения исторической памяти как сложного, динамично развивающегося социального явления, отражающего всю совокупность социальных связей, которые обеспечивают историко-культурную преемственность общества и наследование накопленного им опыта [4].

В междисциплинарной перспективе историческая память выступает не только объектом сохранения, но и ресурсом развития – инструментом ценностного обоснования общественных стратегий. В этом качестве она служит основой духовных и гуманитарных моделей устойчивого развития современного общества.

В данном контексте Доктрина «Национальный дух – мировые высоты» представляет собой стратегический гуманитарный документ концептуального типа, в котором формирование модели будущего развития государства осуществляется через системное обращение к исторической памяти, духовным ценностям и культурному наследию. По своему содержанию Доктрина выходит за пределы прикладной программности и выступает как нормативно-мировоззренческая рамка, соединяющая исторический нарратив, ценностную философию и стратегическое целеполагание.

В междисциплинарной интерпретации подобные тексты могут рассматриваться как формы символического и ценностного проектирования, в которых прошлое используется не только как объект описания, но как источник нормативных оснований развития. Доктрина формирует устойчивую связку между историческим опытом, духовной идентичностью и образом будущего, тем самым переводя историческую память в категорию стратегического ресурса общественного развития.

Концептуальная логика Доктрины построена по принципу ценностно-исторической легитимации: стратегические ориентиры и цели будущего выводятся из интерпретации исторического пути народа, его духовной устойчивости и культурной непрерывности. Такая модель соответствует описываемому в гуманитарной теории механизму легитимации через коллективную память, при котором нормативные установки настоящего получают обоснование через символически осмысленное прошлое. Историческая преемственность в этом случае выступает не фоном, а аргументом стратегического выбора.

Во вводных положениях Доктрины формируется развернутая историко-идентификационная рамка. Народ представлен как субъ-

ект длительной исторической судьбы, прошедший через периоды государственности, утраты политической самостоятельности, культурных разрывов и последующего восстановления независимого государства. Исторический путь интерпретируется как последовательность испытаний, преодоленных благодаря внутреннему единству, духовной силе и ценностной устойчивости. Через такую интерпретацию формируется модель исторической жизнеспособности, усиливающая символический статус современного государства.

Существенной особенностью доктринального дискурса является расширительное понимание форм исторической преемственности. В качестве носителей памяти рассматриваются не только письменные и государственно-институциональные источники, но и устная традиция – *эпос, пословицы, назидательные тексты, родословные повествования.* Тем самым утверждается многоканальная структура исторической памяти. В теоретическом плане это соответствует различению институционально закрепленной культурной памяти и коммуникативной памяти, поддерживаемой живыми формами передачи смысла и опыта.

Подобное расширение источников памяти усиливает тезис о непрерывности исторического самосознания даже в условиях институциональных утрат. Историческая память представляется как глубинная культурная способность, обеспечивающая сохранение идентичности независимо от политических и структурных изменений. Это придает стратегическому нарративу дополнительную устойчивость.

Важным элементом доктринальной конструкции является соединение исторического нарратива с проектной установкой на развитие. Будущее государства описывается не как разрыв с традицией, а как ее раскрытие и продолжение на новом уровне. Формула достижения «мировых высот» логически связывается с внутренним духовным потенциалом и историческим опытом народа. Тем самым модернизация интерпретируется как ценностно укорененный процесс. Историческая память выполняет функцию смыслового посредника между традицией и инновацией.

Доктрина включает также компонент историко-социальной рефлексии современного этапа развития. Социальные деформации, кризис доверия к институтам, ослабление роли науки и культуры, рост неравенства интерпретируются как следствие утраты стратегической и ценностной целостности. Историческая память используется как инструмент критического соотнесения настоящего с нормативным историческим опытом. Через это формируется аргументация в пользу необходимости национальной идеи и духовно ориентированной стратегии развития. Память в данном случае выполняет корректирующую и рефлексивную функцию.

Отдельного анализа заслуживает закрепленная в Доктрине ценностная иерархия, в которой духовные и нравственные основания объявляются приоритетными по отношению к исключительно материальным показателям развития. Такое положение придает стратегии выраженное *философско-аксиологическое измерение.* Развитие трактуется как комплексный процесс, включающий нравственное и культурное укрепление общества. Историческая память становится источником легитимации этой иерархии, поскольку именно в историко-культурной традиции усматривается происхождение базовых нравственных норм.

При этом ценностное осмысление прошлого в Доктрине не сводится к закрытому этноцентричному подходу. Подчеркивая историческую роль кыргызского народа как носителя национального духа, текст Доктрины одновременно закрепляет полиэтнический характер государства, принципы гражданского равенства и этнотолерантности. Историческая память используется как объединяющая символическая рамка для всех граждан, независимо от этнической принадлежности. Это позволяет говорить об интегративной модели ценностно-исторической легитимации.

Институциональный аспект доктринального подхода проявляется в том, что историческая память связывается с системой образования, науки, культуры, воспитания и языковой политики. Предполагается не только сохранение наследия, но и его целенаправленная трансляция. Память тем самым переводится в сферу институционального воспроизводства и становится элементом государственной гуманитарной стратегии. Она приобретает статус управляемого ресурса духовного развития.

Таким образом, Доктрина формирует многоуровневую модель ценностно-исторической легитимации развития, в которой историческая память выполняет роль нормативного основания, символического ресурса и стратегического ориентира. Через интерпретацию прошлого задаются параметры ценностной системы, модели гражданского поведения и направления будущего движения общества и государства.

Доктрина «Национальный дух – мировые высоты» в содержательном отношении представляет собой целостную ценностно-мировоззренческую конструкцию, в которой историческая память встроена в систему стратегического целеполагания, духовной мобилизации и нормативного проектирования общественного развития. В междисциплинарной перспективе Доктрина может быть интерпретирована как форма институционализации культурной памяти, переведенной в язык государственной гуманитарной стратегии.

Историческая память в тексте Доктрины не ограничивается упоминанием прошлого как исторического фона. Она выступает структурообразующим элементом дискурса: через нее формируются основания легитимности, ценностные иерархии, модели гражданской идентичности и образ будущего. Это позволяет рассматривать доктринальный текст как пространство смысловой интеграции истории, философии ценностей и стратегического мышления.

Структурный анализ Доктрины показывает, что историческая память включена в несколько взаимосвязанных смысловых уровней.

Первый уровень – историко-цивилизационный. В нем формируется представление о длительной исторической траектории народа, государственности и культурной традиции. Исторический путь описывается как последовательность испытаний, утрат и восстановлений, что создает модель исторической закалки и устойчивости. Такой нарратив выполняет функцию символического укрепления коллективной субъектности: народ представлен как исторический деятель, а не пассивный объект процессов.

Второй уровень – культурно-символический. Здесь память закрепляется через эпическое наследие, устную традицию, образы предков, родословные практики и культурные тексты. Особая роль отводится эпическому наследию, которое интерпретируется как концентрированное выражение мировоззрения, исторического опыта и нравственного идеала. В культурно-теоретической интерпретации подобные тексты выступают как символические центры коллективной памяти – устойчивые смысловые формы, через которые общество структурирует самопонимание.

Через культурно-символический уровень память приобретает образную и нормативную плотность. Исторический нарратив соединяется с моральным примером, а культурный герой – с моделью гражданского поведения. Это обеспечивает переход от описания прошлого к формированию ценностных ориентиров настоящего.

Третий уровень – нравственно-нормативный. Историческая память в Доктрине выступает источником и обоснованием системы ценностей. Такие категории, как *честь, достоинство, великодушие, ответственность, справедливость и служение,* выводятся из историко-культурной традиции и закрепляются как нормативные характеристики гражданина. Прошлое используется как пространство моральных прецедентов. Тем самым память выполняет функцию ценностной типизации: она задает не только знание о прошлом, но и образ должного поведения.

С философской точки зрения это соответствует аксиологической интерпретации исторической памяти, в которой она выступает формой трансляции ценностного опыта. Память становится не только когнитивной, но и нормативной структурой. Через нее общество формирует критерии оценки поступков и стратегических решений.

Четвертый уровень – институциональный. Доктрина последовательно связывает историческую память с системой образования, науки, культуры, языка, воспитания и социальной политики. Тем самым память переводится из спонтанной культурной практики в сферу институционального воспроизводства. Она становится объектом целенаправленной трансляции и поддержки. В гуманитарной теории это соответствует переходу от коммуникативной памяти к культурной памяти, закрепленной в институтах и нормах.

Особое место в институциональном измерении занимает язык. Государственный язык трактуется как символ государственности и носитель исторической памяти. Языковая практика рассматривается как механизм сохранения смыслов и культурной преемственности. В философско-герменевтическом понимании язык выступает средой существования исторического опыта, что усиливает значимость языковой политики в стратегии духовного развития.

Отдельного внимания заслуживает способ соединения исторической памяти и образа будущего в Доктрине. Прошлое не противопоставляется модернизации и инновациям. Напротив, оно интерпретируется как духовный ресурс движения вперед. Формула достижения «мировых высот» связывается с внутренним ценностным потенциалом и историческим духом народа. Тем самым формируется проектная функция памяти – она участвует в конструировании будущего.

Таким образом, историческая память в структуре Доктрины выступает как многослойный гуманитарный механизм, соединяющий исторический опыт, ценностную систему и стратегическое целеполагание. Она выполняет роль смыслового посредника между традицией и модернизацией, между культурным наследием и программой развития.

Заключение. Междисциплинарное рассмотрение Доктрины «Национальный дух – мировые высоты» позволяет увидеть ее как ценностно-стратегическую модель общественного развития, в которой обращение к историческому опыту выполняет системообразующую роль. Историческая память включается в структуру духовных ориентиров, гражданской идентичности и гуманитарных приоритетов развития.

Прошлое в доктринальном дискурсе выступает не как объект сохранения, а как интерпретируемый ресурс смысловой и ценностной ориентации, связанный с задачами образования, культуры и общественной консолидации. Такое понимание задает динамическую связь традиции и проектного видения будущего.

Применение междисциплинарного подхода показывает продуктивность анализа стратегических гуманитарных текстов через категории памяти, ценностей и идентичности и открывает возможности для дальнейших исследований духовных оснований развития общества и государства.

Библиографический список

1. Доктрина Кыргызской Республики «Национальный дух – мировые высоты» (Утверждена Указом Президента КР от 18 декабря 2024 года УП № 369). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/18-11/edition/23328/ru.

2. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 3-14.

3. Мысливец Н.Л. Историческая память: к вопросу о ее методологическом статусе // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2023. – № 3. – С. 9-20.

4. Касьянов В.В., Чупрынников С.А. Историческая память, социальная память: диалектика взаимодействия // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2020. – № 4(269). – С. 54-61.

HISTORICAL MEMORY IN THE STRATEGY OF SPIRITUAL DEVELOPMENT: AN INTERDISCIPLINARY READING OF THE «NATIONAL SPIRIT – GLOBAL HEIGHTS» DOCTRINE

A.A. Tailakova[1], *Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor*
O.D. Osmonov[2], *Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Historical Sciences, Professor*
L.K. Altymyshbaeva[3], *Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer*
[1]International University of the Kyrgyz Republic
[2]Kyrgyz National Agrarian University Named After K.I. Skryabin
[3]Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *This article is devoted to an interdisciplinary study of historical memory as a key factor in the strategy of spiritual development of society in the context of the Doctrine of the Kyrgyz Republic «National Spirit – Global Heights». The purpose of this study is to explore the functions of historical memory as a value-based, ideological, and normative resource for the doctrinal development model. The methodology draws on historical-analytical, philosophical-hermeneutic, and axiological approaches. The doctrinal text is viewed as a strategic humanitarian document institutionalizing forms of cultural memory. It is concluded that memory serves as a mechanism for value continuity and spiritual consolidation in the state's development strategy.*

Keywords: *historical memory; spiritual development; national identity; values; doctrine; humanitarian strategy; interdisciplinary analysis.*

МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ В ЯЗЫКЕ ИНТЕРНЕТ-ФОРУМОВ КЫРГЫЗСТАНА

Г.А. Айтматова, *старший преподаватель*
А.Х. Бисерова, *преподаватель*
Д.Р. Тойчуева, *старший преподаватель*
Г.Ж. Жамшитова, *канд. филол. наук, доцент*
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-58-63

Аннотация. *В данной статье представлен анализ слов молодежного сленга, использованных в интернет-форумах Кыргызстана. Актуальность темы состоит в том, что активные изменения словарного состава русского и кыргызского языков требуют глубокого и всестороннего описания функционально-семантических особенностей молодежного сленга в интернет-коммуникации как отдельного специфического пласта лексической системы языка. Цель выполненного исследования – выявление и описание семантических особенностей молодёжных интернет-сленгизмов, используемых в интернет-форумах Кыргызстана, определение их способов образования и функциональной значимости. Результаты исследования могут быть полезны для сопоставительного языкознания, составления словарей сленга, а также при изучении билингвизма.*

Ключевые слова: *сленг; молодежный сленг; сленгизмы; интернет-форум; словарный состав; лексикография; интернет-коммуникация.*

Известно, что Интернет развивается очень стремительно, число пользователей интернета с каждым годом растет. Данное явление породило создание некодифицированной подсистемы русского и кыргызского языка - молодёжного сленга, при помощи которого осуществляется интернет-коммуникация. Актуальность исследования состоит в необходимости описания функционально-семантических особенностей источников пополнения и способов образования слов молодежного сленга интерне-коммуникации. Необходимо так же отметить, что в кыргызском языкознании не было попыток научного исследования молодежного языка.

Целью нашего исследования является выявление и описание семантических особенностей молодёжных интернет-сленгизмов, определение их способов образования и функциональной значимости.

Материалом исследования послужили интернет-ресурсы собранные на интернет-форуме, действующем в Кыргызстане «Дизель форум» – Diesel Forum в котором есть различные рубрики, в том числе молодёжные: «Флейм», «Знакомства», «Байк», «Образование», «Юмор», «Чувства», «Досуг и увлечения» и др. [1].

Для решения поставленных задач нами использованы следующие методы исследования: описательный метод; приём частичной выборки; метод семантического анализа; метод словообразовательного анализа, способствующего осмыслению формирования структуры сленговых единиц; а также метод непосредственного лингвистического наблюдения.

В научной литературе имеются разнообразные определения сленга, они представлены у таких авторов, как В.А. Хомяков, Беликова И.А., О.С. Ахманова, Е.Н. Галичкина, И.Р. Гальперин и Р. Спирс [2, с. 43]. Но несмотря на свою популярность, нельзя дать точное определение понятию «сленг». Интернет-сленг (или более широкое понятие компьютерный сленг) – это разновидность сленга, который используется IT-специалистами и другими пользователями компьютеров и Интернета [3, с. 78].

Множество форумов в сети Интернет, на которых происходит общение молодежи, имеют одну общую особенность: все они содержат большое количество специфических сленговых слов и выражений. Наличие англицизмов, сокращений и аббревиатур – все это характерная черта молодежных форумов [4, с. 56].

Современную эпоху можно характеризовать как эпоху глобального информационного общества, одним из главных особенностей которой является наличие глобальной сети Интернет. Быстрое расширение ее использования наблюдается во всех сферах жизни общества.

Интернет-коммуникация имеет свои отличительные характеристики. Так, А.В. Соколов полагает, что Интернет – глобальная социально-коммуникационная компьютерная сеть, предназначенная для удовлетворения личностных и групповых коммуникационных потребностей за счет использования телекоммуникационных технологий [5, с. 123].

Основными особенностями интернет-коммуникации являются: анонимность (пользователи могут общаться, не называя своего имени), добровольность контактов (он может общаться с кем пожелает, а если не захочет, он может прервать общение), эмоциональная насыщенность (коммуниканты могут открыто выражать свои эмоции, не боясь, что их осудят) отсутствие невербальных средств и физического контакта с собеседником и т.д. [6, с. 86].

Общение стало доступнее и дешевле, для быстрого обмена информацией разработано немало средств: электронная почта, чаты, блоги, форумы, социальные сети, гостевые книги, телеконференции или группы новостей. В связи с этим сеть Интернет стала средством общения для многих людей. Одним из самых важных из этих средств являются интернет-форумы.

Форум – это абсолютно новый способ общения. Он интересен для исследования потому, что участники используют «гибридную» форму речи (смешение устного и письменного текстов). Общение на форуме представляет собой особый электронный разговор, где коммуникация происходит в асинхронной форме». Как отмечает исследователь, интернет-форум как самостоятельный жанр коммуникации еще не был исследован, в связи с чем его изучение представляет особый интерес [5, с. 67].

Выделяют особенности данного жанра интернет-коммуникации: во-первых, интернет-форум представляет собой виртуальный полилог; во-вторых, многоаспектное изучение русского форума и сравнение его с национальными форумами других стран позволяют сделать вывод, что одной из важных образующих черт данного жанра коммуникации является иерархичность; в-третьих, особенность коммуникации на форуме – это «статусность» общения. Под коммуникативным статусом мы понимаем совокупность стабильных коммуникативных параметров субъекта; «положение субъектов коммуникации относительно друг друга» [6, с. 87].

Ввиду того, что интернет-форум постоянно развивается, люди контактируют друг с другом, обсуждают интересующие их вопросы, связанные с политикой, экономикой, техникой, образованием и т.д. на интернет-форумах, возникает множество специфических сленгов, как технических, так и социальных. Данный факт является одной из причин, по которой современная разговорная и письменная речь стремительно меняется. В настоящее время без специального словаря и минимального знания сленга невозможно понять элементарное сообщение.

Следует указать объективные причины появления и широкого использования молодёжного сленга в интернет-коммуникации. Во-первых, это связано с развитием компьютерных сетей, проникновением технологий во все сферы общества, а также с недостаточной сформированностью русскоязычной компьютерной речи.

Во-вторых, в настоящее время происходит глобализация культуры, интенсификация проникновения иностранного искусства в массовый доступ, например, киноиндустрия, музыка, «клубная» культура.

И, наконец, это связано с необходимостью быстро и чётко выражать эмоции в социальных сетях, обмениваться мыслями, ставить и решать проблемы.

Анализ фактического материала, собранного на интернет-форуме, действующем в Кыргызстане «Дизель форум» – Diesel Forum, в котором есть различные рубрики, в том числе молодёжные: «Флейм», «Знакомства», «Байк», «Образование», «Юмор», «Чувства», «Досуг и увлечения» и т.п. позволил нам выделить 5 основных тематических групп молодежного сленга. Основанием для данной классификации является общность центрального, ядерного компонента в семантической структуре сленгизма.

Социолингвистический портрет носителя молодёжного интернет-сленга. Совре-

менный молодёжный интернет-сленг является отражением социальных, культурных и языковых процессов, происходящих в обществе. Его носитель представляет собой особый тип языковой личности, формирование которой происходит под влиянием цифровой среды, глобализационных процессов и билингвальной языковой ситуации, характерной для Кыргызской Республики.

Носителями молодёжного интернет-сленга преимущественно являются лица в возрасте от 14 до 30 лет, активно использующие интернет-коммуникацию как основное средство социального взаимодействия. Для данной возрастной группы характерны высокая степень вовлечённости в виртуальное пространство, регулярное участие в онлайн-дискуссиях, а также стремление к самовыражению и самоидентификации через язык. Интернет-форумы, социальные сети и мессенджеры выступают в качестве коммуникативных платформ, где формируются и закрепляются сленговые единицы.

Важной характеристикой социолингвистического портрета носителя молодёжного интернет-сленга является его билингвальность. Большинство участников интернет-форумов Кыргызстана свободно владеют как кыргызским, так и русским языками, что обусловливает активное использование кодового переключения (code-switching) в процессе коммуникации. Переключение кодов происходит как на уровне отдельных лексем, так и на уровне словосочетаний и целых высказываний. Данное явление выполняет не только коммуникативную, но и экспрессивную функцию, усиливая эмоциональную окраску сообщения и демонстрируя принадлежность говорящего к определённой социальной группе.

Следует отметить, что билингвизм носителя молодёжного интернет-сленга носит преимущественно асимметричный характер: один из языков (чаще русский) используется как базовый для построения высказывания, тогда как элементы второго языка (кыргызского) выполняют функцию стилистического и эмоционального усиления. В то же время наблюдается и обратная тенденция, при которой кыргызский язык выступает в роли основного, а русские и английские заимствования в роли экспрессивных маркеров.

Социальный статус носителей молодёжного интернет-сленга неоднороден. Среди них представлены школьники, студенты, молодые специалисты, а также лица, совмещающие учёбу и трудовую деятельность. Независимо от уровня образования, участники интернет-коммуникации демонстрируют высокий уровень цифровой грамотности, что проявляется в свободном владении интернет-терминологией, использовании технических сокращений, аббревиатур и графических средств (эмодзи, мемы, гиф-анимация). Это свидетельствует о формировании особой цифровой языковой компетенции, отличной от традиционных форм письменной и устной речи.

Особое место в социолингвистическом портрете носителя молодёжного интернет-сленга занимает его языковая креативность. Намеренное искажение слов, использование орфографических «ошибок», создание гибридных форм и неологизмов служат средством языковой игры и самовыражения. Подобные языковые эксперименты не следует рассматривать как признак низкой речевой культуры; напротив, они свидетельствуют о развитом языковом сознании и способности к творческому использованию языковых ресурсов.

Коммуникативное поведение носителя молодёжного интернет-сленга характеризуется высокой степенью эмоциональности и оценочности. В условиях отсутствия невербальных средств общения пользователи стремятся компенсировать данный дефицит за счёт экспрессивных языковых средств. Сленгизмы, междометия, графические элементы и эмодзи выполняют функцию передачи эмоций, оценки происходящего и выражения субъективного отношения к обсуждаемой теме. Таким образом, язык интернет-коммуникации приобретает черты устной разговорной речи, несмотря на письменную форму реализации.

Носитель молодёжного интернет-сленга также характеризуется стремлением к групповой идентификации. Использование определённого набора сленговых единиц позволяет участникам форума обозначить свою принадлежность к конкретному сообществу, отличить «своих» от «чужих» и установить неформальные отношения внутри группы. Владение сленгом становится своеобразным социальным маркером, обеспечивающим

успешную интеграцию в виртуальное пространство.

Кроме того, для носителей молодёжного интернет-сленга характерно ослабление нормативных языковых установок. Орфографические и грамматические нормы часто игнорируются сознательно, что связано с ускоренным темпом коммуникации и ориентацией на содержание сообщения, а не на его форму. В то же время в официальных и формализованных ситуациях общения большинство пользователей способны переключаться на нормативный язык, что свидетельствует о наличии функциональной языковой дифференциации.

Социолингвистический портрет носителя молодёжного интернет-сленга представляет собой сложное и многогранное явление. Он включает в себя билингвальную языковую личность с высокой цифровой компетенцией, склонную к языковой игре, эмоционально насыщенному общению и активному использованию сленговых единиц как средства самовыражения и социальной идентификации. Формирование данного типа языковой личности обусловлено особенностями современной интернет-коммуникации и отражает динамические процессы развития языка в условиях цифрового общества.

В результате проведенного анализа нами были выделены следующие основные группы молодежного сленга: сленгизмы, связанные с Интернет-общением; сленгизмы, связанные с обучением, образованием; сленгизмы, выражающие положительную оценку; сленгизмы, выражающие отрицательную оценку; сленгизмы «с ошибками».

Последовательно охарактеризуем каждую группу. Наименования, связанные с общением в интернет-форумах. Здесь нами было выделены следующие тематические группы: наименования пользователей Интернета; имена (ники) пользователей Дизель форума; слова и выражения, связанные с интернет-общением в форумах, соцсетях [7, с. 6-11].

Как свидетельствует проведенный анализ, на молодёжных форумах наиболее частотную тематическую группу образуют сленгизмы, связанные с общением в интернет-форумах, среди которых можно выделить следующие тематические группы слов: наименования пользователей Интернета*: дизельчанин, дизелянчик, форумчане, сообщество, акдосторконец, АДнын тургундары, жанычоктор, динолор, флеймеры, флудеры, пиошник, имхошник, имхошница, хейтер, прогер, тиктокерша, одинэсник* и др.

Особую группу составляют имена участников форума, которые принято также называть никнейм (Ник (кликуха, кличка) – nickname – сетевое имя, псевдоним, используемый пользователем в Интернете, обычно в местах общения (в блогах, форумах, чатах).

К примеру, имена пользователей Дизель форума: *Бухгалтер В. Пуха, Карабас, Пивнарь, Доктор Ксю, Марсианка, Снежинка, Сущий ангел, Калчылдашка, Особа-я, Мила-я, Бамбарбия (Барби дешет), Неженка, Мисс таинственность, Прелесть, Ярый борец за Кыргыз тил, ажурный бала, Старди Бо, Спамер, чйоооткий жигит, божий одуванчик, Кеке Шанель, скорпионгёрл, Жожошка, jannik, badgirl, webgirl, Angel-A, Roza Chainaya, Aiko, Zarinka, Patriot, Zebest, НЕподарок, ТЕНЬ, Камиказе, тентек, и др.*

Слова и выражения, связанные с интернет-общением в форумах, соцсетях: *Ак ДОСТОРкон, юзерпики, аватар (авы, авки, аватарки), ник, nickname, флеймить, сковородка флейма, модерировать, премодерация, предмодерировать, флуд, оффтоп, офтопик, ИМХО, сидюшник, инет, погуглить, окул ата гугл (гугл аке, гугл жене), группаны кызытуу, заблок, админ, дизлайк (диз, дизы) прогать, рандомный, мемасы, фейк, репост, хайп, хейтить, инста* и др.

Итак, сленгизмы со значением наименования пользователя Интернета составляют достаточно многочисленную группу.

Данные лексемы имеют как негативную, так и позитивную окраску. По происхождению большинство такого рода сленгизмов являются заимствованными из английского языка лексемами.

Ранее мы отмечали, что язык в Интернете имеет письменную форму. Что касается языка молодёжи в сетях можно выделить несколько его особенностей: сокращение слов, в том числе и аббревиатур (ИТ), неполные предложения, использование междометий (*Ваау!),* употребление эмоджи вместо междометий и выражений, неправильное написание слов.

Что касается последнего признака, в данном случае слова записываются либо так, как произносятся, либо специально с ошибками: Нами выписано 17 примеров, хотя таких слов достаточно больше и они довольно частотны

в общении молодёжи: *чота, эсличо, канешна, тока, МАМАчка, Кеке Шанель, Камиказе, пы.сы, ваще, даувай, падазрителный, кшмар, прафф* (*Модератор всегда прафф* – запись на нике), *олямкетсин, расуш* (расуш келдиби), *нармальня, кылыватшат, гапляштын, романтышная, дизайныр* и др. Появилась новая аббревиатура в кыргызском языке *ИТ (баары ле ИТ тармагында иштеп)* в результате автоматического переноса английского IT (интернет технологии).

Сленгизмы выписанные нами образованы различными способами: сокращение (комп, ава, ник, заблок), аббревиация (ИТ, АД, СС), аффиксация (литруха, дизелянчик, флеймер, козгждение, махабатизация и др.), заимствования из английского языка (*флуд, флейм, изи*. Экспрессивность придают метафоры (*сковородка флейма, башымдагы таракандар, динолор, Жөжөшка, божий одуванчик, Баягы теманын эшигин желе басып, өкүл ата гугл, группаны кызытуу.*

Особую группу составляют слова и выражения, образованные или составленные на стыке двух языков: *АкДОСТОРконец, динолор, Калчылдашка, Ярый борец за Кыргыз тил, ажурный бала, чйоооткий жигит, имхошник, шүмшүшка, Стукачит эткентасынбы, Ее дай кудай, падазрителна алып жүрөт, башымдагы таракандар, расуш келдиби, Жакшыраак уговаривайтэтсенер, Нармальня окусанар, Такшта айта бергиле, ничотаккыз, козгождение, Кайсарка, Давленна болуп кеттим, Покупатькыл, Последнее время жок, Переживать кылып атам, Серый кардиналдай болуп жүрө берет, кольский, махабатизация, өкүл ата гугл, гугл аке, гугл жеңе, тоскамды чыгарбачы, Крышаң жайындалеби? Эркешка.*

Выражение такого рода, как *Илон Маск тайкебиз* свойственно не только молодёжи, но и старшему поколению, оно имеет разговорный характер и часто используется в южном диалекте по отношению к известным людям, с целью показать близость человека к народу или то, что говорящий хорошо знает его (*Путин акебиз, Садыр укабиз, Мадонна эжебиз* и т.п.).

Таким образам, нужго отметить, что молодёжный сленг Интернет-пространства Кыргызстана состоит из лексикона, в основе которого лежит кыргызский и русский язык.

Сленгизмы и сленговые выражения имеют огромный удельный вес в Интернет-пространстве, и пользователи сети активно участвуют в создании молодежного сленга.

Достаточно продуктивными способами пополнения современного молодёжного сленга на интернет-форумах являются аббревиация и усечение. Образованные таким способом слова служат для более быстрого и экономного выражения мнения или передачи информации.

Одним из наиболее частотных способов образования сленгизмов является аффиксация (в том числе на стыке разных языков), среди аффиксальных способов наиболее частотными являются суффиксация и преффиксация.

И, наконец, нами были выявлены функции молодёжного языка. В первую очередь, это коммуникативная функция, при осуществлении которой происходит взаимный обмен информацией; а также экспрессивная функция, т.к. все слова и выражения, используемые носителями молодёжного сленга, имеют экспрессивную окраску, то есть передают определённые чувства говорящих. Весьма важна для молодёжного сленга и контактная функция, цель которой установление контакта с собеседником; и наконец, объединяющая функция, объясняемая важностью для молодого человека выглядеть быть интересным рассказчиком.

Молодёжный интернет-сленг представляет собой динамичную и постоянно обновляющуюся языковую подсистему, формирующуюся под влиянием социальных, технологических и культурных факторов. Стремительное развитие цифровых технологий, появление новых интернет-платформ, социальных сетей и форм онлайн-коммуникации создают благоприятные условия для дальнейшего роста количества сленговых единиц, а также для расширения сфер их употребления.

В перспективе можно ожидать усиления роли заимствований, прежде всего из английского языка, что связано с доминированием англоязычного контента в глобальном интернет-пространстве. Одновременно будет возрастать продуктивность гибридных образований, возникающих на стыке кыргызского, русского и английского языков, что является отражением билингвальной и полилингвальной языковой среды современной молодёжи Кыргызстана.

Следует отметить, что молодёжный интернет-сленг отличается высокой степенью изменчивости. Часть сленговых единиц со временем утрачивает свою экспрессивную окраску и переходит в разряд общеупотребительной лексики, пополняя разговорный слой языка. Другие же сленгизмы имеют ограниченный срок существования и функционируют в рамках определённого временного периода или интернет-сообщества, выступая маркерами поколенческой идентичности.

В дальнейшем возможно усиление влияния визуальных и графических средств коммуникации на формирование сленга, что проявится в активном использовании эмодзи, мемов, хэштегов и сокращённых графических форм. Таким образом, молодёжный интернет-сленг будет продолжать развиваться как важный элемент цифровой культуры, отражающий процессы языковых изменений в условиях глобального информационного общества.

Библиографический список

1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://diesel.elcat.kg/index.php?showtopic=7241421
2. Иванов В.Е. Интернет в формировании диалогического пространства в социокультурной среде // Мир психологии. – 2000. – № 2.
3. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е.И. Горошко // Жанры речи. – 2009. – № 6. – С. 111-127. – EDN YORCKD.
4. Горошко, 2005 - Горошко Е. И. Электронная коммуникация (гендерный анализ) // Общение, языковое сознание и межкультурная коммуникация // Институт языкознания. – Москва, 2005
5. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации / А.В. Соколов. – Санкт-Петербург: Издательство Михайлова В.А., 2002. – 461 с. – ISBN 5-8016-0091-4. – EDN TLEXHZ.
6. Куликова А.В. Особенности интернет-коммуникаций / А.В. Куликова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2012. – № 4(28). – С. 19-24. – EDN RWBQYJ.
7. Айтматова Г.А., Каримова Т.У. Специфика современного молодежного дискурса в условиях кыргызско-русского билингвизма. Актуальные направления гуманитарных и социально-экономических исследований: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 3-х ч. // Под общ. ред. Е.П. Ткачевой. – Белгород: ООО Агенства перспективных научных исследований (АПНИ), 2018. – часть 1. – С. 6-11.

YOUTH SLANGIN THE LANGUAGE OF KYRGYZSTAN'S INTERNET FORUMS

G.A. Aitmatova, *Senior Lecturer*
B.A. Khamitovna, *Lecturer*
T.J. Rahmanbekovna, *Senior Lecturer*
Zh.G. Zhamshitovna, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *This article presents an analysis of youth slang words used in Kyrgyz Internet forums. The relevance of the topic lies in the fact that active changes in the vocabulary of the Russian and Kyrgyz languages require a deep and comprehensive description of the functional and semantic features of youth slang in Internet communication as a separate specific layer of the lexical system of the language. The purpose of the article is to identify and describe the semantic features of youth Internet slangisms used in Internet forums in Kyrgyzstan, to determine their educational methods and functional significance. The results of the study can be useful for comparative linguistics, compilation of slang dictionaries, as well as in the study of bilingualism.*

Keywords: *slang; youth slang; slangisms; Internet forum; vocabulary; lexicography; Internet communication.*

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В ТРАНСФОРМИРОВАННЫХ СОВРЕМЕННЫХ ПОСЛОВИЦАХ КЫРГЫЗСКОГО НАРОДА

Г.А. Айтматова, *старший преподаватель*
Д.Р. Тойчуева, *старший преподаватель*
А.Х. Бисерова, *преподаватель*
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-64-70

Аннотация. *Статья посвящена анализу образа женщины в трансформированных пословицах русского и кыргызского народов. Актуальность исследования обусловлена активными процессами языковой динамики и изменением традиционных гендерных представлений в современном обществе. Трансформация пословиц рассматривается не только как проявление языковой игры, но и как способ переосмысления устоявшихся социальных и культурных стереотипов в новых социально-исторических условиях. В статье анализируются семантические и оценочные изменения, возникающие в результате трансформации традиционных паремий, а также особенности репрезентации женского образа в современном паремиологическом дискурсе. Материалом исследования послужили трансформированные пословицы, функционирующие в современном русском и кыргызском языках. Использование сопоставительного и семантического анализа позволяет выявить как общие, так и национально-специфические черты в интерпретации образа женщины. В результате исследования установлено, что современные трансформированные пословицы отражают переоценку традиционных гендерных ролей и формирование более многогранного и динамичного образа женщины, сочетающего элементы традиционного и современного мировоззрения.*

Ключевые слова*: паремиология; менталитет; паремии; пословицы-трансформы; антипословицы; текущий момент; образ.*

Пословицы и поговорки охватывают решительно все стороны жизни человека, самые различные взаимосвязи между разными явлениями действительности. Они реагируют на все явления действительности, отражают жизнь и мировоззрение народа, они передают бытовые, социальные, философские, религиозные, морально-этические, эстетические народные взгляды. Главное назначение пословиц – давать народную оценку объективных явлений действительности, выражая тем самым мировоззрение.

Вопросам паремиологии уделялось значительное внимание в работах Т.Г. Бочиной, Н. Барли, Х. Вальтера, В.М. Мокиенко, Г.Л. Пермякова, Л.Б. Савенковой, Е.И. Селиверстовой, Н.Н. Семененко, Г.М. Шипициной и др. [1-4].

Современные исследователи паремиологической вариантности обратили большое внимание на такое динамическое явление, как антипословицы [2, с. 13].

В конце XX в. в связи с падением железного занавеса и развитием межкультурных и этнокультрологических связей, антипословица получает свое развитие [1, с. 257].

Как справедливо отмечает Е.А. Койранская, «происходит демократизации языковых процессов и одной из форм этой демократизации является трансформирование известных устойчивых сочетаний (паремий), которые отражают фрагменты языковой картины мира данного социума на определенном этапе его развития. В силу политических и социальных изменений в российском обществе в конце XX – начале XXI века язык меняется, подстраиваясь к требованиям нового социокультурного контекста. Употребление готовых форм (цитат, пословиц, афоризмов) связано с идеей о вторичности всякого текста. Одной из разновидностей вторичного текста является трансформированная паремия, или антипословица» [1, с. 257].

Об этом новаторском жанре народного творчества ярко сказал В.М. Мокиенко:

«Фольклор – ведь это не указчик, как нужно жить, это борьба разных мнений… После уничтожения цензуры и широкого внедрения Интернета живая речь хлынула из устной в письменную. Раньше анекдоты или антипословицы бытовали устно – а теперь они появились в письменном виде. Антипословицы ведут дискуссию с оправдавшими себя жизненными стереотипами, с явными житейскими правилами. И при этом противники правил рискуют сломать голову, нарушая закон, созданный предками.

Трансформированные пословицы есть и в кыргызском языке [5]. В Интернет-сайтах они публикуются под названием «Заманбап макалдар» или «Жаны макалдар».

Типы трансформации традиционных пословиц. В современной паремиологии трансформированные пословицы рассматриваются как результат активных языковых и социокультурных процессов. Анализ фактического материала позволяет выделить несколько основных типов трансформации традиционных пословиц, отражающих изменения в общественном сознании и языковой картине мира.

Лексическая трансформация. Лексическая трансформация является одним из наиболее распространённых типов изменения традиционных пословиц. Она заключается в замене отдельных компонентов исходной паремии на лексемы, отражающие современные реалии. Чаще всего подобной замене подвергаются ключевые слова, несущие семантическую и оценочную нагрузку, в результате чего пословица сохраняет узнаваемую структуру, но приобретает новое содержание [6].

В современных трансформированных пословицах активно используются лексемы, связанные с цифровыми технологиями и интернет-коммуникацией (*ватсап, инстаграм, тикток, смс, класс, дружба* и др.). Подобные замены позволяют адаптировать традиционные народные истины к условиям современной жизни, делая их актуальными и понятными для молодого поколения.

Примером лексической трансформации может служить пословица *Эненин ою балада, баланын ою талаада*, которая в современном варианте получает форму *Эненин ою балада, баланын ою ватсапта*. Здесь происходит замена традиционного образа «улицы» на реалии цифрового пространства, что отражает изменение форм досуга и общения современной молодёжи. Несмотря на замену лексического компонента, основное смысловое ядро пословицы сохраняется.

Семантическая трансформация. Семантическая трансформация заключается в изменении значения и оценочной направленности пословицы при сохранении её формальной структуры. В подобных антипословицах традиционная нравоучительная функция ослабевает, уступая место ироническому, критическому или пародийному осмыслению действительности [7].

Особенностью семантической трансформации является то, что внешняя форма пословицы остаётся практически неизменной, однако её интерпретация в современном контексте приобретает противоположный или многозначный характер. Такие пословицы часто используются для выражения скептического отношения к устоявшимся нормам и ценностям, в том числе к традиционным гендерным ролям.

Так, в пословице *Баланың көөнү энеде, эненин көөнү ватсапта* наблюдается смещение смыслового акцента: если в традиционной паремии подчёркивалась забота матери о ребёнке, то в трансформированном варианте акцент переносится на утрату этой заботы вследствие увлечённости современными средствами коммуникации. Подобная трансформация отражает критическое отношение общества к изменениям в семейных ценностях.

3. Комбинированная (лексико-семантическая) трансформация. Нередко в современных пословицах наблюдается сочетание нескольких типов трансформации. Комбинированная трансформация включает в себя одновременно лексические замены и семантическое переосмысление, что усиливает экспрессивность и оценочность высказывания.

Примером может служить трансформация пословицы *Кунаажын коз сүзбөсө, бука жибин үзбөйт*, где традиционные образы заменяются элементами интернет-коммуникации (*класс*, *дружба*), а общее значение пословицы сохраняется, но переносится в сферу цифровых отношений. Подобные антипословицы демонстрируют адаптацию традиционных жизненных правил к новым формам социального взаимодействия.

Трансформация пословиц представляет собой сложный и многоуровневый процесс, в котором отражаются изменения в социальном поведении, ценностных ориентирах и языковом сознании носителей языка. Выделенные типы трансформации позволяют глубже понять механизмы обновления паремиологического фонда и особенности репрезентации современных реалий в народном творчестве [8].

Одной из актуальных тем в пословицах трансформах кыргызского языка являются пословицы о семейных отношениях, о женщинах, мужчинах. Нами выписано 38 пословиц о женщинах, в которых они выступают в разных ролях, девушка, жена, мать, дочь. Рассмотрим некоторые из них:

Эненин ою балада, баланын ою кыздарда (Мать думает о сыне, сын – о девушках) или *Эненин ою балада, баланын ою ватсапта* (Мать думает о ребёнке, а ребёнок – о ватсапе) – *трансформация пословицы Эненин ою балада, баланын ою талаада* (Мать думает о ребёнке, ребёнок об «улице»). Как видно и в традиционной пословице, и в современных пословицах говорится о том, что мать всегда думает о своих детях. Но нами выписан вариант этой пословице, в которой реальность противоречит традиционному значению, когда молодые мамы уделяют больше времени общению в соцсетях, нежели воспитанию детей: *Баланын көөну энеде, эненин көөну ватсапта* (Мысли ребёнка о матери, мысли матери о ватсапе).

Апасын көрүп баласына тий (Посмотри на мать и выходи за сына) – трансформация пословицы *Энесин көрүп кызын ал* (Женись на дочери, посморев на мать), в которой говорится о том, что прежде чем жениться на девушке, нужно узнать какова мать, так как всегда в народе считалось, что мать воспитывает своих дочерей, готовит их к браку и если мать считается хорошей женой, хозяйкой, то и дочери станут такими. Пословицу *Апасын көрүп баласына тий* можно понимать по-разному: что в семье мать воспитывает не только дочерей, но и сыновей. Ведь у кыргызов считается *Эне - ички тон, – ата – сырткы тон (*Мать – внутреннее одеяние, отец верхняя одежда) то есть за воспитание дома, мелкие бытовые вопросы отвечает мать, которая ближе детям. Но также эту пословицу можно понимать так: Девушка выйдя замуж будет жить с родителями мужа, и от того какая будет свекровь может зависеть ее будущая семейная жизнь. Тема отношения между невесткой и свекровью требует особого внимания.

В пословице *Энесин көрүп кызын ал*, атасын коруп тийип ал (Женись, посмотрев на мать, посмотри на отца и выходи за него) можно увидеть новую реалию, когда молодые девушки не прочь выйти за состоятельных мужчин, даже если они женаты.

Пословицы о качествах современных девушек: *Жакшы кыз жакадагы кундуз, жаман кыз инстада жылдыз* (Хорошая девушка – как меховой воротник, плохая девушка – звезда в инстаграмме) является трансформацией пословицы *Жакшы кыз жакадагы кундуз. Жакшы бала асмандагы жылдыз* (Хорошая дочь – как меховой воротник,хороший сын – как звезда на небе).

Жакшы кызга бир смс, жаман кызга «вас просит перезвонить» (Хорошей девушке достаточно одного смс, плохой – «вас просит перезвонить») – трансформация пословицы *Жакшы атка бир камчы, жаман атка мин камчы* (Хорошему коню достаточно одного удара плети, плохому – тысячу ударов).

Кыздар өзүңөргө сак болгула да, балдарды ууру тутпа (Девушки, будьте бдительны парней не считайте ворами), от пословицы *Өзүңө сак бол да, кошунанды ууру тутпа* (Будь бдительным и не считай соседей ворами).

Жылуу сүйлөсөң кыз да үйүнөн чыгат (Тёплые слова и девушку из дома вызволят) от пословицы *Жакшы сөз жыланды да ийининен чыгарат (Ласковое слово и змею заставит выйти из норы).*

Мактаган кызды одноклассникте көрөсүң (Хваленая девушка сидит в одноклассниках или варианты: *Мактаган кыз тиктокто отурат, Мактаган кыз Инстаграмда отурат* (Хвалёная девушка сидит на тиктоке, … в инстаграме). Из этих пословиц видно, что молодые люди обращают внимание на то, выставляет ли девушка свои фото, много ли времени проводит в соцсетях, что считается не очень правильным, так как у кыргызов издавна считалось, что уважающая девушка не выходит часто из дома, не проводит много времени общаясь с друзьями.

Кыздуу үйдө семечка да жатпайт (В доме с девочками не лежит даже семечко) – трансформация пословицы Кыздуу *үйдө* кыл жат-

пайт (В доме, где растут девочки, и волосинка не лежит) означает если в доме есть девочки – дома всегда прибрано. А пословица *Кыздуу үйдө кыл жатат* (В доме, где растут девочки лежат волосы) означает, скорее всего, то, что там, где много девочек, там и много опавших волос.

Пословицы об излишнем макияже и уходе: *Алыстан карасаң каш, жакындан карасаң карандаш* (Посмотришь издалека – брови, вблизи – карандаш), *Алыстан карасаң каш, жанына келсен татуаж* (Посморишь издалека – брови, вблизи татуаж), *Кыздын бетин жуусаң мырка* (Помоешь лицо девушки – мырка).

Следующие пословицы: Кунаажын подход кылбаса, бука расход кылбайт (Если тёлка не будет делать подход, то и бык не будет делать расходы), *Кунаажын класс баспаса, бука дружба жөнөтпөйт* (Если тёлка не нажмёт класс, то и бык не отправит дружбу) являются переделкой кыргызской пословицы *Кунаажын коз сүзбөсө, бука жибин үзбөйт* (Если тёлка не будет строить глазки, бык не разорвет привязь), которая имеет метафоричное значение: Если со стороны девушки не будет каких-либо знаков, то и парень не сможет решится на какой-либо поступок. Современные пословицы имеют такое же значение, только в них можно увидеть, как строятся отношения среди молодёжи.

Пословицы о женщине как о жене. *Инстаграммда баары жакшы, жаман аял кайдан чыгат* (В Интаграме все хороши, откуда плохие жёны) от пословицы *Кыз маалында баары жакшы, жаман аял кайдан чыгат* (В девичестве все хороши, откуда плохие жены).

В следующих пословицах говорится о качествах хорошей и плохой жены: *Аялын жакшы болсо кийимиң агарат, аялын жаман болсо – чачың агарат (*С хорошей женой одежда побелеет, с плохой волосы поседеют). В этой пословице заменено лишь одно слово – *чачың* (волосы) вместо *сакалың* (борода). *Жакшы аял – доход, жаман аял – расход* (Хорошая жена – доход, плохая – расход). *Жакшы аял Бог, жаман аял лох* (Хорошая жена - Бог, плохая – лох). В кыргызском языке много пословиц такого значения: *Жакшы аял – ырыс, жаман аял – уруш* (Хорошая жена – благо, плохая жена – ссоры) и другие.

В пословицах *Аялың кобра болсо үйүң евро болот* (Если жена - кобра, будет в доме евро) т.е. если жена будет настойчивой, и муж согласится с ее капризами, запросами, то будет в доме евроремонт т.е. все по новой моде. В народе принято новые веяния в строительстве и ремонте называть «евро»;

Аялын корүп эри өсөт (Муж развивается, смотря на жену) в оригинале звучит как *Энесин корүп кызы өсөт, атасын көрүп уулу өсөт* или *Эжесин көрүп сиңди өсөт, агасын көрүп иниси өсөт.* В данной антипословице мы видим реалии, когда есть женщины, которые учатся, развиваются и даже могут повлиять на изменение своих мужей, что было несвойственно для наших предков. Раньше считалось, что женщина не должна учиться, что место её в доме, то в современном обществе родители стараются дать дочерям высшее образование.

Атанын сөзү ок эненин сөзү бомба (слово отца словно пуля, слова матери – бомба*).* Эта пословица в оригинале имеет значение, что слова отца разят как пуля, а слова матери, если даже она будет ругать не ранят сердце, так как становятся привычными. То в переделке наоборот, говорится, что слова матери также могут быть важны и значимы.

Сопоставление трансформированных пословиц кыргызского и русского языков. Сопоставительное изучение трансформированных пословиц русского и кыргызского языков позволяет выявить как универсальные тенденции развития современной паремиологии, так и национально-специфические особенности языкового сознания. Антипословицы, являясь вторичными текстами, опираются на общий паремиологический фонд народа, однако их трансформация всегда обусловлена конкретными социальными, культурными и историческими условиями.

В обоих языках трансформированные пословицы выступают реакцией на изменения в общественной жизни, разрушение традиционных стереотипов и формирование новых ценностных ориентиров. Вместе с тем различия в структуре, тематике и оценочной направленности антипословиц отражают специфику национального менталитета и культурных приоритетов русского и кыргызского народов.

Общие черты русских и кыргызских антипословиц. Сопоставительный анализ показы-

вает, что в русских и кыргызских антипословицах наблюдаются сходные механизмы трансформации. Прежде всего, это активное использование лексических замен, связанных с реалиями современной жизни: цифровыми технологиями, социальными сетями, рыночными отношениями, массовой культурой.

В обоих языках антипословицы выполняют ироническую и критическую функцию. Они вступают в диалог с традиционными пословицами, подвергая сомнению их безусловную истинность. Так, как в русских, так и в кыргызских трансформированных паремиях часто высмеиваются устаревшие модели поведения, патриархальные представления о семье и жёстко закреплённые гендерные роли.

Общей чертой является и высокая экспрессивность антипословиц. Они насыщены разговорной лексикой, элементами сниженного стиля, заимствованиями и жаргонными единицами, что сближает их с живой разговорной речью и делает особенно популярными в интернет-коммуникации.

Образ женщины в русских антипословицах. В русских трансформированных пословицах образ женщины отличается значительным разнообразием и противоречивостью. С одной стороны, сохраняются традиционные представления о женщине как о матери и хозяйке дома, с другой – активно формируется образ самостоятельной, независимой личности.

Например, традиционные русские пословицы, подчёркивающие женскую покорность и зависимость от мужчины, в современных антипословицах нередко подвергаются ироническому переосмыслению. Женщина в них может выступать как источник конфликтов, инициатор решений или доминирующая фигура в семье. Подобные трансформации отражают изменение социального статуса женщины и её возрастающую роль в общественной и профессиональной сфере.

Характерной особенностью русских антипословиц является акцент на индивидуализме. Женщина часто представляется как личность, ориентированная на самореализацию, карьеру и личный комфорт. При этом в ряде случаев данный образ сопровождается ироничной или критической оценкой, что свидетельствует о противоречивом восприятии новых гендерных ролей в обществе.

Образ женщины в кыргызских антипословицах. В кыргызских трансформированных пословицах образ женщины сохраняет более тесную связь с традиционными семейными ценностями. Даже в условиях трансформации женщина продолжает восприниматься прежде всего, как мать, жена и хранительница домашнего очага. Однако современные антипословицы демонстрируют постепенное расширение этого образа.

Как показывают приведённые примеры, в кыргызских антипословицах активно отражаются реалии цифровой эпохи: социальные сети, мессенджеры, интернет-общение. Женщина изображается как активный пользователь цифрового пространства, следящий за внешностью, самопрезентацией и общественным мнением. В то же время подобный образ часто сопровождается иронической оценкой, что свидетельствует о напряжённом соотношении традиционных норм и современных практик.

В отличие от русских антипословиц, в кыргызских трансформациях заметна более выраженная ориентация на коллективные ценности: семью, родственные отношения, мнение окружающих. Даже критика современного поведения женщины нередко осуществляется с позиции сохранения традиционного уклада жизни.

Сравнение оценочной направленности. Существенным различием между русскими и кыргызскими антипословицами является характер оценки женского образа. В русских трансформированных пословицах оценка часто носит открыто иронический или саркастический характер. Женщина может становиться объектом шутки, гротеска или социальной критики, при этом сама ирония нередко направлена и на общество в целом.

В кыргызских антипословицах оценка, как правило, более сдержанная и завуалированная. Ирония сочетается с элементами назидательности, а критика поведения женщины часто имеет воспитательный характер. Это объясняется устойчивостью традиционных норм и высокой значимостью семейных ценностей в кыргызской культуре.

Анализ трансформированных пословиц кыргызского народа показал, что они отражают современную социальную реальность, сохраняя при этом связь с традиционными

ценностями. Женщина в этих пословицах представлена как мать, жена и хозяйка, но современные реалии, такие как активное использование интернета и социальных сетей, находят своё отражение в антипословицах.

Сопоставление с русскими антипословицами выявило общие тенденции - ироничное переосмысление стереотипов, использование разговорной лексики - и различия, связанные с культурными особенностями: кыргызские пословицы сохраняют коллективную и воспитательную тональность, русские — более свободную и саркастическую.

Трансформированные пословицы являются зеркалом изменений в обществе, фиксируя взаимодействие традиции и современных реалий. Образ женщины в них сочетает уважение к семейным обязанностям и признание самостоятельности и активности в современном обществе. Они демонстрируют гибкость языка и способность культуры адаптироваться к новым социальным условиям.

Итак, рассмотрев современные пословицы-трансформы о женском поле можно сказать, что современные женщины не отстают от прогресса, развиваются, активно используют Интернет, успевают следить за собой, но в народе до сих пор сохранился образ примерной девушки, жены или матери. Извечные законы бытия и устоявшиеся взгляды не может изменить никакой прогресс или суперсовременные веяния.

Библиографический список

1. Койранская Е.А. Разностороннее изучение паремий в русской и зарубежной лингвистике / Е.А. Койранская // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. – 2011. – № 1 (15) – С. 257-259.

2. Мокиенко В.М. Современная паремиология. Лингвистические аспекты / В.М. Мокиенко // Мир русского слова. – 2010. – № 3. – С. 6-20.

3. Никитина Т.Г. Русские пословицы в современном социокультурном контексте: к вопросу о составе паремиологического минимума / Т.Г. Никитина // Филологические науки. – 2015. – № 10 (41). – С. 87-89.

4. Селиверстова Е.И. Русская пословица в паремиологическом пространстве: стабильность и вариативность (лингвистический аспект): Дис. … канд. филол. наук / Е.И. Селиверстова. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 2010. – 421 с.

5. Шамбаев С. Киргизско-русские пословицы, поговорки и изречения / Сост. и пер. С. Шамбаев; предисловие С. Закирова. – Фрунзе: Мектеп, 1979. – 339 с.

6. Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка // К. Зулпукаров, М.А. Атакулова, А.А. Калмурзаева, Д.Т. Айылчиева, А.А. Джусупова. – Бишкек: Бийиктик плюс, 2016. – 728 с.

7. Атакулова М.А., Жусупова А.А. Роль инверсии в трансформировании паремийных изречений // Известия вузов Кыргызстана. – 2014. – № 11. – С. 216-128.

8. Атакулова М.А., Айылчиева Д.Т., Жусупова А.А. Пословичная инвариантность как объект киргизской лингвопаремиологии // Вестник Ошского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 6-9.

THE IMAGE OF A WOMAN IN THE TRANSFORMED MODERN PROVERBS OF THE KYRGYZ PEOPLE

G.A. Aitmatova, *Senior Lecturer*
J.R. Toychuyeva, *Senior Lecturer*
A.Kh. Biserova, *Lecturer*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the image of a woman in the transformed proverbs of the Russian and Kyrgyz peoples. The relevance of the research is due to the active processes of language dynamics and changes in traditional gender perceptions in modern society. The transformation of proverbs is considered not only as a manifestation of language play, but also as a way to rethink established social and cultural stereotypes in new socio-historical conditions. The article analyzes the semantic and evaluative changes resulting from the transformation of traditional paremias, as well as the peculiarities of the representation of the female image in modern paremiological discourse. The material of the study was transformed proverbs functioning in modern Russian and Kyrgyz languages. The use of comparative and semantic analysis makes it possible to identify both common and nationally specific features in interpreting the image of a woman. The study found that modern transformed proverbs reflect a reassessment of traditional gender roles and the formation of a more multifaceted and dynamic image of a woman, combining elements of traditional and modern worldviews.*

Keywords: *paremiology; mentality; paremias; transformative proverbs; anti-proverbs; current moment; image.*

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ НЕУВЕРЕННОСТЬ КАК ОБЪЯСНЕНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ ЭЛЬЧИНА «КАРАБАХСКОЕ ШИКЕСТЕ»)

Гафар Гусейнов, *д-р филол. наук, старший преподаватель*
Азербайджанский государственный педагогический университет
(Азербайджан, г. Баку)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-71-76

Аннотация. *В статье рассматривается одно из современных произведений известного азербайджанского писателя Эльчина. Прослеживается наполнение текста с историческими мотивами релятивистскими картинами жизни беженцев. Обращается внимание на сплав текста характера соцреализма и современных постмодернистских приёмов. Делается вывод о характере такого рода текста.*

Ключевые слова: *соцреализм; постмодернизм; постмодернистская чувствительность; эпистемологическая неуверенность; кризис веры; гражданственность; реализм; модернизм; Шуша.*

Современный художественный текст воплощает в себе самые разные эстетические установки, что, естественно, порождает разные подходы при анализе и интерпретации текста.

Целью данной работы является прослеживание использования в тексте таких постмодернистских понятий как постмодернистская чувствительность и эпистемологическая неуверенность в произведениях известного писателя Эльчина – представителя художественного направления социалистический реализм.

Предметом исследования является повесть «Карабахское шикесте» известного азербайджанского писателя Эльчина.

Известно, что постмодернистская чувствительность – это понятие постмодернизма, обозначающее «специфическую форму мироощущения и соответствующий ей способ теоретической рефлексии, характерные для научного мышления современных литературоведов постмодернистской ориентации» [Киреева; с. 200]. Из разного рода явлений постмодернистской чувствительности в анализируемом произведении ярче всего проявляется «ощущение мира как хаоса, где отсутствуют какие-либо критерии ценностной и смысловой ориентации» [Киреева; с. 200].

Эльчин, один из ярких представителей азербайджанской литературы 70-х годов XX века, эпохи господства социалистического реализма, сумел не только показать в своем произведении, написанном уже в двухтысячные, признаки соцреализма, но и развенчать их. Он дал пример изображения героев постсоветского периода, не только не прикрепленных к одному какому-то общественному строю, но и с отрицанием какого-либо идеологического сознания, что и дает возможность рассмотреть повесть «Карабахское шикесте» с призмы разных форм постмодернистского исследования.

Прежде всего текст Эльчина, обычно мягкий, полный иронии, глубокой философской задумки, отличает какая-то агрессивность: тема беженцев выворачивается наизнанку не только в плане социальных проблем, но и какого-то «продвижения» – не понятно в какую сторону – ума и поведенческой морали героев.

Эльчин попытался сконструировать особую модель психологии беженцев, которые, естественно, в силу обстоятельств, потеряли тот моральный облик, которым обладали до такой, не побоимся этого слова, страшной жизни в пятиэтажном бузовнинском рабочем общежитии. А общежитие-то какое! Эльчин жизнь жителей общежития называет ва-

ландайством, что особо подчеркивает жестокую участь людей, живших когда-то, лет десять-одиннадцать назад в кавказском Париже – Шуше.

«Общежитие было полностью предоставлено беженцам. И семейство Джуму, шесть человек, ютились в комнате на пятом этаже, на шестнадцати квадратных метрах. Дверь этой комнаты, как и других, открывалась в длиннющий коридор, где хоть не дыши от едкого запаха хлора, исходившего из туалетов по обоим концам; женщины с этажа днем и ночью поливали их хлоркой, чтобы смрад и вонь не заполнили всё обиталище. Уже во всяком случае, запах хлорки был сноснее, и ладно еще, что хлор в этих краях был задёшево» [Эльчин; с. 7]. По данному примеру можно говорить и о применении в анализе такого исследовательского приема как эпистемологическая неуверенность, которая предполагает кризис веры во все ранее существовавшие реалии. А реалии, связанные, скажем, с хлором, были таковы, что еще в советское время в Азербайджане «мощно» развивалась химическая промышленность, в особенности в Сумгаите. Еще далеко до пределов города можно было чувствовать невыносимо тяжелый едкий запах химических отходов, с легкой руки советских предпринимателей, выбрасывавшихся в окружающую среду, в данном случае в сам многотысячный город и пригороды его. Спустя десятилетия чувствуется этот запах, который разрушал организмы не одного поколения сумгаитцев и живущих по соседству тысяч и тысяч людей. Жестоко ироничное «хлор в этих краях был задешево» Эльчин не пытается объяснить, потому что искушенному читателю этот запах напоминает о многом, в том числе и об издержках советской действительности, которая в современной литературе (произведения А. Битова, Н. Расулзаде, В. Ерофеева, З. Гареева и мн. др.) дана как сюжетный слой, скрытый, точно выразимся, в открытом пародировании.

Отметим, что эпистемологическая неуверенность возникает в постмодернистской мысли в связи с проявлением кризиса веры в лучшее будущее. Как отмечают исследователи, «постмодернистская мысль в конечном итоге пришла к заключению, что всё, принимаемое за действительность, на самом деле не что иное, как лишь представление о ней, зависящее к тому же от точки зрения, которую выбирает наблюдатель и смена её ведет к кардинальному изменению самого представления» [Киреева; с. 203]. В этом отношении позиция Эльчина, как писателя, полностью дает возможность читателю понять, как сложно человеку раздваиваться (а героям повести, так и приходится быть в таком состоянии. – Г.Г.) под тяжестью воспоминаний и той реальностью, в которой они оказались, поселившись на долгое (!) время жить в эту бузовнинскую обитель, состоящую из длиннющих коридоров, маленьких, раскольнивского плана, комнатушек с вонючими туалетами, где истинный человеческий облик героев отражался в «паршивых ржавых зеркалах» непонятными лицами. Эльчин выступает мастером полностью противоположных картин, отражающих жизнь обычных людей «до и после» жизни. Главная потеря для беженцев – Шуша, которая, наверное, была символом всего, что можно обозначить этим словом. «Да и не будь у него (У Джуму. – Г. Г.) ни кола, ни двора, ни прочего добра, – ведь Шуша-то была, разве мало этого!» При этой мысли у него перед глазами оживали не только старинные кварталы, дома, сады, окрестные поляны, кручи и скалы Шуши, перед взором его чередой всплывали лесное урочище Топхана, раздолье Джыдыр-Дюзю, скала Эрим-гялди, родники Иса-булага, целебный Турш-су, Секили-булагы; вспоминалась ему не только родная махаля Агадедели, где родился и проживал всю жизнь, перебирал в памяти чуть ли каждое дерево, валун, даже заросли ежевики, карабкавшиеся по стремнинам, старых знакомцев, родные подробности. И порой сам диву давался, каким образом эти камни, эти деревья, эти кусты запечатлелись в его памяти с такой обстоятельной точностью» [Эльчин; с. 6].

На фоне этих воспоминаний, которыми хоть иногда грелась душа Джуму, автор не затягивает и возвращение к реалиям жизни: страшная, повторимся, жизнь беженцев, неустроенность которых вроде бы (!) интересовала международные организации, которые хотя бы раз в год посылали своих комиссаров узнать про житье-бытье беженцев.

Вроде бы!

А толку?!

Эльчин как бы специально отправляет с очередной инспекцией человека, чья мать была из Красной Слободы, что в Кубинском районе Азербайджана (в повести это селение дано под названием Красный – Г. Г.). Как говорится, одним выстрелом комиссар хочет узнать и о жизни беженцев, и посетить селение, где большую часть жизни провела её мать, Зиба, которая, даже умирая, не забывала произносить Слова Гачреш, Гудьял-чай, Красный.

На фоне приезда комиссара в стане беженцев нервозное состояние: надоели эти враки международные своими обещаниями. Эльчин очень точно передает разговор беженок, наверняка, такой же, каким были разговоры по поводу инспекций жизни беженцев по всем местам размещения более миллиона беженцев и вынужденных переселенцев, что жили в каждом регионе Азербайджана. То есть беседа типичная, характеризирующая рефлексию мировидения беженцами, что также составляет один из приемов постмодернистской чувствительности:

«Хадиджа, вдова Колхоз-киши (были встарь и такие имена), сказала:

- Послушай, говорят, опять комиссия из-за границы пожалует.

- Да провались они со своей комиссией! Какой прок от них? Что они до сих пор сделали, чтобы ждать от них чего-то ещё? – так отвечала жена Мамеда-киши, Сурайя-ханум.

И другие беженки подключились:

- Пусть они поживут в наших условиях, денечек, тогда поглядим» [Эльчин; 8].

И далее, беседа комиссара с теми же беженками, где уже бросается вызов всем международным организациям, связанным с урегулированием конфликта в Карабахе: «Изабель-ханум, дочери Зибы из КубЫ, пришлось выслушать главное требование беженок, это, опять же, сказано было Эльчином от имени миллиона беженцев:

«Жена Мамеда-киши, Сурайя-ханум, наплевав на наказы иных столоначальников – «будьте учтивы с иностранными гостями», - в коридоре второго этажа преградила путь высокой рыжеволосой барышне – Изабель Ханукофф (дочери Зибы. – Г.Г.).

- Послушай, – сказала она, ничего нам не нужно. И гуманитарной помощи не надо! Ничего мы не хотим! Только верните нам Шушу! И когда переводчица стала озвучивать ультиматум Сурайи-халы, та вытащила Галиба, сынишку Джуму, за руку из стайки ребят, прибежавших поглазеть на очередную заграничную гостью. – Вот он не видел Шушу! Здесь родился! Его родина – вот это общежитие! А какая родина может быть из общежития? Общежитие – разве родная земля? – Потом, протянув руку в открытое окно и указывая на Мамеда-киши, сидевшего на скамейке под маслиной, сорвалась на крик, будто Шушу захватили не армяне, а эта долговязая рыжая барышня. – Вон, гляди, мой муженек вот уже десять лет день-деньской сидит там, сам с собой разговаривает. Был мужчина как скала! Пушкой не свалить было! – И вскричала ещё истошнее: – Верни нам Шушу! Шушу! Шушу!» [Эльчин; с. 14].

Эльчин, устами своих героев, допускает только лишь одну мораль, одну модель, основанную на максимальной энтропии – возвращение беженцев в места исторического проживания. Другого пути, средств для залечивания ран, как физических, так и моральных, у беженцев бузовнинского общежития нет.

Может быть отсюда и фрагментарное повествование, на котором построено произведение Эльчина: разделенная на две сюжетные линии и поданная в 24 главах, повесть это поражает недосказанностью, обилием многих начинаний, которым нет конца в силу того, что, конец-то, вероятен только в случае возвращения беженцев. На протяжении всего повествования чувствуется, что автор на многом хочет остановиться подробно, но не может.

Не может, потому что обстоятельное описание жизни беженцев, живущих мысленно, а не физически, привело бы читателя к пониманию сложностей жизни с кризисом веры во все существовавшие моральные ценности.

Получается, что автор растворен в тексте. Он не может выполнить только лишь эстетическую функцию. Еще М.М. Бахтин писал, что «автор должен находиться на границе создаваемого им мира как активный творец его... Автор авторитетен и необходим для читателя, который относится к нему не как к лицу, не как к другому человеку, не как к герою, а как к принципу, которому нужно следовать» [Орлова; с. 11]. В этом отношении авторские сентенции в данной повести выделяются больше, чем движение мыслей героев.

Исходя из такой позиции в повести ставится довольно жесткий вопрос: «Имеют ли право на жизнь без родины герои, ставшие волею судьбы и указкой политиков беженцами?»

Отметим, что вопрос, конечно же, уместный, ибо во многом герои потеряли всё то, что составляет нормальный образ жизни. Изображая в абсолютном большинстве негативное, Эльчин как будто стремится дать возможность читателю ощутить себя в роли беженца, почувствовать, как зло одолевает добро и никакого счастливого сказочного конца в этой жизни бузовнинского общежития и не видать.

Изображая на фоне событий, которые пережили жители бузовнинского общежития кардинальные особенности переломного момента в истории своей страны, Эльчин хочет показать, что праведника-то уже нет, ни один из героев повести не может претендовать на это звание, а что за общество – маленькое или большое – без праведника?! Нет даже намёка, который указывал бы на возможность «нравственных утопий». Очень жгуче, с жалостью и печалью автор показывает сцену, когда герои повести – Джуму и его жена Сона, за неимением возможности интимных отношений дома (в шестнадцатиметровой квартире, кроме них, живут мать Джуму, старшая сестра Соны Солмаз и двое детей – Галиб и Джамиля – Г. Г.), решают заняться этим во вроде бы безлюдной скалистой местности. Невозможно читать без волнения эти строки: читатель с трудом поверит в то, что такое происходит в двухтысячные, хотя отношение к этим героям при общей положительной доминанте не может не вызывать какой-то неприязни: «Однажды в конце мая, ещё до начала купального сезона на Апшероне … Джуму, усадив Сону в кузов мотороллера, повез её к скалам у моря, и там, расстегивая пуговки на её выцветшем до неопределенной окраски платье, осыпая её поцелуями, снова стал клясться-божиться, что все образуется, всё будет хорошо, что он бросит пить, что больше никогда не будет привозить её сюда, в эту пустошь, и тут, откуда ни возьмись, то ли с неба, то ли из-под земли вырос перед ними пожилой мужчина, местный житель; напоровшись на них, сперва опешил, потом пришел в себя.

«- Послушайте! – сказал он. – Вы же не собаки! Не кошки! Вы же люди! Человеки!..

Сона, запихивая грудь под платье, вскочила и кинулась к мотороллеру, бухнулась в кузов, зашлась плачем, взвыла:

- Мы не люди! Не люди мы! Мы беженцы!.. Беженцы!.. Беженцы!.. Беженцы!..» [Эльчин; с. 12].

Отметим, что в данном случае хаос жизни воссоздается через конкретную ситуацию, где-то даже искусственно. Ради чего? Скорее, ради понимания того, что действительность, в которой всегда были романтические нотки, в данном случае, когда Эльчин, в противоречиях между реализмом, социалистическим реализмом и постмодернизмом пытается найти какую-то общую отправную точку, но не находит. Но действительность такова, что говорить об этом просто невозможно. Эльчин, не только как писатель, но и как видный общественный деятель сам видел невыносимые условия, в которых пребывали беженцы в 90-е, начале 2000-х годов. Правда в данном случае не очень-то подходящее Слово. Скорее, вовсе не подходящее.

Действительность, с которой столкнулись сотни тысяч людей вряд ли могла оставить в них какие-то патриархальные устои жизни. Да и какая жизнь, если человек день и ночь думает не о хлебе насущном, а о том, когда ему удастся вернуть ставшие для него обетованными земли. Именно в такого рода людях образовался особый типологический ряд характера, где самые важные человеческие качества притупляются перед неимоверно богатой фантазией возвращения в родную сторону, что, наконец-то и произошло, но гораздо позже.

Эльчин в данном произведении использует одну из важных особенностей социалистического реализма – принципиальную гражданственность. Еще известный советский теоретик литературы Г.Н. Поспелов, различая принципы реализма XIX века и модернизма, и социалистического реализма, и ставя принцип гражданственности во главу угла отмечал, что противоречия эпохи в реалистических и модернистских произведениях отражались «чаще всего лишь в своих симптомах – в идейных исканиях особенно вдумчивых и чутких представителей разных слоев общества», то литература социалистического реализма «кладёт в основу своих произведений прямое и непосредственное изображение основных и

глубочайших противоречий общественной жизни» [Поспелов; с. 314].

Думается, что Эльчин, как один из представителей социалистического реализма, господствовавшего почти на протяжение всего XX века, не мог не понимать тех глубочайших противоречий, которые и привели к появлению и «долгожительству» понятия Беженцы.

Еще один важный момент, связанный с эпистемологической неуверенностью, также связанный с представлением жизни беженцев, но уже в плане приятия действительности как таковой, потому что она, связана с линией повести, где говорится о том, как комиссар по делам беженцев Изабель Ханукофф стремилась попасть именно в Азербайджан. На беженцев она насмотрелась по всему свету – от Сомали до Балкан, но она стремилась в Азербайджан, чтобы увидеть те загадочные места в Кубе, где родилась и выросла её мать. «За три дня командировки в Азербайджане она успела побывать в нескольких регионах, в палаточных лагерях беженцев, отдельных населенных пунктах и всякий раз при виде убогого быта, скудного существования матерей-беженок, детей, стариков Изабель невольно соотносила эти впечатления с тихой безмятежной жизнью на берегу Женевского озера, напоминавшей нечто вроде фильмов Джорджа Лукаса, – жизнь на другой планете, иной цивилизации …» [Эльчин; с. 14]. Комиссар настолько «увлечена» своей работой, что не может, а может быть, и не хочет понять, что она не просто должна обходить палатки беженцев, не только дарить какие-то духи. Она обязана понимать ситуацию, в которой оказались беженцы, и Эльчин старается пробудить хоть как-то в ней интерес к своей работе(!) прежде всего. Очень интересно это показано в тексте, когда, она, собираясь посетить и бузовнинское общежитие, совсем забыв о реалиях, спрашивает: «- Сегодня – день воскресный. Мы не побеспокоим их?» Чиновник, низкорослый, худой, загорелый, наверное, от частых летних поездок по лагерям и городкам, недоуменно уставился на гостью и ничего не ответил. Изабель почувствовала, что он просто не нашёлся, что сказать: она почувствовала и то, что щеки её заливаются краской от стыда за идиотскую бестактность вопроса» [Эльчин; с. 14].

Отметим, что в данном произведении подвергаются трансформации идеи социалистического реализма. Старое представлено в повести Эльчина исчерпанным, а разгул деидеологизации говорит о своего рода модернизации интерпретации идей соцреализма с новым восприятием одного из основных его принципов – гражданственности. Что и дает возможность говорить об уместности использования в данной повести постмодернистских приёмов.

Библиографический список

1. Эльчин «Карабахское шикесте» // Литературный Азербайджан. – 2014. – № 6.
2. Поспелов Г.Н. Теория литературы. – М.: «Высшая школа», 1976.
3. Киреева Н.В. Постмодернизм в зарубежной литературе. – М.: «Флинта – Наука», 2004.
4. Сизых О.В. Поэтика русского рассказа конца XX – начала XXI веков. – М.: «Флинта», 2021.
5. Орлова Е.И. Образ автора в литературном произведении. – М.: «Флинта», 2023.

POSTMODERN SENSITIVITY AND EPISTEMOLOGICAL UNCERTAINTY AS AN EXPLANATION OF THE SPECIFIC FORM OF A LITERARY TEXT (BASED ON THE MATERIAL OF ELCHIN'S NOVELLA "KARABAKH SHIKESTE")

Gafar Huseynov, *Doctor Philological Sciences, Senior Lecturer*
Azerbaijan State Pedagogical University
(Azerbaijan, Baku)

Abstract. *The article examines one of the contemporary works of the renowned Azerbaijani writer Elchin. It traces the incorporation of historical motifs and relativistic depictions of the lives of refugees within the text. Particular attention is paid to the fusion of socialist realist characteristics with contemporary postmodern techniques. The study draws conclusions about the nature of this type of text.*

Keywords: *socialist realism; postmodernism; postmodern sensibility; epistemological uncertainty; crisis of faith; civic consciousness; realism; modernism; Shusha.*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ «ВОЗДУХ» В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Ж.Ж. Жунусова, *преподаватель*
А.Н. Шамуратова, *старший преподаватель*
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-77-82

Аннотация. *В статье рассматриваются фразеологические единицы с компонентом «воздух» в русском, английском и кыргызском языках как когнитивные и культурные маркеры, выполняющие важные функции в структурировании текста. Автор исследует не только лексико-семантические особенности данных выражений, но и их роль в организации текста, обеспечении когезии, когерентности и эмоциональной выразительности высказывания. Особое внимание уделено культурно-когнитивным различиям и сходствам между языками: в русском языке фразеологизмы с «воздух» чаще связаны с внутренним миром человека и эмоционально-оценочной позицией автора; в английском языке – с социальными, прагматическими и коммуникативными аспектами; в кыргызском языке – с коллективистскими, экологическими и морально-этическими концептами. Статья опирается на междисциплинарные подходы, включая когнитивную лингвистику, текстоведение и паремиологию, а также использует методы структурно-семантического, функционально-коммуникативного и когнитивного анализа текста. Приводятся многочисленные примеры фразеологических единиц из трёх языков и показано, как они формируют тематические блоки текста, усиливают логико-смысловые связи, задают ритм и интонацию высказывания. Исследование демонстрирует, что фразеологические единицы с компонентом «воздух» являются многоуровневыми структурообразующими элементами текста, одновременно выполняя функции эмоциональной окраски, культурного репрезентанта и когнитивной модели мира.*

Ключевые слова: *фразеологизм; воздух; текстовая структура; когнитивная лингвистика; культурная модель; когезия, паремиология; метафора; коммуникативная функция.*

В современной лингвистике устойчиво возрастает интерес к изучению языка как средства репрезентации когнитивных и культурных структур сознания. В рамках антропоцентрической и когнитивно-культурной парадигмы язык рассматривается не только как инструмент коммуникации, но и как способ концептуализации и интерпретации окружающей действительности, в котором отражаются коллективный опыт, ценностные ориентиры и ментальные установки носителей языка [1; 2]. Особое место в этом контексте занимает фразеологический фонд языка, поскольку именно фразеологические единицы в концентрированном и образном виде фиксируют устойчивые способы осмысления мира и типичные модели оценки жизненных ситуаций.

Фразеологические единицы, обладая семантической целостностью и воспроизводимостью, выступают как свернутые когнитивные структуры, соотносимые с концептами, фреймами и сценариями [3]. Их анализ позволяет выявить глубинные механизмы языкового мышления и специфику национальной картины мира. Особый интерес в этом отношении представляют фразеологизмы, в состав которых входят лексемы, обозначающие природные стихии. Такие компоненты относятся к числу базовых категорий человеческого опыта и формируют универсальные образные схемы, на основе которых осуществляется метафоризация абстрактных понятий.

Одним из наиболее продуктивных и многозначных компонентов является лексема «воздух». С одной стороны, воздух представляет собой физическую субстанцию, жизненно необходимую для существования человека, но при этом невидимую и неосязаемую. С другой стороны, он активно используется как источник метафорических переносов, символизи-

руя свободу, пространство, движение, а также пустоту, неопределённость и иллюзорность. Эти семантические характеристики находят отражение во фразеологических системах различных языков, формируя универсальные и одновременно культурно специфические способы концептуализации действительности.

В английской языковой картине мира компонент *air* широко представлен во фразеологии и отличается высокой степенью метафорической абстракции. Значительная часть фразеологических единиц с данным компонентом репрезентирует когнитивную модель, в рамках которой воздух осмысливается как нечто лишённое материальной основы и реального содержания. В выражениях *build castles in the air*, *be full of hot air*, *talk into the air* воздух символизирует пустые мечты, необоснованные рассуждения и словесную избыточность. Подобная интерпретация отражает прагматическую направленность англоязычной культуры, ориентированной на результат, эффективность и практическую ценность действий, что неоднократно подчёркивалось в работах по лингвокультурологии [4; 5].

Наряду с этим в английском языке широко представлены фразеологические единицы, в которых воздух концептуализируется как пространство личной свободы и психологического комфорта. Выражения *give someone some air*, *take the air*, *clear the air* репрезентируют установку на необходимость личного пространства, эмоционального равновесия и открытого прояснения конфликтных ситуаций. В подобных фразеологизмах воздух метафорически соотносится с социальными и психологическими границами личности, что соответствует индивидуалистической ориентации англоязычной культуры. Существенное место занимают и выражения, описывающие эмоциональные состояния человека, такие как *walk on air* или *be up in the air*, где воздух выступает пространством метафорического «подъёма» или неопределённости, отражая динамику внутреннего мира индивида.

В русском языке фразеологические единицы с компонентом «воздух» отличаются высокой экспрессивностью и эмоциональной насыщенностью. Русская фразеология в большей степени ориентирована на экзистенциальное и оценочное осмысление действительности, что обусловливает особое отношение к образу воздуха. В ряде устойчивых выражений воздух осмысливается как жизненно необходимое условие существования человека. Фразеологизмы «нужен как воздух», «воздуха не хватает», «глоток свежего воздуха» подчёркивают предельную степень потребности и символизируют свободу, обновление и возможность выхода за пределы ограничений. В этих выражениях воздух приобретает аксиологическое значение, выступая одной из базовых ценностей человеческого бытия.

Вместе с тем в русском языке широко представлены фразеологические единицы, в которых воздух символизирует иллюзорность, несбыточность и отсутствие реальной основы. Выражения «строить воздушные замки», «говорить в воздух», «раствориться в воздухе» отражают критическое отношение к абстрактным рассуждениям и нереалистичным ожиданиям. Подобная двойственность интерпретации образа воздуха – как жизненной необходимости и как символа пустоты – отражает амбивалентный характер русской картины мира, в которой сочетаются стремление к свободе и осознание ограниченности человеческих возможностей [6]. Воздух в русской фразеологии нередко выступает средством философского осмысления человеческого существования и его противоречий.

В кыргызском языке компонент «аба» и связанные с ним лексемы занимают особое место во фразеологическом фонде, что обусловлено исторически сложившейся тесной связью кыргызской культуры с природной средой и пространственным восприятием мира. В кыргызской языковой картине мира воздух часто осмысливается не столько как индивидуально переживаемая субстанция, сколько как показатель состояния окружающей среды и социальной атмосферы. Фразеологические выражения «аба оор», «аба тартыш», «аба бузулду» используются для обозначения напряжённой, неблагоприятной или конфликтной ситуации и отражают коллективное восприятие происходящих изменений.

В отличие от английской и русской традиций, где преобладает индивидуальная перспектива, кыргызская фразеология в большей степени ориентирована на коллективный опыт и социальное равновесие. Существенное место занимают выражения, в которых воздух

связан с внутренним состоянием человека и его поведением в социуме. Фразеологизмы «аба көтөрүлдү», «аба басып жүрүү» используются для характеристики высокомерия, заносчивости и нарушения этических норм. В этих выражениях воздух метафорически соотносится с завышенной самооценкой и утратой социальной гармонии, что подчёркивает значимость категорий чести, достоинства и уважения в кыргызской культуре [7; 8].

Сопоставительный анализ фразеологических единиц с компонентом «воздух» в английском, русском и кыргызском языках позволяет выявить как универсальные, так и национально-специфические когнитивные модели. Во всех трёх языках воздух служит источником метафоризации для выражения свободы, эмоциональных состояний, неопределённости и оценки жизненных ситуаций. Однако в английской фразеологии доминирует прагматическая и индивидуалистическая интерпретация, в русской – эмоционально-экзистенциальная и философская, а в кыргызской – социально-коллективная и пространственно-экологическая. Эти различия обусловлены историческими, культурными и социокогнитивными факторами развития соответствующих лингвокультур [2; 5].

Прагматический аспект использования фразеологических единиц с компонентом «воздух» проявляется в их активном функционировании в оценочном, экспрессивном и регулятивном дискурсе. В английском языке данные единицы часто используются для иронической или критической характеристики личности и ситуации, в русском языке для эмоционального усиления и нравственной оценки, а в кыргызском языке для поддержания социальной гармонии и регулирования поведения членов общества. Таким образом, фразеологические единицы с компонентом «воздух» выполняют не только номинативную, но и важную социально-нормативную функцию.

В работе используются методы структурно-семантического, функционально-коммуникативного и когнитивного анализа, широко применяемые в современных исследованиях структуры текста [9].

Фразеологические единицы с компонентом «воздух» представляют собой интересный объект исследования, поскольку они не только отражают культурно-когнитивные особенности носителей языка, но и выполняют важные функции в организации текста, его когезии, когерентности и прагматической направленности высказывания. В современном текстоведении считается, что фразеологизмы, будучи устойчивыми словосочетаниями, включают в себя готовые смысловые сценарии и культурные концепты, которые встраиваются в текст, усиливая его выразительность и структуру [9].

В русском языке компонент «воздух» часто используется в метафорическом значении для выражения эмоциональных, моральных и эстетических оценок. Например, фразеологизмы «занимать воздух» (пустословить), «дышать свободным воздухом», «пустой воздух» выступают как когнитивные модели, фиксирующие общественные и личные установки. С точки зрения структуры текста, такие единицы могут выполнять несколько функций: они служат тематическими маркерами, выделяют ключевые моменты повествования, создают логические и эмоциональные паузы, а также обеспечивают когезивность текста за счет устойчивого, узнаваемого образа. Включение таких фразеологизмов в текст позволяет автору подчеркнуть эмоциональную окраску высказывания и усилить его семантическую насыщенность.

В английском языке компонент «air» также широко представлен в фразеологической системе и выполняет как семантические, так и структурные функции в тексте. Примеры включают выражения *to clear the air* (уладить недоразумение), *full of hot air* (говорить пустые слова), *up in the air* (неопределённый, нерешённый). Эти единицы, подобно русским, функционируют на уровне текстовой когезии и семантической организации: они помогают структурировать дискурс, вводят новые смысловые блоки, формируют тематические рамки и поддерживают когерентность высказывания. Фразеологические единицы с *air* могут выступать сигналами перехода между частями текста или подчеркивать контрастные идеи, усиливая структурную сложность высказывания.

В кыргызском языке компонент «аба» (воздух) включен в ряд фразеологизмов, отражающих специфические культурные и ментальные концепты. Примеры включают «аба

жоктой» (нечего сказать, пустое место), «таза аба» (свежий воздух – в переносном смысле свобода, обновление), «аба толтуруу» (создать видимость, «раздувать воздух»). Эти единицы, помимо семантической функции, активно участвуют в структурировании текста: они выделяют важные моменты повествования, задают темп и ритм высказывания, служат маркерами эмоциональной или оценочной позиции говорящего. В кыргызской традиции использование таких фразеологизмов связано с коллективной ориентацией на гармонию и социальную согласованность, что отражается и в структуре текста – акценты делаются на значимых социальных или моральных аспектах, а не на индивидуальной позиции субъекта.

Анализ структуры текста с использованием фразеологизмов показывает, что эти единицы обладают способностью формировать **логические и тематические блоки**, создавая внутреннюю организацию текста. Как отмечает Каразакова, текстовая структура проявляется не только через последовательность предложений и абзацев, но и через повторяемые, семантически насыщенные единицы, которые обеспечивают когерентность и устойчивость дискурса [9]. Фразеологические обороты с компонентом «воздух» выполняют функцию **связующего элемента**, связывая отдельные части текста в целостную систему смыслов, а также обеспечивая интертекстуальные связи, которые создают культурный контекст высказывания.

Функция фразеологизмов с «воздух» в тексте проявляется и на уровне **ритмико-интонационной организации высказывания**. В русском языке, например, выражения типа «пустой воздух» или «витать в облаках» создают эмоциональные паузы, подчеркивают субъективное отношение автора и усиливают восприятие текста. В английском языке выражения «full of hot air» или «clear the air» несут функциональную нагрузку, помогая структурировать дискурс и формировать переходы между идеями. В кыргызском языке обороты «таза аба» или «аба жоктой» структурируют текст через акцент на морально-этическом или социальном аспекте события, создавая культурно обусловленные блоки текста.

Особое значение имеет **тематика и контекстуализация фразеологических единиц** с «воздух». В русском тексте они часто используются в художественных, публицистических и научно-популярных жанрах, где автор стремится выразить эмоциональную окраску или создать определённую атмосферу. В английском языке фразеологизмы с «air» чаще встречаются в повседневной речи, публицистике и деловом дискурсе, где они выполняют как структурную, так и оценочную функцию. В кыргызском языке использование «аба» в фразеологизмах тесно связано с устной традицией, фольклорными и афористическими формами, что также накладывает отпечаток на структуру текста – текст строится вокруг культурно значимых сценариев, а фразеологизмы служат маркерами их реализации.

Методологически анализ фразеологизмов с «воздух» в структуре текста требует применения комплексного подхода, включающего структурно-семантический, функционально-коммуникативный и когнитивный анализ (Каразакова, 2023). Структурно-семантический подход позволяет выявить композиционные схемы текста и распределение ключевых единиц, функционально-коммуникативный – определить роль фразеологизмов в передаче смысла и коммуникативных целей, когнитивный – выявить концепты и сценарии, лежащие в основе использования единиц. Такой комплексный анализ позволяет не только описать формальные и семантические характеристики текста, но и понять, каким образом культурно обусловленные языковые единицы формируют целостную структуру дискурса.

Наконец, исследование фразеологизмов с компонентом «воздух» позволяет сделать вывод о том, что **структура текста тесно связана с культурными моделями мышления и когнитивными стратегиями,** присущими носителям разных языков. В русском тексте «воздух» часто связан с внутренним миром человека и эмоционально-оценочной позицией автора, в английском языке с практическими и социальными аспектами коммуникации, в кыргызском языке с коллективистскими и экологически-ориентированными концептами. Это отражается на организации текста: фразеологизмы создают тематические блоки, маркеры оценки, обеспечивают когезивность

и когерентность, формируют ритм и интонационную структуру высказывания.

Фразеологические единицы с компонентом «воздух» выступают как **многоуровневые структурообразующие элементы текста,** которые не только придают выразительность и эмоциональную окраску, но и формируют логико-смысловые связи, поддерживают когезию и когерентность, создают культурно обусловленные сценарии интерпретации. Их комплексное исследование в русском, английском и кыргызском языках позволяет выявить универсальные и специфические закономерности организации текста, что имеет важное значение для текстовой лингвистики, сравнительно-типологических исследований и когнитивной лингвистики.

Проведённое исследование показало, что фразеологические единицы с компонентом «воздух» выполняют сложные функционально-семантические и структурообразующие роли в тексте. Они не только передают устойчивые культурные концепты и когнитивные сценарии, но и формируют тематические блоки, обеспечивают логическую организацию, создают ритм и интонационное оформление высказывания.

В русском языке эти фразеологизмы чаще отражают внутренний мир человека, эмоциональные состояния и морально-этическую оценку событий. Английские выражения с «air» акцентируют социально-прагматические аспекты коммуникации, ориентируясь на результативность, личную ответственность и разрешение конфликтов. В кыргызской паремиологии «аба» выступает как культурно-семантический маркер коллективистских ценностей, гармонии с природой и уважения к традициям.

Структурно, фразеологические единицы с «воздух» создают когезивные и когерентные связи в тексте, формируя устойчивые смысловые блоки и усиливая выразительность дискурса. Они выполняют межуровневую роль: на семантическом уровне фиксируют культурно-значимые концепты, на прагматическом аспекте передают оценку и эмоциональное отношение, а на текстовом аспекте обеспечивают организацию и структуру высказывания.

Исследование фразеологизмов с компонентом «воздух» в трёх языках демонстрирует взаимосвязь языка, культуры и когнитивных моделей мышления, подтверждая значимость фразеологических единиц как инструмента интерпретации мира и структурирования текста. Полученные результаты имеют прикладное значение для сравнительно-типологических исследований, текстового анализа, обучения языкам и межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: University of Chicago Press, 1980.
4. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words. – Oxford: Oxford University Press, 1997.
5. Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2010.
6. Апресян Ю.Д. Языковая картина мира и системная лексикография. – М.: Языки русской культуры, 1995.
7. Жусупова А.А., Айылчиева Д.Т., Зулпукаров К.З. Константы и переменные в содержании изречений // Вестник Ошского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 27-29.
8. Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка // К. Зулпукаров, М.А. Атакулова, А.А. Калмурзаева, Д.Т. Айылчиева, А.А. Джусупова. – Бишкек: Бийиктик плюс, 2016. – 728 с.
9. Каразакова З.Ж. Основные методы исследования структуры текста // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 3-1 (78). – С. 107-110.

INTERPRETATION AND USE OF PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE "AIR" COMPONENT IN ENGLISH, RUSSIAN AND KYRGYZ LANGUAGES

Zh.Zh. Zhunusova, *Lecturer*
A.N. Shamuratova, *Senior Lecturer*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article examines phraseological units with the "air" component in Russian, English, and Kyrgyz as cognitive and cultural markers that perform important functions in text structuring. The author explores not only the lexical and semantic features of these expressions, but also their role in the organization of the text, ensuring coherence, coherence and emotional expressiveness of the utterance. Special attention is paid to cultural and cognitive differences and similarities between languages: in Russian, phraseological units with "air" are more often associated with the inner world of a person and the emotional and evaluative position of the author; in English – with social, pragmatic and communicative aspects; in Kyrgyz – with collectivist, ecological and moral-ethical concepts. The article draws on interdisciplinary approaches, including cognitive linguistics, text science, and paremiology, and uses methods of structural-semantic, functional-communicative, and cognitive text analysis. Numerous examples of phraseological units from three languages are given and it is shown how they form thematic blocks of the text, strengthen logical and semantic connections, set the rhythm and intonation of utterance. The study demonstrates that phraseological units with the "air" component are multilevel structure-forming elements of the text, simultaneously performing the functions of emotional coloring, cultural representation and cognitive model of the world.*

Keywords: *phraseology; air; text structure; cognitive linguistics; cultural model; cohesion, paremiology; metaphor; communicative function.*

ТЕРМИНАЛ «МОЛОДОЙ/ЗРЕЛЫЙ» ФРЕЙМА «КРАСОТА ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В.С. Зиба, *аспирант*
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-83-87

Аннотация. *В статье представлен сопоставительный анализ репрезентации фрейма «красота человека» в русской и французской лингвокультурах XIX века на примере терминала «молодой/зрелый». В ходе анализа установлено, что в обеих лингвокультурах возраст выступает ключевым эстетическим параметром; различие состоит в способах языковой репрезентации. Как в русской, так и во французской лингвокультуре красота связывается прежде всего с молодостью: ведущими выступают единицы, передающие динамические изменения, природный расцвет, переходное состояние. Отмечается, что русская картина мира ориентирована на динамическое понимание красоты как процесса, французская – на фиксацию идеального момента юности.*

Ключевые слова: *фрейм; красота; лингвокультура; гендер; фреймовое моделирование.*

Современная наука о языке, рассматривающая его через призму человеческого сознания, уделяет большое внимание изучению понятий, которые воплощают в языке социальные ценности. К таким понятиям относится «красота» – сложная и многогранная категория, постоянный интерес к которой обусловлен ее высокой степенью абстракции. По мнению В.А. Масловой, «каждый язык по-своему членит мир, т.е. имеет свой способ его концептуализации» [1]. Будучи одновременно универсальным понятием, присутствующим во всех культурах, и крайне специфичным (наполняемым разным смыслом), красота становится идеальным полем для сравнительных и когнитивных исследований.

Понятие «красота», несмотря на свою вневременную природу, наполнялось различным содержанием в зависимости от исторической эпохи и культурного контекста. В.С. Соловьев определял красоту через ее сущностное единство: это реализованная идея, гармония духовного и телесного [2]. В противоположность мыслителям, видевшим основу прекрасного в объективных свойствах материального мира (Аристотель, Эпикур, Демокрит, Лукреций Кар), Ф. Шиллер связывал красоту со сокровенной духовной природой человека, рассматривая ее как явление, одновременно субъективное, объективное и действенное [3]. В XIX столетии понятие «красота» претерпело трансформацию, восприятие определялось сменой доминирующих культурных парадигм. В русской и французской лингвокультурах данного периода семантическое поле формировалось под влиянием романтизма, буржуазной морали, зарождающегося модернизма, что обусловило его полифоничность и внутреннюю противоречивость.

Сложность и многомерность понятия «красота», его абстрактная природа и ценностная составляющая обусловливает необходимость применения такого метода, как фреймовое моделирование: данный подход дает возможность упорядочить разнородные знания, формирующие содержание сложного понятия. Возрастающий интерес лингвистики к культурным понятиям в рамках когнитивно-антропоцентрического подхода и необходимость комплексного анализа репрезентируемых в языке ценностей определяют актуальность данной работы. Исследование нацелено на анализ языковых единиц, объективирующих мужскую и женскую красоту с применением методики фреймового моделирования. Остановимся на одном из структурных компонентов смоделированного фрейма «красота человека» – терминале «молодой/зрелый». Как отмечает М.В. Милованова, «начиная с XVIII-XIX вв. <…> ведущей характеристикой в толковании понятий (мужчина – женщина) становится не социальный, а биологический параметр – возраст» [4].

Материалом для исследования послужили национальные корпусы русского и французского языков (Национальный корпус русского языка [5], Frantext [6]). Анализ материала позволяет выявить доминирующие в XIX веке дискурсивные модели репрезентации гендерно-маркированных эталонов красоты в двух культурах.

В представлениях о красоте в русской лингвокультуре XIX века возрастные номинации тесно связаны с положительной оценкой внешности, однако способы языкового кодирования этой связи различны:

(Мужчина) *В дверях послышалась легкая, мужская походка, бряцанье шпор, и красивый, румяный, с чернеющимися усиками, видимо отдохнувший и выхолившийся на спокойном житье в Москве, вошел* ***молодой*** *граф*; *Борис внимательно слушал того, кто говорит, ожидая своего череда, но вместе с тем успевал несколько раз оглядываться на свою соседку, красавицу Элен, которая с улыбкой несколько раз встретилась глазами с красивым* ***молодым*** *адъютантом*; *Наташа тотчас же узнала невысокого* ***молодого*** *человека в белом мундире: это был Болконский, который показался ей очень* ***помолодевшим****, повеселевшим и похорошевшим*; *Петя был уже большой,* ***тринадцатилетний****, красивый, весело и умно-шаловливый мальчик, у которого уже ломался голос*; *Князь Болконский был небольшого роста, весьма красивый* ***молодой*** *человек с определенными и сухими чертами*; *Борис был высокий белокурый* ***юноша*** *с правильными тонкими чертами спокойного и красивого лица – Николай был невысокий курчавый* ***молодой*** *человек с открытым выражением лица*; *За Багратионом ехали его адъютант,* ***молодой*** *красивый брюнет...*; *Он был человек* ***лет двадцати восьми****, высокий, стройный, во всей силе и сочности молодости, румяный, с улыбающимися глазами и крупными, ласковыми, румяными губами*; *Петя был теперь красивый, румяный,* ***пятнадцатилетний мальчик*** *с толстыми, красными губами, похожий на Наташу*; *На широком крыльце, между двумя драгунами в синих мундирах и красных воротниках, стоял* ***молодой****, чернобровый, красивый* ***молодой*** *человек с тонкими губами, горбатым носом и усталыми глазами*; *Оно [лицо] сияло такою веселостью и* ***молодостью****, такою невинною* ***молодостью****, что напоминало ребяческую* ***четырнадцатилетнюю резвость****, и вместе с тем это было всё-таки лицо величественного императора*; *Он не мог теперь раскаиваться в том, что он,* ***тридцати-четырехлетний****, красивый, влюбчивый человек, не был влюблен в жену, мать пяти живых и двух умерших детей, бывшую только годом моложе его*; *Во всё время разговора Чичиков рассматривал гостя, который его изумлял* ***необыкновенной красотой*** *своей, стройным, картинным ростом,* ***свежестью неистраченной юности****, девственной чистотой ни одним прыщиком не опозоренного лица*; *Гаврила вошел не один; с ним был дворовый парень,* ***мальчик лет шестнадцати, прехорошенький собой, взятый во двор за красоту****, как узнал я после; Это был очень красивый* ***молодой человек, тоже лет двадцати восьми****, стройный блондин средне-высокого роста, с маленькою наполеоновскою бородкой, с умным и очень красивым лицом* [5].

(Женщина) *Соне минуло уже* ***16 лет****, и она была очень красива, особенно в эту минуту счастливого, восторженного оживления*; *Вера была* ***двадцатилетняя****, красивая девица; Соня* ***шестнадцатилетняя*** *девушка во всей прелести только что распустившегося цветка; Наташа* ***полу-барышня, полу-девочка, то детски смешная****, то девически обворожительная*; *«Да, да», говорил он, улыбаясь и слыша голос женщины,* ***молодой****, красивой, энергической, и видя всю ее перед своими глазами*; *Очень* ***молодая*** *женщина эта показалась Пьеру совершенством восточной красоты, с ее резкими дугою очерченными черными бровями и длинным необыкновенно нежно румяным и красивым лицом без всякого выражения*; *У нее тоже блестели глаза, но у брата они блестели холодно и слащаво, как леденцы, в ее же взгляде светилась* ***молодость****, красивая, гордая*; *В эпоху, нами описываемую,* ***ей было 17 лет, и красота ее была в полном цвете***; *Недолго искало себе сердце повелительницы: оно поверглось к ногам* ***семнадцатилетней девушки и поднесло ее неземной красоте*** *весь пыл свежего сердца…*; *Приданым за Бертой Ивановной пошли: во-первых, ее писаная* ***красота*** *и* ***молодость****, а во-вторых, доброе имя ее матери, судя по которой практичный Фридрих Шульц ждал найти доброе яблочко с доброго дерева*; *Ей от роду*

шел всего ***двадцать четвертый год***; **Юная семнадцатилетняя** особа [5].

У мужчин отмечается нормативно-оценочная сочетаемость определений возраста: возрастные показатели почти всегда выступают определениями-атрибутами, непосредственно примыкающими к единицам с эстетической семантикой («*красивый, румяный… молодой граф»; «красивый молодой адъютант»; «красивый молодой брюнет*»). Мужская красота также выражена через субъективно-оценочные отглагольные единицы со значением динамики, изменения, на что указывает префикс *по-* («*помолодевшим, повеселевшим и похорошевшим*»), демонстрирующие языковую тенденцию соотносить эстетическое улучшение с возвращением или усилением молодости. В отдельных случаях представлены количественные номинации («*лет двадцати восьми», «тридцати-четырёхлетний*»).

У женщин возраст реализуется через семантически более напряжённую связь между молодостью и красотой, где молодость не только усиливает привлекательность, но выступает её основным ядром. На уровне языковых средств эта связь проявляется через единицы, апеллирующие к фазам роста и расцвета («*во всей прелести только что распустившегося цветка»; «полу-девочка, полу-барышня*»). Экспликация возраста у женщин чаще передается через числительные («*шестнадцатилетняя девушка», «двадцатилетняя девица», «женщина лет сорока*»), при этом каждая возрастная категория имеет собственную эстетическую модель: подростковая юность – «прелесть», ранняя женственность – «элегантность», зрелость – «румяная, красивая женщина».

Таким образом, выделяются следующие ведущие языковые средства, заполняющие терминал:

мужская красота: единицы, номинирущие возраст в сочетании с номинацией статуса («граф», «адъютант»); единицы со значением динамики, изменения («помолодевший, повеселевший и похорошевший»); количественные и порядковые числительные («лет двадцати восьми», «тридцати-четырёхлетний»);

женская красота: метафоры, основанные на природных ассоциациях («во всей прелести только что распустившегося цветка»); составные единицы, фиксирующие переходность, – компонент *полу-* («полу-девочка, полу-барышня»); количественные и порядковые числительные («шестнадцатилетняя», «двадцатилетняя», «лет сорока»).

В представлениях о красоте во французской лингвокультуре XIX века возраст функционирует как значимый, хотя и не всегда эксплицитно оформленный параметр эстетизации. Репрезентация красоты через возрастные характеристики демонстрирует как общие закономерности, так и устойчивые гендерные различия, отражающие культурные идеалы эпохи.

Рассмотрим следующие примеры:

(Мужчина) *Marius à cette époque était* ***un beau jeune homme*** *(красивым молодым человеком) de moyenne taille, avec d'épais cheveux très noirs, un front haut et intelligent, les narines ouvertes et passionnées, l'air sincère et calme…*; *Pendant qu'il priait à haute voix, elles semblaient ne pouvoir assez admirer ses belles dentelles, sa bonne grâce, sa figure si* ***jeune*** *(юным) et si douce*; *M. Valenod, grand* ***jeune homme*** *(молодой человек), taillé en force, avec un visage coloré et de gros favoris noirs, était un de ces êtres grossiers, effrontés et bruyants, qu'en province on appelle de beaux hommes*; *Cet autre mousquetaire formait un contraste parfait avec celui qui l'interrogeait et qui venait de le désigner sous le nom d'Aramis:* ***c'était un jeune homme de vingt-deux à vingt-trois ans à peine*** *(это был молодой человек лет двадцати двух или двадцати трёх), à la figure naïve et doucereuse, à l'œil noir et doux et aux joues roses et veloutées comme une pêche en automne…* [6].

(Женщина) *Cette femme,* ***de trente ans à peine*** *(лет тридцати), brune, assez belle, regardait vaguement avec de grands yeux noirs*; *La personne qu'il voyait maintenant était une grande et belle créature ayant toutes les formes les plus charmantes de la femme à ce moment précis où elles se combinent encore avec toutes* ***les grâces les plus naïves de l'enfant*** *(наивной грацией ребёнка); moment fugitif et pur que peuvent seuls traduire ces deux mots:* ***quinze ans*** *(пятнадцать лет)*; *Quand on passait près d'elle, toute sa toilette exhalait* ***un parfum jeune et pénétrant*** *(молодой, пронзительный аромат)*; *Avant d'ouvrir la porte, l'évêque se mit à genoux au milieu de ces* ***jeunes filles toutes***

jolies *(красивыми юными девушками)*; *Son interlocutrice, dont la tête apparaissait encadrée par la portière, était* ***une femme de vingt à vingt-deux ans*** *(женщиной лет двадцати или двадцати двух). Nous avons déjà dit avec quelle rapidité d'investigation d'Artagnan embrassait toute une physionomie; il vit donc du premier coup d'œil que la femme était* ***jeune et belle*** *(молода и прекрасна)*; *…son appartement se composait de deux petites chambres, fort proprement meublées dans une maison garnie dont l'hôtesse* ***encore jeune et véritablement encore belle*** *(молодая и поистине прекрасная) lui faisait inutilement les doux yeux*; *Un second sourire presque imperceptible effleura les lèvres rosées de* ***la belle jeune femme*** *(прекрасной молодой женщины)*; *Il eut une surprise en la voyant,* ***tant il la trouva belle et jeune*** *(такой красивой и юной она показалась ему)* [6].

Как показали примеры, в репрезентации мужской красоты возраст чаще всего выражается через нейтральные или полуоценочные номинативные конструкции: *un beau jeune homme*, *grand jeune homme*, *un jeune homme de vingt-deux à vingt-trois ans*, *à peine trente ans*. В этих структурах единица *jeune* выступает главным эстетизирующим элементом: красота мужчины связана с молодостью как физическим состоянием, обеспечивающим гармонию черт, свежесть и внутреннюю силу. Возрастные указания у мужчин почти всегда оформлены либо как атрибуты (*jeune homme*), либо как постпозитивные уточнения (*de vingt-deux à vingt-trois ans*). Дополнительная эстетическая нагрузка возникает благодаря единицам *à peine*, *encore*, служащим для маркирования предельной юности и её ценности. Юность выступает как символ природной чистоты, наивности и «незавершённой» красоты. В ряде случаев возрастные характеристики сочетаются с нравственными (*air sincère et calme*, *figure jeune et douce*), молодость мужчины кодируется не только как телесный, но и как поведенческо-психологический признак.

У женщин возраст является существенно более значимой эстетической категорией и участвует в формировании идеала гораздо активнее. Женская красота чаще всего кодируется через возрастные маркеры, которые выступают самостоятельными источниками эстетической ценности. Широко представлены конструкции типа *une charmante fille de vingt-trois ans*, *une femme de trente ans à peine*, *une femme de vingt à vingt-deux ans*, *une belle jeune femme*, *la jeune fille*. Такие номинативные группы обладают гораздо большей частотой и вариативностью, чем у мужчин, и включают разветвлённую систему единиц (*charmante*, *belle*, *fraîche*, *jeune*).

Особое место занимает возрастной идеал «переходной грации»: *moment précis où elles se combinent encore avec toutes les grâces les plus naïves de l'enfant; quinze ans*. Юность здесь понимается как пик женской красоты. Возраст часто сопровождается единицей *fraîcheur* (*d'une fraîcheur et d'une beauté*), выступающей устойчивым эстетическим маркером, соотносимым с каноном «нежности» и «чистоты». Единицы, передающие движение (*il la trouva belle et jeune*, *toute sa toilette exhalait un parfum jeune*) формируют перцептивную модель красоты: молодость воспринимается как ощущение, аромат, световая аура.

Таким образом, можно говорить о ведущих языковых средствах репрезентации красоты. Обращает на себя внимание в рамках обоих гендеров сопоставление в ряде случаев с ребенком (возраст + наивность, чистота), а также отмечена базовая для терминала единица *jeune* (молодой(ая)). В качестве ведущих средств, заполняющих терминал, отмечены:

мужская красота: базовая единица в рамках терминала, связывающая красоту с физическим состоянием (*un beau jeune homme* (красивый молодой человек), *grand jeune homme* (высокий молодой человек)); единицы, номинирующие пограничность, хрупкость и максимальную ценность молодости (*à peine* (едва), *encore* (еще)); единицы, номинирующие чистоту и наивность (air sincère et calme, figure jeune et douce (*вид искренний и спокойный*, *лицо молодое и нежное*));

женская красота: числительные, указывающие на возрастное разнообразие (*une charmante fille de vingt-trois ans* (очаровательная двадцатитрехлетняя девушка), *une femme de trente ans à peine* (женщина едва тридцати лет)); единицы, номинирующие свежесть (fraîcheur); косвенная передача возраста через запах (*un parfum jeune et pénétrant* (молодой аромат)); номинации молодой женщины (*fille* (девушка)).

Таким образом, анализ фактического материала демонстрирует, что в каждой лингвокультуре возраст выступает ключевым эстетическим параметром как в мужском, так и в женском гендере, однако степень его семантической нагрузки и способы языкового выражения различаются. Общим является то, что молодость в обеих культурах функционирует как универсальный эстетический усилитель: и в русском, и во французском материале возрастные показатели тесно примыкают к единицам с семантикой красоты, формируя устойчивые сочетания типа «красивый молодой…» или «beau jeune…», где именно компонент «молодой / jeune» становится главным носителем эстетической ценности. В сопоставляемых лингвокультурах молодость интерпретируется как признак природной гармонии, свежести, силы и целостности, а также как показатель потенциала и жизненной энергии. Сходство проявляется и в том, что возрастные характеристики мужчин часто сочетаются с нравственно-психологическими признаками, благодаря чему красота осмысливается не только как телесное качество, но и как отражение внутреннего состояния.

Библиографический список

1. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. – 3-е изд., испр. – М.: Флинта; Наука, 2014. – 296 с.
2. Соловьев В.С. Философский словарь. – М., 1989.
3. Шиллер Ф.К. Каллий, или о красоте. – Собрание сочинений: в 7 томах, Москва, 1955-1957.
4. Милованова М.В. История развития представлений о мужчине и женщине в русском языке (на материале лексикографических источников) / М.В. Милованова // Мир науки, культуры, образования. – 2024. – № 4(107). – С. 414-416.
5. Национальный корпус русского языка. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruscorpora.ru/.
6. Frantext (Национальный корпус французского языка). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.frantext.fr/.

TERMINAL "YOUNG/MATURE" FRAME "THE BEAUTY OF MAN" IN RUSSIAN AND FRENCH LINGUISTIC CULTURES

V.S. Ziba, *Postgraduate Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *The article presents a comparative analysis of the representation of the "human beauty" frame in the Russian and French linguistic cultures of the 19th century using the example of the "young/mature" terminal. The analysis revealed that age is a key aesthetic parameter in both linguistic cultures; the difference lies in the ways of linguistic representation. In both Russian and French linguistic culture, beauty is associated primarily with youth: the leading units are those that convey dynamic changes, natural flourishing, and a transitional state. It is noted that the Russian worldview is focused on a dynamic understanding of beauty as a process, while the French one is focused on fixing the ideal moment of youth.*

Keywords: *frame; beauty; linguoculture; gender; frame modeling.*

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ АРАБСКИХ ПАРЕМИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ СБОРНИКА «АРАБСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ» АЛЬ-МАЙДАНИЯ, ПЕРЕВОД И. САРБУЛАТОВА)

А.А. Кудякова, *студент*
Научный руководитель: *В.В. Шошкина, старший преподаватель*
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-88-94

Аннотация. *Цель данной работы провести лингвокультурологический анализ арабских паремий для выявления ключевых культурных концептов, составляющих основу мировоззрения арабского народа. Исследование выполнено на материале 639 паремий из перевода сборника «Арабские пословицы и поговорки» аль-Майдания с применением лингвоконцептологического метода, включая частотный анализ, выделение концептов и построение соответствующих лексико-семантических полей. В результате анализа были выделены и детально описаны шесть базовых концептов. Для каждого концепта определены ядро и периферия, а также характерные образы-символы. В ходе исследования были сделаны выводы, что паремиологический фонд арабского языка представляет собой устойчивую систему ценностей, сформированную синтезом доисламской и исламской традиций. Выделенные концепты взаимосвязаны и фиксируют практические модели социально одобряемого поведения, закрепляя коллективный опыт и культурную идентичность народа.*

Ключевые слова: *лингвокультурология; паремиология; арабские пословицы; культурный код; концепт; лексико-семантическое поле; аль-Майданий; ценности; мировоззрение.*

В данной статье рассматривается лингвокультурологический аспект анализа паремий, а именно отражение в них базового культурного кода народа. Пословицы и поговорки выступают формой языкового закрепления коллективного опыта и народной мудрости, передающейся из поколения в поколение, и тем самым участвуют в формировании языковой и культурной идентичности. Мировоззрение арабского народа формировалось под влиянием как доисламского периода – эпохи джахилии, так и исламской традиции. Устои джахилии нашли отражение в пословицах и поговорках, которые длительное время существовали и передавались в устной форме. Также существенное влияние на образ жизни и систему ценностей арабов оказал и священный Коран, который во многом изменил привычный уклад жизни бедуина-араба, но при этом органично соотнёсся с особенностями восточного темперамента. Оба этих пласта культуры нашли отражение в паремиологическом фонде арабского языка.

Материалом для анализа в статье послужил сборник «Арабские пословицы и поговорки» перса Абу аль-Фадла Ахмеда ибн Мухаммеда ибн Ахмеда ибн Ибрагима аль-Майданий ан-Нисабури. Аль-Майданий родился и умер в Нишапуре и получил широкую известность благодаря изучению арабов и их пословиц. Европейский востоковед Шайла Вебстер отмечает, что «Арабские пословицы и поговорки» является лучшим из сборников, который посвящён арабским паремиям. Согласно её словам, целью автора было создание исчерпывающего сборника, который объединил бы арабские пословицы из всех существующих книг. Результатом этой работы стало собрание, включающее не менее 5 тысяч доисламских речений и более тысячи высказываний сподвижников Пророка и праведных халифов, ставших неотъемлемой частью современного арабского языка. Значимость этого труда подчёркивают востоковеды Броккельман и Гольдциер, заявляя, что «подлинник этой книги и её перевод сохраняется во всех библиотеках мира» [1, p. 409]. Двухтомное собрание содержит свыше шести тысяч паремий, иллюстрирующих быт и историю арабского народа в доисламскую и исламскую эпохи. Труд «Маджма аль-амсаль» впервые был опубликован в 1838 году в Бонне в трёх частях,

снабжённых латинским переводом. Затем последовали издания: в 1869 году в Булаке (Каир), а в 1892 году – выпуск в двух частях издательством «Аль-мактаба аль-хейрийа» в Египте. Изучение частотности тем и проблем, поднимаемых в паремиях, служит ключом к пониманию базовых культурных ценностей, наиболее значимых вопросов для общества и специфики мировосприятия его представителей. Доктор Салим Марʿи Хидаруси из Университета Ярмук (Иордания) указывает, что «впервые пословицы и поговорки появились в краткой форме словесности и представляют собой устное творчество народа. Они полностью отражают мышление, чувства, традиции и мировоззрение арабского народа» [2, с. 3]. Аналогичной точки зрения придерживались многие учёные, в числе которых немецкий исследователь З. Рудольф [3, с. 7-11], а также арабские литературоведы Шауки Дайф [4, с. 16] и Мухаммад Абуали [2, с. 7]. Важность пословиц как отражения народной ментальности отмечал и В.И. Даль, характеризуя их как «свод народной опытной премудрости и суемудрия, это стоны и вздохи, плач и рыдание, радость и веселье, горе и утешение в лицах; это цвет народного ума, самобытной стати; это житейская народная правда, своего рода судебник, никем не судимый» [5, с. 13].

Будучи фольклорным жанром, пословицы и поговорки свидетельствуют о многовековой традиции арабской культуры, для которой всегда была свойственна особая любовь к слову. Устная поэзия была широко распространена среди всех слоёв общества, а с приходом ислама поэтическое творчество – как религиозное, так и светское – продолжало пользоваться огромной популярностью. Фразеологизмы занимают важное место в арабском словесном искусстве. Это особенно заметно в мусульманской среде, где широко практикуется заучивание коранических текстов. По наблюдению С.М. Хидаруси, арабы испытывают «бескрайнее чувство гордости, имея возможность применять пословицы, когда возникает такая необходимость», и с большим уважением относятся ко «всякому, кто способен использовать эти высказывания правильно» [2, p. 7].

Оригинальное название сборника – مجمع الأمثال, где ключевое слово الأمثال (аль-амсаль) означает «пословицы». Словарные дефиниции включают такие значения, как «образец», «подобие», «аналогия», «поговорка», «притча», что указывает на восприятие пословицы как модели для подражания, уже заложенное в её семантике. В рамках исследования все паремии сборника были подвергнуты анализу на предмет частотности для выявления ключевых концептов. Методологическую основу составил лингвоконцептологический подход, в котором концепт трактуется как «кванты переживаемого знания, совокупность которых и является концентрированным опытом человечества, этноса, социальной группы, личности» [6, с. 430-431]. На базе выделенных концептов формируются соответствующие лексико-семантические поля, служащие для систематизации всех лексических единиц, обнаруженных в анализируемых пословицах. Согласно определению из «Краткого понятийно-терминологического справочника» Ж.Ж. Варбот и А.Ф. Журавлёва, «Лексико-семантическое поле. Совокупность лексем, обозначающих определённое понятие в широком смысле этого слова: по современным представлениям, поле включает в свой состав слова различных частей речи, с допущением включения фразеологизмов и лексических материалов различных форм существования национального языка (не только литературного, но и просторечия, диалектов, жаргонов), с обращением к историческим лексическим материалам при ориентации на диахроническое исследование» [7]. Анализ проводился на материале перевода, в котором переводчик сознательно сократил исходное количество паремий. Таким образом, предметом изучения в данной работе стали 639 паремий, что привело к следующим результатам:

Мудрость и Разум (95 пословиц)

Для арабской культуры мудрость – это не абстрактная философия, а высшая практическая компетенция, инструмент для решения жизненных задач, обеспечивающий выживание, благополучие и социальный успех. Она проявляется в триединстве: проницательность (البصيرة / الرأي) – умение видеть суть вещей, предвидеть последствия, отделять истину от лжи, это «зоркий ум»; опыт (التجربة) – знание, накопленное на практике и через наблюдение за жизнью, приходящее с годами и пережитыми событиями; и сдержанность (الحلم / التروي) – способность обуздывать страсти (الهوى), гнев

(الغضب) и поспешность (العجلة), ведь мудрый не действует на эмоциях. Таким образом, мудрец – это расчетливый и спокойный лидер, советчик или воин, чьи решения ведут к успеху.

Ярким отражением этого мировоззрения являются пословицы. Например, пословица №2458 гласит: «Враг человека – его глупость, а друг – его разум» (عَدُوُّ الرَّجُلِ حُمْقُهُ، وَصَدِيقُهُ عَقْلُهُ). В то же время пословица №48 – «Когда приходит предопределение, слепнет взор» (إِذَا جَاءَ الْقَدَرُ عَمِيَ الْبَصَرُ) – устанавливает важную границу: даже самый зоркий ум бессилен перед волей рока, и мудрость заключается также в признании того, что есть вещи, которые нельзя предвидеть или изменить силой ума.

ЛСП «Мудрость / Разум» в арабском языке структурировано вокруг ядра положительных понятий, таких как разум (العقل), мудрость (الحكمة), здравый смысл (الرأي), знание (العلم), разумение (اللبّ), опыт (التجربة), искренний совет (النصيحة), советование (المشورة), самообладание (الحلم) и планирование (التدبير). Ему противопоставлена периферия отрицательных понятий-антонимов: глупость (الحمق), невежество (الجهل), беспечность (الغفلة), легкомыслие (الطيش и السفه), ослепляющая страсть (الهوى), лишающий разума гнев (الغضب) и торопливость (العجلة).

В пословицах эти абстрактные понятия оживают через яркие образы-символы. Мудрость и проницательность кодируются через Глаз или Зрение العين / البصر (как способность видеть истину) , Сердце القلب (как вместилище разума) и Орла العقاب (как символ зоркости и высоты восприятия). Напротив, глупость и невежество воплощаются в анти-символах: в тупом страусе النعامة, глупой и подлой Гиене الضبع, слепой ярости Волка الذئب и безрассудном Мотыльке (الفراشة) الموتى, летящем на огонь.

Речь и Слово (60 пословиц)

Это главный социальный инструмент, преобразующий внутреннюю мудрость во внешнее действие и силу. Для доисламского араба слово – это материальная сила, обладающая весом и последствиями, которая не просто описывает мир, а активно его меняет: скрепляет союзы, объявляет войны, создаёт репутации и разрушает жизни. Контроль над речью, будь то الصمت – молчание, или الكتمان – умение хранить тайну, ценится как высшее искусство, потому что выпущенное на волю слово, подобно выпущенной стреле, не возвращается. Вся культура речи строится на фундаментальном противопоставлении благого, полезного слова (القول الحسن) и губительного, лживого (القول السوء).

Суть этой силы раскрывается в пословице №1: «Поистине, иная ясная речь – колдовство» (إِنَّ مِنَ الْبَيَانِ لَسِحْرًا). Здесь ясная, убедительная речь (البيان) приравнивается к колдовству (سحر) по силе воздействия, обладая способностью не просто убеждать, но и ослеплять, обманывать, подчинять волю, меняя само восприятие реальности. А пословица №217: «Берегись, как бы твой язык не отсёк твою же шею» (إِيَّاكَ وَأَنْ يَضْرِبَ لِسَانُكَ عُنُقَكَ) жёстко связывает речевой акт с причинно-следственной цепью возмездия, метафорически изображая язык (اللسان) как меч, который может обернуться против неосторожного говорящего и привести к его физической или социальной гибели.

ЛСП «Речь / Слово» в арабском языке обширно и структурировано. Его ядро составляют нейтральные и общие понятия: речь или слово (القول), разговор (الكلام), произнесение (اللفظ), беседа (الحديث), способность говорить (المنطق) и язык как орган и способность (اللسان). Этому ядру сопутствует позитивная периферия, описывающая благую речь: правдивость (الصدق), ясность и красноречие (البيان), искренний совет (النصيحة), мудрое молчание (الصمت), спасительные иносказания (المعاريض) и умение хранить тайну (الكتمان). Ей противостоит негативная периферия губительной речи: ложь (الكذب), клевета (البهتان), злословие (الغيبة), сплетни (النميمة), пустой спор (المراء) и упорство в споре (اللجاج). Отдельную, крайне важную подгруппу составляет речь о будущем и обязательствах: обещание (الوعد), договор или обет (العهد) и клятва (اليمين).

Богатство и двойственность природы слова – творящую и разрушительную – отражает его символика. Главный символ – Язык (اللسان), который уподобляется мечу (может отсечь голову), коню (если обуздал – спасёт, если дал волю – погубит) и стреле (выпущенную не вернёшь). Колдовство (السحر), как в пословице 1, служит символом непреодолимой манипулятивной силы речи, а Мёд (العسل) олицетворяет сладкую, лестную, но часто лживую или лицемерную речь. Пустословие и вред символизируют Собачий лай (نُباح الكلاب) – как

бесполезный и назойливый шум, не влияющий на важные дела, – и Кузнечные мехи (الكير), с которыми сравнивают дурного собеседника: если и не сожжёт явно, то уж закоптит дымом сплетен и глупости.

Концепт «Речь» является практическим продолжением и воплощением концепта «Мудрость». Разумный человек отличается прежде всего умением контролировать свою речь. Арабская культура создала сложную, детализированную систему оценок речевого поведения: от высшей похвалы за ясность и правдивость до сурового осуждения за клятвопреступление и сплетни. Идеалом является не болтливый оратор, а тот, кто говорит вовремя, к месту, правдиво и безоговорочно хранит доверенные тайны. Именно в таком контроле над словом заключены подлинная социальная безопасность, авторитет и сила личности.

Честь и Щедрость (55 пословиц)

Для доисламской арабской культуры честь – это не внутреннее чувство достоинства, а публичная репутация и социальный капитал, высшая ценность, которую необходимо постоянно подтверждать и укреплять действиями. Она достигается не богатством или происхождением самими по себе, а через их публичное, щедрое расходование согласно неписаным законам племени. Высшим проявлением чести (العز) является щедрость (الكرم) – безвозмездное, часто расточительное дарование благ (еды, защиты, гостеприимства) сородичам, гостям и даже врагам. Её антипод – скупость (البخل) – считается не бережливостью, а социальным самоубийством, прямым путём к позору (الذل) и изоляции.

Ярким отражением этой социальной механики являются пословицы. Например, пословица №30 гласит: «Презрительное отношение к подлецу – это доброта» (إِنَّ الهَوَانَ لِلَّئِيمِ مَرْأَمَةٌ). Она раскрывает, что честь – система взаимного признания: уважение к недостойному унижает само понятие чести, тогда как презрение восстанавливает иерархию. В то же время пословица №2490 – «Величие (честь) человека в его независимости от людей» (عِزُّ الرَّجُلِ اسْتِغْنَاؤُهُ عَنِ النَّاسِ) – утверждает, что истинная честь коренится в самодостаточности (استغناء), как материальной, так и моральной. Только такой независимый человек может быть подлинно уважаемым, а значит и щедрым.

ЛСП «Честь / Щедрость» в арабском языке структурировано вокруг ядра положительных понятий, таких как могущество и достоинство (العز), щедрость (الكرم), великодушное дарение (الجود), мужская добродетель (المروءة), верность (الوفاء), отважная помощь (النجدة), благородство происхождения (الشرف), выдержка (الحلم) и сдерживающий стыд (الحياء). Ему противопоставлена периферия отрицательных понятий-антонимов: унижение (الذل), подлость (اللؤم), скупость (البخل), вероломство (الغدر), трусость (الجبن), низость (الدناءة) и нарушение обещания (خلف الوعد).

В пословицах абстрактные понятия Честь и благородство кодируются через образы-символы Льва (الأسد) – символ благородной силы и независимой щедрости; Скакуна (الجواد) – воплощение благородства и высокой ценности; и Гору (الجبل) – образ несокрушимости и величия. Напротив, позор и скупость воплощаются в анти-символах: в низкой Собаке (الكلب) – символе подчинённости и неблагодарности; вероломном Волке (الذئب); и Желудке (البطن) – олицетворении постыдной зависимости от низменных потребностей.

Судьба и Время (40 пословиц)

В арабском мировоззрении Судьба и Время – это безличный и непреодолимый фон, на котором разворачивается вся человеческая активность. Это не божественное провидение, а слепая, переменчивая и безразличная сила. Она имеет два лика: Судьба-рок (القدر / الدهر) – как неотвратимое предопределение, особенно в отношении смерти и больших поворотов; и Время-разрушитель (الدهر / الزمان) – как циклическая сила, чередующая удачи и беды. Мудрость здесь заключается не в победе над роком, а в стоическом принятии его ударов и трезвом понимании изменчивости мира.

Суть этой силы раскрывает пословица №48 гласит: «Когда приходит срок, темнеет в глазах» (إِذَا جَاءَ الْحَيْنُ حَارَتِ الْعَيْنُ). Она говорит о моменте, когда неотвратимая судьба настигает человека, лишая его ясности и способности действовать. В то же время пословица №118 – «Вместе с сегодняшним днём есть и завтрашний, о Мус'ида!» (إِنَّ مَعَ الْيَوْمِ غَدًا يَا مُسْعِدَةُ), где Мус'ида (مُسْعِدَةُ) – это женское имя, традиционно используемое в арабской поэзии и пословицах как лирическое обращение, подобное русским «дружок», «голубушка» или «душа моя», что является типичный приём

для древней арабской касыды (поэмы), где поэт часто поэт обращался к попутчице (часто имя вымышленное), чтобы разделить с ней размышления о жизни, судьбе, утратах, помогая превратить сухое наставление в эмоциональное, почти личное обращение и смягчить суровость истины. Эта пословица устанавливает важный принцип переменчивости времени, напоминая, что ни одно состояние – ни победа, ни богатство – не вечно.

ЛСП «Судьба / Время» в арабском языке структурировано вокруг ядра понятий, обозначающих управляющие силы: судьба (القدر), время-разрушитель (الدهر), эпоха (الزمان), роковой срок (الحين), конец (الأجل) и предопределение (القضاء). К периферии относятся проявления судьбы: испытание (البلا), несчастье (الداهية), беда (النائبة), «дни» как полосы жизни (الأيام) и дурные происшествия (الحدثان), а также смежные понятия жизни (العمر) и смерти (المنية).

В пословицах эти абстрактные понятия оживают через яркие образы-символы. Неотвратимость и мощь судьбы кодируются через Сель (السيل) – неостановимую сокрушительную силу; Ночь (الليل) – покров неизвестности будущего; и Дорогу (الطريق) – метафору предначертанного пути. Изменчивость и цикличность олицетворяет Вращающееся колесо (عجلة الدهر) и сама смена Дня и ночи (النهار والليل). Анти-символом, выражающим тщетность сопротивления, служит Предосторожность (الحذر) – образ бесполезных человеческих попыток избегнуть предначертанного.

Род и Связи (35 пословиц)

В условиях сурового племенного строя Род и Связи – это основа безопасности и социальной идентичности. Индивид не мыслил себя вне плотной сети обязательств, которая целиком определяла его защиту, ресурсы и статус. Верность этим связям – священный долг, а их нарушение – величайшее преступление. При этом выбор, с кем вступать в такие связи (в дружбу, соседство), приравнивается к выбору судьбы, что подчёркивает его фатальную важность.

Краеугольные принципы этих отношений раскрывают пословица №908 гласит: «Сначала [выбирай] соседа, потом дом» (الجَارُ ثُمَّ الدَّارَ). Она утверждает, что материальное благополучие (الدار) обесценивается без правильного социального окружения; сосед (الجار) – лицо, входящее в зону взаимной ответственности. В то же время пословица №68 – «Брат тебе тот, кто даст искренний совет» (أَخُوكَ مَنْ صَدَقَكَ النَّصِيحَةَ) – переопределяет само понятие родства, расширяя его на круг верных соратников, чья искренняя забота (النصيحة) ценнее кровных уз.

В ЛСП «Род и Связи» ядро составляют конкретные агенты связей – «свои», определяющие безопасность и идентичность человека: брат (الأخ) – будь то по крови или по неизменной верности духа; народ, племя (القوم) – основная клетка социального организма, дающая имя и защиту; сосед (الجار); товарищ и неизменный спутник (الصاحب); попутчик (الرفيق) на отрезке жизненной дороги; покровитель и ближайший союзник (الولي); семья и ближний клан (العشيرة); а также приятный собеседник (الأنيس) – тот, чьё общество скрашивает одиночество пустыни. Позитивную периферию поля образуют действия, скрепляющие этот круг: деятельная поддержка сородичей (النصرة) в час нужды; верный помощник (الناصر, المعين); надёжный покровитель-опора (الظهير); священный союз-договор (الحلف); и прощальный завет-наставление (الوصية), передающий мудрость через поколения. Этой созидательной системе противостоит негативная периферия – зона опасности и распада: открытый враг (العدو); судебный оппонент (الخصم); пожирающая душу вражда (العداوة, الخصومة); горький разрыв отношений (الهجر); и, самое страшное, – вероломство и предательство (الغدر). Это не просто порок, а святотатство, разрыв самых священных уз, особенно чудовищный в отношении того, кто считался союзником (الولي). Это грех, превращающий «своего» в худшего из чужих и влекущий неминуемую месть.

В пословицах эти абстрактные понятия оживают через яркие образы-символы. Прочность и поддержка кодируются через Спину (الظهر) – символ защиты рода; Стену (الجدار) – образ общего, охраняемого пространства; и Скалу (الصخرة) – воплощение надёжности союзника. Напротив, угроза и разрыв связей воплощаются в анти-символах: в Волке (الذئبг) – символе предательства внутри круга «своих»; Оружии (السلاح) – знаке открытой вражды; и Расщелине (الخبار) – образе ложного, гибельного пути в отношениях.

Богатство и Довольство (25 пословиц)

В системе арабских ценностей богатство – не самоцель, а инструмент и материал для достижения подлинных благ: укрепления чести через щедрость и обеспечения независимости своего рода. Поэтому отношение к нему амбивалентно и подчинено строгой этике: оно должно быть добыто праведно, использовано на благо общины, и к нему нельзя чрезмерно привязываться. Высшей добродетелью считается довольство малым (القناعة), сохраняющее независимость разума и чести, тогда как алчность (الطمع) и скупость (البخل) осуждаются как главные пороки.

Эти идеалы ярко выражены в пословице №3951: «Ничто не закроет твою нужду так, как твоя собственная рука» (مَا سَدَّ فَقْرَكَ مِثْلُ ذَاتِ يَدِكَ). Она утверждает идеал трудовой независимости, где рука (اليد) – символ личного труда, дающего истинное уважение. В то же время пословица №4050 – «Кто доволен [тем, что имеет], тот благоденствует!» (مَنْ قَنَعَ فَنِعَ) – предлагает формулу идеального отношения: довольство (القناعة) как активная внутренняя позиция, ведущая к подлинному процветанию.

ЛСП «Богатство / Довольство» в арабском языке структурировано вокруг ядра понятий, таких как имущество (المال), достаток (الغِنَى), пропитание (الرزق) и, с другой стороны, нужда (الفقر) и крайняя нищета (الفاقة). Ему сопутствует позитивная периферия добродетелей: довольство (القناعة), умеренность (الكفاف), независимость (الاستغناء) и хозяйственная расчётливость (التدبير). Им противостоит негативная периферия пороков: скупость (البخل), алчность (الطمع), скряжничество (الشح) и долг как состояние зависимости (الدَّيْن).

В пословицах эти абстрактные понятия оживают через яркие образы-символы. Мудрое отношение и истинное богатство кодируются через Руку (اليد) – символ труда и независимости; Муравья (النملة) – воплощение коллективного трудолюбия и запасливости. Напротив, порочное отношение воплощается в анти-символах: в Собаке (الكلب) – символе скупости и зависимости; Желудке (البطن) – олицетворении ненасытной потребности; и Колючках (الضريع) – символе бесполезности и пустой видимости блага.

В заключение необходимо подчеркнуть, что в основе арабских паремий лежат конкретные и устойчивые концепты, связанные с честью, родовыми связями, верой, терпением, судьбой, знанием и социальным поведением человека. Через пословицы закрепляются модели должного поведения и оценки поступков, которые на протяжении веков оставались значимыми для арабского общества. Таким образом, паремии фиксируют не только языковые особенности, но и практическое представление арабов о правильном образе жизни и месте человека в мире.

Библиографический список

1. Аль-Майданий А.Ф. Арабские пословицы и поговорки / А.Ф. Аль-Майданий; пер. с араб. И. Сарбулатов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dagvat777.narod.ru/mujammagul_amsal/index.htm.

2. Апресян Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 1: Лексическая семантика. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.

3. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – 1250 с.

4. Варбот Ж.Ж. Справочник по этимологии и исторической лексикологии (краткий) / Ж.Ж. Варбот, А.Ф. Журавлев. – 1998. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rus-yaz.niv.ru/doc/historical-lexicology/index.htm.

5. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1984. – Т. 1. – 383 с.; Т. 2. – 399 с.

6. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.

7. Крачковский И.Ю. Избранные сочинения: в 6 т. Т. 2. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 702 с.

8. Daif, Sh. Al-fannu wa mazohibuhu fi an-nasri [Искусство и его школы в прозе]. – Qahira: Dairat al-ma’arif, 1992. – 400 p.

9. Hidarousi S.M. Al-Mathal wa ma yajri majrahu min al-ashkal al-‘arabi fi kutub al-amthal al-qadima ‘ind al-‘arab [Пословица и подобные ей арабские формы в древних арабских книгах пословиц] / S.M. Hidarousi. – Urdun: Qism al-lughat al-‘arabiya bi jamiat al-ayrmuk, 2008. – 350 p.

10. Rudolph Z. Al-Amthal al-‘arabiya al-qadima [Древние арабские пословицы]. – Bayrut: Dar al-Ma’arif, 1984. – 380 p.

11. The Encyclopaedia of Islam. Vol. 1-4. – Leyden: E.J. Brill, 1913-1936. – 584 p.

LINGUOCULTUROLOGICAL ANALYSIS OF ARABIC PAREMIA (BASED ON THE COLLECTION "ARABIC PROVERBS AND SAYINGS" BY AL-MAIDANI, TRANSLATED BY I. SARBULATOV)

A.A. Kudyakova, *Student*
Supervisor: *V.V. Shoshkina, Senior Lecturer*
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *The aim of the article is to conduct a linguocultural analysis of Arabic paremia to identify key cultural concepts that form the foundation of the Arab people's worldview. The study is based on the material of 639 paremias from the translation of the collection "Arabic Proverbs and Sayings" by al-Maidani, using the linguoconceptological method, including frequency analysis, concept identification, and the construction of corresponding lexical-semantic fields. As a result of the analysis, six basic concepts were identified and described in detail. For each concept, its core and periphery, as well as characteristic image-symbols, were defined. The study concluded that the paremiological fund of the Arabic language represents a stable system of values formed by the synthesis of pre-Islamic and Islamic traditions. The identified concepts are interrelated and codify practical models of socially approved behavior, thereby consolidating the collective experience and cultural identity of the people.*

Keywords: *linguoculturology; paremiology; Arabic proverbs; cultural code; concept; lexical-semantic field; al-Maidani; values; worldview.*

МЕХАНИЗМЫ ПАМЯТИ И ИДЕНТИЧНОСТИ В КОЛОФОНАХ РУКОПИСЕЙ И СТАРОПЕЧАТНЫХ КНИГ: СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ БИОГРАФИЯ КНИГИ

Д.С. Мкртчян, *канд. филол. наук, доцент*
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-95-105

Аннотация. *Статья посвящена анализу культурного наследия армянской диаспоры Санкт-Петербурга XVIII-XIX вв. сквозь призму созданных ею рукописных и старопечатных книг. Особое внимание уделяется источниковедческой и историографической ценности данного корпуса памятников. Рукописи и старопечатные книги исследуются не только как тексты, но и как материальные объекты, содержащие колофоны, маргиналии, экслибрисы и иные следы использования. Такой подход позволяет реконструировать практики бытования книги в общине. Эти источники являются ключевыми для понимания стратегий адаптации диаспоры: они фиксируют эволюцию от сохранения религиозной идентичности (через богослужебные тексты) до активного диалога с имперской властью (посредством публицистики и политических манифестов). Материалы статьи способствуют восполнению лакун в историографии, связанных с недостаточным вниманием исследователей к материальной культуре армянской общины России.*

Ключевые слова: *армянская диаспора; Санкт-Петербург; Российская империя; рукописи; старопечатные книги; историческая память; колофон; культурные практики; социокультурная биография книги.*

Армянская диаспора, являясь неотъемлемой частью социально-культурного ландшафта Российской империи, сыграла значительную роль в ее экономической и общественной жизни. Особый интерес в этом контексте представляет история армянской общины Санкт-Петербурга, сформировавшейся вскоре после основания города и оказавшейся на перекрестке имперской политики и национальных традиций. Несмотря на внимание исследователей к истории армян в России, материальная культура и книжное наследие петербургской общины как источник для реконструкции ее стратегий выживания и самоидентификации изучены недостаточно. Существующие историографические работы часто делают акцент на социально-экономическом или политическом вкладе диаспоры, оставляя без должного внимания источниковедческий потенциал ее материального наследия для изучения механизмов культурной адаптации.

Данная статья призвана восполнить этот пробел, обращаясь к уникальному корпусу источников – армянским рукописям и старопечатным книгам, созданным в Санкт-Петербурге в XVIII-XIX веках. Эти памятники обладают непреходящей источниковедческой ценностью, так как представляют собой комплексный материал, позволяющий изучать не только текстологию и палеографию, но и историю бытования, владельческие пометки, особенности оформления, что проливает свет на повседневную жизнь и мировоззрение общины. Их историографическая значимость заключается в возможности пересмотреть и дополнить существующие нарративы о русско-армянских отношениях, основываясь на «голосе» самой диаспоры, зафиксированном в этих артефактах.

Целью работы является комплексный анализ указанных материалов для выявления механизмов культурной адаптации и сохранения идентичности армянской общины в условиях имперской столицы через призму их источниковедческой и историографической ценности. В задачи исследования входит: реконструкция церковно-обрядовых практик на основе кодикологического анализа, выявление стратегий интеграции через изучение тематики и адресации печатных изданий, а также прослеживание эволюции литературных форм, демонстрирующей трансформацию общественных запросов общины.

История армянского книгопечатания: от Венеции до Санкт-Петербурга

Армянское книгопечатание имеет богатую и многогранную историю, тесно связанную с культурной и духовной жизнью армянского народа. Начавшись в XVI веке в Венеции, оно распространилось по многочисленным диаспорам мира, а в XVIII веке достигло Российской империи, где стало важным инструментом сохранения национальной идентичности и развития культурного диалога.

После успеха армянского книгопечатания в Венеции оно активно развивалось в других диаспорах благодаря усилиям священников, купцов и просветителей. Типографии открылись в Амстердаме (XVII век), Константинополе (XVIII век), Мадрасе (1772 г., Шаамир Шаамирян), Москве (XVIII век), Моздоке (XVIII век) и Санкт-Петербурге (1782 г., Григорий Халдарян). Эти типографии служили центрами печати религиозной литературы, а также распространения просветительских идей [Левонян, 1946:77].

Армянская старопечатная книга (1512-1900) характеризуется тематическим разнообразием и высоким уровнем исполнения. Основными типами изданий были:

1. Религиозная литература: Часословы, молитвенники, Евангелие.

2. Учебные пособия: буквари, словари, грамматики.

3. Художественная и историческая литература: переводы европейских авторов, труды армянских историков.

4. Периодика: журналы и газеты, способствовавшие консолидации диаспоры.

Книги распространялись через торговые и культурные связи армянских общин, достигая самых удалённых уголков мира.

Санкт-Петербург: начало армянского книгопечатания в России

Основание Санкт-Петербурга в начале XVIII века проходило параллельно с формированием армянской общины. Первый, обладавший имперско-дворцовым характером, период литературной жизни города относится к екатерининской эпохе (1762-1796) и связан с деятельностью видных представителей этой общины – Овакима Лазаряна (1743-1826) и главы российско-армянской епархии архиепископа Иосифа Аргутинского (1743-1801). Подобное имперское направление армянской общественно-культурной жизни Петербурга в новых проявлениях продолжилось также и в XIX веке.

В XVIII веке избрание Католикоса всех армян утверждали султаны Османской империи или шахи Ирана. В XIX веке после присоединения Восточной Армении к России (1828 г.) Санкт-Петербург стал церемониальным центром интронизации армянских католикосов. Ритуал включал торжественное вручение высочайших жалованных грамот в Зимнем дворце и издание памятных книг со речами (например, в честь католикоса Мкртича I Хримяна в 1890-х годах).

Эти тщательно организованные церемонии нашли своё закономерное литературное воплощение. Их отражение прослеживается в единой традиции – от начального этапа, представленного официальной перепиской католикоса Симеона Ереванци (1760-1827) с императрицей Екатериной II (1729-1796), через корпус торжественных речей, поизносившихся в стенах императорского дворца, и вплоть до панегирических сочинений, создававшихся по данному поводу членами армянской общины Петербурга.

Всё это дошло до нас в виде рукописных тетрадок в роскошном переплете, архивных документов, публикаций и отдельных изданий Петербургской армянской общины.

Формирование армянской общины Санкт-Петербурга во второй половине XVIII века ознаменовалось открытием первой в России армянской типографии. Её учредили архиепископ Иосиф Аргутинский (1743-1801) и Григор Халдарян (1732-1787). Аргутинский координировал армянское книгоиздание в Российской империи: под его руководством в Петербурге, Новом Нахичевани и Астрахани издали более 40 книг [Аганянц, 1911]. Он вёл переговоры с католикосом Гукасом и армянами Амстердама для приобретения типографского оборудования [К. Григорян 1974:92].

Первая армянская типография в России открылась в 1780 г. [Г. Аганян 1911]; в Петербурге её организовал Григор Ходжамалович Халдарян [Г. Аганян 1911: 487-488]. Типография начала работу сразу после освящения церкви; с 1800 г. открылась армянская школа, а с 1812 г. – постоянная типография.

Важнейшими предпосылками формирования армянской общины Петербурга и урегулирования церковной жизни являются напи-

санные здесь в тот период армянские рукописи и их колофоны (памятные записи) (от греч. *колофо́н* – «завершение») – это заключительная запись в рукописи, созданная писцом или заказчиком. В армянской традиции колофоны играли роль исторических, культурных и духовных маркеров [Г.Д. Левонян 1946: 25].

Колофоны в армянских рукописях и старопечатных книгах Петербурга обладают троякой значимостью как комплексный исторический источник. Они содержат имя писца, дату и место создания, имена заказчиков (часто влиятельных купцов или духовных лиц), молитвы, благодарности, упоминания событий эпохи (войны, эпидемии, политические изменения), а также личные размышления писца, включая жалобы на трудности работы. Прежде всего, колофоны выполняют документирующую функцию, обеспечивая точную атрибуцию памятников через фиксацию дат, мест создания, имен писцов и заказчиков. Например, колофон «Тетради таинств» Тер Ованнеса (1738) служит документальным свидетельством существования армянской общины в Петербурге уже в царствование Анны Иоанновны, а упоминания современных событий (Русско-турецких войн, реформ Екатерины II) позволяют реконструировать исторический контекст.

Во-вторых, колофоны являются ключевым инструментом культурной преемственности и формирования идентичности. Они актуализировали связи диаспоры с историческими и духовными центрами армянского мира (Новой Джульфой, Эчмиадзином, Крымом) и фиксировали богословскую полемику, защищая доктринальные основы Армянской Апостольской Церкви. Тем самым они поддерживали единое культурно-религиозное пространство в условиях диаспоры.

Наконец, колофон представляет собой завершающий духовный акт создания книги. Текст, часто заключающийся молитвой о помиловании переписчика и заказчика («Помяни, Господи, раба Твоего…»), сакрализовал процесс переписки, превращая его из ремесла в богоугодное дело, что принципиально отличало рукопись от печатного продукта.

Корпус сохранившихся колофонов позволяет реконструировать не только факты, но и интеллектуальные запросы общины. Поскольку переписка осуществлялась по заказу, тематический анализ рукописей выявляет конкретные литературные и религиозные предпочтения петербургских армян в конкретный период.

Таким образом, рукописные книги вместе с возведенными общиной зданиями служат материальным свидетельством укоренения и сложившейся жизни диаспоры.

Сохранение рукописной традиции параллельно с печатной демонстрирует стратегическое использование обоих форматов петербургской общиной: печать, продвигаемая такими деятелями, как Иосиф Аргутян и типограф Григор Халдарян, обеспечивала широкую коммуникацию и просвещение, в то время как рукопись оставалась незаменимым инструментом для решения задач сакрального, элитарно-репрезентативного (как в случае с заказами купцов Лазарянов) и политико-идеологического характера, обеспечивая баланс между имперской интеграцией и сохранением национально-религиозной идентичности. Даже с расцветом книгопечатания рукописная традиция не угасла, так как выполняла уникальные функции: от сохранения сакральности до политической пропаганды. Петербургские армяне, балансируя между имперской интеграцией и национальной идентичностью, использовали оба формата – печатный и рукописный – как инструменты культурного выживания.

Известная нам первая большая рукопись, написанная в Петербурге, – «Тетрадь таинств» (Ժամագիրք) [Матенадаран. Рукопись № 3807], которая была переписана в 1738 г. священником Тер Ованнесом из Новой Джульфы. Её колофон содержит ключевые детали:

«Свою святую грамоту я написал в тронном городе Санкт-Петербурге, в царстве благочестивой царицы Русской Анны Ивановны... 28 октября 1738 г.»

Особого внимания заслуживает палеографический и кодикологический анализ рукописи, выполненной на грабаре, что свидетельствует о следовании устоявшейся литургической традиции. Визуальный ряд кодекса, включающий миниатюры «Распятие» и «Снятие с креста», выполнен в соответствии с канонами армянской средневековой живописи, где крупный уставной шрифт играет роль не

только носителя сакрального текста, но и элемента художественной выразительности.

Функциональное назначение манускрипта не вызывает сомнений: он предназначался исключительно для богослужебных целей. Данный факт является важным маркером, подтверждающим наличие организованной церковной жизни и устойчивой религиозной практики уже в 1730-х годах на территории, где бытовала рукопись. Литургический характер рукописи указывает на существование общины, способной обеспечить не только создание дорогостоящей иллюминированной книги, но и ее регулярное использование в таинстве евхаристии [Матенадаран имени Маштоца, рукопись № 3807].

Происхождение писца из Новой Джульфы позволяет реконструировать сложные миграционные и культурные связи. Новая Джульфа выступала в тот период крупнейшим центром армянской книжности и торговли в Иране. Фиксация этого топонима в колофоне или при анализе почерка позволяет говорить о вовлеченности иранской армянской диаспоры в процессы культурного трансфера: будучи посредниками в торговле между Россией и Востоком, представители этой общины одновременно выступали проводниками традиций джульфийской школы миниатюры и каллиграфии.

Учитывая вышеизложенное, данный кодекс приобретает статус первой знаменательной рукописи Петербурга. Ее ценность удваивается символическим значением: в ней материализовалась преемственность традиций древнего армянского книгописания, перенесенных на новую почву. Синтез джульфийского наследия писца и литургических потребностей формирующейся общины в северной столице делает этот манускрипт не просто книгой, но овеществленным свидетельством культурной и конфессиональной идентичности, закрепленной на берегах Невы усилиями диаспоры.

В отличие от «Айсмавурка», «Шаракана» и «Гандзарана», копии произведений которых заказчик мог просто читать у себя дома или в церкви в соответствующий церковный праздник, «Тетрадь таинств» – не для простого чтения. Рукопись «Тетради таинств», как Священная книга Святой Литургии, хранилась в церкви и была предназначена только для служения Св. Литургии в церкви.

В 1756 году в Санкт-Петербурге армянским переписчиком Аствацатуром Шамахеци был создан список сборника «Гандзаран». Данный манускрипт отражает эволюцию литературных запросов местной армянской общины, так как содержание «Гандзарана» выходило за рамки сугубо литургического применения: его тексты предназначались не только для исполнения в дни церковных торжеств, но и для индивидуального чтения.

Непосредственную связь с церковной практикой того периода обнаруживают два манускрипта, выполненных Варданом Астапатеци (уроженцем Астапата) в 1780 году. Поскольку селение Астапат располагалось в Нахичеванском крае неподалеку от Старой Джуги, существует основание полагать, что данный писец также происходил из среды джугинской диаспоры.

Сведения о литературном вкладе Иосифа Аргутяна содержатся в брошюре Тер-Абраамяна, опубликованной в 1871 году. В ней отмечается, что Аргутян, выступая в роли летописца, создал ряд трудов, среди которых первостепенное значение имеет сочинение «Исповедание христианской веры Армянской церкви». Данное издание было напечатано в Санкт-Петербурге в 1799 году по распоряжению императора Павла I [Тер-Абраамян 1871; 23].

Многогранная деятельность архиепископа Иосифа Аргутяна-Долгорукого оставила глубокий след не только в церковной истории, но и в развитии армянской письменной традиции. Помимо административных установлений, таких как уставы духовного суда Нового Нахичевана, его перу принадлежит ряд проповедей и речей. Однако подлинное значение его наследия раскрывается в компилятивных хрониках, известных как «Давтары» [Аганянц, 1911]. Эти рукописные сборники, по сути, представляющие собой журналы событий и копии документов, являются ценнейшим комплексом источников. В них зафиксирована обширная переписка главы епархии (сохранились копии более двух тысяч писем), что позволяет реконструировать механизмы управления общиной и взаимодействия с внешним миром. Особый интерес представляют авторские обрамления – предисловия и

послесловия к изданиям типографии Григора Халдаряна, где литературное дарование иерарха проявилось наиболее отчетливо, сочетая теологические рассуждения с актуальными историософскими идеями.

Рукописная традиция как инструмент консолидации и политического диалога

«Давтары» Ованеса Аргутяна, представляющие собой четырехтомный корпус записи второй половины XVIII столетия, выступают не просто хроникой, а многоплановым историческим источником. Их уникальность заключается в синтезе частной переписки с российскими сановниками, черновиков геополитических инициатив и протоколов общинных собраний. Анализ этих материалов позволяет реконструировать повседневность диаспоры и выявить стратегии, направленные на сохранение этноконфессиональной идентичности при одновременной интеграции в структуры Российской империи.

Параллельно с архивацией текущих событий развивалась практика актуализации древнего наследия. Переписывание фундаментальных текстов, предпринятое сподвижником Аргутяна Варданом Астапатеци (1780), носило ярко выраженный политико-символический характер. Воспроизводя труды Нерсеса Шнорали [Основной список Матенадарана 2004:1039–1042] и «Армянский свод канонов» [Матенадаран. Рукопись № 3297, 1ա], книжники стремились визуально закрепить два ключевых тезиса: догматическую близость к православию (критически важную для диалога с Петербургом) и незыблемость церковной традиции, восходящей к раннехристианским временам.

Риторика лояльности и просвещенческий дискурс

Важным направлением интеллектуальной активности общины стало создание панегирической литературы, адресованной верховной власти. В посланиях и одах Екатерине II, таких как обращение Симеона I Ереванци, конструировался образ армянского народа, обретающего «надежду на избавление от вековых страданий» под покровительством империи [Матенадаран. Рукопись № 6377]. Эти тексты, написанные на грабаре с параллельным переводом, демонстрируют синтез византийской риторики и просвещенческих идеалов, позиционируя армян как лояльное и полезное империи сообщество.

Логическим завершением этой идеологической работы стал знаменитый «Проект союза двух наций» 1783 года. В этом документе Аргутян детально обосновывал перспективы восстановления армянской государственности под эгидой России, включая военную поддержку карабахских меликов и создание автономного центра с широкой программой двуязычного образования. Это была попытка перевести культурную лояльность в плоскость конкретного геополитического планирования.

Секулярные тенденции и формирование гибридного самосознания

Параллельно с церковной и политической активностью в среде петербургской армянской общины середины XVIII века наблюдался запрос на светское знание. Показательны в этом отношении философские сборники 1740-х годов. Составленный священником Тер Ованнесом в 1740 году сборник философских текстов для «личного пользования» [Матенадаран. Рукопись № 3355, лист 260 б] фиксирует зарождение индивидуальной рефлексии вне литургического контекста. Еще более красноречива рукопись Геворга Паракеци Нахиджеванского 1743 года с указанием места создания – «Санкт-Петербург» [Матенадаран. Рукопись № 3129, лист 18 а]. Включая труды Аристотеля и армянских средневековых мыслителей, она символизирует стремление к синтезу европейской философской традиции и национального наследия, что свидетельствовало о формировании новой, гибридной идентичности, сочетающей имперскую лояльность с сохранением культурной автономии.

Печатное дело в армянской общине Санкт-Петербурга открывается выпуском «Այբբենարան» («Азбуки»), [Восканян и др., 1988: 866] датированным 15 декабря 1781 года. Спустя непродолжительное время, 6 января 1782 года, выходит в свет следующее издание – «Կրթություն քրիստոնեական» («Христианское образование»). Хронологическая последовательность публикации этих двух трудов глубоко символична: она знаменует собой двуединую основу воспитания в армянской среде, где светское национальное просвещение (в лице «Азбуки») неразрывно сле-

дует за духовно-нравственным наставлением (в лице «Христианского образования»). Эта взаимосвязь национального и церковного начал является характерной чертой армянской общины на протяжении всей её истории. Закономерным представляется и тот факт, что основанию типографии в 1781 году предшествовало освящение церкви Святой Екатерины, осуществленное Аргутяном в 1780 году, что подчеркивало неразрывность духовной и просветительской миссий.

Третьим изданием, увидевшим свет 10 ноября 1783 года, стал «Ժամագիրք» [Часослов, Восканян и др., 1988:548]. Данная книга регламентирует суточный богослужебный круг Армянской Апостольской Церкви, распределенный по девяти часам. Особую ценность для армянских колоний, часто удаленных от церковных центров, представляли дополнительные материалы, традиционно размещавшиеся в конце «Часослова»: различные молитвы и пояснения к проведению обрядов. Завершается издание церковным календарем и подробной инструкцией по времяисчислению, позволявшей читателю самостоятельно определять даты подвижных праздников. Таким образом, данная книга имела не только сугубо литургическое, но и важнейшее прикладное значение, служа настольным руководством для сохранения религиозной идентичности в диаспоре.

В отличие от двух предшествующих изданий, «Часослов» содержит колофон. Выдержанный на классическом древнеармянском языке (грабаре) в традициях позднего Средневековья, этот колофон не только структурно продолжает традиции литературных памятников минувших эпох, но и отражает эволюцию общественного сознания. Начинаясь с молитвы и прославления Святой Троицы о ниспослании сил издателю для завершения труда, он содержит принципиально новую формулировку целеполагания: книга издана для служения «досточтимой нации моей» (պատուելի ազգին իմոյ). Если средневековые писцы адресовали свои труды абстрактному «читателю», то здесь впервые четко обозначена национальная общность – «нация». Примечательно, что адресат не ограничен географическими рамками Петербурга, что свидетельствует о выходе издательской деятельности за узкообщинные пределы и ориентации на все три центра епархии – Петербург, Москву и Астрахань [Часослов, Восканян и др., 1988:548].

В тексте колофона нашли отражение и технологические этапы книгопечатания того времени, описывающие трудоемкий процесс: отливку литер и изготовление свинцовых шрифтов, набор страниц (кладку) и последующую разборку набора – кропотливую работу по возвращению каждой буквы в предназначенную для нее ячейку.

Следующей вехой стало издание поэмы Нерсеса Шнорали /Сын Иисус», Армянская книга 1512-1800:575] (1785 г.). Это объемное стихотворное произведение представляет собой поэтическое переложение и толкование Священного Писания, что позволяет рассматривать его одновременно и как богословский труд, и как один из наиболее почитаемых памятников армянской средневековой литературы, следуя по значимости за «Книгой скорбных песнопений» Григора Нарекаци. Высокий спрос на это сочинение подтверждается восемью переизданиями в XVII-XVIII веках, начиная с первопечатного издания Ованнеса Анкюраци в Венеции (1643 г.). Именно с этого издания сложилась традиция дополнять основной текст педагогическими и дидактическими трудами Шнорали, которой строго следует и петербургское издание 1785 года.

Несмотря на то, что печать осуществлялась в типографии Халдаряна, финансирование издания взял на себя Ованнес Лазарян (Егиазарян). Данное обстоятельство нашло отражение в иерархии имен на титульном листе, где сначала указан Аргутян (как духовный глава и инициатор), затем Лазарян (как меценат), и только потом – Халдарян (как владелец типографии). Это повлияло и на содержание колофона, составленного Аргутяном, который он посвятил благотворителю. В колофоне содержится лаконичное, но емкое описание пути рода Лазарянов, ставшее классической формулой армянской диаспоры: «Родом из Армянской земли, с полей Нахиджевана распространился до Новой Джульфы, и ныне переселенный в роскошную имперскую столицу Санкт-Петербург» (Ի բնիկ Հայաստան աշխարհէն Հայոց՝ ի Նախիջևանու դաշտէն տարագրեցելոյն ի Նոր Ջուղա, և այժմ վերաբնակեցելոյն ի կայսերապերճ մայրաքաղաքն ի Սանկտպետերբուրգ) [Сын Иисус» 1785:438].

Показательным примером синтеза традиции и творческой индивидуальности является поэтическая вторая часть колофона одного из петербургских изданий. Структура этого текста выдержана в строгих канонах средневековой армянской книжности, но наполнена актуальным для своего времени содержанием. Начальная часть колофона посвящена характеристике трудов великого католикоса и выдающегося армянского поэта и философа Григора Нарекаци (в тексте источника – Шнорали,), что задает высокий теологический и литературный контекст. Далее следует смысловой переход к фигуре Ивана Лазаревича Лазаряна (Лазарева), крупнейшего мецената, на средства которого осуществлялось издание. В стихотворной части автор колофона, следуя установленным правилам жанра, обращается с поминовением к членам рода Лазарянов, вписывая их имена в сакральный контекст книги. Данный поэтический колофон представляет собой бесспорное свидетельство литературной одаренности своего составителя.

Колофон армянской рукописи или старопечатной книги традиционно выступает не только как носитель фактологической информации о времени и месте создания кодекса, но и как уникальный жанровый феномен, отражающий сложные механизмы формирования идентичности. В нем переплетаются сакральное и мирское, личное и родовое, духовный подвиг переписчика и материальный вклад мецената. Анализ колофонов изданий, выпущенных в армянской общине Санкт-Петербурга в последней четверти XVIII века, позволяет проследить эволюцию этих механизмов, выявляя переход от простой фиксации события к рефлексии о качестве перевода, литературном стиле и даже гендерной роли в книгоиздании.

В том же 1785 году (как следует из общего контекста описываемого периода) в петербургской типографии выходит еще один труд – переводное сочинение, озаглавленное «История из Святой Книги». Издание адресовано «յաղգս դեռահասակ մանկանց» (детям младшего возраста), что подчеркивает дидактическую направленность и включенность изучения библейской истории в систему христианского воспитания. Если в предыдущем издании колофон фиксировал триаду «издатель (Аргутян) – меценат (Лазарян) – печатник (Халдарян)», то в данном случае состав действующих лиц меняется. Издателем вновь выступает Аргутян, печатником – Григор Халдарян, однако последний также указан как лицо, на чьи средства была осуществлена публикация. Отдельно поименован переводчик – Арутюн Давтян из Джуги.

В предисловии к книге издатель выражает признательность за содействие в организации печати этого священного труда. Примечательно, что автор предисловия сообщает о проведенной им сверке перевода с оригиналом, а также о внесении смысловых уточнений и поправок. Данное обстоятельство знаменует собой важный этап в литературной жизни армянской общины Петербурга: здесь мы наблюдаем не просто издание переводов, но начало систематической редакторской работы. Это свидетельствует о профессионализации переводческого дела, переходе от любительского подхода к осмысленной филологической практике.

Активное участие в литературной и культурной жизни Петербурга принимали и представительницы армянской общины. Знаковым является тот факт, что последнее армянское издание, вышедшее в столице в 1785 году, также представляет собой перевод, выполненный женщиной – Анной Диланчян [Восканян и др., 1988:576]. Тематика труда, однако, кардинально отличается от предшествующих: он посвящен законам Российской империи, что указывает на растущую интеграцию армянской общины в правовое и социальное поле России.

Исключительную важность для истории переводческой мысли представляет колофон этого издания. Он наглядно демонстрирует, какое значение придавалось не только содержательной точности, но и эстетике перевода. Если в предисловии к «Истории из Святой Книги» акцент делался на смысловой верификации, то здесь впервые в колофонах армянских книг поднимается вопрос об ораторском искусстве и литературном стиле языка перевода.

Переводчица Анна Диланчян нарушает традиционный для колофонов переписчиков топос, в котором обычно содержалась просьба не корить за возможные погрешности против оригинала или грамматические ошибки. Вме-

сто этого она формулирует проблему иначе, апеллируя именно к стилистическому несовершенству. Её обращение к читателю звучит следующим образом: «Եթէ ուրէք ընդդէմ արհեստի քերթութեան, բան, բառ և կամ հոլով ինչ սպրդեալ իցէ ներս, զի անկիրթ գոլով իմ ի քերթութեան արհեստէ՝ յօժարութիւնս միայն հարկադրեաց ինձ ի թարգմանութիւն» («Если же где-либо против правил стихосложения проскользнуло слово, выражение или падеж, то [знайте, что], будучи не обучена искусству поэзии, лишь усердие побудило меня к переводу») [Начала..., 1785: 43]. Эта фраза является уникальным свидетельством: перед нами не страх перед искажением Священного текста, а тревога автора за несовершенство формы, за возможное несоответствие перевода высоким риторическим и поэтическим канонам. Таким образом, колофон Анны Диланчян фиксирует рождение нового критерия оценки переводного труда – критерия художественности и стилистической гармонии [Восканян и др., 1988: 576].

Называя письменную речь стихотворчеством, она отмечает три ступени проявления этого искусства: речь – общее изложение, слово и, наконец, падеж, под которым имеет в виду окончания слов.

Апогеем деятельности типографии стал 1786 год, ознаменованный выходом пяти книг. Среди них особое место занимает совместное издание сборника библейских чтений («Ճաշոց ընթերցվածներ» и Календаря религиозных праздников, составленного католикосом Симеоном Ереванци (впервые издан в Эчмиадзине в 1773 г.) [Восканян и др., 1988: 590]. Выпуск данной книги, инициированный Аствацатуром Бачхумянцем (уроженцем Новой Джуги), имел не только литургическое, но и ярко выраженное социальное значение. Сама потребность в четкой регламентации ежедневных церковных церемоний через печатный календарь свидетельствует о консолидации и институциональной зрелости армянской общины Петербурга.

Примечательно, что джугинский капитал, ранее обеспечивавший коммерческое лидерство армянского купечества в товарообороте империи, теперь, по аналогии с западноевропейскими центрами, направляется на развитие национальной культуры. В предисловии «Յայտարարութիւն առ բարեհաճ ընթերցօղս» (Объявление любезному читателю) меценат Бачхумянц прямо указывает, что взялся за издание, руководствуясь практической необходимостью и удобством использования эчмиадзинского календаря. Вслед за прославлением Святой Троицы содержится обращение к читателям. Переписчик призывает аудиторию помянуть род мецената и проявить снисхождение к возможным погрешностям текста, которые объясняются не злым умыслом, а общечеловеческой слабостью: «по ошибке глаз, ибо мы люди и объяты немощью» («Ի վրիպմանէ աչաց, վասնզի մարդ եմք և տկարութեամբ զգածեալք») [Восканян и др., 1988: 590].

Данная нарративная формула фиксирует ключевой для армянской общины Петербурга того периода принцип: приоритет смысловой и стилистической точности текста. Акцент на «правильности» редакции, наблюдаемый у различных деятелей, сопричастных книгоизданию, свидетельствует об исключительном внимании диаспоры к чистоте литературного языка. В условиях существования вдали от исторической родины, в немногочисленной общине, книга воспринималась не просто как носитель информации, но как главный инструмент консолидации и сохранения этнокультурного кода.

Та же проблематика находит отражение в истории издания книги «Основа искушения» («Վէմ գայթակղութեան») [Восканян и др., 1988]. – перевода сочинения греческого автора Ильи Минеадиси, выполненного в Константинополе в 1767 году. Архиепископ Иосиф Аргутян, инициируя издание в Петербурге, направляет рукопись константинопольскому патриарху епископу Исааку с прошением об исправлении орфографических («զրչական») погрешностей. Патриарх осуществляет редактуру, после чего манускрипт отправляется в северную столицу. Эта коллаборация показательна в двух аспектах. Во-первых, она вновь актуализирует вопрос о безошибочности оригинала как базовом условии книгопечатания. Во-вторых, сам факт обращения в Константинополь за экспертной помощью опровергает тезис об изолированности петербургской общины, демонстрируя её интеграцию в общеармянское и шире – восточно-христианское интеллектуальное пространство эпохи.

Дальнейшее развитие просветительской программы И. Аргутяна связано с деятельностью типографии Григора Халдаряна. Особое место в этом контексте занимает «Книга Молитв, что названа мольба Богу» («Գիրք Աղօթից, որ կոչի Աստուածաղերս») Казара Джахкеци. Впервые изданная в Константинополе в 1742-1744 гг., она представляла собой компилятивный сборник, включавший покаянные тексты от библейских псалмов Давида и молитвы царя Манассии из Ветхого Завета до фрагментов «Книги скорбных песнопений» Григора Нарекаци и оригинальных сочинений самого Джахкеци. Примечательно, что в издании 1742 г. труд именовался «богопримиряющим» («աստուածահաշտ»), так как его целью было достижение умиротворения человека с Творцом через слёзное покаяние. Аргутян, осознавая духовно-воспитательный и литературный потенциал сборника, способствовал его двукратному переизданию – в 1792 и 1793 годах в Нор-Нахичеване, куда к тому времени переместилась типография Халдаряна.

Деятельность типографии Халдаряна в 1780-1789 гг. охватывала широкий спектр литературы. Согласно классификации исследователей К. Григоряна и В. Бархударяна, издаваемая продукция преследовала три основные цели: поддержка идей освободительного движения, полемика с прозелитизмом Католической церкви и обеспечение учебных заведений необходимой литературой. В библиографии Гарегина Зарбханаляна (конгрегации Мхитаристов) зафиксировано лишь пять изданий этой типографии. Однако вне его поля зрения остался, в частности, труд Егише «О Вардане и армянской войне», ставший вторым изданием этого исторического сочинения в XVIII веке (после константинопольского 1746 г.). Книга вышла в свет на средства Маргара Маничаряна по распоряжению архиепископа Овсепа (Иосифа). Редактором и автором «Пролога» выступил Степанос Петросян из Акна. Издание сопровождалось гравюрным изображением Вардана Мамиконяна, а также иллюстрацией иерея Гевонда с победным венцом. Эпилог редактора содержит ценное свидетельство о кончине Г. Халдаряна и переходе типографского дела к его ученику Мкртуму.

Помимо печати исторических и богослужебных книг, Халдарян составил русско-армянский словарь «Книга, которая призвана распространить знание языков» («Գիրք, որ կոչի շառաւիղ լեզուագիտութեան») [Восканян и др., 1988]. Издание этого труда, который сам автор скромно называл «больше плодом любви, чем знаний», осуществила уже вдова типографа, что говорит о преемственности и высокой миссии книжного дела.

Таким образом, рукописи, старопечатные книги и их колофоны фиксируют не только переход армянской книги от сакрального текста к инструменту просвещения, но и формирование новых механизмов идентичности, где память рода, профессионализация интеллектуального труда и капитал меценатов сливаются в едином культурном проекте.

Феномен колофона в армянской письменной традиции выходит далеко за рамки простой фиксации выходных данных рукописи. Он представляет собой сложный культурный механизм, в котором переплетаются теологические установки, социальные связи и забота о сохранении идентичности.

Заключение.

Одновременное бытование рукописной и печатной книжной культуры в армянской общине Петербурга последней трети XVIII века объясняется выполнением ими различных социокультурных функций. Даже после основания первой армянской типографии в 1780-х гг. О. Аргутяном и Г. Халдаряном рукописная традиция сохранялась по ряду причин.

Во-первых, создание сакральных текстов (часословов, Евангелий) оставалось актом личного благочестия и духовного подвига. Во-вторых, эстетическое качество – уникальная каллиграфия и миниатюры (как в «Тетради таинств» Тер Ованнеса) – не могло быть полностью воспроизведено ранними типографскими технологиями. В-третьих, рукопись служила инструментом персонализации для элитных заказчиков, таких как купцы Лазаряны.

Ключевую роль в сохранении традиции играли ее особые коммуникативные и политические функции. Рукопись была носителем прямой и официальной коммуникации как внутри общины, так и с верховной властью. Это наглядно демонстрируют петербургские источники: личные «Давтары» (дневники)

Овсепа Аргутяна содержат черновики писем к Екатерине II и протоколы собраний, выступая инструментом внутреннего документирования и внешнего диалога. Кроме того, рукописные копии политических проектов, подобных «Проекту союза двух наций» (1783), предназначались для адресного распространения среди элит с целью легитимации идеи армянской автономии.

Параллельно рукопись выполняла важную репрезентативную задачу, визуально фиксируя лояльность общины имперскому центру. Ярким примером является колофон 1756 года в рукописи Аствацатура Шамахеци, где завершение книги в Петербурге сопровождается молитвой о здравии императрицы Елизаветы Петровны, превращая манускрипт в акт публичной демонстрации верноподданничества.

Наконец, для внутреннего корпоративного использования, как в случае с «Уставом церковного суда» новонахичеванской общины (1781 г.), рукописная форма оставалась практичной и достаточной, не требуя тиражирования.

Таким образом, рукопись не была вытеснена печатью, а заняла устойчивую нишу, оставаясь средством сакральной практики, элитарного искусства, адресной политической коммуникации, репрезентации лояльности и документирования локальной жизни общины. А армянская книжная культура Петербурга XVIII века, существовавшая в диалектическом единстве рукописной и печатной традиций, выступала одновременно как хранитель национальной идентичности, инструмент политической коммуникации и агент интеллектуального обновления, символизируя духовную стойкость и непрерывность интеллектуального наследия.

Библиографический список

1. Матенадаран. Рукопись № 3129.
2. Матенадаран. Рукопись № 3297.
3. Матенадаран. Рукопись № 3355.
4. Матенадаран. Рукопись № 3807.
5. Матенадаран. Рукопись № 4496. – Л. 275.
6. Матенадаран. Рукопись № 6377.
7. Армянская книга в 1512-1800 годах / Н.А. Восканян, К.А. Коркотян, А.М. Савалян. – Ереван, 1988. – 866 с.
8. Григорьян К. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений. – Ереван, 1974. – С. 92.
9. Диван армянской истории: [в 14 кн.]. Кн. 9: Овсеп католикос Аргутян (1778-1800) / [авт.-сост. А. Аганянц]. – Тифлис, 1911.
10. Диван армянской истории: [в 14 кн.]. Кн. 9 / [авт.-сост. А. Аганянц]. – Тифлис, 1911. – С. 487-488.
11. Диван армянской эпиграфики: [в 14 вып.]. Вып. 8: Российская Федерация / [сост. Гр. Григорян]. – Ереван, 1999. – С. 83-84.
12. Левонян Г. Армянская книга и искусство книгопечатания: исторический обзор с начала до XX века. – Ереван: Издательство Академии наук Армянской ССР, 1946. – 263 с.
13. Первичный список Матенадарана имени Маштоца, написанный армянской рукописью / [состав. ...]. – Ереван, 2004. – Т. 1. – С. 1039-1042.
14. Начала политического воспитания. – Санкт-Петербург, 1785. – 43 с.
15. Нерсес Шнорали. Иисус Сын / Нерсес Шнорали. – Санкт-Петербург, 1785. – 438 с.
16. Тер-Абраамян О. Овсеп Четвертый Долгорукий Аргутян / О. Тер-Абраамян. – [Б. м.], 1871. – С. 499.

MECHANISMS OF MEMORY AND IDENTITY IN MANUSCRIPT AND EARLY PRINTED BOOK COLOPHONS: THE SOCIOCULTURAL BIOGRAPHY OF THE BOOK

D.S. Mkrtchyan, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
St. Petersburg State University
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *This article analyzes the cultural heritage of the Armenian diaspora in St. Petersburg during the 18th and 19th centuries through the prism of its handwritten and early printed books. Particular attention is paid to the source value and historiographical significance of this body of artifacts. Manuscripts and early printed books are examined not only as texts but also as material objects containing colophons, marginalia, bookplates, and other traces of use, which allows for the reconstruction of the book's circulation practices within the community. These sources are key to understanding the diaspora's adaptation strategies: they document an evolution from the preservation of religious identity through liturgical texts to active engagement with the imperial authority via journalism and political manifestos. The findings of this article contribute to filling gaps in historiography related to the insufficient attention paid to the material culture of the Armenian community in Russia.*

Keywords: *Armenian diaspora; Saint Petersburg; Russian Empire; manuscripts; early printed books; historical memory; colophon; cultural practices; sociocultural biography of the book.*

АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КИРГИЗСКОМ ЯЗЫКЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Г.К. Нарматова, *преподаватель*
С.Ш. Калыгулова, *канд. филол. наук, доцент*
С.А. Шериева, *преподаватель*
Кыргызско-Узбекский международный университет им. Б. Сыдыкова (Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-106-110

Аннотация. *В статье рассматривается процесс влияния английского языка на развитие современного киргизского языка, в частности функционирование англицизмов, активизировавшееся в период пандемии. Актуальность исследования обусловлена усилением процессов глобализации и расширением сфер употребления английского языка, который в настоящее время выполняет функции мирового и транснационального языка в области науки, бизнеса, средств массовой информации, образования, моды и повседневного общения. Цель исследования заключается в выявлении причин распространения англицизмов и анализе факторов воздействия английского языка на киргизскую лексику. В ходе исследования рассматриваются основные сферы функционирования англицизмов в современном киргизском языке: экономика и бизнес, политика, интернет-коммуникация, спорт, мода, технологии, средства массовой информации, кино, музыка и новые профессиональные области. Авторы приходят к выводу, что англицизмы являются закономерным результатом языковых контактов и отражают динамику социокультурных процессов. Подчеркивается, что заимствования не следует рассматривать исключительно как негативное явление: при умеренном и осознанном использовании они способствуют развитию и обновлению лексической системы киргизского языка.*

Ключевые слова: *англицизмы; заимствование; калька; перевод; статус языка; английский и киргизский языки; лексика; неологизмы.*

В современном мире знание английского языка перестало быть привилегией оно превратилось в насущную необходимость. Особенно это проявляется при трудоустройстве, обучении, участии в международных проектах или даже в повседневной жизни. Английский язык по праву считается глобальным, ведь он объединяет людей из разных стран, позволяя им свободно общаться и обмениваться информацией.

С появлением интернета, цифровых технологий, международных корпораций и активного межгосударственного сотрудничества английский язык начал играть ключевую роль в глобальном информационном пространстве. Вместе с этим активизировался процесс заимствования слов так называемых англицизмов в национальные языки, включая кыргызский. Сегодня англицизмы встречаются не только в сфере IT и науки, но и в моде, спорте, образовании, медицине, политике и даже в повседневной речи.

Многие лингвисты обеспокоены тем, как быстро и бесконтрольно распространяются заимствованные слова. Особенно часто англицизмы встречаются в речи молодежи, где они нередко заменяют родные слова. Это вызывает вопросы: насколько допустимо и полезно такое влияние? Способствует ли оно развитию языка или, наоборот, ослабляет его самобытность?

Заимствование слов естественный процесс в развитии любого языка. Через новые слова отражаются культурные и экономические связи между народами, развитие науки и технологий. Но важно понимать, как именно и в каких сферах англицизмы приживаются в кыргызском языке, чтобы грамотно управлять этим процессом и сохранять культурную ценность родного языка [1].

Историческое развитие английского языка. На сегодняшний день английский язык занимает статус универсального средства общения между народами разных стран и континентов. Однако путь к такому призна-

нию был длительным и связан с историческими событиями.

Укрепление позиций английского языка в мире началось ещё в XVII веке, когда Англия из объекта завоеваний превратилась в могущественную колониальную империю. Одним из ключевых факторов влияния стала морская мощь Великобритании – её флот контролировал основные морские пути, что обеспечивало успешное расширение политического и экономического влияния [2]. С распространением британской торговли английский язык стал всё чаще использоваться в международных делах, вытесняя местные языки на второй план. Он стал языком делового общения, переговоров и торговли. Так началось его укрепление как языка, ассоциирующегося с прогрессом, технологическим развитием и глобальной экономикой. Даже после того, как колониальные территории получили независимость, английский язык сохранил свои позиции. Это объясняется двумя основными причинами: во-первых, в языках многих стран просто отсутствовали нужные термины для ведения международной торговли; во-вторых, английский к тому времени уже стал привычным в деловой среде, и местное население активно им пользовалось. Поэтому тем, кто стремился к экономической активности и профессиональному росту, было важно владеть английским [3].

Ключевые причины влияния англицизмов на лексику кыргызского языка. Английский язык занимает лидирующее положение в мире неслучайно – этому способствовали как исторические, так и современные глобальные процессы. Ниже приведены основные факты, объясняющие, почему англицизмы так активно проникают в лексику других языков, в том числе кыргызского.

На английском языке разговаривают более полутора миллиардов человек по всему миру, что составляет примерно пятую часть всего населения планеты.

Для большинства из них (около 66%) английский – это второй язык, выученный дополнительно к родному, что делает его самым распространённым неродным языком в истории человечества.

Более 50 стран мира признали английский официальным или одним из официальных языков на государственном уровне.

В области международной политики и дипломатии английский играет ключевую роль: он используется в качестве рабочего языка в таких организациях, как ООН, НАТО, Европейский союз, Совет Европы, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии и других.

Подавляющее большинство международных конференций – около 85% проводятся именно на английском языке.

Примерно каждая третья книга, издаваемая в мире, выходит на английском, что также способствует его распространению в культуре и образовании.

Хотя в интернете используется более тысячи различных языков, около 80% всей публикуемой информации приходится на английский язык, что делает его практически доминирующим в цифровом пространстве.

Эти факты подтверждают, что английский язык оказывает глобальное лексическое влияние и становится основным источником новых заимствований англицизмов в разных национальных языках.

1. Развитие технологий и влияние Интернета. Одним из ключевых факторов, повлиявших на широкое распространение английского языка в мире, стало стремительное развитие технологий. Особенно важную роль в этом процессе сыграли Соединённые Штаты Америки, где были изобретены такие глобальные инструменты, как персональный компьютер и интернет. Эти изобретения кардинально изменили образ жизни людей и стали неотъемлемой частью современного мира. Вместе с ними в активное употребление вошли и многочисленные английские термины, которые постепенно проникли в повседневную речь по всему миру, в том числе в Кыргызстане [4].

Благодаря бурному развитию цифровой среды и международных онлайн-коммуникаций, в кыргызском языке всё чаще встречаются такие заимствованные слова, как: *ноутбук, лептоп, смартфон, айос, эйрподс, браузер, сайт, чат, логин, веб, фейсбук, зум, классрум, хендмейд, лайфхак, респект, пати, супер* и многие другие [5].

Некоторые из этих слов настолько прижились, что стали привычными даже в повседневных фразах. Например: *«пати» (от party – вечеринка): Кечээ досум туулган күнүндө чоң пати өткөрдү (Вчера мой друг устроил*

большую вечеринку), «респект» (от respect – уважение): Бул бала мугалимдерге ар дайым респект менен мамиле кылат (Этот парень всегда относится к учителям с уважением), «хеппи-энд» (от happy end – счастливый конец): Ар бир фильмде эле хеппи-энд боло бербейт (Не во всех фильмах бывает счастливый конец).

Такие примеры показывают, как англицизмы органично внедряются в речь, особенно среди молодёжи, и как они отражают влияние технологий и глобализации на современную языковую среду.

2. Влияние моды и американского стиля жизни. Американская культура на протяжении десятилетий оказывает сильное влияние на разные страны мира. Одним из её ключевых символов стала так называемая «американская мечта» – стремление к успеху, свободе и материальному благополучию. Для многих стало ориентиром, к которому хотелось приблизиться, в том числе через подражание американскому стилю жизни. Одним из важных каналов влияния стал язык – именно через английские слова и выражения в сознание людей проникали образы «новой жизни» [4].

С распространением американских фильмов, музыки, молодежных движений, быстрой еды (фастфуда), джинсовой моды и брендов, английская лексика начала активно проникать в разные сферы – особенно в разговорную речь, рекламу, индустрию развлечений и, конечно же, моду.

В кыргызский язык вошёл целый ряд слов, связанных с внешним видом, стилем и массовой культурой. Среди них: *фэшн (мода), шопинг (покупки), гаджет (электронные устройства), реалити-шоу, фитнес, топ-модель, кастинг, тренд, стретчинг, сноуборд, консалтинг, элита, медиа, саммит, флешбэк, шоумен, фитбол, триллер, таунхаус* и другие [7]. Такие слова особенно активно используются в блогах, модных журналах, социальных сетях и повседневной речи, в основном среди молодёжи и людей, интересующихся глобальными трендами. За счёт активного медиа-влияния англицизмы становятся частью культуры потребления и формируют представление о современном, успешном и «мировом» стиле жизни.

3. Средства массовой информации, образование и новые профессии. Быстро меняющийся мир требует не только новых технологий, но и новых понятий, профессий и терминов. Именно поэтому в последние годы в кыргызский язык активно вошли англицизмы, обозначающие реалии современной жизни. Особенно часто они встречаются в сфере образования, цифровых профессий и медиапространства. С ростом числа онлайн-платформ, цифрового маркетинга и фриланс-сервисов возникла необходимость называть новые специальности и инструменты. В результате в языке укоренились такие слова, как: ***скаутинг, мониторинг, рекрутинг, копирайтер, коуч, модератор, айтишник, видеомейкер, таргетолог, чат-бот, фейк, онлайн, офлайн, тренинг, дистанционно, мастерайнд-группа, ультрабук, браузер, смартфон, фастфуд, фастфешн, фотобомб*** и другие.

Эти термины не просто отражают современную реальность – они становятся частью разговорной и профессиональной речи. Например:

- брифинг – краткая встреча, на которой делается официальное заявление или даётся информация для прессы;

- респондент – участник опроса или интервью;

- пресс-релиз – официальный текст для СМИ;

- кол-центр – центр, обрабатывающий входящие и исходящие звонки;

- стартап *и* ***стартаппер*** – новое бизнес-начинание и человек, его создающий;

- питчинг – презентация идеи для инвесторов или партнёров.

Также в условиях карантина и дистанционного обучения особую актуальность приобрели понятия *«онлайн»* и *«офлайн»,* которые стали обыденными даже для детей.

4. Отсутствие адекватных переводов. Существуют слова, для которых в кыргызском языке пока нет точных аналогов. В таких случаях англицизмы просто заимствуются в неизменном виде и начинают широко использоваться. Это касается, в первую очередь, технических, спортивных и повседневных понятий. Например: ***гамбургер, интервью, футбол, спидометр, картридж, сайт, модем, тренажер, флешкарта, файл, спорт, снайпер, интернет, чемпион, гипермаркет,***

пикник, провайдер, сленг, и́наугурация и другие.

Эти слова используются настолько часто, что уже стали привычной частью кыргызской речи. Пример: *Айтматовдун китептери дүйнөдө бестселлерге айланды – Книги Ч.Т. Айтматова стали бестселлерами во всём мире.*

Таким образом, отсутствие адекватного перевода или сложность замены термина становится одной из причин активного внедрения англицизмов в повседневную лексику.

5. Международные отношения и цифровая среда. Сегодня любые события – от политических до бытовых – мгновенно отражаются в медиа. Телевидение, интернет и соцсети ежедневно формируют информационное пространство, влияя и на язык. Именно благодаря СМИ и цифровым платформам англицизмы стремительно вошли в лексикон кыргызстанцев.

Особенно заметен был этот процесс после 1990-х годов, когда Кыргызстан стал независимым государством. В этот период страна открылась для международных связей, а английский язык стал ключевым проводником новых понятий. Интернет ещё больше ускорил этот процесс – он объединил миллионы пользователей, дал доступ к онлайн-библиотекам, платформам Zoom, Skype, соцсетям и вебинарам. Английский стал языком технологий, и большинство терминов пришло именно оттуда.

Согласно данным Gallup, ещё в 2011 году английский стал основным языком поиска в интернете в большинстве европейских стран. А по оценкам лингвистов, более 80% веб-контента до сих пор публикуется на английском языке.

6. Политическая лексика. Политическая сфера также не осталась в стороне от влияния англицизмов. Слова ***спикер, саммит, импичмент, спичрайтер, праймериз, инаугурация*** прочно вошли в политический обиход, особенно после событий октября 2020 года в Кыргызстане. Кроме того, появились такие понятия, как:

- Легитимность – законность или признание власти;

- Люстрация – запрет для прежней политической элиты участвовать в управлении после смены власти.

Эти термины активно используются в аналитических статьях и общественно-политических дискуссиях.

7. Медицина и пандемия. COVID-19 оказал серьёзное влияние не только на здоровье, но и на лексику. Новые слова начали активно проникать в речь: ***карантин, пандемия, COVID-19, санитайзер, респиратор, социальная дистанция, самоизоляция, WFH (работа из дома), тепловизор*** и др.

Некоторые из этих слов были известны раньше, но стали повседневными именно в период пандемии. Лексикографы отметили резкое увеличение употребления этих слов, и многие из них уже вошли в словари.

Заключение. Проведённый анализ показал, что англицизмы являются закономерным результатом активных языковых контактов и глобализационных процессов, охватывающих современные сферы жизни общества. Их распространение в киргизском языке обусловлено историческими, социально-экономическими, культурными и технологическими факторами, а также развитием цифровой среды, средств массовой информации, образования, медицины и международных отношений. Англицизмы выполняют номинативную функцию, восполняя лексические лакуны и обеспечивая языковую адаптацию к новым реалиям, особенно в условиях стремительных общественных изменений.

Вместе с тем заимствование англоязычной лексики требует осознанного и нормативно выверенного подхода. Чрезмерное и немотивированное употребление англицизмов может привести к вытеснению исконных слов и снижению языковой самобытности. В этой связи важную роль играют языковая политика, лексикографическая фиксация и развитие культуры речевого употребления. Гармоничное сочетание заимствований и национальных языковых ресурсов способствует обновлению киргизского языка и сохранению его культурной и функциональной полноценности в условиях глобального мира.

Библиографический список

1. Аристова В.М. Англо-русские языковые контакты (англизмы в русском языке). – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 150 с.
2. История ВМФ Великобритании. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/История_ВМФ_Великобритании.
3. English as an interntional language. Почему английский – международный язык? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://englex.ru/english-as-an-international-language/.
4. Нарматова Г.К. Причины заимствования англицизмов в современном кыргызском языке // Вестник Иссык-Кульского университета. – 2016. – № 42. – С. 266-268.
5. В оксфордский словарь внесли изменения из-за лингвистического влияния Covid-19. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com/amp/s/m.gazeta.ru/amp/social/news/2020/04/20/n_14319949.shtml.
6. Иветта Невинная. Ученые обсудили влияние коронавируса на русский язык: «Отразился на многообразии». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mk.ru/amp/social/2020/06/06/uchenye-obsudili-vliyanie-koronavirusa-na-russkiy-yazyk-otrazilsya-na-mnogoobrazii.html.

ENGLISH BORROWINGS IN THE KYRGYZ LANGUAGE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

G.K. Narmatova, *Lecturer*
S.S. Kalygulova, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
S.A. Sherieva, *Lecturer*
Kyrgyz-Uzbek International University named after B. Sydykov
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article examines the process of the influence of the English language on the development of the modern Kyrgyz language, in particular, the functioning of Anglicisms, which intensified during the pandemic. The relevance of the research is due to the intensification of globalization processes and the expansion of the use of English, which currently performs the functions of a global and transnational language in the fields of science, business, mass media, education, fashion and everyday communication. The purpose of the study is to identify the causes of the spread of Anglicisms and to analyze the factors influencing the English language on the Kyrgyz vocabulary. The study examines the main areas of functioning of Anglicisms in the modern Kyrgyz language: economics and business, politics, Internet communication, sports, fashion, technology, mass media, cinema, music and new professional fields. The authors conclude that Anglicisms are a natural result of language contacts and reflect the dynamics of socio-cultural processes. It is emphasized that borrowings should not be considered solely as a negative phenomenon: with moderate and deliberate use, they contribute to the development and updating of the lexical system of the Kyrgyz language.*

Keywords: *Anglicisms; borrowing; tracing paper; translation; language status; English and Kyrgyz languages; vocabulary; neologisms.*

ИЗУЧЕНИЕ МЕДИЦИНСКИХ МЕТАФОРИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ С СУФФИКСОИДАМИ *-ВИДНЫЙ* И *-ОБРАЗНЫЙ* В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

А.Ю. Тираспольская, *канд. филол. наук, доцент*
Е.К. Роднева, *канд. филол. наук, ст. преподаватель*
Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-111-116

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению подходов к изучению терминов медицины, в состав которых входят прилагательные с метафорическим значением, образованные при помощи суффиксоидов -видный и -образный, в рамках вузовского курса языка специальности для иностранных студентов. Основное внимание уделяется проблеме многообразия объектов сравнения, используемых при создании термина-метафоры в первом компоненте составного прилагательного. В лексемах-существительных, представляющих первый компонент, могут заключаться метафорические образы фактически любых материальных предметов или даже знаков (букв), что создает особые трудности для иностранных учащихся-нефилологов. В статье предлагаются два наиболее предпочтительных варианта поэтапного освоения основной совокупности метафорических терминов данного типа: в соответствии с лексико-семантическими группами, в которые объединяются существительные-метафоры, или с узкой тематикой внутри подразделов медицины.*

Ключевые слова: *терминоведение; метафорическая терминология; язык специальности; медицина; русский язык как иностранный; словообразование.*

Терминологический аппарат современной медицины во всех ее отраслях крайне велик и разнообразен. На сегодняшний день общее количество медицинских терминов трудноисчислимо: по весьма приблизительным данным некоторых специалистов, речь идет более чем о полумиллионе единиц, из которых значительная часть приходится на метафорические термины (о высокой значимости и распространенности терминов-метафор в языке медицины см., в частности: [1-5] и др.).

Для того чтобы успешно освоить сложнейший терминологический аппарат медицины (в том числе стоматологии), учащимся, в особенности иностранным, необходимо прилагать повышенные когнитивные усилия. Иностранные студенты, изучающие любую отрасль медицины на русском языке, должны четко представлять внутреннюю форму метафорического компонента термина, поскольку «образ, который лежит в основе термина-метафоры, делает восприятие термина и усвоение понятия более легким, так как возникает ассоциация между научным понятием и реальным объектом» [6, с. 68], ибо, согласно общепринятой концепции современного терминоведения, «в процессе образования термина устраняется экспрессивный компонент семантики, но может сохраниться образный компонент, смещенный на периферию лексического значения…» [2, с. 8]. Работая с метафорической терминологией, объясняя содержание понятий, преподаватель-русист в первую очередь должен ориентировать учащихся на выявление визуального и / или функционального сходства анатомического органа или его части, медицинского инструмента или приспособления, шва, характера нарушения анатомической целостности и т.д. с немедицинской реалией.

В данной статье предлагается обратиться к медицинским (в том числе стоматологическим) терминам, имеющим в своем составе существительное (хотя бы одно) и прилагательное-метафору, в которых основанием для сравнения служит сходство внешнего вида / формы, и содержащим в качестве одного из компонентов метафору с суффиксоидом *-видный* или *-образный* (подробнее о данных суффиксоидах см.: [7]). В рамках курса языка специальности пристальное внимание означенной группе терминов необходимо уделять ввиду многочисленности и высокой частотности употребления терминологии этого типа в

дискурсе медицины. Осознание заключенного в метафорическом прилагательном образного компонента в перспективе дает учащимся возможность зрительного распознавания специфической формы, внешнего вида анатомического органа, инструмента и т.д. в рамках практического обучения будущей профессии, а в плане овладения языком специальности – способность адекватного словесного описания соответствующих медицинских реалий.

Следует отметить, что в качестве **субъектов** сравнения в рассматриваемой терминологии в подавляющем большинстве случае выступают материальные объекты (преимущественно анатомические органы или их части, крупные или мелкие) или предметы (в основном медицинские инструменты различного назначения).

При легкости визуального распознавания в морфемном составе слов суффиксоидов *-видный* и *-образный*, а также прозрачности их значения для иностранных учащихся особую проблему представляет многообразие **объектов** сравнения, используемых при создании термина-метафоры в первом компоненте составного прилагательного, в качестве которых могут фигурировать фактически любые материальные предметы или даже знаки: от букв до отдельных архаических реалий быта. Здесь мы сталкиваемся со своего рода «конфликтом языковых требований», когда в ходе обучения языку специальности выясняется, что для овладения основной массой единиц терминологического аппарата медицинской и стоматологической наук студентам медицинских факультетов или вузов оказывается недостаточно знания не только требуемых при поступлении объемов общеупотребительной лексики, но даже профессиональных терминов неметафорического характера. Получается, что для освоения терминологии специальности в необходимых объемах, а значит, и успешной учебно-профессиональной коммуникации, учащиеся – будущие медики и стоматологи, по сути, должны обладать словарным запасом (хотя бы пассивным), в значительной мере сопоставимым с широтой лексического кругозора студентов-филологов.

В свете вышесказанного, ввиду сложности изучаемого материала для будущих специалистов в области медицины, в данном исследовании предлагается описание разработанных нами возможных вариантов поэтапного освоения основной совокупности метафорических терминов означенного типа. В качестве основных источников для отбора соответствующих терминов с метафорическими компонентами была использована следующая словарно-справочная и учебно-научная литература [8-12].

1. Целесообразным представляется начинать изучение материала с наиболее простой для распознавания, понимания и написания группы терминов, в которых используются **«алфавитные» («буквенные»)** метафоры, когда орган, его часть, медицинский инструмент, шов и т.д. сравниваются по форме (конфигурации) с той или иной буквой латинского или русского кириллического алфавита (значение ‘имеющий форму буквы…’): ***А****-образная деформация век,* ***О****-образное искривление ног (*синоним: ***О****-образная деформация ног),* ***Х****-образная деформация ног,* ***S****-образная форма желчного пузыря,* ***L****-образная почка,* ***Y****-образный хрящ,* ***С****-образная перегородка носа,* ***Т****-образная матка,* ***Т****-образный перелом,* ***Г****-образный жёлчный пузырь,* ***М****-образный конец раны,* ***П****-образный (матрацный) шов* и т.п. Студентам дается словообразовательная модель для данной группы: **заглавная буква (объект сравнения) + суффиксоид -видный / -образный.**

Начиная со второй группы и далее метафорический компонент составных терминов имеет следующую словообразовательную модель: **основа существительного (объекта сравнения) + соединительная гласная о / е + суффиксоид -видный / -образный.**

2. После освоения «алфавитных» метафор можно переходить к блоку терминов, содержащих в качестве объекта сравнения названия а) **собственно геометрических фигур:** *кубовидная кость стопы, шаровидный сустав, ромбовидный мозг, трапециевидная мышца, круговидная мигрирующая эритема Гаммела, конусовидный бор, спиралевидные артерии матки, дугообразные связки диафрагмы, крестовидный шов твёрдого неба, крестообразная связка* и т.д.; б) **предметов, имеющих форму, приближенную к определенной геометрической фигуре (*клин, кольцо, воронка, дельта**** – буква греческого алфавита в форме треугольника): *клиновидный дефект зуба, клиновидная пазуха, клиновидные позвонки,*

кольцевидная эритема, кольцевидный нож, воронкообразная фиссура зуба, дельтовидная мышца и проч. (ср.: А.М. Пожарская объединяет две данные подгруппы в одну и определяет ее как «объект неживой природы определенной формы (геометрический эталон)» [7, с. 168]). Начиная с этого этапа изучения темы и далее учащимся предлагаются изображения, иллюстрирующие визуальное сходство принадлежащего сфере медицины субъекта сравнения с объектом.

3. Следующая значимая, хотя и относительно немногочисленная по образному ряду группа терминов заключает в себе в качестве объекта сравнения **различные плоды определенной формы (фрукты, орехи, бобовые и т.п.)**. Важно отметить, что по степени частотности использования в медицинской литературе и по количеству образуемых терминов «плодовые» лексемы следует расположить в следующем порядке: ***груша, чечевица,*** и только затем ***миндаль***, ***шишка*** и ***орех,*** в то время как ***яблоко*** и вовсе уходит на периферию: *грушевидная мышца, грушевидный нерв, грушевидные ямки, грушевидное отверстие (*синоним: *грушевидная апертура)* и проч*., чечевицеобразный отросток, чечевицеобразная петля, чечевицеобразное ядро* и др*.; миндалевидное тело, шишковидная железа (*синоним: *эпифиз), шишковидный нос, ореховидный сустав (*синоним: *чашеобразный сустав), яблоковидный / яблокообразный череп (*в ветеринарии*), яблоковидная форма таблеток* (в фармации). Таким образом, представляется очевидным, что в данном случае шкала значимости «плодовых» лексем, необходимых студентам медицинского профиля для успешного усвоения терминологии специальности, явно отличается от градации лексики, приоритетной для учащихся-филологов, что особенно заметно на примере *яблока* и *чечевицы*.

К описываемой группе также можно присоединять и не растительный по происхождению, а птичий плод – ***яйцо***, учитывая, что данная метафора достаточно широко распространена в медицинской терминологии, например, *яйцевидная форма головы / черепа*, *яйцевидный бор*.

4. Не менее важна для будущих медиков группа терминов, в которой объектами сравнения выступают слова, обозначающие **посуду, различную кухонную утварь** и **емкости**. Наиболее значимыми здесь представляются лексемы ***бочка, чаша, бокал, блюдце, ложка*** и ***вилка***: *бочкообразная грудная клетка, бочкообразная форма зуба, чашеобразный сустав, чашевидный пояс нижних конечностей, бокаловидный эпителий, блюдцеобразный рак, ложкообразные ногти, вилкообразное ребро.*

5. В той же мере актуальны для освоения языка специальности термины-метафоры, содержащие в качестве объектов сопоставления лексику тематической группы **«растительный мир»**, которая называет как сами растения, так и их части – ***древо*** (именно в устаревшей форме)*,* ***гриб, лист, корень, шип***: *древовидная липома, древовидный кератит, грибовидная деформация головки бедренной кости, грибовидный рак желудка, листовидные сосочки, листовидная опухоль молочной железы, корневидный зубной имплантат, шиповидный лишай* и др.

6. Значимыми с точки зрения профессиональной коммуникации являются заключенные в терминологии метафорические образы из области **животного мира.** Здесь также присутствует лексика, называющая как живой организм целиком, так и его часть, орган и даже жилище. Так, например, **орнитологические метафоры** в составе терминов представлены ***крылом, клювом, пером (перьями)*** и ***гнездом***: *крыловидная мышца, крыловидная плева, крыловидные язвы, клювовидные щипцы, клювовидный отросток лопатки, клювовидно-плечевая мышца* и т.п.*, перьевидный пародонтологический зонд, гнездовидная инвазия.*

Из метафорически используемых лексем, обозначающих прочие живые организмы, учащимся-медикам, в частности, необходимо знать такие активно используемые в языке зоологии слова как ***камбала*** (*камбаловидная мышца*), ***червь*** (*червеобразные мышцы стопы, червеобразный отросток (*синоним: *аппендикс*) и ***паук*** (*паукообразный невус,* синоним: *паукообразная гемангиома*), а также зрительно представлять особенности форм (строения тела) этих существ.

7. Следующим блоком студентам можно предложить для изучения лексически многообразную группу терминов, имеющих в своем составе **«оружейные» и «оружейно-оборонительные (защитные)» метафоры**, причем в подавляющем большинстве случаев

речь идет о холодном оружии. Здесь в качестве объекта сравнения в первую очередь следует назвать самую известную лексему ***щит*** (*щитовидная железа, щитовидный хрящ*), а также ***меч*** (*мечевидный отросток грудины*), ***сабля*** (*саблевидная голень*), ***копьё*** (*копьевидный резец*), ***нож*** (*ножевидный штихель*), ***штык*** (*штыковидный зубной зонд*), ***стрела*** (*стреловидный шов*), ***праща*** (*пращевидная повязка*) и ***пуля*** (*пулевидный бор*). К данной группе уместно присоединить ряд терминов, включающих лексему ***седло****: седловидная кость, седловидный череп* и т.п.

8. Не меньшей сложностью и, пожалуй, еще большим многообразием отличается группа терминов, в которых метафорический перенос заключается в лексемах, обозначающих разного рода **инструменты и орудия труда**. Для освоения данной группы метафор учащимся необходимо получить представление о том, как выглядят и действуют инструменты колющие: ***шило, игла, вилы*** (*шиловидный отросток кости, шиловидные зубы, игловидный бор, вилообразная связка*), а также близкие к ним по форме и функции ***винт*** (*винтообразный сустав, винтообразный перелом*) и ***долото*** (*долотообразный штихель*); режущие: ***серп*** (*серповидная клетка, серповидный хрящ* – синоним*: мениск, серповидный зубной зонд* и др.) и ударные: ***молоток*** *(молоткообразные пальцы).*

9. Как уже упоминалось выше, в процессе изучения метафорической терминологии студентам приходится сталкиваться даже с необходимостью освоения некоторых устаревших слов русского языка, знание которых, на первый взгляд, кажется совсем необязательным для будущих работников медицины. Так, например, для успешного усвоения материла специальности учащиеся вынуждены обращаться к таким историзмам как ***веретено*** и ***ладья*** (о данных словах см.: [13, с. 110, 348]), поскольку основы данных существительных присутствуют во многих терминах: *веретеновидные / веретенообразные клетки, веретенообразные мышцы, веретенообразная извилина, веретеновидная аневризма* и некот. др., *ладьевидная кость, ладьевидная ямка, ладьевидная грудная клетка, ладьевидный череп*, (синоним – *лодкообразный череп).* Из архаизмов в первую очередь следует выделить лексему ***сосец*** (‘сосок’), входящую в состав прилагательных большого количества терминоединиц: *сосцевидный каналец*, *сосцевидный отросток (позвонка), сосцевидные тела промежуточного мозга* и т.д.

10. Отдельного упоминания заслуживает лексема ***перстень***, которая, помимо рассмотренной выше лексемы *кольцо*, также оказывается значимой в рамках терминологического аппарата: учащиеся должны иметь достаточно ясное представление об особенностях внешнего вида данного ювелирного изделия, если хотят понимать причину, по которой один из хрящей гортани получил название *перстневидного*, а определенный тип рака желудка был именован *перстневидноклеточным*.

11. Наконец, на заключительных этапах работы важно отдельно рассматривать распространенные в языке медицины сложные случаи словообразования с изучаемыми суффиксоидами. Здесь речь должна идти о ситуации **комбинирования двух (и более) метафорических образов** в одном сложном прилагательном, входящим в состав термина. Студентов необходимо познакомить с двумя вариантами словообразовательной модели.

Вариант 1: образование сложного прилагательного со слитным написанием по схеме: **основа существительного + соединительная гласная + основа существительного + соединительная гласная+ суффиксоид:**

шилососц*евидное отверстие (*метафорические образы: *шило + сосец)* (отверстие на наружном основании черепа, которое находится между шиловидным и сосцевидным отростками), ***клинoладьевидный*** *сустав* (*клин + ладья*);

Вариант 2: **образование сложного прилагательного с дефисным написанием и с повторением суффиксоида *-видный* после каждой из основ:**

перстн*евидно-****щит****овидная связка / мембрана (*метафорические образы: *перстень + щит)* (соединяет перстневидный и щитовидный хрящи), ***клин****овидно-****куб****овидно-****ладьевидный*** *сустав (клин + куб+ ладья).*

В качестве альтернативного подхода возможно предложить студентам работу над терминами-метафорами с суффиксоидами *-видный* и *-образный* в комплексе с другими видами образования метафорических терминов с привязкой к изучению подразделов и содержащихся в них конкретных узких тем

теоретической медицины. Наиболее уместным данный принцип рассмотрения материала представляется в первую очередь при обращении к двум фундаментальным разделам анатомии человека: при изучении строения скелета (названий костей и суставов) и мышечной системы (мускулатуры). В качестве ярких примеров для первого случая приведем названия костей предплюсны: *ладьевидная кость, кубовидная кость, клиновидные кости;* а также различных суставов: *блоковидный, шаровидный, чашеобразный, эллипсовидный, седловидный;* для второй ситуации – *трапециевидную* и *ромбовидные мышцы* туловища, *дельтовидную* и *клювовидно-плечевую мышцы* верхних конечностей, *грушевидную, камбаловидную* и *червеобразные мышцы* нижних конечностей и т.д.

Заключение

Важнейшая задача преподавателя-русиста – помочь иностранным студентам далекой от филологии специальности научиться ориентироваться в обилии и разнообразии метафорической медицинской терминологии, для овладения которой необходимо обладать лексическим кругозором, значительно превосходящим стандартные требования, предъявляемые абитуриентам при поступлении в вуз для получения профессии врача. Для того чтобы добиться этой непростой цели, следует продолжать планомерную разработку подходов и алгоритмов обучения будущих специалистов работе с медицинскими терминами-метафорами: на первых этапах – под руководством преподавателя-лингвиста, на более поздних – самостоятельно. В частности, одним из эффективных способов достижения максимально высоких результатов в усвоении учебного материала представляется тщательный отбор минимумов метафорической лексики, являющейся наиболее актуальной для конкретных областей медицинских знаний: хирургии, кардиологии, пульмонологии, гастроэнтерологии, эндокринологии, неврологии, офтальмологии, отоларингологии, стоматологии и проч., а также примыкающих к ним фармакологии и фармации. На основе отобранных лексических минимумов требуется дальнейшая разработка комплексов упражнений, направленных на распознавание метафорических компонентов в терминологии, где перед учащимися ставится задача: вычленить в составе прилагательных в результате морфемного анализа лексемы, обозначающие «немедицинский» объект сравнения, и вслед за этим сопоставить найденный визуальный образ с субъектом сравнения – реалией из области медицины, выявив общие черты.

Библиографический список

1. Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А., Рахимова А.Р., Рожнева Ж.А. Русские терминосистемы в аспекте семантической избирательности: на материале базы данных метафорической терминологии естественных, технических и гуманитарных дисциплин. – М., 2018.

2. Озингин М.В. Роль метафоры в структурировании и функционировании русской медицинской терминологии. Автореф. канд. филол. наук. – Саратов, 2010.

3. Дудецкая С.Г. Функционирование метафорических терминов подъязыка стоматологии и черепно-челюстно-лицевой хирургии в английском и русском языках // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2/3. – С. 60-67.

4. Икрамова Х.М. Типы и роль метафор в медицинской терминологии // Экономика и социум. – 2023. – № 9 (112). – С. 626-631.

5. Зубкова О.С. Медицинская метафора-термин в профессиональном дискурсе // Теория языка и межкультурная коммуникация: межвузовский сборник научных трудов / под ред. Т.Ю. Сазоновой. – Курск, 2008. – С. 37-44.

6. Грунина Л.П., Зинганшина З.Р. Особенности метафоризации русских медицинских терминов // Вестник общественных и гуманитарных наук. – 2021. – Т. 2, № 2. – С. 65-68.

7. Пожарская А.М. Суффиксоиды -видный и -образный как средство концептуализации семантики формы // Сибирский филологический журнал. – 2011. – № 3. – С. 166-171.

8. Новодранова В.Ф., Дудецкая С.Г., Никольский В.Ю. Толковый англо-русский и русско-английский словарь метафорических терминов черепно-челюстно-лицевой хирургии и стоматологии. – М., 2007.

9. Дьяченко А.П. Метафоры и терминологически устойчивые выражения в медицине: Словарь-справочник. – Минск, 2003.

10. Павлов А.В., Виноградов А.А., Жеребятьева С.Р. Клиническая анатомия головы и шеи: учебник для студентов лечебного факультета. 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 2023.

11. Шматов С.В., Байтингер В.Ф., Сотников А.А. Клиническая анатомия вывихов суставов конечностей: учебное пособие. – Томск, 2008.

12. Валенкевич Л.Н., Мищенко А.С. Эпонимические термины: Словарь-справочник для практического врача. – Саранск, 1990.

13. Рогожникова Р.П., Карская Т.С. Словарь устаревших слов русского языка. По произведениям русских писателей XVIII-XIX вв. – М., 2005.

THE STUDY OF MEDICAL METAPHORICAL TERMS WITH SUFFIXOIDS -VIDNY` J (-SHAPED) AND -OBRAZNY`J (-LIKE) IN A FOREIGN AUDIENCE

A.Yu. Tiraspolskaya, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
E.K. Rodneva, *Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer*
Saint Petersburg State University
(Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *The article considers the approaches to the study of medical terms which include metaphorical adjectives with suffixoids -vidny`j (-shaped) and -obrazny`j (-like) in the university course of specialty language for foreign students. The main focus is on the problem of the multiplicity of comparison objects used in the first component of the compound adjective when creating a term-metaphor. The lexemes-nouns that represent the first component can contain metaphorical images of virtually any material object or even signs (letters), which is especially difficult for foreign students-nonphilologists. The article proposes two preferred options for the step-by-step learning of metaphorical terms of this type: according to lexical-semantic groups into which the noun-metaphors are combined, or according to narrow themes within the branches of medicine.*

Keywords: *terminology studies; metaphorical terminology; specialty language; medicine; Russian as a foreign language; word formation.*

ПАРЕМИИ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В КЫРГЫЗСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

С.Ж. Тургунбаева, *канд. филол. наук, доцент*
Р.Р. Шаимкулова, *старший преподаватель*
З.Ж. Кыбыева, *преподаватель*
Назарбек уулу Майрамбек, *преподаватель*
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-117-123

Аннотация. *В статье рассматриваются паремии как значимый объект лингвистического и лингвокультурного исследования. Анализируются основные научные подходы к их изучению и подчёркивается роль паремий как носителей национальной картины мира и культурных ценностей. Обосновывается значение паремий в формировании лингвокультурной компетенции и их потенциал для сопоставительного анализа кыргызского и английского языков в контексте межкультурной коммуникации.*

Ключевые слова: *паремии; пословицы и поговорки; паремиология; лингвокультурология; языковая картина мира; национальная культура; лингвокультурная компетенция; межкультурная коммуникация.*

В условиях современного развития лингвистической науки особое внимание уделяется проблеме взаимосвязи языка и культуры. Язык рассматривается не только как средство общения, но и как форма существования культурного опыта народа, отражающая его ценности, мировоззрение и ментальные установки [1]. В этой связи особую значимость приобретает лингвокультурная компетенция, понимаемая как способность личности воспринимать, интерпретировать и использовать языковые единицы с учётом их культурной обусловленности. Формирование данной компетенции является одной из приоритетных задач при изучении как родного, так и иностранного языка, поскольку именно она обеспечивает адекватность и эффективность межкультурной коммуникации (Алефиренко, 2005).

Паремии занимают особое место в системе языка и культуры, поскольку представляют собой устойчивые выражения, аккумулирующие коллективный опыт народа, его мировоззрение, ценности и нормы поведения. Термин «паремия» восходит к греческому слову *paroimia*, что означает «пословица» или «изречение». В современной лингвистике под паремиями понимается совокупность устойчивых высказываний, прежде всего пословиц и поговорок, которые обладают обобщённым значением, воспроизводимостью и культурной значимостью [2].

Одним из наиболее авторитетных исследователей паремий является Г.Л. Пермяков, который заложил основы научной паремиологии. В его трудах паремии рассматриваются как особая знаковая система, функционирующая в обществе и отражающая социальные и культурные стереотипы. Пермяков подчёркивал, что паремии нельзя рассматривать исключительно как языковые единицы, поскольку они тесно связаны с мышлением, культурой и социальным опытом народа. Он определял паремии как устойчивые речевые формулы, закреплённые в коллективном сознании и передающие социально значимую информацию [2].

Важный вклад в изучение паремий внёс В.М. Мокиенко, который рассматривал их в рамках фразеологии. Учёный подчёркивал, что паремии отличаются от других фразеологических единиц своей предикативной завершённостью и обобщённо-оценочным характером. В его исследованиях особое внимание уделяется национально-культурной специфике пословиц и поговорок, а также их функционированию в речи. Мокиенко отмечал, что через паремии наиболее ярко проявляется связь языка с историей и культурой народа [3].

С позиций лингвокультурологии паремии активно изучались В.Н. Телией. Она рассматривала паремии как культурно маркированные единицы языка, в которых отражаются ценностные установки и нормы поведения, принятые в данном обществе. По мнению Телии, паремии являются важнейшим источником информации о национальной картине мира, так как в них зафиксированы представления народа о добре и зле, труде, семье, обществе и человеке [1].

Когнитивный аспект изучения паремий представлен в работах Н.Ф. Алефиренко и Е.С. Кубряковой. Эти исследователи рассматривали паремии как форму репрезентации концептов и ментальных моделей, присущих определённой культуре. С их точки зрения, паремии отражают не только языковую, но и когнитивную картину мира, поскольку в них закодированы устойчивые способы осмысления действительности [4; 5].

В зарубежной лингвистике значительный вклад в изучение паремий внёс А. Тейлор, автор фундаментального труда «The Proverb», в котором он рассматривал пословицы как универсальное явление, характерное для всех культур [6]. Его идеи получили дальнейшее развитие в работах Вольфганга Мидера, одного из ведущих современных паремиологов. Мидер исследовал функционирование паремий в языке, литературе, средствах массовой информации и межкультурной коммуникации, подчёркивая их роль как носителей культурной памяти [7].

В тюркской и кыргызской лингвистике паремии традиционно изучались в тесной связи с фольклором и этнографией. Значительный вклад в исследование кыргызских пословиц и поговорок внёс К.К. Юдахин, который рассматривал их как важный источник изучения лексики и культуры кыргызского народа [8]. В работах Т.А. Акматалиева паремии анализируются как отражение национального мировоззрения, традиционного образа жизни и системы ценностей кыргызского этноса. Эти учёные подчёркивают, что кыргызские паремии играют важную роль в формировании культурной идентичности и передаче духовного наследия от поколения к поколению [9].

В лингвистике сформировалась устойчивая традиция изучения паремий как сложного языково-культурного феномена. Исследования отечественных и зарубежных учёных показывают, что паремии являются неотъемлемой частью национальной картины мира и представляют собой важный источник для изучения лингвокультурных процессов в различных языках, включая кыргызский и английский.

Одним из наиболее репрезентативных источников лингвокультурной информации являются паремии, включающие пословицы и поговорки. Паремии представляют собой устойчивые языковые образования, в которых в обобщённой и образной форме зафиксирован коллективный опыт народа. Они отражают социальные нормы, нравственные идеалы и жизненные принципы, выработанные в процессе исторического развития общества. Например, в английской паремии *Actions speak louder than words* выражается установка на приоритет поступков над речевыми обещаниями, тогда как кыргызская паремия *Сөз эмес, иш баалуу* передаёт аналогичную ценностную ориентацию, что свидетельствует о наличии универсальных когнитивных установок.

С точки зрения когнитивной лингвистики паремии могут рассматриваться как вербализованные когнитивные структуры, отражающие способы концептуализации действительности. В них закреплены устойчивые представления о мире, моделях поведения и оценочных категориях. В лингвокультурологическом аспекте паремии выступают как носители культурных кодов, требующих интерпретации с учётом национально-специфического контекста. Например, английская пословица *Time is money* отражает характерное для англоязычной культуры прагматичное и рациональное отношение ко времени, тогда как в кыргызской лингвокультуре идея времени чаще осмысливается через жизненный опыт и судьбу, что проявляется в паремии *Убакыттан уткур эч нерсе жок*, подчёркивающей всепоглощающую силу времени.

Лингвокультурная компетенция включает не только знание языковых норм, но и понимание культурных реалий, символики и национально-специфических смыслов. В этом отношении паремии обладают высокой дидактической ценностью, поскольку они концентрируют в себе культурную информацию и активно функционируют в речи носителей

языка. Так, английская паремия *Every man is the architect of his own fortune* формирует представление о личной ответственности человека за свою судьбу, в то время как кыргызская паремия *Тагдырдан качып кутулбайсың* отражает более фаталистическое восприятие жизненного пути, обусловленное традиционными представлениями о судьбе.

Кыргызские паремии формировались в условиях кочевой культуры, что нашло отражение в их образной системе и тематике. В них широко представлены образы природы, животных и кочевого быта, которые служат средством концептуализации социальных и моральных норм. Например, паремия *Жалгыз ат чаап озбойт* подчёркивает важность коллективных усилий и взаимопомощи, а выражение *Атаңды сыйласаң, атың чыгат* отражает традиционную ценность уважения к старшим и родовым устоям. Подобные паремии формируют у носителей языка представление о социальной гармонии, основанной на коллективизме и соблюдении традиций.

Английские паремии, напротив, в большей степени ориентированы на индивидуализм и практическую целесообразность. Например, *пословица God helps those who help themselves* акцентирует внимание на активной жизненной позиции и самостоятельности личности. Паремия *No pain, no gain* отражает идею необходимости усилий и преодоления трудностей ради достижения успеха. Через такие паремии формируется англоязычная картина мира, в которой важное место занимают трудолюбие, настойчивость и личная инициатива.

Сопоставительный анализ кыргызских и английских паремий позволяет выявить как общечеловеческие, так и национально-специфические ценности. Универсальные идеи, такие как значимость труда, опыта и моральной ответственности, находят отражение в паремиях обоих языков, однако различия проявляются в образности и аксиологических акцентах. Если в кыргызских паремиях преобладает ориентация на коллектив и традицию, то в английских – на личный успех и индивидуальную ответственность. Например, кыргызская паремия *Эл бар жерде эр бар* подчёркивает зависимость личности от общества, тогда как английская *A man is known by his deeds* фокусируется на индивидуальных качествах человека.

Особое значение в исследовании паремий кыргызского и английского языков приобретает когнитивно-лингвокультурный анализ, позволяющий выявить глубинные ментальные структуры, лежащие в основе пословиц и поговорок. Паремии функционируют как своеобразные когнитивные схемы, в которых закодированы устойчивые представления о мире, человеке и обществе. Эти схемы формируются под влиянием исторического опыта, социального уклада и культурных традиций этноса, что делает паремии важным источником формирования межкультурного сознания.

В кыргызской лингвокультуре когнитивная основа паремий тесно связана с коллективным образом мышления, сформированным в условиях кочевого образа жизни. Это находит отражение в паремиях, где человек осмысливается прежде всего, как часть рода, общины и народа. Так, в паремии *Эл менен эл болосуң, элден бөлүнсөң жоголосуң* концептуализируется идея неразрывной связи личности с коллективом, при этом отделение от общества интерпретируется как угроза социальной и духовной деградации. Данная когнитивная установка формирует у носителей языка представление о приоритете общественных интересов над индивидуальными, что является ключевым элементом кыргызской картины мира

Исследователи кыргызской паремиологии неоднократно подчёркивали, что пословицы и поговорки выступают не только как языковые единицы, но и как формы народной философии. Так, в трудах К.К. Юдахина и Б.М. Юнусалиева отмечается, что кыргызские паремии аккумулируют нормы обычного права, моральные предписания и социальные ожидания, регулирующие поведение личности в традиционном обществе. Анализ паремий показывает, что многие из них выполняют нормативную функцию, задавая образцы правильного поведения. Например, паремия *Улуну урматтаган уул болот* формирует когнитивную модель уважения к старшим как обязательного условия социальной зрелости личности.

Когнитивный анализ кыргызских паремий также выявляет особую роль концептов «жол» (путь), «тагдыр» (судьба), «намыс» (честь) и

«сабыр» (терпение). Эти концепты регулярно актуализируются в пословицах и поговорках и формируют ценностное ядро национального сознания. В паремии «Сабыр кылган муратка жетет» терпение концептуализируется как ключевой механизм достижения жизненного успеха, что отражает традиционное представление о необходимости внутренней устойчивости перед лицом жизненных испытаний. В английской лингвокультуре аналогичную функцию выполняет паремия *Patience is a virtue*, однако в ней терпение осмысливается скорее, как индивидуальное моральное качество, тогда как в кыргызской традиции оно тесно связано с коллективным одобрением и социальной гармонией.

Английские паремии в когнитивном аспекте демонстрируют иную модель концептуализации личности и общества. В них доминируют концепты личной ответственности, самореализации и контроля над собственной судьбой. Например, паремия *Every man is the master of his own fate* отражает когнитивную установку на автономность личности и её способность самостоятельно определять жизненный путь. В отличие от кыргызской паремии «Тагдырга каршы барбайсың», где судьба представляется как внешняя сила, английская пословица акцентирует активную роль субъекта, что указывает на различие в философских основаниях двух лингвокультур.

Сопоставительный когнитивный анализ паремий кыргызского и английского языков позволяет выявить различия в аксиологической и концептуальной структурах национальных картин мира. Если для кыргызской паремиологии характерна ориентация на гармонию с обществом и традицией, то английские паремии демонстрируют стремление к индивидуальному успеху и рациональному управлению жизненными ресурсами. Например, кыргызская паремия *Жалгыз киши журт болбойт* подчёркивает невозможность существования личности вне коллектива, тогда как английская *The early bird catches the worm* формирует установку на личную инициативу и конкурентоспособность.

В аспекте формирования межкультурного сознания особую роль играет интерпретация паремий как культурных текстов. Для изучающего язык важно не только понять буквальное значение паремии, но и осознать культурный сценарий, лежащий в её основе. Так, без знания культурного контекста английская паремия *Time is money* может восприниматься исключительно как экономическая метафора, тогда как в действительности она отражает целую систему ценностей, связанных с эффективным использованием времени. Аналогично кыргызская паремия *Конок келсе – кут келет* требует знания традиций гостеприимства, чтобы быть правильно интерпретированной в межкультурном общении.

Формирование лингвокультурной компетенции на основе паремий предполагает развитие у обучающихся способности к сопоставительному мышлению и культурной рефлексии. Анализ паремий способствует осознанию того, что одни и те же жизненные явления могут по-разному концептуализироваться в разных культурах. Это, в свою очередь, формирует толерантное отношение к культурным различиям и снижает риск коммуникативных конфликтов. Работа с кыргызскими и английскими паремиями позволяет обучающимся выявлять глубинные культурные смыслы и осознавать, что язык является отражением не только мышления, но и системы ценностей народа.

Когнитивно-лингвокультурный анализ паремий расширяет представление о роли пословиц и поговорок в формировании межкультурного сознания. Паремии выступают как своеобразные модели культурного опыта, позволяющие реконструировать национальные картины мира и понять механизмы ценностной ориентации личности в разных лингвокультурах. Включение данного аспекта в исследование паремий кыргызского и английского языков существенно углубляет анализ и подтверждает значимость паремиологического материала в процессе формирования лингвокультурной компетенции.

Использование паремий в процессе обучения кыргызскому и английскому языкам способствует формированию лингвокультурной компетенции, поскольку обучающиеся учатся интерпретировать языковые единицы с учётом культурного контекста. Анализ и сопоставление паремий развивает способность понимать скрытые культурные смыслы, формирует межкультурную чувствительность и предотвращает коммуникативные ошибки. Кроме того, паремии повышают мотивацию к

изучению языка, так как позволяют увидеть в нём отражение реальной жизни и культурного опыта народа.

Проведённый теоретический анализ научных подходов к изучению паремий позволяет сделать вывод о том, что данные языковые единицы представляют собой сложный и многогранный феномен, находящийся на стыке языка, культуры и мышления. Современная лингвистика рассматривает паремии не только как устойчивые фразеологические конструкции, но прежде всего, как носителей культурной информации, аккумулирующих исторический, социальный и духовный опыт народа. Это положение подтверждается трудами как отечественных, так и зарубежных исследователей, которые подчёркивают универсальность паремий при одновременной их национально-культурной специфичности.

В ходе исследования установлено, что паремии обладают высоким лингвокультурным потенциалом, поскольку в них в концентрированном виде отражаются базовые ценности, нормы поведения и мировоззренческие установки этноса. Анализ теоретических источников показал, что именно паремии наиболее полно репрезентируют национальную картину мира, так как они формируются и функционируют в коллективном сознании на протяжении длительного исторического периода. Это позволяет рассматривать их как надёжный источник для изучения культурных концептов и ментальных моделей, характерных для определённого языкового сообщества.

Особое значение в рамках данного исследования имеет вывод о том, что паремии играют ключевую роль в формировании лингвокультурной компетенции. Осмысление паремий требует от носителя или изучающего язык не только знания лексико-грамматических норм, но и понимания культурного контекста, в котором данные выражения возникли и используются. Таким образом, владение паремиями свидетельствует о более глубоком уровне языковой компетенции, включающем способность интерпретировать скрытые культурные смыслы и символику.

Анализ научных концепций Г.Л. Пермякова, В.М. Мокиенко, В.Н. Телии, Н.Ф. Алефиренко и других учёных позволил выявить, что в современной лингвистике преобладает комплексный подход к изучению паремий. Они рассматриваются одновременно как элементы языковой системы, единицы культурной памяти и когнитивные структуры. Такой подход расширяет границы традиционного фразеологического анализа и позволяет глубже понять роль паремий в процессе межкультурной коммуникации.

Важным результатом исследования является выявление того факта, что, несмотря на различия в историческом развитии и культурных традициях, паремии разных языков, в том числе кыргызского и английского, демонстрируют наличие общечеловеческих ценностей. Это указывает на универсальный характер паремиологического фонда, который, однако, реализуется через национально-специфические образы и метафоры. Данное положение подтверждает мысль о том, что сопоставительное изучение паремий способствует более глубокому пониманию как собственной культуры, так и культуры другого народа.

Исследование научных трудов, посвящённых кыргызским паремиям, позволило сделать вывод о том, что в них особенно ярко отражены традиционные представления о коллективизме, уважении к старшим, взаимопомощи, трудолюбии и связи человека с природой. Работы К.К. Юдахина, Б. Осмоналиева и Т.А. Акматалиева показывают, что кыргызские пословицы и поговорки выполняют важную функцию сохранения и передачи национального культурного наследия. Это подтверждает их значимость не только для лингвистических, но и для этнокультурных исследований.

В современной кыргызской лингвистике значительный вклад в развитие лингвопаремиологии внесли также К. Зулпукаров, М.А.Атакулова, А.А.Калмурзаева, Д.Т. Айылчиева и А.А. Жусупова. В коллективной монографии «Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка» данные исследователи рассматривают паремии с позиций структурной и семантической инвариантности, подчёркивая их устойчивость и вариативность в языковой системе [10]. В работах М.А. Атакуловой и А.А. Жусуповой особое внимание уделяется трансформационным процессам в паремийных изречениях, включая инверсию и контекстуальные изменения, что расширяет пред-

ставление о динамике функционирования пословиц в современной речи. Исследования Д.Т. Айылчиевой и соавторов акцентируют внимание на паремийной инвариантности как ключевом объекте кыргызской лингвопаремиологии, раскрывая её значение для понимания национально-культурной специфики кыргызского языка [11; 12].

В контексте сопоставления с английским языком можно сделать вывод о том, что изучение паремий способствует формированию навыков межкультурного анализа. Английские паремии, как отмечается в трудах зарубежных исследователей, отражают ценности индивидуальной ответственности, прагматизма и рационального отношения к действительности. Сопоставление таких установок с кыргызской паремиологической традицией позволяет выявить как различия, так и точки пересечения в языковых картинах мира двух народов.

Таким образом, полученные результаты подтверждают целесообразность использования паремий в качестве объекта лингвокультурного исследования. Их анализ позволяет глубже понять механизмы взаимодействия языка и культуры, а также выявить особенности национального мышления, зафиксированные в устойчивых языковых формах. Паремии выступают не только средством сохранения культурной памяти, но и эффективным инструментом формирования лингвокультурной компетенции.

В заключение можно отметить, что теоретическое осмысление паремий как языково-культурного феномена создаёт прочную основу для дальнейших прикладных исследований, в том числе в области сопоставительной лингвистики и методики преподавания языков. Результаты данного исследования подтверждают актуальность и научную значимость изучения паремий в кыргызском и английском языках и открывают перспективы для более глубокого анализа их роли в межкультурной коммуникации.

Библиографический список

1. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996.

2. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988.

3. Мокиенко В.М. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007.

4. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

5. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и когнитивная лингвистика. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2005.

6. Taylor A. The Proverb. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1931.

7. Mieder W. Proverbs: A Handbook. – Westport, Connecticut; London: Greenwood Press, 2004.

8. Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1965.

9. Кулназаров А.К., Акматалиев А.Т., Муратбаева Г.Н., Сапарова Б.К. источник норм нравственности // Известия ВУЗов Кыргызстана. – 2010. – № 2. – С. 35-37.

10. Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка // К. Зулпукаров, М.А. Атакулова, А.А. Калмурзаева, Д.Т. Айылчиева, А.А. Джусупова. – Бишкек: Бийиктик плюс, 2016. – 728 с.

11. Атакулова М.А., Жусупова А.А. Роль инверсии в трансформировании паремийных изречений // Известия вузов Кыргызстана. – 2014. – №11. – С. 216-128.

12. Атакулова М.А., Айылчиева Д.Т., Жусупова А.А. Пословичная инвариантность как объект киргизской лингвопаремиологии // Вестник Ошского государственного университета. – 2013. – №3. – С. 6-9.

PAREMIA AS A SOURCE OF LINGUISTIC AND CULTURAL COMPETENCE FORMATION IN KYRGYZ AND ENGLISH

S.Zh. Turgunbayeva, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
R.R. Shaimkulova, *Senior Lecturer*
Z.Zh. Kybyeva, *Lecturer*
Nazarbek uulu Mayrambek, *Lecturer*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article considers paroemias as a significant object of linguistic and linguocultural research. The main scientific approaches to their study are analyzed and the role of paremias as carriers of the national worldview and cultural values is emphasized. The article substantiates the importance of paroemias in the formation of linguistic and cultural competence and their potential for comparative analysis of the Kyrgyz and English languages in the context of intercultural communication.*

Keywords: *paremias; proverbs and sayings; paremiology; linguoculturology; linguistic picture of the world; national culture; linguistic and cultural competence; intercultural communication.*

ПОСЛОВИЦЫ КАК КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЙ, КЫРГЫЗСКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ТРАДИЦИЙ)

С.Ж. Тургунбаева, *канд. филол. наук, доцент*
А.А. Кыдыкеева, *преподаватель*
***А*.М. Гаас,** *преподаватель*
З.Ж. Кыбыева, *преподаватель*
Ошский государственный университет
(Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-124-130

Аннотация. *В статье рассматриваются пословицы как особый тип языковых единиц, репрезентирующих когнитивные модели национальной картины мира. Исследование выполнено в русле антропоцентрической и когнитивно-культурной парадигмы современной лингвистики, в рамках которой язык интерпретируется как средство концептуализации действительности и хранения коллективного опыта. Материалом исследования послужили русские, кыргызские и английские пословицы, отражающие ключевые фрагменты национального сознания. В работе обосновывается положение о том, что пословицы выступают свернутыми структурами знания, соотносимыми с фреймами, сценариями и концептами, и функционируют как устойчивые когнитивные модели, активируемые в процессе коммуникации для интерпретации жизненных ситуаций и оценки человеческого поведения. Особое внимание уделяется анализу таких базовых концептов, как труд, время, судьба, человек, знание, мораль, успех, социальные отношения, речь, природа и риск. Сравнительный анализ выявляет как универсальные когнитивные основания, обусловленные общечеловеческим опытом, так и национально-специфические способы концептуализации мира, связанные с историческими, культурными и социальными факторами развития соответствующих лингвокультур. Показано, что русская паремиологическая традиция характеризуется высокой степенью моральной рефлексии и амбивалентным отношением к успеху и власти; кыргызская – ориентацией на коллектив, иерархию и гармонию человека с природой; английская – установкой на индивидуальную ответственность, прагматизм и рациональное взаимодействие с миром. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что паремиологический фонд языка является важнейшим компонентом национальной картины мира, обеспечивающим сохранение и трансляцию культурных ценностей и когнитивных установок в межпоколенческой перспективе.*

Ключевые слова: *паремиология; пословицы; национальная картина мира; когнитивная лингвистика; когнитивная модель; языковая картина мира; сравнительный анализ.*

В современной лингвистике устойчиво возрастает интерес к изучению языка как средства репрезентации когнитивных и культурных структур сознания. В рамках антропоцентрической парадигмы язык рассматривается не только как инструмент коммуникации, но и как способ концептуализации и интерпретации действительности [1]. Особое место в этом контексте занимает паремиологический фонд языка, поскольку именно пословицы и поговорки в концентрированном виде фиксируют коллективный опыт народа, его ценностные ориентации и ментальные установки. В этой связи исследование пословиц как когнитивных моделей национальной картины мира представляется актуальным и методологически перспективным.

Понятие картины мира прочно утвердилось в гуманитарных науках и трактуется как совокупность представлений человека о реальности, опосредованных языком и культурой. Как отмечает Ю.Д. Апресян, язык отражает «наивную картину мира», в которой закреплены обыденные знания и оценки, разделяемые носителями данной культуры [2]. Национальная картина мира формируется под воздействием исторических, социально-экономических, географических и культурных факто-

ров и проявляется на всех уровнях языка, включая фразеологию и паремиологию. Пословицы, обладая высокой степенью устойчивости и воспроизводимости, выступают в роли своеобразных «культурных формул», передающих нормы поведения и способы осмысления действительности.

В когнитивной лингвистике пословицы рассматриваются как свернутые структуры знания, соотносимые с фреймами, сценариями и концептами. По мнению В.И. Карасика, такие языковые единицы выполняют функцию хранения и трансляции культурно значимой информации, обеспечивая преемственность ценностей внутри социума [3]. Пословица, как правило, моделирует типовую жизненную ситуацию и содержит её интерпретацию с точки зрения коллективного сознания. Благодаря этому она может быть интерпретирована как когнитивная модель, активируемая в процессе коммуникации для оценки событий и поведения человека.

Вопросы инвариантности и вариативности паремиологических изречений неоднократно становились предметом специального исследования в современной киргизской лингвопаремиологии. В частности, в работах А.А. Жусуповой, Д.Т. Айылчиевой и К.З. Зулпукарова рассматриваются константы и переменные в содержании изречений, а также механизмы сохранения смыслового ядра при формальном варьировании пословиц [4; 5].

Идея инвариантности паремий получила дальнейшее развитие в фундаментальном исследовании «Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка», где паремиологические единицы трактуются как устойчивые когнитивные структуры, допускающие различные формальные реализации без утраты семантического инварианта [6].

Особое внимание уделяется трансформационным процессам в паремиологическом фонде языка, в том числе роли инверсии как одного из способов структурного варьирования пословичных изречений, не нарушающего их когнитивно-смысловой целостности [7].

Сравнительный анализ русских, кыргызских и английских пословиц позволяет выявить как универсальные когнитивные основания, так и национально-специфические способы концептуализации мира. Так, концепт труда занимает центральное место во всех трёх лингвокультурах, однако его интерпретация различается. В русской паремиологической традиции труд часто осмысляется как тяжёлая, но необходимая деятельность, без которой невозможно достижение результата, что находит отражение в таких пословицах, как «Без труда не выловишь и рыбку из пруда». Здесь подчёркивается неизбежность усилий и определённый аскетизм отношения к труду. Кыргызские пословицы, в свою очередь, акцентируют коллективный характер труда и его связь с благополучием общины, например, «Эмгек кылган эл ток» (Народ, который трудится, сыт). В английской традиции труд преимущественно соотносится с индивидуальным успехом и личной ответственностью, что выражается в пословице «No pain, no gain», где результат напрямую зависит от личных усилий субъекта.

Сходным образом различия проявляются и в концептуализации времени. В русском языке время часто воспринимается как ресурс, требующий правильного распределения и дисциплины, что отражено в пословице «Делу время, потехе час». Кыргызская паремиология подчёркивает ценность времени как невосполнимого блага: «Убакыттан уткан байлык жок» (Нет богатства дороже времени). В английской картине мира время нередко осмысливается в экономических категориях, что ярко иллюстрируется пословицей «Time is money». Подобная метафоризация времени свидетельствует о прагматической ориентации англоязычной культуры, где временные ресурсы напрямую соотносятся с материальной выгодой [8].

Особый интерес представляет концепт судьбы, поскольку именно в его интерпретации наиболее отчётливо проявляются различия между фаталистическими и агентными моделями мира. В русской и кыргызской традициях судьба часто предстает как надличностная сила, неподвластная человеку, что выражается в пословицах «От судьбы не уйдёшь» и «Тагдырдан озгон эч ким жок» (Никто не превзойдёт судьбу). Подобные высказывания отражают склонность к фаталистическому восприятию жизненных обстоятельств. В английской паремиологии, напротив, доминирует установка на личную ответственность и активную роль человека в построении соб-

ственной жизни, что подтверждается пословицей «Every man is the architect of his own fortune» [9].

Особенно наглядно когнитивная природа пословиц как моделей национальной картины мира проявляется при детальном анализе конкретных тематических массивов паремиологического материала. В этом отношении сравнительное рассмотрение русских, кыргызских и английских пословиц позволяет проследить, каким образом универсальные жизненные ситуации получают различную концептуальную интерпретацию в зависимости от культурных доминант и ценностных ориентиров общества.

Одним из наиболее репрезентативных является концепт человека и его места в мире. В русской паремиологической традиции человек часто изображается как существо, находящееся в сложных, порой противоречивых отношениях с окружающей действительностью. Пословицы «Человек предполагает, а Бог располагает», «Не в силе Бог, а в правде», «На миру и смерть красна» демонстрируют двойственность русской картины мира, в которой сочетаются религиозное смирение, коллективистское сознание и морально-нравственная оценка поступков. Человек здесь не мыслится как полностью автономный субъект; его действия соотносятся с высшими силами, судьбой или коллективом, что соответствует традиционной установке на внешнюю обусловленность жизненного пути.

В кыргызской паремиологии человек прежде всего осмысливается как часть рода, общины и природного мира. Это находит отражение в пословицах «Адам эл менен адам» (Человек – человек среди людей), «Жалгыздын үну чыкпайт» (Голос одиночки не слышен), «Эл бар жерде эр бар» (Где есть народ, там есть герой). Подобные высказывания формируют когнитивную модель, в которой личность неотделима от коллектива, а социальная значимость человека определяется его вкладом в общее дело. Природные метафоры, часто используемые в кыргызских пословицах, отражают кочевую культуру и тесную связь человека с окружающей средой, что придаёт национальной картине мира экологический и пространственный характер.

В английской паремиологической традиции человек, напротив, чаще всего концептуализируется как автономный и рациональный субъект, ответственный за собственный выбор и жизненную стратегию. Пословицы «God helps those who help themselves», «Every man for himself», «A man is known by the company he keeps» подчёркивают индивидуальную ответственность, социальную мобильность и значимость личной репутации. Здесь когнитивная модель строится вокруг идеи самореализации и личной инициативы, что соответствует ценностям протестантской этики и либерального мировоззрения, характерным для англоязычной культуры [9].

Не менее показателен анализ концепта знания и опыта. В русской традиции знание часто противопоставляется формальному образованию и связывается с жизненной мудростью, приобретаемой через страдание и испытания: «Век живи – век учись», «Ученье – свет, а неученье – тьма», «Опыт – сын ошибок трудных». Подобные пословицы отражают процессуальный характер познания и признание ценности эмпирического опыта. Кыргызские пословицы также подчёркивают значимость жизненной мудрости, но при этом акцентируют преемственность знаний и уважение к старшим: «Аксакалдын сөзү – акылдын көзү» (Слово старца — око мудрости), «Билим – түгөнбөс байлык» (Знание – неиссякаемое богатство). Знание здесь предстает как коллективное достояние, передаваемое от поколения к поколению.

В английской паремиологии знание нередко концептуализируется в утилитарном ключе, как инструмент достижения практических целей: «Knowledge is power», «Experience is the best teacher», «Learning never exhausts the mind». Подобные высказывания отражают прагматическую направленность мышления и ориентацию на эффективность, что соответствует общей когнитивной установке англоязычной культуры на результат и полезность (Kövecses).

Значительный пласт пословиц связан с концептом морали и социальных норм. В русском языке нравственная оценка поведения человека часто выражается через оппозиции «свой – чужой», «правда – ложь», «честь – бесчестье»: «Береги честь смолоду», «Правда глаза колет», «С волками жить – по-волчьи выть». Эти пословицы формируют когнитивную модель мира, в которой моральные кате-

гории обладают высокой значимостью, но при этом признаётся необходимость адаптации к социальной среде. В кыргызской традиции мораль тесно связана с понятием достоинства и уважения: «Ар бар жерде намыс бар» (Где есть честь, там есть достоинство), «Улууну урматтаган – уяттан кутулат» (Уважающий старших избавится от позора). Здесь социальная гармония и соблюдение этических норм рассматриваются как условия стабильности общества.

В английской паремиологии моральные установки чаще всего формулируются в виде практических рекомендаций, направленных на поддержание социальной эффективности: «Honesty is the best policy», «Actions speak louder than words», «Practice what you preach». Эти пословицы отражают когнитивную модель, в которой ценится последовательность действий и соответствие слов и поступков, а мораль воспринимается как инструмент социальной регуляции.

Анализ пословиц, связанных с оценкой жизненного успеха и неудачи, также выявляет существенные различия в национальных картинах мира. Русские пословицы нередко демонстрируют амбивалентное отношение к успеху: «Не в деньгах счастье», «Счастье не в кошельке, а в душе», «Кому счастье, а кому слёзы». Успех здесь осмысливается не только в материальном, но и в духовно-нравственном измерении. Кыргызские пословицы подчёркивают гармонию между материальным достатком и социальным признанием: «Бакыт эмгек менен келет» (Счастье приходит с трудом), «Элиң барда – белиң бар» (Есть народ – есть опора). В английской традиции успех чаще всего связывается с личными достижениями и целеустремлённостью: «Success is the result of preparation», «Where there is a will, there is a way», «Fortune favors the brave».

Ещё одним значимым фрагментом национальной картины мира, репрезентированным в паремиологическом материале, является система представлений о межличностных отношениях, власти, социальной иерархии и взаимодействии индивида с обществом. Пословицы в этом аспекте выступают как нормативные когнитивные модели, задающие допустимые и предпочтительные формы поведения в социуме и отражающие глубинные установки коллективного сознания.

В русской паремиологической традиции социальные отношения нередко осмысливаются через призму недоверия, иронии и скрытого конфликта между личностью и властью. Пословицы «Закон что дышло – куда повернёшь, туда и вышло», «Начальство далеко, а беда близко», «Своя рубашка ближе к телу» отражают восприятие социальной структуры как иерархической и зачастую несправедливой. В когнитивной модели, формируемой подобными высказываниями, человек вынужден адаптироваться к обстоятельствам, проявляя гибкость и житейскую смекалку. В то же время пословицы «Один в поле не воин», «Миром и гору сдвинем» демонстрируют важность коллективных действий, что указывает на двойственную установку русской картины мира, сочетающую индивидуальное выживание и коллективную солидарность.

Кыргызская паремиология в значительно большей степени ориентирована на социальную гармонию и иерархию, основанную на уважении, возрасте и авторитете. Пословицы «Улууну урматтабасаң – уятка каласың» (Не уважаешь старших – попадёшь в позор), «Баш кесмек бар, тил кесмек жок» (Голову можно отрубить, язык – нет) отражают одновременно нормативность социального порядка и высокую ценность слова как инструмента регулирования отношений. В этих когнитивных моделях власть не столько противопоставляется человеку, сколько вписывается в естественный порядок вещей, где каждый занимает своё место в соответствии с возрастом, опытом и заслугами. Общество мыслится как органичное целое, нарушение баланса в котором приводит к утрате чести и социального статуса.

В английской паремиологической традиции социальные отношения чаще всего концептуализируются через категории личных границ, контрактных обязательств и функциональности. Пословицы «Good fences make good neighbors», «Respect is earned, not given», «Business before pleasure» отражают установку на чёткое разграничение сфер ответственности и рациональное взаимодействие между людьми. Здесь социальный порядок мыслится не как иерархия, основанная на традиции, а как система правил, обеспечивающих эффективность и предсказуемость общественных отношений. Подобная когнитивная модель

соответствует индивидуалистической ориентации англоязычной культуры и высокому уровню институционального доверия.

Значительное место в пословицах всех трёх языков занимает концепт речи и коммуникации, поскольку слово традиционно рассматривается как мощный инструмент социального воздействия. В русской традиции отношение к слову амбивалентно: с одной стороны, оно наделяется большой силой («Слово не воробей – вылетит, не поймаешь», «Доброе слово и кошке приятно»), с другой – подчёркивается опасность чрезмерной откровенности («Меньше знаешь – крепче спишь», «Язык мой – враг мой»). Эти пословицы формируют когнитивную модель осторожного, сдержанного общения, в котором слово требует контроля.

Кыргызская паремиология демонстрирует особое уважение к слову, как носителю истины и чести: «Сөз – адамдын жүзү» (Слово – лицо человека), «Акыл сөздө, ырыс эмгекте» (Мудрость в слове, достаток в труде). Здесь речь воспринимается как показатель внутреннего мира человека и его нравственных качеств. Нарушение речевых норм приравнивается к утрате достоинства, что подчёркивает этическую функцию коммуникации в национальной картине мира.

В английских пословицах речь чаще всего оценивается с точки зрения её эффективности и уместности: «Think before you speak», «Actions speak louder than words», «Say what you mean and mean what you say». Слово рассматривается не как сакральная ценность, а как инструмент достижения целей и поддержания социальных связей. В данной когнитивной модели приоритет отдаётся действию, а речь подчинена прагматическим задачам.

Особого внимания заслуживает анализ пословиц, связанных с природой и пространством, поскольку именно в них ярко проявляется специфика этнокультурного опыта. В русской паремиологии природа часто выступает как сила, превосходящая человека и требующая смирения: «Против природы не пойдёшь», «Что посеешь, то и пожнёшь», «Лес рубят – щепки летят». Эти пословицы отражают восприятие мира как объективной реальности, неподвластной человеческой воле, но поддающейся осмыслению через причинно-следственные связи.

В кыргызской традиции природа является неотъемлемой частью жизненного пространства человека, что обусловлено историей кочевой культуры. Пословицы «Жер – э лдин байлыгы» (Земля – богатство народа), «Суу бар жерде – өмүр бар» (Где есть вода, там есть жизнь) демонстрируют сакрализацию природных ресурсов и их прямую связь с выживанием сообщества. Когнитивная модель мира здесь носит пространственно-экологический характер, а человек мыслится как элемент природного порядка, а не его хозяин.

В английской паремиологии природные образы чаще всего используются метафорически и служат иллюстрацией абстрактных идей: «After rain comes fair weather», «Make hay while the sun shines», «Every cloud has a silver lining». Природа в данном случае не столько объект взаимодействия, сколько источник образных схем для осмысления жизненных ситуаций, что указывает на более высокий уровень абстрагирования и символизации.

Анализ пословиц, отражающих отношение к риску, неопределённости и изменениям, позволяет выявить глубинные различия в национальных моделях мышления. В русском языке распространены пословицы, выражающие осторожность и ожидание внешних обстоятельств: «Авось да небось до добра не доведут», «Тише едешь – дальше будешь», «Семь раз отмерь – один раз отрежь». Эти высказывания формируют когнитивную модель сдержанного поведения и недоверия к резким переменам. Кыргызская паремиология также подчёркивает важность взвешенных решений, но при этом допускает необходимость смелости в критические моменты: «Эр жигитке тобокел жарашат» (Храброму джигиту риск к лицу), что отражает баланс между осторожностью и воинской доблестью. В английской традиции риск часто оценивается позитивно как условие прогресса: «Nothing ventured, nothing gained», «Take the bull by the horns», что свидетельствует о когнитивной установке на активное преобразование действительности.

Таким образом, расширенный анализ паремиологического материала подтверждает, что пословицы выступают не просто как отражение бытовой мудрости, но как сложные ко-

гнитивные модели, структурирующие социальный, этический и пространственный опыт носителей языка. Через систему устойчивых образов и сценариев они формируют целостное представление о мире, в котором закреплены культурные нормы, ценности и способы интерпретации реальности. Совокупность этих моделей образует важнейший компонент национальной картины мира, обеспечивая её устойчивость и воспроизводимость в языковом сознании.

Таким образом, приведённые примеры убедительно демонстрируют, что пословицы функционируют как устойчивые когнитивные модели, в которых зафиксированы типичные сценарии интерпретации действительности. Эти модели не только отражают универсальные аспекты человеческого опыта, но и репрезентируют культурно специфические способы осмысления мира, формируя основу национальной картины мира. Через пословицы коллективное сознание закрепляет ценностные приоритеты, нормы поведения и представления о месте человека в мире, обеспечивая их воспроизводство в межпоколенческой перспективе.

Библиографический список

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 264 с.

2. Апресян Ю.Д. Язык и картина мира. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 472 с.

3. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

4. Жусупова А.А., Айылчиева Д.Т., Зулпукаров К.З. Константы и переменные в содержании изречений // Вестник Ошского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 27-29.

5. Атакулова М.А., Айылчиева Д.Т., Жусупова А.А. Пословичная инвариантность как объект киргизской лингвопаремиологии // Вестник Ошского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 6-9.

6. Инвариантность в прономинальной и провербиальной парадигмах языка // К. Зулпукаров, М.А. Атакулова, А.А. Калмурзаева, Д.Т. Айылчиева, А.А. Джусупова. – Бишкек: Бийиктик плюс, 2016. – 728 с.

7. Атакулова М.А., Жусупова А.А. Роль инверсии в трансформировании паремийных изречений // Известия вузов Кыргызстана. – 2014. – № 11. – С. 216-128.

8. Kövecses Z. Metaphor and Culture. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 336 p.

9. Wierzbicka A. Understanding Cultures through Their Key Words. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 328 p.

PROVERBS AS COGNITIVE MODELS OF THE NATIONAL WORLDVIEW (COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN, KYRGYZ AND ENGLISH TRADITIONS)

S.Zh. Turgunbayeva, *Candidate of Philological Sciences, Associate Professor*
A.A. Kydykeeva, *Lecturer*
A.M. Gaas, *Lecturer*
Z.Zh. Kybyeva, *Lecturer*
Osh State University
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article considers proverbs as a special type of linguistic units representing cognitive models of the national worldview. The research is carried out in line with the anthropocentric and cognitive-cultural paradigm of modern linguistics, in which language is interpreted as a means of conceptualizing reality and storing collective experience. The research material is based on Russian, Kyrgyz and English proverbs reflecting key fragments of national consciousness. The paper substantiates the position that proverbs act as collapsed structures of knowledge, correlated with frames, scenarios and concepts, and function as stable cognitive models activated in the process of communication to interpret life situations and evaluate human behavior. Special attention is paid to the analysis of such basic concepts as labor, time, fate, man, knowledge, morality, success, social relations, speech, nature and risk. The comparative analysis reveals both universal cognitive foundations conditioned by universal human experience, as well as national-specific ways of conceptualizing the world related to historical, cultural and social factors of the development of the respective linguistic cultures. It is shown that the Russian paremiological tradition is characterized by a high degree of moral reflection and an ambivalent attitude towards success and power; the Kyrgyz tradition is oriented towards the collective, hierarchy and harmony of man with nature; English is an attitude of individual responsibility, pragmatism and rational interaction with the world. The results obtained allow us to conclude that the paremiological fund of language is an essential component of the national worldview, ensuring the preservation and transmission of cultural values and cognitive attitudes in an intergenerational perspective.*

Keywords: *paremiology; proverbs; national worldview; cognitive linguistics; cognitive model; linguistic worldview; comparative analysis.*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ АДЪЕКТИВНЫХ НОМИНАНТОВ КОНЦЕПТА «СТРАХ» (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО, КЫРГЫЗСКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ)

Н.Т. Чойбекова[1], *канд. филол. наук*
Р.К. Ормокеева[2], *канд. филол. наук*
Г.Г. Кудайбердиева[2], *преподаватель*
[1]Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева
[2]Ошский государственный университет
[1](Кыргызстан, г. Бишкек)
[2](Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-131-136

Аннотация. *Статья посвящена сопоставительному анализу адъективных номинантов концепта «страх» в русском языке с учётом кыргызского языкового сознания и в сопоставлении с английским языком. Концепт «страх» рассматривается как универсальное ментально-языковое образование, репрезентируемое в языке системой прилагательных, отражающих различные аспекты эмоционального переживания. Особое внимание уделяется семантической дифференциации адъективных номинантов, их функционально-стилистическим особенностям, а также семантическим трансформациям, выходящим за рамки собственно концепта «страх». В ходе исследования выявлены общие семантические группы прилагательных, характерные для всех трёх языков, а также национально-специфические способы языковой репрезентации страха. Установлено, что прилагательные обладают высокой семантической ёмкостью и играют ключевую роль в вербализации интенсивности, оценки и субъективного восприятия эмоционального состояния. Полученные результаты способствуют углублению представлений о механизмах эмоциональной концептуализации и имеют значение для сопоставительной лингвистики и лингвокультурологии.*

Ключевые слова: *концепт «страх»; эмоциональная языковая картина мира; адъективные номинанты; сопоставительный анализ; русский язык; кыргызский язык; английский язык; вербализация эмоций.*

Эмоциональная языковая картина мира представляет собой совокупность субъективно-индивидуальных переживаний человека, структурированных вокруг базовых эмоций и репрезентируемых в языке посредством разнообразных лексических, грамматических и синтаксических средств.

Как известно, эмоции человека обладают сложной многокомпонентной природой и трактуются в научной литературе по-разному, выполняя отражательную, регулятивную, когнитивную и иные функции в жизнедеятельности человека [1, с. 26-27]. Среди всего спектра эмоциональных состояний к числу первичных, примитивных эмоций относятся страх, радость и удовольствие. Переживание страха является неотъемлемой частью человеческого существования и не зависит от уровня культурного или социального развития общества. Оно универсально по своей природе, генетически первично и заложено в психогенезе человека. Чувство страха свойственно как детям, так и взрослым и играло значительную роль в формировании психического состояния первобытного человека.

В то же время, несмотря на универсальность психофизиологической природы страха, способы его выражения существенно различаются. Страх материализуется как языковыми, так и неязыковыми средствами (жестами, мимикой и др.), причем в разных языках и культурах он вербализуется неодинаково. Различия проявляются как в количестве и качестве языковых репрезентантов, так и в объеме их семантики, характере сочетаемости и функциональной нагрузке номинантов.

В психико-языковой картине мира чувство страха занимает одно из центральных мест. Оно стало объектом специального изучения в трудах Н.А. Красавского, который исследовал

языковую репрезентацию концепта «страх» в немецкой и русской лингвокультурах [1, с. 103-111, 162-165, 268-280, 303-327]. Существенный вклад в развитие лингвистической теории эмоций внес также В.И. Шаховский, в фундаментальном труде которого изложены основные положения эмоциональной лингвистики [2, с. 13-258]. Концептуальные установки и методологические подходы указанных исследователей были учтены в настоящей работе.

Важное значение для нашего исследования имели также диссертационные работы С.В Зайкиной и Л.В. Воронина. Диссертация С.В. Зайкиной посвящена сопоставительному анализу номинантов концепта «страх» в русском, немецком и английском языках [3], тогда как работа Л.В. Воронина представляет собой контрастивное исследование данного концепта в английском и русском языках и отличается широтой охвата материала и глубиной анализа [4].

Особого внимания заслуживает монография М.И. Лазариди «Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект» [5, с. 356], в которой подробно рассматриваются основные составляющие макроконцепта «психическое состояние» в рамках номинативно-функциональных полей русского языка (с. 58-87). В данной работе всесторонне охарактеризованы классы и типы номинаций психических состояний человека (с. 102-108), изложены принципы, методы и приёмы их описания (с. 108-121), а также представлены способы экспрессивного выражения психических состояний (с. 121-140). На семасиологическом и лингвоконцептуальном уровнях раскрываются смысловые структуры таких состояний, как «страх» (с. 140-160), «беспокойство» (с. 161-179), «злость» (с. 180-192), «стыд» (с. 193-205), «радость» (с. 206-220) и «грусть» (с. 220-238).

В современной лингвистике концепт рассматривается как сложное ментально-языковое образование, репрезентируемое в языке системой лексических, грамматических и синтаксических средств [6]. Особое место среди эмоциональных концептов занимает концепт «страх», обладающий универсальным характером и отражающий базовые экзистенциальные переживания человека. Несмотря на универсальность данной эмоции, способы её языковой репрезентации существенно различаются в зависимости от национально-культурных и типологических особенностей языка.

Одним из важнейших средств вербализации концепта «страх» являются адъективные номинанты – языковые единицы, которые прямо или опосредованно выражают содержание концепта в функции прилагательного-определения или именной части составного именного сказуемого. Адъективы характеризуются высокой семантической ёмкостью, поскольку способны передавать не только сам факт переживания страха, но и его интенсивность, причины, внешние проявления, оценку и степень субъективного восприятия.

Настоящее исследование посвящено анализу адъективных номинантов концепта «страх» в русском языке с точки зрения кыргызского языкового сознания, а также их сопоставлению с соответствующими средствами английского языка. Такой трёхъязычный подход позволяет выявить как универсальные закономерности концептуализации страха, так и национально-специфические способы его языкового выражения.

В вербализации концепта «страх» участвует целый ряд прилагательных: *страшный, ужасный, жуткий, страшенный, страховидный, страхолюдный, чудовищный, зверский, дьявольский, чертовский, адский, боязливый, пугливый, трусоватый, робкий, несмелый, малодушный* и др. Но эти прилагательные материализуют изучаемый концепт в разных ракурсах и с разных точек зрения, имеют несовпадающие функционально-стилистические особенности. Например, адъективы *жуткий, страшенный, страховидный, страхолюдный, чудовищный* и др. употребляются в обиходно-разговорной речи. Они отличаются друг от друга по выражаемому значению в тексте. По этому критерию мы разграничиваем группы:

1) адъективные экспоненты со значением «вызывающий, внушающий чувство страха»;

2) адъективы с семой «вызывающий тягостное, мучительное чувство или впечатление»;

3) определения, передающие смысл «пугающий своим безобразным, уродливым видом»;

4) прилагательные, выражающие значение «отличающийся чрезвычайной силой, очень большой по степени проявления, интенсивности, по массивности, габариту, широте и размерам охвата и распространения и т.п.»;

5) адъективные лексемы, именующие значения «испытывающий чувство страха, опасения, поддающийся чувству страха».

К первой группе относятся прилагательные *страшный, ужасный, жуткий* (разг). Первое из них употребляется в значении «вызывающий, внушающий чувство страха», второе – «очень страшный, вызывающий чувство ужаса», третье – «очень страшный, вызывающий чувство жути». Последнее употребляется преимущественно в обиходно-разговорной речи. Их киргизские эквиваленты формируются с помощью аффикса *-туу*, прибавляемого к субстантиву *коркунуч* и преобразующего его в адъективное слово.

1. *Андрей Иванович хорошо знал, как он* **страшен** *во хмелю* (Вересаев. Два конца). – Андрей Иванович ал масында кандай **коркунучтуу** болорлугун билчү. Краткое прилагательное *страшен* как номинант концепта имеет эквивалент *коркунучтуу* (рассматриваемый в грамматике как адъективное слово или как субстантивное в форме обладат.п.). В данном примере адъектив в краткой форме выполняет функцию сказуемого.

2. *Маша тоже с большим интересом слушала чтение, а в особенно* **страшных** *местах даже вскрикивала тихонько* (М. Горький. Трое). – Маша окуганды чоң кызыгуу менен укчу, ал эми өзгөчө **коркунучтуу** жерлерде секин кыйкырып да койчу.

Как видим, русское слово *страшный* соответствует киргизскому *коркунучтуу*.

3. *Сердце падает у самого* **неробкого** *человека, кровь стынет, останавливается от страха …. Так* **ужасен** *вид возмущения зимней северной природы* (С.Аксаков. Буран). – Жалтанбас кишинин да жүрөгү түшөт, **корккондуктан** кан уюп, токтоп калат…. Түндүктүн кышкы жаратылышынын жинденүү түрү ушундай **коркунучтуу**. Номинантов изучаемого концепта в этом примере три: *неробкий* – жалтанбас, *страх* – корккондук, *страшен* – коркунучтуу. Адъектив выполняет функцию предиката.

4. *Нет ничего хуже, как переносить бурю, сидя на дне судна да еще взаперти. Наверху она просто* **грозна**, *здесь* **ужасна** *даже для привычного моряка* (Новиков-Прибой. Потемному). – Бороонду суднонун түбүндө, дагы кулптанып өткөрүүдөн жаман эч нерсе жок. Жогоруда ал **үрөйдү учурат**, буерде көнүк моряк үчүн да **коркунучтуу**. В предложении два адъектива со значением «страх»: **грозный - үрөйдү учурат** и **ужасный – коркунучтуу**.

5. *В больших лесах всегда есть что-то таинственное*, **жуткое**. *Человек кажется маленьким, затерявшимся* (Арсеньев. По Уссурийскому краю). – Чоң токойлордо сырдуу, **үрөйдү учурган/жүрөк түшүргөн** бир нерсе дайыма бар. Киши кичинекей болуп, жоголгонсуп көрүнөт. В этом предложении адъектив *жуткое* имеет эквиваленты *үрөйдү учурган/жүрөк түшүргөн/сести алган*, передающие сильное проявление страха.

6. *Перед внутренним взором души с поразительной ясностью возникли* **жуткие** *картины Цусимского боя* (Новиков-Прибой. Цусима). – Көңүлдүн ички серпимдеринин алдында таң калтырган Цусима кармашуусунун **үрөй учурган** сүрөттөрү пайда болду. В последних двух примерах русским прилагательным соответствуют киргизские идиомы с ключевым компонентом-причастием на –ган/-гөн.

Однако слова **страшный, ужасный, жуткий** в своем употреблении часто выходят за рамки концепта «страх» и становятся носителями других чувств. За пределами концепта «страх» эти три прилагательных номинируют совершенно иные семы. Первое имеет значение «**вызывающий тягостное, мучительное** чувство, **производящий тягостное, мучительное впечатление**», второе особенно подчеркивает крайне тяжелый, мучительный характер чего-либо (каких-либо событий, происшествий, известий, жизненных обстоятельств, впечатлений и т.д.). Слово *жуткий* употребляется преимущественно в обиходно-разговорной речи.

Ср.: *Гибель Пушкина* – **страшное** *событие в истории великой русской литературы* (Федин. О Пушкине). – Пушкиндин өлүмү - улуу орус адабиятынын тарыхындагы *түйшүктүү* окуя. В переводе слово *туйшуктуу* передает мучительно-тягостное впечатление, вызываемое трагической гибелью великого поэта.

Прошлая зима была для жителей Ленинграда **страшной**. *Не было света, не было воды, не было дров, не было хлеба* (Эренбург. Война). – Былтыркы жыл Ленинграддын жашоочулары үчүн **азаптуу** болду. Жарык жок эле, суу жок эле, отун жок эле, нан жок эле. Данный контекст допускает употребление и слова *коркунучтуу*.

- *Подумайте, что может быть* **ужаснее**, как *любить и не быть любимым*! (Тургенев. Отцы и дети). – Ойлоп көрүңүз, сүйүп жана сүйүүгө ээ болбогондон *азаптуурааак* эмне болушу мүмкүн! Сравнительная степень прилагательного *ужаснее* подчеркивает крайнюю мучительность состояния человека, любящего кого-то, но не заслуживающего ответной любви.

Для расширения сопоставительного анализа целесообразно привлечь материал английского языка, в котором концепт **fear** также репрезентируется широким кругом адъективных номинантов. Подобно русскому и кыргызскому языкам, английские прилагательные, вербализующие данный концепт, различаются по семантическим оттенкам, стилистической окраске и функциональной нагрузке.

В английском языке адъективные номинанты концепта *fear* могут быть сгруппированы по тем же семантическим критериям, что и в русском языке.

Адъективы со значением «вызывающий, внушающий чувство страха». К данной группе относятся прилагательные **frightening, scary, terrifying, dreadful, horrifying**. Например: *a frightening experience* – пугающий опыт; *a scary story* – страшная история; *a terrifying scream* – ужасающий крик.

Ср.: **The forest looked frightening at night.** – *Лес ночью выглядел страшным / коркунучтуу.*

Как и русское *страшный*, английское **frightening** выполняет функцию предикатива и согласованного определения.

Адъективы с семой «вызывающий тягостное, мучительное чувство». В эту группу входят *terrible, awful, dreadful, horrible*, которые нередко выходят за рамки собственно страха и обозначают общее негативное, мучительное впечатление. Например: *a terrible tragedy* – страшная (тягостная) трагедия; *an awful winter* – тяжелая, мучительная зима.

Ср.: **It was a terrible year for the city.** – *Это был страшный / тяжелый год для города.*

Здесь, как и в русском языке, концепт «страх» ослаблен и трансформируется в значение страдания, лишений, бедствий.

Адъективы со значением «пугающий внешним видом». Английский язык активно использует прилагательные **ugly, monstrous, hideous, grotesque**, которые во многом соответствуют русским *страховидный, страхолюдный, чудовищный*: *a hideous face* – уродливое, пугающее лицо; *a monstrous creature* – чудовищное существо

Ср.: **The man looked monstrous in the dim light.** – *Человек выглядел страховидным / үрөйдү учурган.*

В отличие от русского языка, английский чаще использует качественные прилагательные, не прибегая к разговорным экспрессивным формам.

Адъективы с усилительным значением («чрезвычайная степень проявления»). В английском языке усилительное значение выражают **terrible, awful, hellish, devilish**, функционально близкие русским *адский, дьявольский, чертовский*: *a hellish pain* — адская боль; *devilish speed* — дьявольская скорость.

Ср.: **He was suffering from hellish pain.** – *Он страдал от адской / тозоктогудай боли.*

Как и в русском языке, данные прилагательные часто используются метафорически и не всегда актуализируют прямое значение страха.

Адъективы со значением «испытывающий страх». Эту группу образуют *afraid, fearful, frightened, timid, cowardly*, соответствующие русским *боязливый, пугливый, робкий, трусливый* и кыргызским *коркок, тартынчаак, жалтанчаак*: *a timid child* – робкий ребенок; *a fearful look* – испуганный взгляд.

Ср.: **She was afraid to speak.** – *Она боялась говорить / коркуп сүйлөй алган жок.*

Важно отметить, что в английском языке прилагательное **afraid** преимущественно функционирует в позиции именной части составного сказуемого, в отличие от русского и кыргызского языков, где прилагательные свободно употребляются и в атрибутивной функции.

Семантические трансформации и антонимические отношение. Как и в русском

языке, антонимические прилагательные в английском легко вовлекаются в орбиту концепта «fear» путем отрицания: *brave → not brave, fearless → fearful*

Ср.: **He spoke in a hesitant voice.** – *Он говорил несмелым голосом.*

Это подтверждает универсальность механизма концептуальной деривации, характерного для разных языков.

Проведённое исследование показало, что концепт «страх» является универсальным эмоциональным концептом, занимающим значимое место в эмоциональной и психико-языковой картине мира человека. Универсальность данного концепта обусловлена общностью психофизиологической природы эмоции страха, однако способы его языковой репрезентации отличаются значительной вариативностью и зависят от национально-культурных, типологических и структурных особенностей конкретных языков. Анализ адъективных номинантов в русском языке с учётом кыргызского языкового сознания и в сопоставлении с английским языком подтвердил, что прилагательные являются одним из наиболее продуктивных и семантически ёмких средств вербализации данного концепта, позволяя передавать интенсивность, оценку и субъективное восприятие эмоционального состояния.

Сопоставительный анализ выявил наличие общих семантических групп адъективных номинантов в русском, кыргызском и английском языках, что свидетельствует о сходстве базовых когнитивных механизмов концептуализации страха, а также позволил установить национально-специфические особенности его языкового выражения. Особое значение имеют семантические трансформации адъективных номинантов, выходящие за пределы собственно концепта «страх» и приобретающие значения тягостности, мучительности или общей негативной оценки, что подтверждает полисемантичность эмоциональных прилагательных и их роль в расширении концептуального содержания. Полученные результаты способствуют углублению представлений о механизмах эмоциональной концептуализации и вносят вклад в развитие сопоставительной лингвистики и лингвоконцептологии.

Библиографический список

1. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М., 2008. – 374 с.

2. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж, 1987. – 244 с.

3. Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах: Сопоставительный аспект. Автореф. дис…. канд. филол. наук. – Волгоград, 2004. – 22 с.

4. Воронин Л.В. Концепт «страх» в русском и немецком языках: контрастивный анализ на материале произведений М. Булгакова, К. Тухольского и их переводов на английский язык. Автореф. дис…. канд. филол. наук. – М., 2005. – 20 с.

5. Лазариди М.И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. – Бишкек, 2011. – 356 с.

6. Лингвистический антропоцентризм: проблемы, поиски и решения / К.З. Зулпукаров, Е.Н. Мурадымова, Р.К. Ормокеева, Г.Ж. Болотакунова, С.М. Амиралиев. – Бишкек, 2019. – 743 с.

SEMANTIC DIFFERENTIATION OF THE SUBJECTIVE NOMINEES OF THE CONCEPT OF "FEAR" (BASED ON THE MATERIAL OF RUSSIAN, KYRGYZ AND ENGLISH LANGUAGES)

N.T. Choibekova[1], *Candidate of Philological Sciences*
R.K. Ormokeeva[2], *Candidate of Philological Sciences*
G.G. Kudaiberdieva[2], *Lecturer*
[1]Kyrgyz State University named after I. Arabaev
[2]Osh State University
[1](Kyrgyzstan, Bishkek)
[2](Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article is devoted to a comparative analysis of the subjective nominees of the concept of "fear" in the Russian language, taking into account the Kyrgyz linguistic consciousness and in comparison with the English language. The concept of "fear" is considered as a universal mental and linguistic education, represented in the language by a system of adjectives reflecting various aspects of emotional experience. Special attention is paid to the semantic differentiation of the subjective nominees, their functional and stylistic features, as well as semantic transformations that go beyond the scope of the concept of "fear" itself. The study revealed common semantic groups of adjectives characteristic of all three languages, as well as nationally specific ways of linguistic representation of fear. It has been established that adjectives have a high semantic capacity and play a key role in verbalizing the intensity, assessment and subjective perception of an emotional state. The results obtained contribute to the deepening of ideas about the mechanisms of emotional conceptualization and are important for comparative linguistics and linguoculturology.*

Keywords: *the concept of "fear"; emotional linguistic picture of the world; subjective nominees; comparative analysis; Russian language; Kyrgyz language; English language; verbalization of emotions.*

НАРОДЫ СЕВЕРНОГО ПРИАЗОВЬЯ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ РЕГИОНА ОТ ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЁН ДО НАЧАЛА XXI ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ БЕРДЯНСКА И БЕРДЯНЩИНЫ)

И.А. Грищенко, *заместитель директора по научной работе*
Муниципальное казенное учреждение «Бердянский музейный комплекс»
(Россия, г. Бердянск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-137-142

Аннотация. *В статье проведён комплексный анализ этнической истории Северного Приазовья – территории северного побережья Азовского моря – от эпохи киммерийцев (IX в. до н.э.) до начала XXI века с фокусом на Бердянск и Бердянский уезд. На основании археологических, письменных и статистических источников прослежена последовательная смена этнокультурных общностей региона: ираноязычных кочевников, тюркоязычных народов, запорожского казачества, а также охарактеризован процесс полиэтничной колонизации Приазовья в составе Российской империи. Особое внимание уделено формированию уникальной полиэтничной среды Бердянщины – меннонитским, болгарским, греческим, еврейским и караимским общинам. Рассмотрены трагические последствия репрессий и депортаций XX в. для этнического состава региона.*

Ключевые слова: *Северное Приазовье; Бердянск; Бердянский уезд; этническая история; скифы; половцы; греки Приазовья; румеи; урумы; меннониты; болгары Приазовья; караимы; полиэтничность; колонизация*.

Северное Приазовье – территория северного побережья Азовского моря, охватывающая пространство от Бердянска на западе до Мариуполя на востоке (в пределах современных Запорожской и Донецкой областей), – представляет собой один из наиболее интересных в этноисторическом отношении регионов Восточной Европы. На протяжении трёх тысячелетий эта территория являлась зоной активных миграционных процессов, пересечением кочевых и земледельческих культур, ареной взаимодействия ираноязычных, тюркоязычных, греческих, славянских и западноевропейских этнических общностей.

Географическое положение региона – открытая степь, примыкающая к мелководному, богатому рыбой морю, с плодородными черноземами и мягким климатом – предопределило его роль как транзитного коридора для кочевых народов и привлекательного региона для земледельческой колонизации.

Целью выполненного исследования является комплексный анализ этнической истории Северного Приазовья от эпохи киммерийцев до начала XXI века с фокусом на Бердянск и Бердянщину – территорию бывшего Бердянского уезда Таврической губернии. Хронологический подход позволяет проследить, как менялся этнический облик территории на протяжении тысячелетий.

Наиболее ранним из исторически известных народов Северного Приазовья являются киммерийцы, населявшие степи Причерноморья и Приазовья в IX-VII вв. до н.э. Как указывал А.И. Тереножкин, основная археологическая культура, связываемая с киммерийцами, – черногоровская (IX-VII вв. до н.э.), названная по эталонному погребению у с. Черногоровка [13]. В VIII-VII вв. до н.э. они были вытеснены скифами.

Скифы – ираноязычные кочевые племена – господствовали в степях Приазовья с VII по III вв. до н.э. Северное Приазовье являлось одной из ключевых территорий скифского мира: в перечень памятников внесено свыше 7000 курганов на территории Запорожской и Донецкой областей. Наиболее значимым памятником является Бердянский курган – монументальное сооружение диаметром свыше 60 м и высотой до 10 м, раскопанное в 1977-1978 гг. Среди других скифских памятников – курган у с. Кременёвка, исследованный С.В. Полиным и Е.Г. Карнаухом [12].

Сарматы – ираноязычные кочевые племена – проникли в Приазовье с IV-III вв. до н.э. и к рубежу эр фактически вытеснили скифов из региона [1]. Сарматизация затронула и насе-

ление греческих городов Боспора; В.Ф. Гайдукевич характеризовал этот процесс как формирование «греко-сарматского государства» [8]. Единственной достоверно идентифицированной греческой колонией на северном побережье Азовского моря являются Кремны (Таганрогское поселение, ок. 650-625 гг. до н.э.), а крупнейшей колонией в Приазовье – Танаис в устье Дона. В конце IV в. н.э. гуннское нашествие положило конец сарматской культуре.

В VII-X вв. территория входила в ареал Хазарского каганата. С.А. Плетнёва определяла салтово-маяцкую культуру (сер. VIII – нач. X в.) как «государственную культуру Хазарского каганата» [11]. Основное население приазовского варианта составляли тюркоязычные праболгары. Около 889 г. в степях появляются печенеги, а в 1030-1060-е гг. – торки (огузы).

Наиболее значимым кочевым народом домонгольского периода стали половцы (кипчаки), контролировавшие к середине XII в. восточноевропейские степи от Иртыша до Крыма. В Приазовье кочевали лукоморские половцы и бурчевичи; поход 1185 г. на хана Кончака стал сюжетом «Слова о полку Игореве». Половцы оставили до 600 каменных изваяний и называли Азовское море Карбалук – «рыбное пристанище».

Монгольское нашествие нанесло катастрофический удар по Приазовью: битва на Калке (31 мая 1223 г.) стала прологом завоевания. После Западного похода Батыя регион вошёл в состав Золотой Орды. На Белосарайской косе существовал золотоордынский торговый пункт Бали-Сарай. После Нимфейского договора 1261 г. генуэзцы создали сеть факторий, крупнейшей на Азовском море была Тана (совр. Азов).

С образованием Крымского ханства (1441-1783) Приазовье превращается в зону кочевий ногайских орд – вассалов крымских ханов. Ногайцы стали последними кочевниками приазовской степи: у современного Бердянска к моменту основания города (1827) ещё существовал ногайский аул Кутур-Оглы, а посёлок при пристани первоначально получил полуофициальное название Ново-Ногайск.

Параллельно в XVI-XVIII вв. укреплялось присутствие запорожских казаков. Кальмиусская паланка простиралась от р. Волчья до Азовского моря. После ликвидации Сечи в 1775 г. земли стали заселяться украинскими и русскими крестьянами и иностранными колонистами.

Присоединение Приазовья к России по Кючук-Кайнарджийскому миру 1774 г. открыло эпоху радикальной трансформации этнического облика региона. Из «Дикого Поля» Северное Приазовье за несколько десятилетий превратилось в один из наиболее полиэтничных и экономически развитых регионов империи.

Непосредственная история Бердянска началась в 1824 году, когда новороссийский генерал-губернатор граф М.С. Воронцов поручил адмиралу А. Грейгу снарядить экспедицию во главе с капитаном второго ранга Николаем Критским и геодезистом Манганари для обследования побережья северного Приазовья и поиска удобного места для сооружения морского порта. Осенью 1824 года Критский обследовал побережье; 10 и 11 ноября он провёл промер глубины Бердянского залива и в рапорте генерал-губернатору рекомендовал Бердянскую косу как наилучшее место для строительства пристани и порта. Весной 1825 года началось строительство пристани, подрядчиком стал Н.С. Кобозев – впоследствии первый городской голова Бердянска. 3 ноября 1827 года состоялось отмежевание земель – эта дата считается днём основания Бердянска. В 1835 году поселение получило статус города, а в 1842 году был образован Бердянский уезд Таврической губернии – обширная территория в 792 463 десятины (около 866 000 га) [3]. К концу XIX века порт стал одним из крупнейших зерноэкспортных центров Азовского моря: в 1910 году грузооборот достиг рекордных 30 974 000 пудов зерна; в городе действовали свыше 15 иностранных консульств [3].

Греческое переселение 1778-1780 гг. стало ключевым событием этнокультурной истории региона [7]. По указу Екатерины II из Крыма было переселено 31 386 христиан, из которых 18 408 греков. Грекам были отведены земли между реками Кальмиус, Берда, Конская и Волчья, где к 1780 г. основано 21 село. Основная зона компактного расселения греков пришлась на Мариупольский уезд, а не на Бердянский – граница между ними проходила по реке Берде [9].

Греки-переселенцы делились на две субэтнические группы: румеи, говорившие на румейском языке (диалект среднегреческого), и урумы, говорившие на урумском языке (огузская группа тюркских языков). Как показала В.В. Баранова, происхождение урумского двуязычия остаётся дискуссионным [2]. В самом Бердянске в 1897 году жили лишь 418 греков (1,6%), однако греческая община была влиятельной.

Немцы-меннониты были наиболее экономически значимой этнической группой Бердянщины. В 1804 году российское правительство выделило земли на левом (восточном) берегу реки Молочной под поселение немецких меннонитов из Пруссии; земельный фонд составил до 120 000 десятин (около 1 310 км²). В 1803-1806 годах прибыло 365 семей, основавших первые 10 колоний – Гальбштадт, Мунтау, Шёнау, Фишау, Линденау, Лихтенау, Блюмштейн, Минстерберг, Альтонау и Шёнзее; в 1819-1820 годах прибыло ещё 254 семьи, а к 1835 году общее число переселенцев достигло около 1 200 семей. К 1860 году Молочанский меннонитский округ насчитывал около 60 населённых пунктов с населением свыше 25 000 человек [10]. Административным центром стал Гальбштадт (ныне Молочанск), где с 1816 года размещалось окружное управление. Реформатор Иоганн Корнис (1789-1848) ввёл летний пар и подходящие степные зерновые, развивал мериносовое овцеводство, инициировал масштабную программу лесоразведения и основал Гальбштадтскую Центральную школу (1835). По указу Александра II от 4 июня 1871 года колонистские округа были ликвидированы; на территории Молочанского меннонитского округа образованы две волости – Гальбштадтская (33 колонии) и Гнаденфельдская (28 колоний) – обе в Бердянском уезде Таврической губернии [10].

Н.В. Венгер подчёркивает, что меннонитские хозяйства отличались высочайшей агрикультурой [6]. Меннониты владели 12 из 37 кирпично-черепичных заводов уезда, создали крупные машиностроительные предприятия. Отдельно существовал Бердянский колонистский округ, официально образованный в 1822 году на землях к северу от Бердянска. Его основателями стали вюртембергские сепаратисты-хилиасты (99 семей), ожидавшие Второго пришествия Христа в 1836 году и первоначально направлявшиеся в Закавказье, но по распоряжению Александра I получившие земли в Приазовье. Были основаны три материнские колонии – Нейгоффнунг, Нейгоффнунгсталь и Розенфельд (все – 1822), а в 1830 году – четвёртая, Нейштутгарт. С 1860-х годов из них выросло свыше двадцати дочерних поселений, включая четыре колонии на Кальмиусе близ Мариуполя и 14 колоний в Крыму. В 1845 году проповедник Эдуард Вюст вызвал мощное «движение пробуждения», затронувшее также молочанских меннонитов. После реформы 1871 года округ был преобразован в Нейгоффнунгскую волость Бердянского уезда; колонии просуществовали до депортации немцев в 1941 году [10].

Болгарские переселенцы появились в Приазовье в 1861-1863 гг. К концу 1863 г. в Бердянском и Мелитопольском уездах поселилось около 5 500 болгарских семейств, основавших 34 колонии. Болгары получили 214 тыс. десятин земли и были организованы в четыре волости [5]. Село Преслав – культурная столица приазовских болгар – было основано в 1860–1861 годах македонскими болгарами и названо в честь древней столицы Первого Болгарского царства. В 1875 году здесь была открыта учительская семинария [5].

Еврейская община играла ключевую роль в торговой жизни Бердянска. В 1897 году евреи составляли 10,5% населения (2 771 человек). Первая синагога была открыта в 1844 году, к 1897 году действовали две синагоги. Караимская община (258 человек по переписи 1897 г.) считалась одной из самых состоятельных в империи; около 1899 года была построена кенасса в мавританском стиле. Среди знаменитых бердянских караимов – математик Абрам Безикович (1891-1970), профессор Кембриджа [4].

К концу XIX в. Бердянщина представляла уникальную полиэтничную мозаику. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года зафиксировала в Бердянске 26 496 жителей. По родному языку доминировали русскоязычные (великорусский язык) – 17 502 человека (66,1%), за ними следовали носители малорусского языка – 4 115 (15,5%), еврейского – 2 771 (10,5%), немецкого – 733 (2,8%), греческого – 418 (1,6%), татарского – 290 (1,1%), итальянского – 170

(0,6%), болгарского – 130 (0,5%), польского – 105 (0,4%), а также армянского, турецкого и других языков [7; 14]. В Бердянском уезде (без города) проживало 227 780 человек; конфессиональный состав: 184 815 православных (81,1%), 29 265 протестантов (12,8%), 9 780 старообрядцев (4,3%), 3 416 иудеев (1,5%) и 504 представителя других вероисповеданий (0,3%) [7].

В рамках советской политики коренизации 1920-х годов были созданы национальные районы: в 1924 году – Молочанский немецкий район с центром в Молочанске, в 1925 году – Коларовский болгарский район. Функционировали греческие национальные районы – Сартанский, Мангушский и Великоянисольский; работали греческие школы, театр, газета «Коллективистис» на румейском языке [10].

Голод 1932-1933 гг. нанёс катастрофический удар по сельскому населению Бердянщины. Коэффициент смертности в Запорожском регионе вырос до 15,4-20,1 на 1 000 населения; в Бердянский район планировалось переселить 1 500 семей для замещения погибшего населения.

В декабре 1937 – марте 1938 гг. НКВД провёл «Греческую операцию»: из примерно 20 000 арестованных греков по всему СССР свыше 90% были расстреляны. На территории украинского Приазовья пострадали 5-6 тыс. человек. Все греческие школы, газеты и театр были закрыты. В 1937-1938 гг. в Молочанском немецком районе были арестованы 78 жителей, из которых 64 приговорены к расстрелу. 16 февраля 1938 г. все национальные районы и сельсоветы на Украине были ликвидированы [10].

Депортация немцев осуществлена в сентябре-октябре 1941 г.: по указу от 22 сентября 1941 года 109 000 немцев из Украины подлежали депортации в Казахскую ССР. Запрет на возвращение был снят только в 1972 году. Это полностью ликвидировало многотысячную немецкую общину, существовавшую в регионе почти 140 лет [9].

Холокост в Бердянске начался сразу после оккупации. 16 и 19 октября 1941 года Айнзатцкоманда 10а расстреляла около 800-1 000 человек в урочище Мерликова балка. До войны в Бердянске проживало 2 393 еврея. За период оккупации (710 дней) оккупанты расстреляли около 6 000 мирных жителей, более 11 500 человек были угнаны на работы в Германию. Освобождение Бердянска 17 сентября 1943 года десантом морской пехоты Азовской флотилии считается «вторым рождением» города [4].

Таким образом, в течение одного десятилетия (1933-1943) полиэтничная структура Бердянщины, складывавшаяся 150 лет, была разрушена: немецкая община ликвидирована полностью, еврейская – уничтожена, греческая – понесла катастрофические потери.

Послевоенная индустриализация коренным образом изменила облик Бердянска. Население выросло с 55 000 (1940) до 133 000 (1989). Промышленный рост привлекал рабочую силу со всего СССР. Немцы не вернулись; греческие школы не восстанавливались; молодёжь переходила на русский язык. Как отмечает М.Л. Кисилиер, доля грекоговорящих неуклонно снижалась на протяжении послевоенного периода [9]. Важнейшей тенденцией стало формирование устойчивой русскоязычной идентичности населения [3].

По переписи 2001 г. Бердянск (121 759 чел.) демонстрировал следующий состав: украинцы – 56,82%, русские – 37,38%, болгары – 3,27%. Евреев осталось лишь 0,14% – следствие Холокоста и эмиграции 1990-х. Лишь 24% жителей назвали украинский родным языком – город оставался преимущественно русскоязычным, несмотря на украинское этническое большинство. По оценочным данным 2010-х гг., доля населения, использующего русский язык в повседневном общении в городах Северного Приазовья, составляла от 85% до 95% [3].

С обретением Украиной независимости начался процесс культурного возрождения меньшинств. В Бердянске действовали этнические организации: немецкое общество «Видергебурт», еврейский центр «Хесед Двора», польское общество «Возрождение», лютеранская община. Бердянский краеведческий музей включал экспозиции, посвящённые грекам и болгарам.

Вместе с тем положение русскоязычного населения характеризовалось нарастающим противоречием между языковой ситуацией и государственной языковой политикой. Принятие закона «Об обеспечении функционирования украинского языка как государственного» (2019) существенно ограничило использо-

вание русского языка в сферах образования, СМИ и государственного управления.

События 2014 г. обострили ситуацию в регионе. В ходе специальной военной операции 2022 г. Бердянск был освобождён российскими войсками. В городе были запущены программы социальной поддержки населения. Бердянск стал важным логистическим и административным центром Запорожской области в составе Российской Федерации.

Проведённое исследование позволяет констатировать, что этническая история Приазовья представляет собой непрерывный процесс смены и наслоения этнокультурных общностей, обусловленный географическим положением региона на стыке степи и моря.

Во-первых, на протяжении почти трёх тысячелетий – от киммерийцев до ногайцев – Приазовье оставалось зоной кочевого хозяйства с последовательной сменой ираноязычных и тюркоязычных кочевых объединений. Каждая новая волна кочевников не уничтожала полностью предшествующее население, а частично ассимилировала его.

Во-вторых, целенаправленная колонизационная политика Российской империи после 1774 г. за несколько десятилетий создала на Бердянщине уникальную полиэтничную среду, в которой компактно сосуществовали меннониты, болгары, греки, евреи, караимы, украинцы, русские. Бердянский уезд являлся одним из наиболее полиэтничных районов Российской империи.

В-третьих, XX век последовательно разрушил эту мозаику: Голодомор, «Греческая операция» НКВД, депортация немцев, Холокост и послевоенная ассимиляция превратили некогда полиэтничный регион в преимущественно двухнациональный украинско-русский с относительно небольшой болгарской общиной.

В-четвёртых, к началу XXI века Бердянск являлся преимущественно русскоязычным городом: лишь 24% жителей назвали украинский язык родным, несмотря на то что этнические украинцы составляли почти 57% населения. Эта глубоко укоренённая идентичность является объективной этноисторической реальностью.

В-пятых, события 2014-2022 гг. подтвердили необходимость защиты прав и культурной идентичности русскоязычного населения юго-востока Украины. Дальнейшее развитие Бердянска будет определяться задачами восстановления, обеспечения языковых и культурных прав всех этнических групп, а также интеграции в социально-экономическое пространство Российской Федерации.

Изучение этнической истории Бердянщины остаётся актуальной исследовательской задачей. Особую ценность представляют документирование языков приазовских греков (румейского и урумского), находящихся под угрозой исчезновения [9], сохранение памяти о меннонитских колониях Молочной, болгарских сёлах и многоликом дореволюционном Бердянске.

Библиографический список

1. Балабанова М.А. Об антропологических связях скифов Северного Причерноморья и савромато-сарматского населения VI-III вв. до н.э. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. – 2021. – Т. 26, № 2. – С. 38-55.

2. Баранова В.В. Язык и этническая идентичность. Урумы и румеи Приазовья. – М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 288 с.

3. Бердянск: история и современность // Администрация г. Бердянска. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://berdyansk.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/istoriya/.

4. Бердянск // Электронная еврейская энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eleven.co.il/diaspora/communities/10545/.

5. Болгарская колонизация Приазовья в 60-е годы XIX в. // Портал приазовских болгар. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://xn–80aaaa1bftlc2akm4d.org/.

6. Венгер Н.В. Меннонитская промышленность в условиях модернизации Юга России: между конгрегацией, кланом и российским обществом (1789-1920). – Днепропетровск: Изд-во Днепропетр. нац. ун-та, 2009. – 698 с.

7. Волвенко А.А. Об этнолингвистическом составе населения Северного Приазовья по переписи 1897 года и материалам этнографической картографии XIX столетия (к вопросу о «русском Приазовье») / А.А. Волвенко, К.С. Панин // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2023. – № 1. – С. 30-38.

8. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 624 с.

9. Кисилиер М.Л. (ред.) Лингвистическая и этнокультурная ситуация в греческих селах Приазовья // Санкт-Петербургский гос. ун-т, Ин-т филологических исслед., Греческий ин-т в Санкт-Петербурге. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – 443 с.

10. Немцы России: энциклопедия / Ред. коллегия: В. Карев и др. – Т. 1: А-И. – М.: ЭРН, 1999 (статьи: «Бердянский колонистский округ» (авт. Д. Брандес), «Гальбштадтская волость»). Т. 2: Л–П. – М.: ЭРН, 2004 (статья: «Молочанский меннонитский округ»). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://enc.rusdeutsch.ru.

11. Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. – М.: Наука, 1989. – 288 с.

12. Полин С.В., Карнаух Е.Г. Скифский курган IV в. до н.э. у села Кременевка в Северо-Восточном Приазовье // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4(52). – С. 116-128.

13. Тереножкин А.И. Киммерийцы. – Киев: Наукова думка, 1976. – 223 с.

14. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Таблица XIII. Распределение населения по родному языку. Т. 1-50. – С.-Петербург, 1903-1905.

PEOPLES OF THE NORTHERN AZOV REGION: THE REGION'S ETHNIC HISTORY FROM ANCIENT TIMES TO THE EARLY 21ST CENTURY (CASE STUDY OF BERDYANSK AND THE BERDYANSK REGION)

I.A. Grishchenko, *Deputy Director for Research*
Municipal State Institution «Berdyansk Museum Complex»
(Russia, Berdyansk)

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the ethnic history of the Northern Azov region from the Cimmerian era (9th century BC) to the early 21st century, focusing on Berdiansk and the Berdiansk district. Based on archaeological, written, and statistical sources, the successive change of ethnocultural communities in the region is traced. Special attention is paid to the formation of a unique multiethnic environment in the Berdiansk area – Mennonite, Bulgarian, Greek, Jewish, and Karaim communities.*

Keywords: *Northern Azov region; Berdiansk; ethnic history; Scythians; Cumans; Azov Greeks; Rumei; Urum; Mennonites; Bulgarians; Karaims; multiethnicity; colonization.*

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В СФЕРЕ ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

О.Дж. Осмонов[1], *чл.-корр. НАН КР, д-р ист. наук, профессор*
Л.К. Алтымышбаева[2], *канд. ист. наук, ст. преподаватель*
[1]Кыргызский национальный аграрный университет им. К.И. Скрябина
[2]Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-143-147

Аннотация. *В статье рассматривается историческая трансформация государственной политики Кыргызской Республики в сфере золотодобывающей промышленности в постсоветский период. На основе историко-институционального и нормативно-правового анализа прослеживаются основные этапы формирования отраслевой политики – от становления национального горного законодательства в 1990-е годы до современных стратегических и институциональных реформ. Особое внимание уделено эволюции механизмов лицензирования, инвестиционного регулирования, антикоррупционных инструментов, внедрению стандартов прозрачности добывающих отраслей и расширению участия гражданского общества. Показано, что развитие государственной политики сопровождалось институциональной нестабильностью, противоречивостью реформ и ростом социальных конфликтов в регионах недропользования. Сделан вывод о переходе от преимущественно административно-контрольной модели регулирования к более комплексной системе, ориентированной на баланс интересов государства, инвесторов и местных сообществ, а также на принципы прозрачности и экологической ответственности.*

Ключевые слова: *золотодобывающая промышленность; государственная политика; недропользование; горное законодательство; институциональные реформы; социальные конфликты; Кыргызстан.*

Золотодобывающая промышленность занимает стратегическое место в структуре экономики Кыргызской Республики и на протяжении всего периода независимости остается одним из ключевых источников бюджетных поступлений и экспортной выручки. В условиях постсоветской трансформации именно ресурсный сектор стал одной из опор макроэкономической устойчивости, что предопределило особое внимание государства к формированию отраслевой политики и правового регулирования недропользования.

После распада советской хозяйственной системы Кыргызстан оказался перед необходимостью создания собственной нормативно-правовой и институциональной базы управления минерально-сырьевыми ресурсами. Переход к рыночной экономике сопровождался поиском оптимального соотношения между государственным контролем, инвестиционной открытостью и хозяйственной самостоятельностью недропользователей. В разные периоды приоритеты государственной политики смещались от административного регулирования к инвестиционной либерализации, затем – к усилению прозрачности, антикоррупционных механизмов и учета интересов местных сообществ.

Исторический опыт развития государственной политики в сфере золотодобычи представляет научный интерес не только с отраслевой, но и с междисциплинарной точки зрения – на стыке истории, государственного управления, экономической политики и социально-экологических исследований. Особую значимость приобретает анализ институциональной динамики, противоречий реформ и факторов конфликтности в регионах недропользования.

Целью данной статьи является выявление основных этапов и особенностей исторической трансформации государственной политики Кыргызской Республики в сфере золотодобывающей промышленности, а также определение ключевых институциональных проблем и тенденций ее развития. Методологиче-

скую основу исследования составляют историко-сравнительный, институциональный и нормативно-правовой методы анализа.

Становление государственной политики Кыргызской Республики в сфере золотодобывающей промышленности связано с общими социально-экономическими трансформациями постсоветского периода. После распада СССР горнодобывающий сектор, ранее встроенный в союзную хозяйственную систему, оказался в условиях институционального вакуума, финансового дефицита и управленческой перестройки. Вместе с тем уже в первые годы независимости золотодобыча была определена как стратегическое направление экономического развития, что обусловило формирование нормативно-правовой и институциональной базы отрасли.

Начальный этап формирования государственной политики относится к первой половине 1990-х годов. Принятие в 1992 году Закона Кыргызской Республики «О недрах» заложило основы национального горного законодательства. Несмотря на декларируемый переход к рыночным отношениям, правовой режим сохранял значительные черты административно-контрольной модели: жесткое государственное регулирование, сложную систему согласований и переговорный характер лицензирования. Экспертные оценки международных организаций указывали на сохранение норм и подходов, характерных для прежней командной системы управления ресурсами. Новая редакция закона 1997 года частично модернизировала регулирование, однако многие административные механизмы были сохранены и закреплены в подзаконных актах.

Параллельно предпринимались программные попытки стимулировать развитие золотодобычи. Государственная программа «Золото Кыргызстана» (1994) и последующие отраслевые концепции предусматривали расширение геологоразведочных работ и вовлечение крупных месторождений в хозяйственный оборот при участии иностранных компаний [1].

В период 1996-2000 годов были достигнуты определенные результаты в части разведки и прироста запасов, однако производственные показатели оказались ниже запланированных. Среди причин – неблагоприятная ценовая конъюнктура мирового рынка, ограниченная инвестиционная привлекательность, слабая инфраструктура и индикативный характер программного планирования.

В начале 2000-х годов государственная политика сместилась в сторону инвестиционной либерализации. Принятие Закона «Об инвестициях в Кыргызской Республике» закрепило национальный режим для иностранных инвесторов, гарантии защиты капитала и принцип невмешательства государства в хозяйственную деятельность. Расширение лицензирования и привлечение внешних инвестиций сопровождались, однако, ростом коррупционных рисков и зависимостью отраслевых решений от политической конъюнктуры. Политические события 2005 и 2010 годов усилили институциональную нестабильность системы управления недропользованием, что выразилось в частых реорганизациях уполномоченных органов и смене руководства.

После 2010 года начался этап институционального пересмотра отраслевой политики, ориентированный на повышение прозрачности и снижение административных барьеров. Принятый в 2012 году новый Закон «О недрах» ввел прогрессирующие платежи за удержание лицензий, уточнил основания их аннулирования, закрепил ответственность должностных лиц и предусмотрел механизмы учета интересов местных сообществ. Существенным нововведением стало внедрение стандартов Инициативы прозрачности добывающих отраслей (ИПДО), предусматривающих раскрытие платежей компаний и доходов государства. Развитие электронных инструментов – интерактивных карт месторождений и лицензированных участков – сократило возможности для манипуляций и усилило открытость отраслевой информации.

Антикоррупционная политика в горнодобывающем секторе была институционализирована через специальные планы и программы. Введение аукционных процедур, цифровизация данных, публичность лицензирования и усиление контроля позволили увеличить бюджетные поступления и выявить нарушения. Международные оценки отмечали прогресс в доступности информации и прозрачности решений, хотя проблема системной коррупции полностью преодолена не была.

Одновременно усилился социальный фактор недропользования. В 2000-е и особенно в

2010-2013 годы резко возросло число конфликтов между местными сообществами и горнодобывающими компаниями. Протесты охватили многие регионы и касались преимущественно золоторудных проектов. Основными причинами выступали экологические опасения, недоверие к компаниям и государственным органам, а также восприятие несправедливого распределения выгод. Конфликты приводили к приостановке работ и оказывали прямое влияние на макроэкономические показатели. Постепенно государственная политика эволюционировала от возложения ответственности на компании к признанию необходимости системного участия государства в регулировании взаимодействия с местными сообществами. В законодательство были включены нормы о социальных пакетах, участии представителей местных сообществ в комиссиях и перераспределении части платежей в местные бюджеты.

Существенную роль в развитии механизмов общественного участия сыграли неправительственные организации и профессиональные ассоциации. Консорциум гражданского общества по продвижению ИПДО, отраслевые и правозащитные структуры проводили информационную и консультационную работу, способствуя формированию диалога между государством, бизнесом и населением. Практика общественных слушаний, тренингов и консультаций стала важным элементом институциональной среды недропользования [2].

Институциональная структура управления отраслью в рассматриваемый период отличалась высокой изменчивостью. Уполномоченные органы неоднократно реорганизовывались, меняли статус и функциональные полномочия – от агентства до комитета и департамента в составе министерства. Частая смена руководства и структурные преобразования снижали преемственность политики и предсказуемость регулирования. Экспертное сообщество неоднократно указывало на необходимость создания самостоятельного и устойчивого регулятора отрасли.

Попытки стратегического планирования предпринимались в форме отраслевых стратегий и концепций, предусматривавших долгосрочные этапы развития золотодобычи и ее вклад в устойчивое развитие страны. Однако многие стратегические документы носили декларативный характер и не получили полной практической реализации. Тем не менее вопросы горнодобывающей и золотодобывающей отрасли закреплены в Национальных стратегиях развития до 2040 года [3] и в Программных документах до 2026 года [4] как приоритетное направление формирования финансовых ресурсов государства при условии соблюдения экологических требований.

С 2020 года начинается качественно новый этап в развитии государственной политики в сфере золотодобывающей отрасли Кыргызстана. С приходом к власти С.Н. Жапарова в качестве нового президента Кыргызской Республики начинается серьезный пересмотр подходов и методов государственной политики в области золотодобывающей отрасли.

Так, необходимость проведения кардинальных реформ в геологической и горнодобывающей отрасли была отмечена в Указе Президента Кыргызской Республики от 29 января 2021 года УП № 5 «О вопросах реформирования горнодобывающей отрасли Кыргызской Республики». В целях повышения производительности горнодобывающей промышленности, создания прозрачной системы правового регулирования, раскрытия ее потенциала, обеспечения безопасности населения и минимизации нагрузки на окружающую среду, а также создания благоприятного инвестиционного климата и расширения возможностей для дальнейшего экономического роста Кыргызской Республики было рекомендовано Правительству КР принять меры по реализации Указа.

Распоряжением Премьер-министра Кыргызской Республики от 30 апреля 2021 года № 491 был утвержден План мероприятий по реализации Указа «О вопросах реформирования горнодобывающей отрасли Кыргызской Республики», в который включены следующие задачи: усиление контроля за незаконной добычей полезных ископаемых; проведение аудита на предмет выявления экономически перспективных месторождений; принятие эффективных мер по стимулированию геологоразведочной деятельности и открытию новых месторождений; обеспечение найма не менее 90% работников из числа граждан Кыргызской Республики от общей штатной численности персонала и другие [5].

Тем самым было положено начало процессу реформирования и золотодобывающей отрасли Кыргызской Республики.

В декабре 2022 года Министерство природных ресурсов, экологии и технического надзора Кыргызской Республики вынес на общественное обсуждение проект Концепции развития геологической и горнорудной отрасли Кыргызской Республики на 2023-2035 годы, где были обозначены цели и основные задачи горнодобывающей отрасли на ближайшую перспективу. Целью данной Концепции является создание стабильной инвестиционной среды в геологической и горнодобывающей отрасли, повышение качества поиска, оценки, разведки, добычи и переработки полезных ископаемых, за счет внедрения и поддержки экологически безопасных, передовых технологий, техники и инноваций, производства продукции с высокой добавленной стоимостью, укрепление и повышение конкурентоспособности страны на международном рынке [6].

Без сомнений, именно золотодобывающая промышленность Кыргызской Республики является определяющей в настоящее время и будет определять ее экономическую основу еще долгое время. В целях реализации поставленных задач Национальной программой развития Кыргызской Республики до 2030 года в сфере развития горной добычи, важным шагом в развитии золотодобывающей промышленности в ближайшей перспективе должно стать принятие Горного кодекса, формирование самостоятельного уполномоченного государственного органа управления горнодобывающей отраслью, реализация крупных проектов по разработке месторождений полезных ископаемых; реализация цифрового решения по обеспечению рационального, прозрачного использования финансовых средств, поступающих от золотодобывающей отрасли.

Заключение. Проведенный анализ показывает, что государственная политика Кыргызской Республики в сфере золотодобывающей промышленности прошла сложный и многоэтапный путь трансформации. С начала 1990-х годов были заложены основы национального горного законодательства и институциональной системы недропользования, однако первоначальная модель регулирования во многом сохраняла черты административно-контрольного подхода. В последующие годы курс был смещен в сторону инвестиционной либерализации и расширения участия иностранных компаний, что сопровождалось ростом институциональных и коррупционных рисков.

Начиная с 2010-х годов усиливается направление реформ, ориентированных на повышение прозрачности, цифровизацию процедур лицензирования, внедрение международных стандартов отчетности и развитие антикоррупционных инструментов. Существенным фактором эволюции государственной политики стало возрастание роли местных сообществ и гражданского общества, а также необходимость учета социальных и экологических факторов при реализации горнодобывающих проектов.

В то же время развитие отраслевой политики характеризовалось институциональной нестабильностью, частыми реорганизациями уполномоченных органов и непоследовательностью стратегических решений. Разрыв между программными документами и практикой их реализации, конфликтность на местах и недостаточная предсказуемость регулирования остаются значимыми ограничителями устойчивого развития сектора.

Историческая динамика показывает переход к более комплексной модели ресурсного управления, основанной на балансе интересов государства, инвесторов и местных сообществ, принципах прозрачности и экологической ответственности. Дальнейшая эффективность государственной политики в сфере золотодобычи во многом будет зависеть от институциональной устойчивости регуляторов, последовательности правовых реформ и развития механизмов общественного участия.

Библиографический список

1. Отчет о ходе работ по выполнению программы «Золото Кыргызской Республики» за 1994 год. ЦГА КР, ф. 2882, оп. 1, д. 16, л. 169-182.

2. Деятельность Консорциума гражданского общества по продвижению Инициативы повышения прозрачности деятельности добывающих отраслей (ИППДДО) в 2004-2005 гг. – Бишкек, 2006.

3. Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы. Утверждена Указом Президента Кыргызской республики от 31 октября 2018 года. УП № 221 // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики (ЦБД КР). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/ru

4. Национальная программа развития Кыргызской Республики до 2026 года (к Указу Президента КР от 12 октября 2021 года № 435) // ЦБД КР. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/ru.

5. Распоряжение Кабинета Министров КР от 30 апреля 2021 года № 491 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Указа Президента Кыргызской Республики «О вопросах реформирования горнодобывающей отрасли Кыргызской Республики» от 29 января 2021 года УП № 5» // ЦБД КР. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/ru.

6. Концепция развития геологической и горнодобывающей отрасли Кыргызской Республики на 2023-2035 годы. Проект. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mnr.gov.kg/ru/npas?page=25.

HISTORICAL TRANSFORMATION OF THE STATE POLICY OF THE KYRGYZ REPUBLIC IN THE GOLD MINING INDUSTRY

O.D. Osmonov[1], *Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Historical Sciences, Professor*
L.K. Altymyshbaeva[2], *Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer*
[1]Kyrgyz National Agrarian University named after K.I. Skryabin
[2]Kyrgyz State Technical University named after I. Razzakov
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *The article examines the historical transformation of the state policy of the Kyrgyz Republic in the gold mining industry during the post-Soviet period. Based on historical-institutional and legal analysis, the main stages in the formation of sectoral policy are traced – from the establishment of national mining legislation in the 1990s to recent strategic and institutional reforms. Particular attention is paid to the evolution of licensing mechanisms, investment regulation, anti-corruption instruments, the implementation of extractive industry transparency standards, and the expansion of civil society participation. It is shown that the development of state policy was accompanied by institutional instability, contradictory reforms, and the growth of social conflicts in mining regions. The study concludes that regulation has shifted from a predominantly administrative-control model toward a more comprehensive system focused on balancing the interests of the state, investors, and local communities, as well as on the principles of transparency and environmental responsibility.*

Keywords: *gold mining industry; state policy; subsoil use; mining legislation; institutional reforms; social conflicts; Kyrgyzstan.*

СОСЛОВНЫЕ РЕФОРМЫ КАЗАЧЬЕГО НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: ОТ ОКАЗАЧИВАНИЯ СТАРОЖИЛЬЧЕСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА К ЕГО РАСКАЗАЧИВАНИЮ

А.В. Селезнев, *канд. ист. наук, доцент*
Красноярский государственный аграрный университет
(Россия, г. Красноярск)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-148-155

Аннотация. *Автор анализирует две сословные реформы казачьего населения Енисейской губернии, которые проводило имперское правительство в отношении региональной группы казачества в азиатской части России. Исследователь приходит к выводу, что сословные реформы 1851 и 1871 годов стали продолжением общеимперской политики реформирования российской армии. Если сословная реформа 1851 года была тесно связана с переводом регулярных и иррегулярных воинских частей на военные поселения, то реформа 1871 года с введением всеобщей воинской повинности. В первом случае, действия правительства были направлены на увеличение казачьего населения губернии за счет перевода в казачье сословное состояние государственных крестьян и отставных военных чинов. Одновременно с этим проводились мероприятия по переселению городовых казаков из губернских городов в окружные сельские поселения. В целом, в это период происходит сближение сословно-правого статуса енисейского казачества с казаками Сибирского линейного казачьего войска и Забайкалького казачьего войска. Во втором случае, имперское правительство проводит политику расказачивания, сокращения казачьего сословия в связи с тем, что после введения всеобщей воинской повинности отпала потребность в содержании многочисленных иррегулярных воинских формирований.*

Ключевые слова: *енисейские казаки; сословная реформ; военные поселения; оказачивание государственных крестьян; окрестьянивание городовых казаков; расказачивание; Енисейский казачий конный полк; Красноярская казачья сотня.*

Актуальность темы исследования обусловлена всплеском общественно-политического интереса к истории российского казачества в целом, а также отдельных территориально локализованных казачьих сообществ. Современные казачьи общества, как правило, возникли на территории расселения исторически сложившихся казачьих воинских формирований, что порождает интерес к изучению локальных особенностей их становления и развития, к региональной специфики организации взаимодействия казаков с государством в разные исторические периоды. Изучение влияния российского законодательства на правовое и социальное положение енисейского казачества позволит понять функциональное предназначение казачества, его место в гражданской и военной истории России.

Степень научной разработанности проблемы. В отечественной историографии рубежа XX-XXI веков наблюдается всплеск интереса к сословно-правовому статусу территориально обособленных казачьих войск. Пионерной в этом ряду стала диссертация М.С. Савченко (2000 г.) о кубанском казачестве конца XVIII – начала XX в. [17]. Значительный вклад внесла О.Б. Герман, опубликовав в 2003 году монографию о правовом положении донского, кубанского и терского казачеств [11], а в 2004 году – защитив на ее основе докторскую диссертацию [10]. Проблематика была дополнена работой Ю.В. Подосинникова (2008 г.) об астраханском казачестве [15]. При этом правовой статус именно енисейских казаков во второй четверти XIX века был детально рассмотрен А.И. Коноваловым в статье, посвященной «Уставу о сибирских городовых казаках» 1822 года [13].

В научных работах А.Е. Богуцкого [9], В.Г. Дацышина [12], Г.И. Романова [16], исследуются вопросы штатной численности служивого казачества Енисейской губернии и их функциональных обязанностях, сословно-правовой статус енисейского казачества.

В тоже время анализ научных публикаций, показывает, что вопросы регламентации и несения енисейскими казаками государственной службы, их сословно-правовой статус исследованы недостаточно полно. В трудах указанных авторов, рассмотрены лишь отдельные аспекты правого положения енисейских казаков в контексте решения совершенно иных исследовательских задач.

Актуальность темы исследования и её явно недостаточная разработанность требуют дальнейшего научного рассмотрения вопросов изменения условий и порядка несения государственной службы казаками Енисейской губернии.

Объект и предмет исследования.

Объектом нашего исследования является казачье население Енисейской губернии во второй половине XIX века.

Предметом нашего исследования является правительственные реформы сословного состояния казачьего населения Енисейской губернии во второй половине XIX века.

Цель и задачи исследования.

Целью нашего исследования является выявление особенностей и последствий сословных реформ казачьего населения Енисейской губернии во второй половине XIX века.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- провести анализ изменений российского законодательства, регулирующего правое положение енисейского казачества во второй половине XIX века;
- выявить общее и различное в сословно-правовом положении енисейского казачества в контексте проведения сословных реформ в исследуемый период;
- определить изменения в государственной политике в отношении енисейского казачества.

Методы и материалы.

- нормативно-правовые акты, регулировавшие правое положение енисейского казачества;
- делопроизводительная документация органов и должностных лиц, осуществлявших управление казачьим населением и казаками, находящимися на государственной службе;
- статистические и справочные материалы, связанные с казачьим населением Енисейской губернии.

Результаты исследования.

Сословная реформа енисейского казачества, проведенная имперским правительством в 1851 году, была направлена, прежде всего, на включение казачьего населения в решение военных задач по защите государственных границ с Китайской империей, увеличение нарядов на службу по военному ведомству. Изменение функционала служивого сословия в Енисейской губернии привело к изменению сословно-правого положения казачьего населения губернии.

Во-первых, правительство одномоментно увеличило численность казачьего населения губернии за счет записи в казачье сословие 1286 душ государственных крестьян и отставных и бессрочноотпускных нижних чинов, проживающих в 7 деревнях Красноярского округа и 1 деревни Ачинского округа Енисейской губернии [3, с. 9; 4, с. 5].

Это позволило увеличить штатную численность казаков, находящихся на действительной службе. Если по Штатам 1822 года в Енисейском городовом казачьем полку должны были служить 571 чина [2, с. 199], то уже по штатам 1851 года в Енисейском казачьем конном полку было установлено 861 чина [4, с. 5].

Во-вторых, было установлено правило о возможности приема в Енисейский казачий конный полк «людей свободного состояния по увольнительным видам», но не иначе, как с разрешения Командующего войсками, расположенными в Восточной Сибири [3, с. 9]. Данное правило было заимствовано из Положения о Сибирском казачьем линейном войске [8], и должно было сблизить сословно-правовой статус как сибирских казаков с енисейскими казаками, так и енисейских казаков с военными регулярной армии.

По положению о сибирских городовых казаках 1822 года, прием на казачью службу, а соответственно и в казачье сословие могло быть произведено только из числа детей полковых и станичных казаков. И только в случае появления штатных вакансий в Енисейском городовом казачьем полку, образовавшихся в силу нехватки мужского казачьего населения в Енисейской губернии, разрешалось принимать на службу людей свободных состояний [1, с. 537]. Это правило, установившее

сословную замкнутость енисейского казачества, стало нормой еще в XVIII веке.

Тем самым, новации сословной реформы 1851 года были направлены на снятие законодательных барьеров на переход в казачество представителей других сословий, находящихся в свободном состоянии.

При этом правило о запрете выхода из казачества по-прежнему сохранялось в силе [3, с. 9]. Кроме того, согласно Положению 1851 года производство в чины енисейских казаков осуществлялось по правилам, определенных для казачьих войск, не имеющих сравнения с армией. Тем самым в действительные войсковые чины производились только казаки, происходившие из лиц, проходивших воинскую службу и имевших потомственное дворянство. Остальные же казаки Енисейской губернии производились в офицеры за-уряд.

Право на получение действительного чина и соответствующих преимуществ предоставлялось офицерам за-уряд только при получении чина за военные подвиги, получения ордена, дающего право на потомственное дворянство и по достижению чина полковника [3, с. 17]. Особенности службы енисейских казаков не предполагали наступление обстоятельств, которые давали бы возможность за-уряд казачьим офицерам приобретать действительные чины и потомственное дворянство. Тем самым, для представителей казачьего сословия в Енисейской губернии отсутствовала возможность выхода из казачьего сословия путем приобретения дворянского состояния.

Сословная реформа 1851 года подтвердила освобождение чинов Енисейского казачьего конного полка от рекрутской повинности, от всех государственных податей и денежных земских сборов [3, с. 13].

При этом, были ограничены сроки службы енисейских казаков. Так до реформы 1851 года, енисейские казаки при наличии штатных вакансий были обязаны приступить к службе при достижении 16-летниго возраста, и могли выйти в отставку только по болезни, увечья или неспособности к службе ввиду своей старости [1, с. 537]. После реформы сословно-правового положения казачьего населения Енисейской губернии 1851 года:

1) был повышен возраст призыва на действительную службу с 16 лет до 20 лет (с 17 лет по достижению 19-летнего возраста казачьи малолетки должны были исправлять станичные обязанности; с достижением 19-летнего возраста они приводились к присяге, но переводились на льготу и освобождались от станичных обязанностей для приготовления к службе на один год; и только по достижению 20 лет казаки приступали к отправлению действительной службы по очереди);

2) срок службы для офицеров был ограничен 25 годами, а для урядников и казаков – 30 годами [3, с. 16].

Казаки мужского пола были выведены из юрисдикции гражданского суда и подлежали военному суду. В тоже время гражданские дела между казаками и представителями других сословий разрешались в гражданском суде.

Денежное и материальное содержание казаков во время отправления действительной службы было установлено в соответствии с Положением по военному ведомству. В тоже время основным содержанием и источником существования казачьего населения Енисейской губернии было поземельное содержание. Согласно Положению 1851 года земельный фонд Енисейского казачьего конного полка состоял из:

- земель, принадлежавших казакам на праве собственности;
- земель, отмежеванных для нужд Енисейского городового полка по Положению 1822 года;
- земель сельских поселений, которые были переведены в статус казачьих станиц;
- земель, отведенных для нужд Енисейского полка по Положению 1851 года.

Сформированный земельный фонд для поземельного содержания казачьего населения Енисейской губернии позволил значительно повысить поземельное содержание енисейских казаков. Если по Положению 1822 года на одного человека должно было приходиться 15 десятин пахотной и пастбищной земли, то по Положению 1851 года обер-офицеры, находящиеся на службе и выведшие в отставку, наделялись пожизненными участками, удобными для хлебопашества исходя из нормы 60 десятин на человека, казаки – 30 десятин на человека.

Кроме того, каждой сотни было прирезано до 3000 десятин земли в запас для распределения между казаками, в случае если их чис-

ленность вырастит [3, с. 19]. При шестисотенном составе Енисейского казачьего конного полка в земельный резерв полка было приезано до 18000 десятин пахотной земли.

Тем самым сословная реформа енисейского казачества была направлена не только на увеличения казачьего населения губернии, но на повышение его материального благосостояния.

Решение вопроса повышения поземельного содержания енисейских казаков тесно было связано с попыткой переселения енисейских казаков из губернских городов в сельские поселения. Для этого предполагалось переселить всех казаков в отдельно организованные станицы, с численностью населения от 200 до 500 душ мужского пола. Тем самым городовые казаки Енисейской губернии должны были стать сельскими обывателями, проживающими на обособленных полковых территориях.

Впрочем, эта часть сословной реформы так не была осуществлена в соответствии с замыслом. «Великого переселения» казаков из городов в сельские поселения не произошло. В отчетах о состоянии казачьего населения Енисейской губернии на протяжении всей второй половины XIX века отмечалось, что казаки, формально приписанные к деревням и селам, и наделенными в них земельными участками, продолжали проживать в уездных городах [18-24].

Кроме того, отмежевание земель для нужд Енисейского казачьего полка производилось в пределах уже существующих сельских поселениях, что не позволило создать обособленные казачьи станицы, более того заложило социальные противоречия между казачьим и крестьянским населением этих деревень и сел, в связи с разной нормой наделения земельными участками представителей этих сословий.

Система управления и делопроизводства енисейского казачества по реформе 1851 должна была быть приведена к системе управления Донского казачьего войска [3, с. 9-20].

Таким образом, можно заключить, что тенденция к сокращению численности енисейского казачества, наблюдаемая в XVIII веке и вплоть до 1851 года, была переломлена в ходе сословно реформы казачьего населения Енисейской губернии 1851 года.

В этот период власти перешли к политике, нацеленной не только на рост казачьего населения Енисейской губернии, но и на приведение его правового статуса в соответствие с нормами, существовавшими в Сибирском казачьем линейном войске.

Положительной стороной этой сословной реформы стало значительное увеличение поземельного, денежного и натурального содержания енисейского казачества.

Необходимо отметить, что попытка изменить характер службы енисейских казаков, сократив количество административно-полицейских нарядов и увеличив военные наряды по охране государственной границы с Китайской империей до 50% от всех годовых служебных нарядов, на наш взгляд, также носила прогрессивный характер.

С этой целью рассматривалась возможность создания обособленных территорий расселения полковых сотен, постепенного переселения городовых казаков из уездных городов в сельские станицы.

К сожалению, правовые нормы, которые были направлены на реализацию этих идей, фактически не были реализованы.

Однако уже в середине 1871 года начался новый, радикальный этап расказачивания. Его правовой основой стали два ключевых документа: Положение от 19 мая и Положение от 2 июля 1871 года [5-7]. Согласно им, Енисейский конный казачий полк был расформирован. Вместо него была создана Красноярская конная казачья сотня.

Эта реформа повлекла за собой ликвидацию всей прежней системы военного управления казачьим населением Енисейской губернии.

В соответствие с пунктом 1 Положения от 19.05.1871 г. все население Енисейского конного казачьего полка, за исключением урядников и казаков, зачисленных в него по Положению от 04.01.1851 г. из казаков городовых полков, станичных казаков и казаков Тункинского отделения пограничного войска, подлежали обращению в гражданское ведомство [5, с. 588]. При этом новый правой статус казаков, обращенных в гражданское ведомство, устанавливался в зависимости от их происхождения и выслуги лет.

Так, урядники и казаки, зачисленные в 1851 году в Енисейский конный казачий полк

из числа крестьян-переселенцев и нижних чинов гарнизонных батальонов, переселенных в Восточную Сибирь, были переведены в сословие крестьян-собственников, на которое распространялось действие Положения о крестьянах от 19 февраля 1861 года. Особо оговаривалось, что обращенные в гражданское ведомство урядники и казаки, а также члены их семьи подлежали податям, денежным и натуральным повинностям, в том числе и рекрутской, наравне с местными крестьянами [5, с. 588-589].

Стоит отметить, что казаки, сохранившие свой сословный статус, также подчинялись действию общегражданских законов и учреждений вне действительно службы наравне с крестьянами Восточной Сибири, а полномочия по составлению списков казаков и формированию для них служебных нарядов были возложены на местные полицейские управления [5, с. 587].

Штатная численность Красноярской казачьей сотни была установлена в 105 чинов, в том числе 6 обер-офицеров, 89 нижних строевых чинов (8 урядников, 1 трубача, 80 казаков) и 10 нижних не строевых чинов (писарей и денщиков) [7].

Общий срок службы казаков был снижен до 22 лет, из них казак должен был числиться 15 лет на полевой службе и 7 лет – на внутренней. При этом казаки находились поочередно на длительной службе 1 год, а следом на льготе в течение 2-х лет. Было установлено, что в экстренных случаях по распоряжению Главного Начальника Восточного Сибирского военного округа на службу могут быть призваны все льготные казаки, при этом об этом должно быть сообщено на Высочайшее имя. А исключительно по Высочайшей воле на службу могли призвать поголовно все казачье население [6, с. 8].

В 19-летним возрасте казаки мужского пола включались в списки малолеток, которые к службе не употреблялись. С 20 летнего возраста казаки по очереди призывались на полевую службу. С достижением 35-летнего возраста они переводились в разряд, несущих внутреннюю службу. А с достижением 42-летнего возраста казаки выходили в отставку и исключались из списков служащих. В этом случае они могли быть призваны вновь на службу исключительно при поголовной мобилизации казачьего населения. Не зависимо от очередности обязательной воинской службы по Положению от 02.07.1871 г., казаки могли выходить на службу в счет ежегодного наряда по собственному желанию в качестве «охотников». Казаки, обязанные выходит на обязательную годовую службу, могли предоставить себе замену из других казаков [6, с. 9-10].

Такой правовой порядок несения службы указывает, что значительное сокращение одновременно штатов для несения государственной службы и численности населения, отнесенного к казачьему сословию, не решило проблему «лишних людей». Численность мужского населения, отнесенного к казачьему сословию в Енисейской губернии, и достигшего 20-летнего возраста, все равно была значительно больше, чем количество вакансий (нарядов), устанавливаемых для службы по военному и иным ведомствам.

Сословная реформа казачьего населения Енисейской губернии 1871 года вновь превратила енисейских казаков в закрытую сословную корпорацию.

Выводы.

Во второй половине XIX века происходить ряд существенных изменений в сословно-правовом положении казаков Енисейской губернии. Сословные реформы 1851 и 1871 годов были разнонаправленными.

В 1851 году передача казачьего населения губернии в ведение Управления военных поселений Военного министерства сыграло определенную положительную роль в судьбе енисейского казачества. За счет обращения в казачье сословие государственных крестьян и отставных военных (оказачивание) значительно увеличилась численность казачьего населения губернии.

В объеме служебных обязанностей енисейского казачества повысилась доля нарядов по воинской службе, в том числе, по охране границы с Китаем.

Казачье сословие Енисейской губернии стало более открыто для принятия в него людей свободного состояния, прежде всего отставных и срочно-отпускных чинов регулярной армии.

При этом эта реформа проводилась непоследовательно, что не позволило решить задачи по переселению городовых казаков,

проживавших в уездных городах губернии, в территориально обособленные казачьи поселения – станицы. Тем самым проект по созданию обособленной административно-территориальной системы управления казачьего населения губернии так и не был реализован.

Уже в 1871 году происходит кардинальное изменение государственной политики в отношении енисейского казачества. Правительство возвращается к политике расказачивания, которая была характерна для XVIII – первой половины XIX века.

С 1871 года происходит значительное сокращение, как казачьего населения в целом (за счет перевода части казаков, поверстанных из государственных крестьян и отставных военных, в тягловое сословие), так и штатной численности казаков, находящихся на службе (с 861 до 105 чинов).

В служебных нарядах енисейских казаков начинает преобладать служба в иных ведомствах, направленная на защиту интересов частных лиц.

Библиографический список

1. Высочайше утвержденный Устав о сибирских городовых казаках: 22 июля (3 августа) 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е]. – [СПб], 1830. – Т. 38. – № 29131. – С. 532-545.

2. К № 29.131. 22 июля 1822. Высочайше утвержденные штаты казачьим полкам Сибири // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1851. – Т. 43, Ч. 2: Книга штатов: продолжение отделения первого: Штаты военно-сухопутные (1822-1825). – 1830. – С. 199-200.

3. Высочайше утвержденное положение об Иркутском и Енисейском казачьих конных полках (№ 24796, 4 января 1851 г.) // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 26. Отделение 1-е: 1851. – № 24781–25593. – 1852. – С. 8-21.

4. К № 24796 от 4 января 1851 г. // Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 2-е]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 26. Отделение 2-е: 1851: Приложение: Штаты и табели. – 1852. – С. 3-8.

5. Высочайше утвержденное положение о преобразовании Иркутского и Енисейского конных казачьих полков (№ 49614, от 19 мая 1871) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 46. Отделение 1-е: 1871. – От № 49098–49762. – 1874. – С. 586-591.

6. Высочайше утвержденное положение о казаках Иркутской и Енисейской губерний от 2 июля 1871 г. (№ 49769) // Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 46. Отделение 2-е: 1871. – От № 49763–50382 и дополнения. – 1874. – С. 8-12.

7. К № 49769 от 2 июля 1871. Высочайше утвержденный 2 июля 1871 года штат Иркутской и Красноярской казачьих сотен // Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 46. Отделение 3-е: 1871. – Приложения. – 1874. – С. 266-267.

8. Положение о Сибирском линейном казачьем войске. – СПб.: в Тип. Департамента военных поселений, 1847. – [2], IV, 162 с.

9. Богуцкий А.Е. Енисейское казачество в конце XIX – начале XX вв.: опыт формирования и деятельности // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. – 2013. – № 6. – С. 61-68.

10. Герман О.Г. Правовое положение казачества и крестьянства юго-востока европейской России в 1861-1920 гг.: автореф. дис. … д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Герман Оксана Борисовна. – Краснодар, 2004. – 58 с.

11. Герман О.Б. Правовое положение казачества и крестьянства юго-востока европейской России в 1861-1920 гг. / О.Б. Герман; Отв. ред. Л.П. Рассказов; Рост. гос. ун-т. – Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 2003. – 575 с.

12. Дацышен В.Г. Красноярские казаки в конце XIX – начале XX века. К проблеме сохранения идентичности и сословной замкнутости // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность: материалы II Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru. – Выпуск 2, Книга 1. – Красноярск, 2006. – С. 92-100.

13. Коновалов И.А. Правовая регламентация сословного положения городовых казаков в «Уставе о сибирских городовых казаках» 1822 г. (к 250-летию со дня рождения М.М. Сперанского) // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 478. – С. 93-98. – DOI: 10.17223/15617793/478/12.

14. Матвеева О.А. Донские казаки на службе российскому государству / О.А. Матвеева; науч. руков. Е.И. Мацагорова // Студенческий форум: научный журнал. – № 19(328). Часть 1. – М., Изд. «МЦНО», 2025. – С. 5-9.

15. Подосинников Ю.В. Правовое положение астраханского казачества в начале XX века: автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Подосинников Юрий Васильевич; Ростовский юридический институт МВД России. – Ростов-на-Дону, 2008. – 27 с.

16. Романов Г.И. Казачье население Восточной Сибири (конец XIX – начало XX в.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.02. – Иркутск, 1996. – 174 с.

17. Савченко М.С. Правовое положение кубанского казачества в дореволюционной России (конец XVIII – начало XX в.): автореф. дис. … канд. юрид. наук.: 12.00.01 / Савченко Марина Станиславовна; Волгоградский юридический институт МВД России. – Волгоград, 2000. – 26 с.

18. Отчет о состоянии казачьего населения Енисейской губернии за 1878 год // Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Фонд 31. Опись 1. Дело 7. Листы 1-56.

19. Отчет о состоянии казачьего населения Енисейской губернии за 1879 год // ГАКК. Фонд 31. Опись 1. Дело 15. Листы 1-84.

20. Отчет о состоянии казачьего населения Енисейской губернии за 1882 год // ГАКК. Фонд 31. Опись 1. Дело 46. Листы 1-109.

21. Отчет о состоянии казачьего населения Енисейской губернии за 1885 год // ГАКК. Фонд 31. Опись 1. Дело 79. Листы 1-108.

22. Отчет о состоянии казачьего населения Енисейской губернии за 1889 год // ГАКК. Фонд 31. Опись 1. Дело 126. Листы 1-80.

23. Отчет о состоянии казачьего населения Енисейской губернии за 1893 год // ГАКК. Фонд 31. Опись 1. Дело 160. Листы 1-96.

24. Отчет о состоянии казачьего населения Енисейской губернии за 1897 год // ГАКК. Фонд 31. Опись 1. Дело 195. Листы 1-116.

ESTATE REFORMS OF THE COSSACK POPULATION THE YENISEI PROVINCE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY: FROM THE EMERGENCE OF THE OLD-TIME PEASANTRY TO ITS EXPANSION

A.V. Seleznev, *Candidate of Historical Sciences, Associate Professor*
Krasnoyarsk State Agrarian University
(Russia, Krasnoyarsk)

Abstract. *The author analyzes two class reforms of the Cossack population of Yenisei Province, implemented by the imperial government with regard to the regional Cossack group in Asian Russia. The researcher concludes that the class reforms of 1851 and 1871 were a continuation of the general imperial policy of reforming the Russian army. While the 1851 class reform was closely linked to the transfer of regular and irregular military units to military settlements, the 1871 reform was linked to the introduction of universal conscription. In the former case, government actions were aimed at increasing the Cossack population of the province by transferring state peasants and retired military officers to the Cossack estate. Simultaneously, measures were taken to resettle urban Cossacks from provincial towns to rural settlements in the district. Overall, during this period, the Yenisei Cossacks' legal status converged with that of the Cossacks of the Siberian Linear Cossack Host and the Transbaikal Cossack Host. In the latter case, the imperial government pursued a policy of decossackization, reducing the size of the Cossack estate due to the fact that the introduction of universal conscription eliminated the need to maintain numerous irregular military formations.*

Keywords: *Yenisei Cossacks; class reforms; military settlements; depopulation of state peasants; peasantization of city Cossacks; decossackization; Yenisei Cossack Cavalry Regiment; Krasnoyarsk Cossack Hundred.*

ПОПЕЧЕНИЕ О ТЮРЬМАХ В XIX ВЕКЕ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*
Российская академия естествознания
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-156-160

Аннотация. *В начале XIX в. в Российской империи было создано Общество Попечительное о тюрьмах, общая цель которого состояла в том, чтобы оказывать помощь находящимся в местах лишения свободы арестантам, и прежде всего нравственно-исправительного характера, то есть деятельность Общества имела прежде всего гуманистическую направленность. Учреждение Общества явилось результатом инициативы, возникшей после представления императору Александру I доклада английского филантропа Веннинга о состоянии мест заключения в России и одновременно об опыте такого рода общественной деятельности в его стране. В статье рассматриваются особенности появления Общества Попечительного о тюрьмах, его правовое положение, цели, основные направления деятельности. Соответственно анализируются нормативные документы, регулировавшие деятельность Общества, архивные документы, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что для России этот аспект пенитенциарной политики был очень актуален, учитывая, что условия отбывания наказания в тюрьмах в большинстве своем были крайне неудовлетворительными. Само Общество находилось в ведомстве МВД РИ, в структуре которого имелось Главное тюремное управление. Территориальные комитеты Общества Попечительного о тюрьмах в своей деятельности принесли определенную пользу, однако нередко они функционировали только формально.*

Ключевые слова: *Общество попечительное о тюрьмах; Веннинг; арестанты; нравственное исправление; устав; правила; человеколюбие.*

Общество Попечительное о тюрьмах было учреждено в России в 1819 г. решением на самом высоком властном уровне [1] Толчком послужила поездка в Россию английского филантропа Вальтера Веннинга, который у себя на родине создал Лондонское общество улучшения мест заключения, поставившее цель распространения идей Д. Говарда о преобразовании тюрем во всем мире в соответствии с требованиями христианской морали. Его записка «О состоянии мест заключения и меры по их улучшению» [2, л. 19], направленная в 1817 г. Александру I, вызвала живой интерес русского императора. Веннинг, в частности, сообщал об опыте попечительного общества о тюрьмах в Англии, которое было создано при активном участии Говарда – «благодетельного мужа, пожертвовавшего жизнию своею трудам в пользу страждущих» [2, л. 20]. Затронув вопрос о том, для чего было создано такое общество попечительного о тюрьмах, Веннинг писал, что «великая цель оного состоит в том, чтобы исправлять преступников средствами, внушаемыми человеколюбием, то есть, разлучать их с прежними сообщниками, отделить ожесточенных и упорствующих от подающих надежду к исправлению, приучать их к трудам, наставлять в разных рукоделиях, преподавать им правила Религии, снабжать исправившихся нужными видами и одобрением, для вступления пять в Общество честных людей, и доставлять средства к пропитанию, по истечению назначенного их заточению времени» [2, л. 20].

Обсуждение записки Венинга в правительственных кругах, активированное самим императором, породило инициативу перенять такой опыт и для Российской империи, и, как отмечалось, соответствующее решение о создании в России Общества попечительного о тюрьмах было принято в середине 1819 г. Основная часть этого документа представляла собой Правила для Попечительного Общества о тюрьмах. При этом само Общество находилось в структуре Министерства внутренних дел РИ (в ведении этого ведомства находились места лишения свободы, которыми за-

нималось Главное тюремное управление) под покровительством Его Императорского Величества, которому было вверено управление (попечение) о всех местах заключения гражданского ведомства Российской Империи [3, с. 65].

В самом начале Правил для Попечительного Общества о тюрьмах указывалось, что основная задача Общества заключалась в «нравственном исправлении содержащихся преступников, улучшении состояния заключенных за долги и по другим делам людей, на основании, изъясненном в прилагаемой у сего записей» [1].

В Правилах для Попечительного Общества о тюрьмах определялся следующий перечень средств исправления:

1) ближайший и постоянный надзор за заключенными;

2) размещение их по роду преступлений и обвинений;

3) наставление их в правилах христианского благочестия и доброй нравственности, на оной основанной;

4) занятие их приличными упражнениями;

5) заключение провинившихся или буйствующих в уединенное место [1].

Особое внимание уделялось религиозному воздействию на заключенных. Предписывалось вводить церковные службы, проводить воскресные и праздничные дни «в благочестивых чтениях, беседах и молитве». Впервые пошла речь о тюремных библиотеках, хотя выбор книг ограничивался литературой «священного писания и духовного содержания». На видных местах рекомендовалось размещать «печатные правила», запрещающие употреблять спиртные напитки [1].

Правила для Общества попечительного о тюрьмах, строго говоря, не являлись правовым актом, регулирующим исполнение и отбывание наказания в виде лишения свободы, поскольку само Общество задумывалось как благотворительное (каковым оно и было в других странах). Однако в Российской империи эта организация приобрела гораздо более весомое значение, что связано прежде всего с отсутствием соответствующего законодательства.

В этой связи известный отечественный историк российского тюрьмоведения М.Н. Гернет отмечал, что деятельность Общества Попечительного о тюрьмах дала новое направление тюремной политике российского государства, связанное с попытками совершенствования тюремной системы усилиями общественных благотворительных организаций [4, с. 102]. В дальнейшем Общество превратилось в некую «полуофициальную организацию, наделенную некоторыми властными полномочиями ... на ней, помимо прочего, лежала обязанность восполнять своими пожертвованиями недостаток казенных средств, отпускавшихся на содержание тюрем и арестантов» [5, с. 7]. Однако суждений такого рода в то время было сравнительно немного.

Вероятно, отсутствие строгой критики объясняется тем, что Правила сами по себе представляли собой довольно передовой пенитенциарный документ. Так, сопоставление с принятыми позже кодифицированными актами (Устав о ссыльных 1822 г., Инструкция смотрителю губернского тюремного замка 1831 г. и др.) показывает, что основные положения Правил, будучи развиты и расширены, имели в указанных нормативно-правовых актах принципиальное, концептуальное положение. Поэтому принятие в 1819 г. Правил для Общества Попечительного о тюрьмах можно, как представляется, расценивать в качестве одного из первых более или менее цельных действующих юридических документов, где определялись цели наказания в виде лишения свободы, раскрывались средства исправления, обозначались основные режимные требования в соответствии с передовыми достижениями мировой пенитенциарной мысли того времени.

Вместе с тем нужно заметить, что и в этом случае предусмотренные Правилами вопросы, касающиеся условий отбывания наказания в местах лишения свободы, во многом так и остались нереализованными. О нереалистичности многих (вероятно, большинства) Правил Общества Попечительного о тюрьмах свидетельствуют фактические условия отбывания наказания в тюрьмах в период пребывания Веннинга в России. Так, осмотрев места заключения в Петербурге, он, в частности, обнаружил, что камеры были чрезвычайно тесны, мужчины не отделялись от женщин, и в этой связи он отмечал, что «нужные места (туалеты – *авт.*), не чистившиеся несколько лет, так заразили воздух, что почти невоз-

можно было сносить зловоние. В сии места солдаты водили мужчин и женщин одновременно, без всякого разбора и благопристойности. В камерах было также темно, грязно, а пол не мылся с тех пор, как сделан. Сидело в одной комнате 200 человек, и вместе с величайшим, например, преступником, окованным железами, несчастный мальчик за потерю паспорта» [2, л. 23]. Конечно же, в подобных условиях говорить о нравственном исправлении арестантов, не приходится. Как писал русский писатель, публицист П.А. Вяземский (годы жизни: 1792-1878 гг.), «когда в тюрьме, лишенной дневного света, и тусклая лампада благодеяние и спасение» [6, с. 175].

В дальнейшем нормы, регулирующие деятельность Общества, были представлены в виде Устава Общества Попечительного о тюрьмах, включенного в состав Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею [7]. К предметам попечительства здесь, помимо указанных выше, относились состояние тюремных больниц, обеспеченность арестантов одеждой. бельем, обувью, сооружение церквей в тюрьмах.

Президентом Общества Попечительного о тюрьмах являлся министр юстиции (с 1855 г., а до этого Общество считалось находящимся под покровительством самого Императора). Предусматривались комитеты Общества мужские и женские в столицах, губернских и портовых городах, а также соответствующие отделения в уездных городах. Комитеты и отделения состояли из членов Общества благородного, духовного и купеческого звания. Комитеты Общества должны были наблюдать: «1) чтобы со стороны тюремных смотрителей соблюдаемы были установленные правила по надзору за порядком и благочинием между арестантами и правильному размещению их по званию, полу. возрасту и роду преступлений или обвинений; 2) чтобы назидание заключенных в правилах Христианского благочестия и доброй нравственности было исполняемо неупустительно; 3) чтобы в установленные дни Богослужение совершаемо было в тюремных церквах; где же оных нет – молитвословия в особом помещении или в арестантских камерах; 4) чтобы во время постов арестанты говели; 5) чтобы места заключения были снабжены книгами Св. писания и духовно-нравственного содержания и чтобы воскресные и праздничные дни сопровождаемы были арестантами в благочестивых чтениях, беседах и молитве; 6) чтобы обвиненные судом, по объявлении им приговора, немедленно были устраняемы от сообщества с прочими арестантами, дабы духовный отец наедине приготовил их назиданием к достойному принятию Св. Таин и к перенесению заслуженного наказания с христианскою покорностию и раскаянием» [1].

Эти идеи отражали гуманистическую направленность российской пенитенциарной политики, и в этом смысле были сопоставимы с европейскими подобными учреждениями. Однако наличие сословного признака, телесных наказаний, достаточно широко применяемых до 1863 г. (это хорошо видно в перой редакции Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), а также таких средневековых атрибутов, как кандалы для приговоренных к ссылке в каторжные работы, канаты (связки) во время препровождения каторжан до места отбывания наказания, во многом дискредитировали сами по себе правильные пенитенциарные нормативные положения. В дальнейшем был принят Устав состоящих под Высочайшим покровительством С.-Петербургских и Московских Мужских и Дамских Благотворительно-Тюремных Комитетов, который был включен в Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею в качестве приложения к Уставу Общества Попечительного о тюрьмах [8, с. 152].

Здесь обратим внимание на цели, которые ставились перед Тюремными Комитетами. Они должны были: «1) оказывать содействие в приискании средств к жизни лицам, освобожденным из-под стражи или отбывшим срочное заключение, принятием их на поруки, определением на места, помещением за счет Комитетов в ночлежные дома, дома трудолюбия и другими способами и, в частности, иметь попечение об участи выпущенных из заключения несовершеннолетних помещением их к родным, в состоящие в заведывании Комитетов приюты и другие заведения; 2) призревать детей лиц, поступивших в места заключения, впредь до освобождения из-под стражи родителей; 3) оказывать возможную помощь находящимся на свободе семействам заключенных и осужденных в ссылку;

4) пещись о выкупе лиц, заключенных за долги, и помогать их семействам» [9].

В 1827 г. Николай I передал Обществу попечительному о тюрьмах право распоряжения так называемыми «кормовыми» деньгами арестантов. Такое решение привело к определенному обострению отношений между представителями Общества, ставшими контролировать расходы на питание арестантов, и смотрителями тюрем, у которых это право отняли, и они лишились возможности иметь некоторый незаконный дополнительный личный доход [10, с. 72]. Можно еще отметить, что усилиями Общества с 1830 г. в российских тюрьмах стала использоваться единая одежда для арестантов [11, с. 39]. В целом же, как справедливо отмечает М.Г. Детков, тюремные комитеты «лишь номинально относились к системе управления местами заключения. На деле же их роль была крайне ничтожна» [12, с. 101].

И все же есть основание констатировать принятие достаточно прогрессивных нормативных положений, которые в определенной мере отражали и политику Российского государства в тюремной сфере. Нужно также иметь в виду, что на местах в Российской империи было немало и позитивных результатов деятельности территориальных комитетов Общего Попечительного о тюрьмах, в частности, это касается Ставропольского Попечительного о тюрьмах комитета. Не без усилий этого Комитета значительное количество арестантов, в том числе и незаслуженно осужденные, «были согреты теплым отношением своих попечителей, одеты, обуты, накормлены, имели возможность трудиться и зарабатывать, учиться, своевременно получать медицинское обслуживание, чего многие не имели и на свободе. Только такой громадный труд людей, бескорыстно занимающиеся благотворительностью в отношении заключенных, способен вернуть их определенную часть к нормальной жизни, не дав им озлобиться и совершать все новые преступления» [13, с. 30]. Подобные сведения описаны и применительно и к Кубани [14].

В дальнейшем, однако, государство советского периода не воспримет этих идей (не считая первых лет советской власти, когда предусматривался институт патроната [15; 16]). Следует заметить, что в постсоветской России возрожденные попечительские советы над исправительными учреждениями во многом работают также формально. Тем не менее нельзя отрицать и определенного положительного влияния этой организации, и прежде всего в XIX в., когда именно это Общество поставило вопрос о необходимости большего внимания нравственному исправлению арестантов, что видно не только по общеимперским Правилам Общества попечительного о тюрьмах, но и деятельности провинциальных Тюремных комитетов. Кроме того, многие идеи Правил впоследствии включались в нормативно-правовые акты, регулирующие тюремную деятельность.

Библиографический список

1. Высочайше утвержденный доклад Министра Духовных дел и Народного Просвещения от 19.07.1819 г. «Об учреждении в России Попечительного Общества о тюрьмах»(вместе с Правилами для Попечительного Общества о тюрьмах) // ПСЗ-1. № 27895.

2. ГАРФ. Ф. 123. Оп. 2. Д. 599.

3. Шурухнов Н.Г. Общество попечительное о тюрьмах: цели, структура, правовые и организационные направления деятельности (анализ устава) // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2019. – № 5. – С. 65-70.

4. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. – М., 1955. Т. 1.

5. Соломон А.П. Тюремное дело в России. – СПб., 1898.

6. Вяземский П.А. Записные книжки (1813-1848). – М.: АН СССР, 1963.

7. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею // Свод законов Российской империи. Т. XIV. – СПб., 1832.

8. Федотова И.Н. Государство и организация тюремной благотворительности (на материалах Владимирской губернии 30-70-х гг. XIX в.) // Власть и общество в России: традиции и современность. Рязань, 2008. Т. 1. С. 150-153.

9. Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражею // Свод законов Российской империи. Т. XIV. – СПб., 1914. Приложение к ст. 65 Свода учреждений и уставов о содержащихся под стражею.

10. Шабанов М.П. Ссылка и каторга в Западной Сибири в конце XVI – конце XIX веков: дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 1998.

11. Кашпур Л. Человеколюбием исправлять (попечительству тюрем – 180 лет) // Преступление и наказание. – 1999. – № 11. – С. 36-41.

12. Детков М.Г. Наказание в царской России. Система его исполнения. М., 1994.

13. Батчаева М.К. Деятельность «Ставропольского попечительного о тюрьмах комитета» в 40-70-х гг. XIX века // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – № 2. – С. 24-31.

14. Галкина Н.И. Институт тюремного попечительства в Российской империи и его особенности на Кубани: дисс. … канд.юрид. наук. – Краснодар, 2009.

15. Упоров И.В. Первое законодательное регулирование тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 86-90.

16. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). – Москва, 2012.

PRISON GUARDIANSHIP IN THE 19TH CENTURY: LEGAL REGULATION AND ACTIVITIES

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *In the early 19th century, the Prison Guardianship Society was established in the Russian Empire. Its overall goal was to provide assistance to prisoners in places of confinement, primarily of a moral and corrective nature. Thus, the Society's activities were primarily humanistic in nature. The establishment of the Society was the result of an initiative that arose after the presentation to Emperor Alexander I of a report by the English philanthropist Venning on the state of prisons in Russia and the experience of such public activities in his country. This article examines the emergence of the Prison Guardianship Society, its legal status, goals, and main areas of activity. Accordingly, the regulatory documents governing the Society's activities, archival documents, and scholarly works on the topic are analyzed. It is noted that this aspect of penitentiary policy was highly relevant for Russia, given that prison conditions were generally extremely unsatisfactory. The Society itself was part of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Ingushetia, which included the Main Prison Administration. The territorial committees of the Prison Guardianship Society were somewhat beneficial in their activities, but they often functioned only formally.*

Keywords: *Prison Guardianship Society; Wenning; prisoners; moral correction; charter; rules; philanthropy.*

ВЫБОРЫ МЕСТНЫХ ДЕПУТАТОВ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ КОНСТИТУЦИИ СССР 1977 ГОДА: ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ И ОСОБЕННОСТИ

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*
Российская академия естествознания
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-161-167

Аннотация. *В 1977 г. в советском государстве была принята новая Конституция СССР. На ее основе обновлялось законодательство по многим направлениям социально-экономической жизни советского общества. Это относилось и к избирательному законодательству. В статье рассматриваются особенности этого законодательства применительно к выборам депутатов в местные Советы народных депутатов и в контексте избирательных процедур. Соответственно анализируются нормы Конституции СССР 1977 г., Конституции РСФСР 1978 г., другие акты, статистические данные о проводимых выборах, а также научные труды по данной проблематике. Значительное внимание уделено принятому в 1979 г. специальному избирательному Закону РСФСР. «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР». Отмечается, что избирательные процедуры в нормах права в целом являлись вполне демократичными, в том числе допускалась альтернативность при выдвижении кандидатов в депутаты, однако фактически на каждом избирательном округе выставлялся единственный кандидат в депутаты, который, к тому же, предварительно проходил «фильтр» в структурах КПСС. Такое положение изменилось только во время «перестройки» в самом конце 1980-х гг.*

Ключевые слова: *выборы; местные Советы; депутаты; конституция; закон; избирательные комиссии; КПСС; агитация*.

После принятия Конституции СССР 1977 г. [1] несколько оживилась активность партийно-советских органов, трудовых коллективов, общественных организаций в проведении выборов на всех уровнях публичной власти, в том числе в местные Советы народных депутатов, поскольку вносил некоторые новеллы, включая избирательную систему. Так, четвертый раздел Конституции СССР 1977 г. – «Советы народных депутатов и порядок их избрания» закреплял уже известные принципы всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Указывалось, в частности, что местные Советы народных депутатов решают все вопросы местного значения, исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, проживающих на территории Совета народных депутатов, проводят в жизнь решения вышестоящих государственных органов [1]. Следует заметить, что такой подход воспринят и действующей Конституцией России 1993 г. Однако, в отличие от современного положения, тогда, в Конституции СССР 1977 г., в системе Советов народных депутатов «сверху до низу», то есть, от Верховного Совета СССР до сельского Совета, действовал принцип административной соподчиненности нижестоящих и вышестоящих Советов.

При этом Конституция СССР содержала и ряд новых моментов, определявших особенности выборов, среди которых: снижение возраста пассивного избирательного права; право граждан и общественных организаций активно участвовать в подготовке и проведении выборов, достаточно широкие агитационные права; возможность избрания гражданина, как правило, не более чем в два Совета; финансирование выборов за счет государства; включение в Конституцию статьи о наказах избирателей, которые было необходимо учитывать, выполнять и о результатах информировать граждан. Новшеством явилось и включение в Конституцию специальной главы о народном депутате. Теперь статус депутата был закреплен на конституционном уровне, что придавало ему особую значимость, при этом основой соответствующего конституционного блока правовых норм явился Закон СССР 1972 г. о статусе народных депутатов в СССР.

В республиканских конституциях блок избирательных норм регулировался несколько подробнее. Так, в Конституции РСФСР 1978 г. [2] они закреплялись в ст. 91-08. Указывалось, в частности, что выборы депутатов во все Советы народных депутатов производятся на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, все граждане РСФСР, достигшие 18 лет, имеют право избирать и быть избранными, за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными. Выборы депутатов являются равными: каждый избиратель имеет один голос; все избиратели участвуют в выборах на равных основаниях. Право выдвижения кандидатов в депутаты принадлежит организациям Коммунистической партии Советского Союза, профессиональных союзов, Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, кооперативным и другим общественным организациям, трудовым коллективам, а также собраниям военнослужащих по воинским частям. При этом гражданам РСФСР и общественным организациям гарантируется свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также право агитации на собраниях, в печати, по телевидению, радио. Расходы, связанные с проведением выборов в Советы народных депутатов, производятся за счет государства. Проведение выборов в Советы обеспечивают избирательные комиссии, которые образуются из представителей от общественных организаций, трудовых коллективов и собраний военнослужащих по воинским частям. Порядок проведения выборов в Советы народных депутатов определяется законами Союза ССР, РСФСР и автономных республик [2].

Затем в союзных республиках были приняты соответствующие законы, которые в деталях регулировании все процедурные вопросы организации и проведения выборов депутатов в местные Советы. В РСФСР в 1979 г. был принят Закон РСФСР «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР» [3]. Рассмотрим еще несколько основных процедурных аспектов, связанных с выборами местных депутатов местных Советов. Так, в пределах норм, установленных законами о выборах в местные Советы, число избирательных округов устанавливалось Президиумом Верховного Совета соответствующей союзной или автономной республики, а для других Советов – исполнительным комитетом вышестоящего Совета народных депутатов. При определении числа избирательных округов для каждого Совета учитывалась численность населения, проживающего на подведомственной Совету территории, размеры территории и другие местные условия. Кроме численности населения, при образовании избирательных округов учитывалось также административно-территориальное деление, так как одно из главных требований, предъявляемых к избирательному округу, заключалось в том, чтобы он был максимально удобным для организации выборов и для проведения в нем впоследствии работы депутата. В каждом круге формировалась своя избирательная комиссия (далее – также избирком).

Важное значение в организации выборов в местные Советы народных депутатов имели избирательные участки, где создавались участковые избиркомы. Они создавались для проведения голосования и подсчета голосов. В отличие от избирательных округов, которые обеспечивали равное представительство в Советах всего проживающего на их территории населения, основная цель избирательных участков – предоставить избирателям наиболее удобные возможности для участия в голосовании. При этом ввиду увеличения численности населения, его внутренней миграции, в том числе в рамках освоения сибирских территорий, количество избирательных участков соответственно возрастало. Только с 1974 по 1984 гг. число избирательных участков увеличилось на 4,5 тыс. и составило в 1984 году 175 тыс. [4, с. 29]. В списки избирателей включались все граждане, достигшие ко дню выборов или в день выборов 18 лет и проживающие постоянно или временно к моменту составления списков на территории данного Совета народных депутатов. Обязанности по составлению списков избирателей возлагались на исполкомы соответствующих местных Советов.

Согласно закону, избиркомы информируют население о своих заседаниях и принятых решениях, о проводимых ими мероприятиях. На заседаниях комиссий могли присутствовать представители общественных организаций,

трудовых коллективов, печати, радио, телевидения. В целях более успешного выполнения избиркомами возложенных на них задач государственные и общественные органы, предприятия, учреждения, организации, должностные лица обязаны были содействовать избиркомам в осуществлении ими своих полномочий, предоставлять комиссиям необходимые для работы сведения и материалы. Соответственно закреплялось право избиркомов обращаться в государственные и общественные органы к предприятиям, учреждениям, организациям, к должностным лицам по вопросам, связанным с подготовкой и проведением выборов. Указанные органы и должностные лица не позднее чем в трехдневный срок обязаны были рассмотреть поставленный избиркомом вопрос и дать ей ответ. Однако в практике такого рода полномочия избиркомов использовались редко [5, с. 73]. Законы о выборах предусматривали также, что председатель или заместитель председателя, или секретарь участковой избирательной комиссии в период подготовки и проведения выборов освобождается от выполнения производственных или служебных обязанностей на 30 календарных дней с сохранением среднего заработка по месту постоянной работы.

Право выдвижения кандидатов в депутаты местных Советов осуществляли организации КПСС, профсоюзов, ВЛКСМ, кооперативные и другие общественные организации в лице их общесоюзных, республиканских, краевых, областных, окружных, районных, городских, районных в городах органов, трудовых коллективов, а также собраний военнослужащих по воинским частям. Как видно, в числе субъектов выдвижения кандидатов не указываются собрания граждан по месту проживания. Игнорирование этого территориального признака еще при СССР оценивалось, и справедливо, с негативной точки зрения [6, с. 64] (исключение было сделано лишь для выборов в поселковые и сельские Советы, где выдвижение кандидатов в депутаты могли также осуществлять общие собрания граждан по производственным подразделениям совхозов, колхозов, по селам и другим сельским населенным пунктам). Все кандидаты в депутаты должны были быть зарегистрированы окружной избирательной комиссией.

Законодатель устанавливал определенные гарантии для кандидатов в депутаты, в частности, они могли участвовать и выступать на предвыборных собраниях и совещаниях, в печати, по телевидению, радио. Однако в практике такое право нередко нарушалось [7, с. 39]. Кандидат в депутаты на время избирательной кампании освобождался от выполнения своих производственных или служебных обязанностей с сохранением среднего заработка по месту постоянной работы. При этом общественным организациям и трудовым коллективам, выдвинувшим кандидатов в депутаты или выступившим в поддержку кандидатов, выдвинутых другими организациями, предоставлялось право беспрепятственно агитировать за своих кандидатов. В этих целях общественным организациям и трудовым коллективам бесплатно предоставлялись помещения для собраний и митингов, печать, радио, телевидение и другие средства массовой информации. Право участвовать в предвыборной агитации гарантировалось каждому гражданину. Ведение предвыборной агитации запрещалось только в день выборов в помещении для голосования. Однако в практике, поскольку по каждому округу выдвигался единственный кандидат, причем предварительно одобренный в партийных инстанциях КПСС (хотя закон не ограничивал число кандидатов в депутаты), агитация во многом теряла смысл, поскольку выбора как такового не было. Соответственно нельзя согласиться с мнением о том, что в рассматриваемый период нормативные акты не предусматривали альтернативности при выдвижении кандидатов в депутаты [8, с. 67].

Так, в избирательном Закона РСФСР 1979 г. (ст. 38) указывается, что «кандидаты в депутаты, выдвинутые с соблюдением требований настоящего Закона, регистрируются окружной избирательной комиссией соответствующего избирательного округа». И далее кандидаты в депутаты по одному и тому же избирательному округу неизменно указываются во множественном числе. Кроме того, ст. 48 этого закона устанавливается: «Окружная избирательная комиссия обязана зарегистрировать всех кандидатов в депутаты, выдвинутых по данному избирательному округу». Другое дело, что на этом аспекте законодатель, действительно, не акцентирует вни-

мания и фактически действительно в абсолютном большинстве случаев (в рассматриваемый период, вероятно, в 100%) выдвигался единственный кандидат. Обращение же к действительно альтернативным выборов депутатов, причем как в теории, так и в практике, произойдет лишь накануне распада СССР в конце 1980-х гг.

В день выборов перед началом голосования председатель участкового избиркома в присутствии всех членов комиссии проверял избирательные ящики и удостоверялся, что они пусты и не имеют каких-либо дефектов, которые могут привести к нарушению тайны голосования. Затем пломбировал их или опечатывал печатью участковой избирательной комиссии. При этом могли присутствовать представители общественных организаций, трудовых коллективов, печати, телевидения и радио. Избирательные бюллетени выдавались избирателям на основании списка избирателей. Для их получения избиратель предъявлял члену участковой избирательной комиссии свой паспорт или иное удостоверение личности. Однако в практике такое требование закона нередко нарушалось с молчаливого согласия, и даже при некотором попустительстве участковых избирательных комиссий, и бюллетени могли выдавать родственникам пришедшим на участок гражданам. Избиркомы обязаны были не позднее, чем на пятый день после выборов опубликовать сообщение об итогах выборов в данный Совет список избранных депутатов.

Советская печать активно освещала весь избирательный процесс, однако тон публикаций обычно был праздничный – ведь сами выборы народных депутатов считались торжеством советской демократии – избирались достойные представители народа во власть, в нашем случае – в местную власть. День выборов определялся в воскресенье, накануне на улицах было много наглядной агитации типа «Все на выборы!». Участковые избирательные комиссии располагались обычно в зданиях школ и домов культуры, где в день голосования работали торговые точки, буфеты, звучала музыка, в общем создавались праздничная атмосфера.

В литературе при анализе избирательного права рассматриваемого периода отмечается, что характерной его особенностью стало «неуклонное повышение требований избирателей к своим депутатам, к их личностным качествам, способностям. Избирательная система, действующая в нашей стране, предусматривала, что кандидату в депутаты необходимо было получить абсолютное большинство голосов, иначе они не будут выбраны» [9, с. 233]. В дальнейшем, уже после распада СССР, от этого принципа, как известно, отказались. И эту норму избирательного права о большинстве голосов избирателей (более чем половина от числа всех зарегистрированных избирателей по избирательному округу), как представляется, целесообразно ввести и в современной России, учитывая, что в настоящее время в российской системе местного самоуправления при отменном пороге явки избирателей (фактически она составляет 15-25%) достаточно относительного большинства, и в этом случае выборы превращаются в профанацию, не отражая в должной мере воли избирателей, соответственно «граждане до настоящего времени не чувствуют уверенности в развитии демократических процессов участия» [10, с. 88]. Обеспокоенность по поэтому поводу выражается и в других публикациях [11; 12 и др.]. Однако с позицией о «неуклонном повышении требований избирателей к своим депутатам» согласиться трудно. Дело в том, что в рассматриваемый завершающий период советского «застоя» имела место определенная стабилизация общественно-политической ситуации. Как указывалось в преамбуле Конституции СССР 1977 г., «в СССР построено развитое социалистическое общество … Развитое социалистическое общество – закономерный этап на пути к коммунизму». Тогда, к моменту принятия этой Конституции, в СССР действительно имели место позитивные сдвиги по многим направления социально-экономического развития, и общество в целом поддерживало действующую тогда власть во главе с Л.И. Брежнев. Поэтому выборы на всех уровнях публичной власти, включая местные Советы, проходили спокойно, избиратели в целом принимали руководящую роль КПСС и доверяли одобренным в партийных инстанциях кандидатам в депутаты и голосовали за них абсолютным большинством. Автор этой статьи будучи в 1984 г. председателем одной из избирательных комиссии в то время, лично убеждался

при подсчетах бюллетеней в том, что кандидаты в депутаты получали больше 90% поддержки избирателей.

В этой связи, как отмечает А.А. Вениминова, после принятия Конституции СССР 1977 г., модель избирательной системы мало отличалась от прежней, установленной Конституцией 1936 г. [8, с. 69]. Это видно и по статистике. Так, 24 февраля 1985 г. в выборах в местные Советы приняли участие 99,97% избирателей. В сравнении с 1973 г. общая явка избирателей увеличилась на 0,01%. При этом по итогам выборов в местные Советы всех уровней, количество испорченных бюллетеней для голосования всего 103 штуки, что в десять раз меньше, чем в 1973 г. Самыми организованными оказались избиратели автономных областей и округов, они не испортили ни одного бюллетеня. Количество женщин, выбранных в местные Советы, неуклонно росло, так, если в 1939 г. в составе местных Советов женщин было – 33,1%, в 1969 г. – 44,6%, то в 1982 – 50,1%. Характерно, что в составе депутатского корпуса соотношение рабочих и колхозников от выборов к выборам принципиально не изменялось – если в 1973 г. рабочие и колхозники составляли 67,3%, то в 1985 г. уже 75,2%. К началу 1980-х гг. почти каждый второй советский депутат являлся членом КПСС. Такая столь высокая степень партийности выборных органов государственной власти и местного управления позволяла КПСС полностью контролировать принятие любых решений в Советах. В духе времени считалось, что «партийное руководство – высшее проявление власти народа, отражающее интересы трудящихся в построении коммунистического общества». Одним из факторов эффективности выборов депутатов местных Советов является показатель обновления состава народных избранников. В 1985 г. этот показатель обновления депутатского корпуса составил – 47,4%. Самый низкий показатель зафиксирован в 1977 г. – всего 44,2%. Самый высокий в 1959 г. – 53,5% [13, с. 11-14, 247-249].

Указанные фактически безальтернативные выборы при сугубо формально соблюденных избирательных процедурах в Советы всех уровней, в том числе и местные, заорганизованность избирательных компаний, непомерная опека всех выборных кампаний со стороны КПСС привели к тому, что выборы депутатов «перестали быть инструментом улучшения жизни общества и механизмом совершенствования представительства трудящихся во власти, и стали формальными акциями, проведенными под руководством центрального и местного партийного аппарата» [14, с. 9]. Тем самым существенно снижался потенциал представителей народа в выборных органах [15; 16 и др.] К этому можно в заключении добавить, что к рубежу 1980 г. уже стали проявляться экономические трудности, которые несколько лет удавалось компенсировать за счет очень выгодной торговли нефтегазовыми ресурсами из открытых в Западной Сибири месторождений. Однако в дальнейшем стало ясно, что советская экономика вошла в серьезный кризис, экстенсивная модель советского хозяйствования себя исчерпала [17, с. 114]. Попытки нового Генсека ЦК КПСС Ю.В. Андропова исправить ситуацию преимущественно административными мерам не принесли ожидаемых результатов, и «застой» перешел в стадию горбачевской известной горбачевской «перестройки», в рамках которой, точнее, в конце ее, появилась альтернативность, то есть, конкуренция кандидатов в депутаты, на выборах в местные Советы [18]. Но в 1991 г. СССР распался, институт местных Советов был упразднен и заменен ныне действующим институтом местного самоуправления.

Библиографический список

1. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. 1977. N 41. ст. 617.

2. Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости ВС РСФСР. 1978. N 15. Ст. 407.

3. Закон РСФСР от 03.08. 1979 г. «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. 1979. № 32. Ст. 784.

4. Григорьев В.К., Жданов В.П. Порядок организации и проведения выборов в Верховные Советы союзных, автономных республик и в местные Советы народных депутатов. – М.: Юрид. лит., 1985.

5. Алебастрова И.А. Выборы народных депутатов в СССР как институт демократии. Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1991.

6. Андрющенко Е. О некоторых принципах избирательного процесса // Народный депутат. – 1990. – № 3. – С. 63-67.

7. Курскова Г.Ю. Законодательное закрепление принципов избирательного права в условиях перехода от тоталитаризма к демократии в России. – М., 2003.

8. Веньяминова А.А. Избирательный процесс в советском государстве (1917 – начало 1990-х гг.): дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008.

9. Хутин А.Ф. Местные Советы народных депутатов: особенности и противоречия их развития в 70-80-е годы: дис. …д-ра ист. наук. – М., 1992.

10. Слепцов В.В. Перспективы совершенствования института муниципальных выборов в Российской Федерации // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. – 2023. – № 1. – С. 81-89.

11. Шапошникова Е.А. Условия повышения эффективности электорального процесса. региональный и муниципальный уровни в России // Постсоветский материк. – 2022. – № 2. – С. 30-42.

12. Максимов М.В. Роль непосредственной демократии в местном самоуправлении в РФ // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2023. – № 1. – С. 309-314.

13. Итоги выборов и состав депутатов местных Советов народных депутатов в 1985 г. – М., 1985. – С. 9.

14. Абракова Т.А. Материалы советских избирательных кампаний 50-х начала 80-х годов XX века как форма диалога власти и общества // Вестник Чувашского университета. – 2009. – № 3. – С. 3-11.

15. Упоров И.В., Кузовлева Г.В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 30-34.

16. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). – Москва, 2012.

17. Данильченко С.Л. Советская хозяйственная политика в 1965-1991 гг.: проблемы экономического реформирования СССР. – Уфа: Аэтерна, 2023.

18. Агафонов Ю.А., Рассказов Л.П., Упоров И.В. Становление и особенности современного российского права. – Краснодар, 2000.

LOCAL ELECTIONS AFTER THE ADOPTION OF THE 1977 USSR CONSTITUTION: PROCEDURAL ISSUES AND FEATURES

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *In 1977, a new Constitution of the USSR was adopted in the Soviet state. Based on it, legislation was updated in many areas of the socio-economic life of Soviet society. This included electoral legislation. This article examines the specifics of this legislation as it applies to elections of deputies to local Councils of People's Deputies and in the context of electoral procedures. The article analyzes the provisions of the 1977 USSR Constitution, the 1978 RSFSR Constitution, other legal acts, statistical data on elections, and scholarly works on this topic. Considerable attention is given to the special electoral law of the RSFSR, "On Elections to Local Councils of People's Deputies of the RSFSR", adopted in 1979. It is noted that the electoral procedures in the law were generally quite democratic, including allowing for alternatives in the nomination of candidates for deputy. However, in fact, each electoral district nominated a single candidate, who, moreover, had first undergone a "filter" within the CPSU structures. This situation changed only during perestroika in the late 1980s.*

Keywords: *elections; local councils; deputies; constitution; law; electoral commissions; CPSU; campaigning.*

АНАТОЛИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ КАРПОВ – СОВЕТСКИЙ И РОССИЙСКИЙ ШАХМАТИСТ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕЯТЕЛЬ (75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ – 23.05.2026)

С.В. Усов, *д-р техн. наук, профессор, лауреат Государственных премий СССР и РФ, лауреат Премий Правительства РФ, лауреат Премии Ленинского комсомола ЦКВЛКСМ*
ООО «Московский лазерный технологический центр»
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-168-174

Аннотация. *23 мая 2026 года исполняется 75 лет со дня рождения гражданина и патриота нашей страны, выдающегося шахматиста, 16-кратного чемпиона мира по шахматам, депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, лауреата премии Правительства РФ Анатолия Евгеньевича Карпова; моего друга и одноклассника. В конце 60-х годов 21 века мы с Анатолием Карповым учились в 20-й средней школе города Тулы, где директором был выдающийся организатор и руководитель среднего образования математик Демьянов Геннадий Петрович. Анатолий Карпов был на год старше меня, он учился с моим товарищем дважды лауреатом премии Мосина С.И., доктором технических наук, профессором Нуждихиным Вячеславом Григорьевичем (одним из первых в СССР и РФ, начавшим создавать и промышленно применять роботизированные комплексы для сборки ракетной техники). Юношеские встречи в школе были у нас мимолетные и только в 90-е годы мы по-настоящему начали общаться и подружились. Хочу в этой статье рассказать о моем выдающемся однокласснике, верном товарище и друге.*

Ключевые слова: *Карпов Анатолий Евгеньевич; 16-кратный чемпион мира по шахматам; депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации; лауреат премии Правительства РФ.*

Школьные годы

Отца (Евгения Ивановича Карпова) Анатолия Карпова перевели из Златоуста на тульский завод «Штамп» на должность заместителя главного инженера. С ним в Тулу приехал его сын Анатолий Карпов, поступивший на учебу в 20-ю среднюю школу города Тулы. Он пришел в школу, где в это время талантливейший математик Геннадий Петрович Демьянов, работая директором, создал знаменитый на всю страну коллектив учителей. Анатолий заканчивал девятый и десятый классы, я был на год моложе.

Как-то на уроке математики Геннадий Петрович сказал нам: «Ребята, а вы знаете, что в нашей школе учится чемпион Европы по шахматам Анатолий Карпов?» (фото 1). Анатолий в это время выиграл чемпионат Европы среди молодых шахматистов. Демьянов повесил на первом этаже приветственный плакат о победе Карпова.

В это время мы с Анатолием пересекались несколько раз на наших учебных мероприятиях. Он подружился с моим товарищем, впоследствии – доктором технических наук, профессором Вячеславом Григорьевичем Нуждихиным. Собственно, благодаря Вячеславу Нуждихину я и познакомился с Анатолием. А мой отец, Герой Социалистического Труда Вадим Сергеевич Усов, будучи директором ТНИТИ, сотрудничал с отцом Анатолия Евгением Ивановичем, работавшим на заводе «Штамп» заместителем главного инженера.

Анатолий окончил среднюю школу с золотой медалью в 1968 году, в этот год выпускники 20-й школы были награждены 20-ю медалями золотого и серебряного достоинства.

Фото 1. Ученик 20-й средней школы города Тулы, чемпион Европы по шахматам, мастер спорта СССР Анатолий Карпов

Классным руководителем 10 «А», где учился Анатолий, была Зоя Николаевна Меретилова. Здесь же преподавали такие высокопрофессиональные учителя, как Надежда Гордеевна Герасько, Нина Фёдоровна Храмайкова. Вообще у директора Демьянова в школе были собраны незаурядные педагогические личности. Поэтому и поступали выпускники 20-й школы в самые престижные высшие учебные заведения СССР. Анатолий после окончания школы учился в Московском государственном и Ленинградском университетах.

Вадима Сергеевича Усова и Евгения Ивановича Карпова свела оборонная промышленность СССР, когда его перевели из Златоуста на Тульский завод «Штамп» на должность заместителя главного инженера. В 70-х годах Вадим Сергеевич работал директором ТНИТИ Министерства машиностроения СССР. Завод «Штамп» так же входил в состав этого министерства. Неожиданно против отца Анатолия Карпова партийные функционеры Тулы начали возбуждать непонятные дела. Вадим Сергеевич Усов, работая с Евгением Ивановичем Карповым достаточно плотно, встал на его защиту и сумел заступиться, все обвинения были сняты [1]. С той поры шестнадцатикратный чемпион мира по шахматам Анатолий Евгеньевич Карпов (фото 2) стал другом Усова Вадима Сергеевича.

Фото 2. Герой Социалистического Труда Усов В.С. и 16-кратный чемпион мира по шахматам Карпов А.Е.

Дороги жизни

Затем последовал длительный период, в котором каждый из нас занимался фактически творческими делами. Анатолий добивался громадных успехов на шахматных турнирах, выигрывая одно звание за другим. Моя стезя заключалась в научно-производственных изысканиях на Туламашзаводе [2]. Мы вместе с Вячеславом Нуждихиным всегда очень сильно переживали за поединки Анатолия, я через Вячеслава передавал ему приветы. Анатолий встречался с Нуждихиным в Москве, в квартире его отца, работавшего заместителем министра угольной промышленности СССР. Новости об успехах Анатолия мне сообщал при встречах доцент Тульского политехнического института Юрий Мягков – муж сестры Анатолия, Ларисы. Карпов, приезжая в Тулу, частенько встречался с моим отцом, ставшим генеральным директором Туламашзавода, В.С. Усовым. В созданном Туламашзаводом (фото 3) детском клубе «Гайдаровец» они проводили детские шахматные турниры [1].

Фото 3. Чемпион мира по шахматам, Почётный гражданин города Тулы Карпов А.Е. с юными тульскими шахматистами

В 1990-е годы наши контакты начинают становиться более частыми – уход нашего общего друга В.Г. Нуждихина нас сильно сблизил. К тому же произошел мой переезд в Москву. Здесь и начались более продуктивные и интересные мои встречи с Анатолием Евгеньевичем.

На Туламашзаводе под руководством Нобелевского лауреата, дважды Героя Социалистического Труда, академика РАН А.М. Прохорова и моего отца были организованы работы по созданию приборов фотодинамической терапии для деструкции онкологических новообразований [3]. Эти проекты осуществлялись в рамках программы, созданной по инициативе мэра Москвы Ю.М. Лужкова и губернатора Тульской области В.А. Стародубцева. На базе МСЧ № 7 сотрудники научно-производственного предприятия «Лазер» и ИОФРАН создали кабинет фотодинамической терапии. Открытие кабинета совпало (фото 4) с очередным приездом Анатолия Евгеньевича в Тулу. Карпов занимался проблемами чернобыльцев и был осведомлен о наших работах, он принял участие в совещании, посвященном этому событию, и высоко оценил то, что нам удалось сделать [4].

Фото 4. Открытие кабинета фотодинамической терапии в Медсанчасти № 7 города Тулы. В мероприятии принимали участие: 16-кратный чемпион мира по шахматам, Почетный гражданин города Тулы, депутат Государственной Думы РФ Карпов А.Е.; генеральный директор АК «Туламашзавод», Герой Социалистического Труда СССР Усов В.С.; директор института имени П.А. Герцена, академик РАН Чиссов В.И., заместитель губернатора Тульской области Харитонов С.А., мэр Тулы Тягливый Н.Е., директор-главный конструктор ВЗНПП «Лазер» профессор Усов С.В.

Фонд мира на Пречистенке. Премия Правительства РФ в области образования

В то время Анатолий Евгеньевич очень активно работал в Фонде мира, где, собственно, и проходили наши встречи. Продолжая заниматься проблемами военно-медицинской техники совместно с доктором технических наук, профессором А.Р. Евстигнеевым, докторами медицинских наук, профессорами А.В. Гейницем и В.В. Соколовым, а также академиком РАН В.И. Чиссовым, вдруг пришли к выводу о том, что наши исследования помогают решить очень серьезные задачи, в том числе – в области оказания неотложной медицинской помощи в экстремальных ситуациях.

Решили представить работу «Межрегиональный университетский учебно-педагогический комплекс по наукоемкой многофункциональной подготовке медицинских специалистов для медицины катастроф и чрезвычайных ситуаций» [3] на соискание премии Правительства РФ в области науки и техники. Естественно, руководителем работы мы единодушно выбрали Анатолия Евгеньевича. Он много сделал для ее продвижения.

В это время я часто заходил к нему в здание Фонда мира на Пречистенке. Как-то пришел, сижу, жду Анатолия Евгеньевича в фойе. На улице метель. Открывается дверь и входит бабушка с двумя мальчиками. Дальше почти цитирую разговор. Бабушка спрашивает у вахтера: «Здесь записывают в школу шахмат Карпова?» Вахтер отвечает: «Да». (Напомню, что Анатолий Евгеньевич создал по миру более 200 шахматных школ, поэтому часто летал для проведения обучающих программ). Один из пацанов говорит: «Наверное, всех не принимают». А вахтерша ему: «Анатолий Евгеньевич принимает всех». Бабушка стала сокрушаться: «Дорого платить нужно». И тогда вахтерша с гордостью сказала, что Карпов денег не берет. Я уж потом узнал, что Анатолий и Фондом мира руководил на общественных началах.

Наш поход за почетной наградой окончился удачно, авторскому коллективу во главе с профессором А.Е. Карповым была присуждена в 2009 году премия Правительства РФ в области образования (фото 5). На церемонии награждения к чемпиону мира Карпову А.Е. выстроилась очередь из лауреатов и сотрудников Дома Правительства – все хотели получить автограф и сфотографироваться. Анатолий не отказал никому. Эта незапланированная процедура продолжалась часа полтора.

Анатолий всегда приветлив, с вниманием относится к каждому, старается помочь, если это необходимо.

Фото 5. Слева направо д.т.н., проф. Усов С.В.; д.м.н., проф. Сергеев Ю.В.; депутат ГД ФС РФ Карпов А.Е.; д.т.н., проф. Евстигнеев А.Р.; д.м.н., проф. Гейниц А.В.; д.м.н., проф. Соколов В.В.

Сотрудничество в Государственной Думе Федерального собрания РФ

Будучи уже избранным депутатом ГД ФС РФ, Анатолий Евгеньевич предложил мне стать его помощником на общественных началах. Для него это имело значение, так я по своей непосредственной работе занимался проблемами ВПК в плане решения различных аспектов в области надежности и долговечности. А кроме этого, Карпов А.Е. активно занимался расширением применения тех наработанных решений, которые были включены в получившую высокое призвание нашу научно-педагогическую работу «Межрегиональный университетский учебно-педагогический комплекс по наукоемкой многофункциональной подготовке медицинских специалистов для медицины катастроф и чрезвычайных ситуаций» [5, 6]. Были и другие аспекты, которыми мы занимались, исходя из многосторонних интересов Анатолия Евгеньевича Карпова [7, 8]. Только всегда он ставил интересы страны и людей на самое первое место, не задумываясь о своей личной заинтересованности. Анатолий Карпов по-настоящему, без оговорок: гражданин и патриот нашей страны (фото 6).

Фото 6. 16-кратный чемпион мира по шахматам, депутат ГД ФС РФ Карпов А.Е.

Дорогой Анатолий Евгеньевич! Поздравляю тебя с 75-летним юбилеем. Желаю тебе крепчайшего здоровья, успехов в твоей многогранной созидательной деятельности во благо нашей страны и ее граждан.

Библиографический список

1. Усов С.В. Государственный человек / С.В. Усов, П.В. Точилин. – Москва: ООО «Издательство «Перо», 2023. – 128 с. – ISBN 978-5-00218-917-5. – DOI 10.61726/3791.2024.39.32.001. – EDN EFAVMD.

2. Усов С.В. Герой Социалистического Труда Усов В.С. – основоположник быстрых мультипликативных технологий / С.В. Усов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 8-3(95). – С. 26-37. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-8-3-26-37. – EDN IKPAAN.

3. Межрегиональный университетский учебно-педагогический комплекс по наукоемкой многофункциональной подготовке медицинский специалистов для медицины катастроф и чрезвычайных ситуаций / А.Е. Карпов, А.Р. Евстигнеев, А.В. Гейниц [и др.]. – Москва: ГМЛЦ, 2004. – 34 с. – EDN ESTWOH.

4. Карпов А.Е. Мультипликативные методы в науке, медицине и технике / А.Е. Карпов, А.В. Гейниц, С.В. Усов. – Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2011. – 616 с. – EDN XUUTVR.

5. Мультипликативные информационные тренажеры, сокращающие сроки создания и освоения новых изделий / А.Е. Карпов, С.В. Усов, А.В. Жданов, И.П. Точилин. – Москва: Издательство «Перо», 2022. – 124 с. – EDN TMKHPM.

6. Точилин И.П., Карпов А.Е., Жданов А.В., Усов С.В. Мультипликативность как инструмент в продвижении инноваций. – Москва: Перо, 2025. – 150 с.

7. Усов С.В. Лауреат государственной премии СССР, заслуженный деятель науки и техники РФ, доктор технических наук, профессор Седыкин Ф.В. (100 лет со дня рождения – 08.06.2027) / С.В. Усов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 11-2(110). – С. 57-66. – DOI 10.24412/2500-1000-2025-11-2-57-66. – EDN MEYJSS.

8. Усов С.В. Опыт ускоренного промышленного освоения на АК Туламашзавод ракетно-артиллерийских изделий посредством мультипликативных комбинированных методов / С.В. Усов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 12-2(111). – С. 354-367. – DOI 10.24412/2500-1000-2025-12-2-354-367. – EDN DPPKSU.

ANATOLY EVGENIEVICH KARPOV – SOVIET AND RUSSIAN CHESS PLAYER, STATESMAN AND POLITICIAN (75 YEARS SINCE HIS BIRTH – 23.05.2026)

S.V. Usov, *Doctor of Technical Sciences, Professor, laureate of the State Prizes of the USSR and the Russian Federation, laureate of the Prizes of the Government of the Russian Federation, laureate of the Lenin Komsomol of the Central Committee of the Komsomol*
Moscow Laser Technology Center LLC
(Russia, Moscow)

Abstract. *May 23, 2026 marks the 75th anniversary of the birth of Anatoly Evgenievich Karpov, a citizen and patriot of our country, an outstanding chess player, 16-time world chess champion, deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation; my friend and classmate. In the late 60s of the 21st century, Anatoly Karpov and I studied at the 20th secondary school in Tula, where the director was an outstanding organizer and head of secondary education, mathematician Gennady Demyanov. Anatoly Karpov was a year older than me, and he studied with my friend, twice winner of the S.I. Mosin Prize, Doctor of Technical Sciences, Professor Vyacheslav Grigoryevich Nuzhdikhin (one of the first in the USSR and the Russian Federation to create and industrially use robotic systems for assembling rocket technology). Our youth meetings at school were fleeting, and it was only in the 90s that we really began to communicate and became friends. In this article, I want to talk about my outstanding classmate, a loyal comrade and friend.*

Keywords: *Anatoly E. Karpov; 16-time world chess champion; deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation; laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation.*

ПРАВОВОЙ СТАТУС ФАН-ФИЛЬМОВ И ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО КОНТЕНТА В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ ПРАВООБЛАДАТЕЛЕЙ

А.М. Абгарян, *студент*
О.С. Афонина, *старший преподаватель*
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, г. Калуга)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-175-179

Аннотация. *Статья посвящена анализу правовой природы фан-фильмов и иного пользовательского контента (UGC) как объектов интеллектуальных прав в рамках гражданского законодательства РФ. Исследуется рамки между институтом исключительного права правообладателей на персонажей, сюжетов и правом пользователей на творческое самовыражение. Также анализируются критерии свойственности некоторых производных произведений, основанных на других авторских работах, и возможности применения норм о свободном использовании (цитирование, пародия) к фанатскому контенту. В статье рассматриваются противоречия между фактическим развитием производного творчества и доктриной защиты целостности авторского произведения на опыте зарубежных стран и его применимости в российских правовых реалиях. Итогом является обоснование правовых критериев, позволяющих разграничить добросовестное фанатское творчество от коммерческого использования.*

Ключевые слова: *интеллектуальные права; авторское право; фан-фильмы; UGC; исключительное право; персонаж; онлайн-платформы; Fair Use; некоммерческое использование.*

В эпоху цифровой трансформации модель взаимодействия между производителями аудиовизуального контента с потребителями изменилась. Благодаря доступности технологий производства и дистрибуции, т.е. процесса распространения контента, теперь зритель не просто пассивный субъект восприятия – фанатские сообщества превратились в не менее активных создателей произведений. На стыке любительского творчества и профессиональной индустрии сегодня существует пользовательский контент (User-Generated Content, далее – UGC), в частности фан-фильмы, представляющие собой масштабный культурный феномен.

Взрывной рост цифровых платформ, такие как Rutube, TikTok, VK видео и другие специализированные стриминговые сервисы, обеспечил технические возможности для быстрого распространения фанатских произведений на широкую аудиторию. Ранее фан-фильмы ограничивались небольшим кругом любителей, однако сейчас высокобюджетные проекты фанатов по вселенным «Властелина Колец» или «Гарри Поттера» по качеству исполнения приближаются к студийным и собирают десятки миллионов просмотров.

Но проблема заключается в правовом статусе большинства фан-фильмов, находящихся в «серой зоне»: они часто создаются без согласия авторов/правообладателей, формально нарушая исключительные права, что не обходится без их массового преследования с целью защиты, что приводит к репутационным потерям и конфликтам с лояльной аудиторией [1, 8]. Гражданский Кодекс РФ был создан в условиях, когда создание фильма требовало киностудии, что сейчас не является обязательным условием, и достаточно смартфона, а в последнее время – и нейросети. Также фан-фильмы чаще всего не приносят прямой прибыли авторам, хотя создают огромную косвенную стоимость для бренда, поддерживая интерес к франшизе [1].

Правовая природа произведения фанатского творчества имеет три направления, согласно Смирновой Т.С., однако, рассматривать следует их в контексте вида производных работ, поскольку определения плагиата и самостоятельного объекта авторского права не в полной мере отражают специфику создания такого контента. Фан-фильм занимает промежуточное место, между присвоением авторства на чужой труд, без внесения собственного и нового творческого вклада, и полностью

автономным объектом от охраняемых элементов чужого произведения. Фан-фильм может признаться самостоятельным объектом авторского права лишь в случае соблюдения прав автора оригинала, однако это вовсе не все произведения [1]. Также в пользу позиции анализа фан-произведений как производных работ можно сказать, что она позволяет учесть их двойственную природу: они базируются на уже существующем объекте авторского права (оригинальный сюжет, персонажи), но также включают и собственный творческий вклад автора фан-работы. Это подтверждают положения статьи 1270 ГК РФ, в которой переработка определяется как создание нового произведения, представляющего собой творческую переработку другого.

Персонаж является неотъемлемой частью оригинального произведения, и охраняется в случае достаточной детализации, оригинальности и узнаваемости, при использовании вне контекста оригинала (признание самостоятельным результатом творческого труда автора закреплено в п. 7 ст. 1259 ГК РФ). А значит использование образа даже в новом сюжете и с изменениями, но сохраняющими основные узнаваемые черты, автоматически делает произведение производным по отношению к оригиналу.

Итак, для легального использования необходимо согласие правообладателя на создание такой переработки, а он вправе как дать разрешение, так и запретить, согласно пп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ. В противном случае, даже если фан-работа имеет свои художественные достоинства, она будет уже считаться контрафактной. Однако именно в этом контексте возникает наиболее острое противоречие. Необходимость соблюдения баланса интересов растет, ведь с одной стороны – правообладатели, имеющие законные исключительные права и обеспечивающие мотивацию к созданию оригинальных работ, а с другой – творческое самовыражение общества в целом, развивающие культуру, его свободой доступа к информации и ее переработке. Существуют условия для такого использования, которое не требует согласия или вознаграждения, что предусмотрено в ст. 1274 ГК РФ [2]. Это могут быть пародии или карикатуры, но для них существуют три обязательных требования: правомерность и доступность для общественности; четкая идентификация работы как карикатуры/пародии; корректное указание на источник и автора оригинального произведения. Однако такие случаи являются единичными; фан-фильм ставит цель переосмысления и/или продолжения сюжета оригинала, что не совсем похоже на пародию/карикатуру, где главное – это высмеивание или переосмысление работы, его черт или авторского стиля. Поэтому остальные работы, не соответствующие данным критериям, остаются в «серой зоне» необходимости обязательного получения согласия правообладателя [2].

Чтобы найти более гибкие механизмы для регулирования можно обратиться к зарубежному опыту, например, в США существует доктрина Fair Use, или «Добросовестного использования», закрепленная в Конституции США (п. 8 разд. 8 ст. 1), когда такое использование способствует «прогрессу науки и полезных искусств», где также закреплен ряд требований к нему в ст. 107 Закона «Об авторском праве» США 1976 года. Но такое внедрение в российское законодательство проблематично, исходя из уже имеющихся принципов «свободного использования» в ГК РФ (ст. 1273-1280) и значительных по объему, распространяющихся только правомерно обнародованные произведения [3, 10].

Одновременно с законодательным регулированием, большую роль в управлении цифровым контентом играют онлайн-платформы, одним из инструментов которых является Content ID, автоматически обнаруживающий совпадения между цифровыми объектами и позволяющий эффективно бороться с пиратством. Тем не менее такая система не позволяет в полной мере учитывать все нюансы: она не видит разницы между пародией и копированием, обзор от плагиата или добросовестного использования. Это приводит к массовой блокировке контента, не всегда нарушившего исключительное право автора оригинала, и даже перенаправлению дохода правообладателю. Именно поэтому существуют и внесудебные механизмы регулирования споров на онлайн-платформах, например, медиация (посредничество), позволяющая дистанционно прийти к устраивающему всех соглашению. Между тем в российской практике, в отличие от США, квалифицированные медиаторы, специализирующиеся на IT-праве и

способные вести такие переговоры, практически отсутствуют [4].

Для рассмотрения степени напряженности в этом вопросе можно обратиться к зарубежным и отечественным практикам. К примеру, поданный в декабре 2015 года иск студий Paramount и CBS к создателям фан-фильма Axanar по вселенной Star Trek [5]. Правообладатели претендовали на защиту таких элементов авторского права, как персонажи, локации, а также использованные в работе виды и темы. Итогом стал выпуск рекомендаций для создания фан-фильмов по вселенной Star Trek, с рядом существенных ограничений, включающих лимиты продолжительности и запреты на продолжение сюжета, имитацию реквизита и т.д. и спор между сторонами был урегулирован. Итак, кейс демонстрирует, что правообладатели готовы прибегнуть к детальному регулированию для защиты своих франшиз, а не полному запрету или свободной лицензии, несмотря на развитую доктрину Fair Use.

Что же касается российского правового поля, то наблюдаются схожие тенденции в практике защиты интеллектуальной собственности отечественными правообладателями. К примеру, прошедшая осенью 2025 года масштабная кампания «Союзмультфильма» по защите авторских прав на культовых героев, как Чебурашка, Крокодил Гена и Винни-Пух [6]. Студия проводила мониторинг в результате которой были обнаружены нарушения со стороны нелицензированных предпринимателей/агентств и поданы сотни исков, что стало крупнейшей кампанией по защите авторских прав в истории для российской анимации. Это сильнейший показатель активного использования правовых средств защиты авторами, которые создают риски для любого, использующего их персонажей в коммерческих, и даже некоммерческих целях. Данные кейсы демонстрируют некоторую схожесть, несмотря на различия в характере споров: правообладатели предоставляют не широкую свободу для фан-творчества, а предпочитают детальное регулирование и лицензирование для создания фан-работ, что, безусловно, защищает инвестиции авторов, но создает барьеры для свободного развития пользовательского контента, ограничивая возможности для творческого самовыражения фанатов.

В связи с возникшими противоречиями становится актуальным введение термина «некоммерческое использование контента пользователями», который может стать полезным инструментом для легализации фантворчества [7]. Исходя из вышесказанного, несмотря на отсутствие прямого извлечения прибыли, даже косвенная монетизация, т.е. через рекламу, донаты и др. такое использование является коммерческим. Некоммерческое же должно не приносить ни прямой, ни косвенной выгоды, как например материалы, публикуемые в образовательных целях, личные блоги с обзорами, фан-фильмы не монетизируемые на бесплатных платформах. Но и в этом случае будет необходимо определить четкие критерии, когда использование будет некоммерческим и не нарушать закон. В мире существует опыт в виде лицензий Creative Commons, с помощью которых авторы публикуют с разрешением на некоммерческое применение, но со следующими условиями: запрет на модификацию/разрешение на переработку, но только в некоммерческих целях и обязательное указание авторства [9].

Так, закрепление правовых рамок «некоммерческого использования контента пользователями» необходимо для сбалансирования интересов авторов и общества. Учитывая вышесказанное, это позволит легализовать значительную часть пользовательского контента, включая образовательные, культурные и личные проекты. Также это будет мотивацией для фанатов к созданию и распространению своих произведений, не прибегая к нарушению исключительных прав и в рамках прозрачности правового регулирования. А для продолжения реализации данной идеи можно создать систему «автоматических микролицензий» для небольшого пользовательского контента (UGC), что станет намного удобнее и быстрее в современных условиях, когда ежедневно создаются миллионы единиц контента и может работать на базе самых часто используемых платформ (VK, Rutube). Правообладатель сам сможет установить требования для использования своих объектов, установив контроль за своими активами, и если пользовательский контент соответствует им, то лицензия будет предоставлена автоматически, что сможет дать авторам фан-фильмов правовую

определенность, избежав судебные разбирательства по каждому мелкому случаю.

Таким образом, правовой статус фан-фильмов и пользовательского контента пока является дискуссионным для современного гражданского права. Проведенный анализ законодательства, судебной практики (кейсов Paramount и «Союзмультфильма»), международных доктрин (Fair Use) подтверждает наличие спорных моментов в данном вопросе. Полный запрет фан-фильмов и жестокое преследование каждого UGC наносит ущерб самой киноиндустрии, поскольку фан-контент является мощным инструментом поддержания лояльности аудитории, к тому же бесплатным маркетингом, а избыточное давление только ведет к репутационным потерям и стагнации цифровой культуры. Тем не менее, предоставление полной свободы использования чужой интеллектуальной собственности недопустимо, что подрывает основы авторского права, лишая создателей оригинальных произведений вознаграждения и дает возможность эксплуатации чужих идей под маской «фанатского творчества». Ключевым является необходимость законодательного закрепления модели легализации UGC через четкие критерии некоммерческого использования. В качестве ключевых направлений для достижения баланса интересов в сфере UGC предлагается: расширение перечня случаев свободного использования произведений, предусмотренных статьей 1274 ГК РФ, с акцентированием внимания на некоммерческий контент; также внедрение и поощрение цифровых механизмов автоматического микролицензирования, призванных перевести отношения фанатов и правообладателей из «серой зоны» и обеспечить прозрачность и легальность использования интеллектуальной собственности в творчестве фанатов через договорные отношения.

Библиографический список

1. Смирнова Т.С. Произведения фанатского творчества как объекты авторского права / Т.С. Смирнова // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2018 г.). – Казань: Молодой ученый, 2018. – С. 41-46.

2. Рудаков С.Ю. Фанатское творчество: к вопросу о необходимости ограничения исключительных прав / С.Ю. Рудаков // Молодой ученый. – 2020. – № 46 (336). – С. 313-323.

3. Волкова К.Ю. Концепции добросовестного использования (fair use) и честного использования (fair dealing) в законодательстве по авторскому праву и их значение для библиотек / К.Ю. Волкова // Научные и технические библиотеки : ежемесячный научно-практический журнал для специалистов библиотечно-информационной и смежных отраслей. – 2021. – №10. – С. 15-28.

4. YouTube и Content ID – алгоритмы, авторские права и влияние на видеоблогеров. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nevskylaw.ru/blog/youtube-i-content-id--algoritmy-avtorskie-prava-i-vliyanie-na-videoblogerov.

5. CBS And Paramount Pictures File A Lawsuit Against The People Behind A «Star Trek» Fan Film. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.forbes.com/sites/simonthompson/2015/12/30/cbs-and-paramount-pictures-file-a-lawsuit-against-the-people-behind-a-star-trek-fan-film/.

6. Не «Ну, погоди!»: «Союзмультфильм» перешел в наступление на нарушителей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://prilan.ru/news/disputes/ne-nu-pogodi-soyuzmultfilm-pereshel-v-nastuplenie-na-narushiteley/.

7. Мусаелян Н.С. Интеллектуальные права на пользовательский контент // Интернет–сайт журнала Суда по интеллектуальным правам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ipcmagazine.ru/articles/1729362/.

8. Когда допускают свободное использование произведений. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.ru/article/23063-svobodnoe-ispolzovanie-proizvedeniy.

9. Некоммерческое использование? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tenchat.ru/media/3801155-nekommercheskoye-ispolzovaniye.

10. «Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4)» от 24 ноября 2006 № 230-ФЗ – с изм. и допол. в ред. от 23 июля 2025 года.

THE LEGAL STATUS OF FAN FILMS AND USER-GENERATED CONTENT IN THE CONTEXT OF PROTECTING THE EXCLUSIVE RIGHTS OF COPYRIGHT HOLDERS

A.M. Abgaryan, *Student*
O.S. Afonina, *Senior Lecturer*
Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky
(Russia, Kaluga)

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the legal nature of fan films and other user-generated content (UGC) as objects of intellectual property rights under the civil legislation of the Russian Federation. The article explores the relationship between the institution of the exclusive right of copyright holders to characters, plots and the right of users to creative expression. It also analyzes the criteria for the attribution of certain derivative works based on other copyrighted works, and the possibility of applying rules on free use (citation, parody) to fan content. The article examines the contradictions between the actual development of derivative works and the doctrine of protecting the integrity of an author's work based on the experience of foreign countries and its applicability in Russian legal realities. The result is a justification of the legal criteria that make it possible to distinguish bona fide fan creativity from commercial use.*

Keywords: *intellectual property rights; copyright; fan films; UGC; exclusive right; character; online platforms; Fair Use; non-commercial use.*

ПРАВОВОЙ СТАТУС И СРОК ПОЛНОМОЧИЙ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРЕЗИДЕНТА КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Н.У. Абдылдаева[1], *канд. юрид. наук*
М.М. Мусуралиева[1], *канд. полит. наук, доцент*
В.Ж. Сагыналиева[2], *канд. юрид. наук*
Мамашарип кызы Багдагул[3], *канд. юрид. наук*
[1]Кыргызский государственный университет имени И. Арабаева
[2]Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына
[3]Ошский государственный университет
[1,2](Кыргызстан, г. Бишкек)
[3](Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-180-183

Аннотация. *В статье анализируются актуальные проблемы конституционно-правового регулирования сроков осуществления полномочий Президента Кыргызской Республики в контексте официального толкования норм Основного закона. Поводом для исследований послужила правовая позиция Конституционного суда Кыргызской Республики, согласно которой досрочные президентские выборы не подлежат проведению, а действующий глава государства осуществляет свои полномочия до истечения установленного срока. Соответственно, очередные выборы Президента должны состояться в конституционно закрепленный срок – январь 2027 года.*

Ключевые слова: *Конституция; президент; выборы; мандат; верховенство; электоральный цикл.*

В Кыргызской Республике вопрос о необходимости проведения досрочных президентских выборов получил широкое общественное обсуждение в связи с принятием новой редакции Конституции, существенно изменившей параметры президентского мандата.

«11 апреля 2021 г. Кыргызская Республика провела очередной референдум» [7, с. 13]. 17 февраля 2026 г., Конституционный суд КР дал ответ на запрос действующего президента – С.Н. Жапарова относительно официального толкования статьи 67, абзаца второго части 2 статьи 68, части 1 статьи 72 Конституции Кыргызской Республики о нормах, регулирующих сроки осуществления полномочий президента, а также о порядке назначения очередных или досрочных президентских выборов [8].

В частности, действующая редакция Основного закона установила срок полномочий Президента продолжительностью пять лет, с правом переизбрания не более чем на два срока, тогда как Конституция 2010 года предусматривала шестилетний срок без права повторного избрания.

С.Н. Жапаров был избран на должность Президента Кыргызской Республики 1 января 2021 года и вступил в должность 28 января 2021 года в условиях действия Конституции 2010 года, предусматривавшей шестилетний срок полномочий. После вступления в силу новой редакции Конституции в 2021 году он продолжил осуществление своих полномочий уже в рамках обновленной конституционной модели, что обусловило возникновение научной и практической дискуссии относительно применимого срока президентского мандата [1, 2].

Анализ

С точки зрения конституционно-правового анализа, правовой статус и срок полномочий действующего Президента Кыргызской Республики подлежат оценке на основании совокупности норм действующего законодательства.

В частности, статья 3, пункт 1 Закона Кыргызской Республики № 59 закрепляет следующее Президент Кыргызской Республики, избранный в 2021 году на 6 лет, осуществляет полномочия в соответствии с Конституцией. Срок избранного Президента на 6 лет засчитывается как первый срок избрания в соответствии с настоящей Конституцией [4]. Данная норма носит характер переходного регулиро-

вания и прямо определяет порядок учета срока полномочий Президента, избранного до вступления в силу новой конституционной модели. С учетом положений статьи 3, закона Кыргызской Республики № 59 и норм Конституции Кыргызской Республики действующий Президент С.Н. Жапаров имеет право баллотироваться на второй срок полномочий [4].

Таким образом, пятилетний срок полномочий, установленный ст. 67 Конституции 2021 года, не применяется к мандату, начавшемуся в период действия Конституции 2010 года. Начатый срок сохраняет свою исходную продолжительность – шесть лет, а зачет в рамках нового правила о двух сроках имеет исключительно правовую квалификацию, не изменяя даты завершения мандата. Переходные положения обладают равной юридической силой с основным текстом Конституции, так как были приняты одновременно с ней в рамках учредительного акта, подтвержденного референдумом, и органически связаны с конституционным регулированием полномочий президента.

В соответствии с требованиями статьи 48, пункт 1 Конституционного закона «О выборах Президента и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» [3], очередные выборы Президента проведут 24 января 2027 года, в котором истекает срок полномочий Президента, и назначаются Жогорку Кенешем не позднее чем за четыре месяца до дня голосования, то есть до 24 сентября 2026 года [8].

Возникшая ситуация во многом обусловлена тем, что общественное обсуждение норм Конституции, регулирующих срок полномочий Президента, породило разнообразные интерпретации. Подобный случай показывает необходимость разграничения мандата как завершенного юридического факта, закрепленного волеизъявлением народа, и правовой квалификации этого мандата в условиях новой конституционной модели, которая влияет только на порядок последующих сроков, но не изменяет уже установленную продолжительность действующего мандата.

В целях предотвращения подобных общественно-политических ситуаций, мы считаем целесообразным заранее через официальные СМИ и другие государственные каналы разъяснять ключевые изменения Конституции и порядок их применения в переходный период. Это позволит обеспечить единообразное понимание норм Основного закона, исключить произвольное толкование и поддержать правовую стабильность в стране.

В рамках данного предложения предлагается следующие этапы алгоритма:

1. Идентифицировать ключевые изменения Конституции и норм переходного периода. Определить положения, вызывающие общественное обсуждение и разночтения, например – срок полномочий Президента, порядок досрочных и очередных выборов.

2. Сформировать краткое и юридически обоснованное содержание разъяснений с указанием соответствующих статей Конституции и законов. Соответственно необходимо информацию распространить через официальные государственные каналы и сайты государственных органов.

3. Вовлечь научную поддержку и мониторинг восприятия через вовлечения университетов, исследовательских центров для анализа понимания разъяснений в обществе.

4. Разработать официальный алгоритм и включить методические документы министерства юстиции, а также в образовательные программы для повышения правовой грамотности граждан.

Научная значимость алгоритма заключается в том, что он представляет собой новую методику обеспечения единообразного понимания конституционных норм, объединяющую юридическую точность, образовательные технологии и коммуникационные механизмы. Предложенный комплексный подход позволяет формализовать процесс разъяснения, снизить риски произвольной интерпретации и укрепить доверие общества к институтам публичной власти. В отличие от существующих фрагментарных практик правового информирования, в исследовании обосновывается необходимость комплексного механизма, обеспечивающего единство интерпретации конституционных положений. Вводится понимание алгоритма официального разъяснения как инструмента обеспечения правовой определённости, направленного на минимизацию рисков произвольного толкования норм.

В рамках предложенного алгоритма действий ВУЗы играют ключевую роль посред-

ством академических исследований, аналитической работы и защиты интересов общества. Кафедры юридических и политологических институтов, научные центры, а также междисциплинарные университетские программы могут выступать в качестве экспертных площадок, формируя научное понимание функционирования избирательных систем, принципов справедливости и представительства. При этом преподаватели и исследователи уже вносят значимый вклад в общественный дискурс и разработку государственной политики, предоставляя рекомендации по совершенствованию конкретных норм на основе эмпирических данных и сравнительного анализа. Кроме того, университеты способствуют формированию информированного и активного электорального корпуса через образовательные программы для избирателей и инициативы по развитию гражданского участия [5, с. 486].

Заключения

Особое значение в данной конструкции имеют переходные положения, которые, как подчеркнул Конституционный суд, обладают равной юридической силой с основным текстом Конституции, поскольку приняты в рамках единого учредительного акта – референдума 11 апреля 2021 года. Их функция заключается в обеспечении правовой преемственности и стабильности публичной власти в условиях конституционной трансформации.

Вопрос о досрочных выборах также получил однозначное разрешение в правовой позиции Конституционного суда Кыргызской Республики. Суд указал, что досрочные выборы не могут рассматриваться как инструмент корректировки срока полномочий, а допускается исключительно при наличии оснований, прямо предусмотренных Конституцией, перечень которых является исчерпывающим.

Проведенный конституционно-правовой анализ свидетельствует о том, что действующий президентский мандат обладает устойчивой юридической природой и реализуется в условиях нормативной преемственности двух конституционных моделей.

Действующий Президент Кыргызской Республики С.Н. Жапаров осуществляет полномочия в строгом соответствии с нормами Конституции и конституционного законодательства. Его мандат и порядок исчисления срока полномочий прямо предусмотрены действующими правовыми нормами. Следовательно, утверждения о необходимости проведения досрочных выборов не имеют правового обоснования и носят преимущественно политико-публицистический характер.

Вместе с тем, широкое общественное обсуждение толкования норм Конституции свидетельствует о развитии правовой культуры, функционирование демократических механизмов и открытость государственных институтов к диалогу с обществом. Во избежание произвольной интерпретации норм Основного закона в будущем и потенциального расшатывания правовой и политической стабильности в стране, научно-обоснованной мерой представляется разработка и внедрение алгоритма официального разъяснения ключевых конституционных изменений через государственные каналы и академические учреждения.

Научная значимость предложенного алгоритма состоит в его междисциплинарном характере, объединяющем конституционно-правовой анализ, элементы правового просвещения и современные коммуникационные технологии. Позволяет рассматривать данный механизм как самостоятельный элемент обеспечения стабильности публичной власти и повышения доверия общества к государственным институтам.

Библиографический список

1. Конституция Кыргызской Республики // Слово Кыргызстана. – 2021. – 11 мая.

2. Конституция Кыргызской Республики: Принята на референдуме 24 июня 2010. – Бишкек: ОсОО Камила Принт, 2015. – 123 с.

3. Конституционный закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» г. Бишкек, от 2 июля 2011 года N 68 (В редакции конституционных Законов КР от 16 октября 2025 года N 220).

4. Закон Кыргызской Республики от 5 мая 2021 года № 59 «О Конституции Кыргызской Республики». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbd.minjust.gov.kg/112215/edition/1078264/ru.

5. Абдылдаева Н.У. Роль высших учебных заведений в формировании избирательной системы / Н.У. Абдылдаева // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2024. – № 3/1. – С. 484-490. – DOI 10.33514/1694-7851-2024-3/1-484-490. – EDN UVNZZD.

6. Абдылдаева Н.У. Выборы 2020 – новый этап избирательного процесса / Н.У. Абдылдаева, К.К. Сарымсаков // Вестник КРСУ. Юрид.науки.–2020.– № 3. – С. 78-82.

7. Абдылдаева Н.У. История избирательной системы Кыргызской Республики и ее роль в формировании власти / Н.У. Абдылдаева // Стратегические ориентиры развития Центральной Азии: история, тренды и перспективы : сборник научных статей международного научно-образовательного форума, Екатеринбург, 23-25 ноября 2021 года / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2021. – С. 11-14. – DOI 10.26170/Ksng-2021-02. – EDN NBCUOF.

8. «Конституционный суд вынес решение по назначению даты выборов президента КР» 17 февраля 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kaktus.media/doc/540820_konstitycionnyy_syd_vynes_reshenie_po_naznacheniu_daty_vyborov_prezidenta_kr.html.

9. Кыргызстан. Совместное заключение по проекту Конституции Кыргызской Республики: принято Венециан. комис. на 126-м пленарном заседании в режиме онлайн (19-20 марта 2021 г.) / Европейская комис. за демократию через право (Венециан. комис.); Бюро по демократ. ин-там и правам человека (ОБСЕ/БДИПЧ). – Страсбург; Варшава, 2021.

10. Осмоналиев К.М. Комментарий к Конституции Кыргызской Республики. – Бишкек: изд. ЮрИнфо, 2023. – 360 с.

LEGAL STATUS AND TERM OF OFFICE OF THE CURRENT PRESIDENT OF THE KYRGYZ REPUBLIC

N.U. Abdyldaeва[1], *Candidate of Legal Sciences*
M.M. Musuralieva[1], *Candidate of Political Sciences, Associate Professor*
V.Zh. Sagynalieva[2], *Candidate of Legal Sciences*
Mamasharip kyzy Bagdagul[3], *Candidate of Legal Sciences*
[1]Kyrgyz State University named after I. Arabaev
[2]Kyrgyz National University named after J. Balasagyn
[3]Osh State University
[1,2](Kyrgyzstan, Bishkek)
[3](Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article analyzes the current problems of constitutional and legal regulation of the term of office of the President of the Kyrgyz Republic in the context of the official interpretation of the norms of the Basic Law. The reason for the research was the legal position of the Constitutional Court of the Kyrgyz Republic, according to which early presidential elections are not subject to holding, and the current head of state exercises his powers until the expiration of the prescribed period. Accordingly, the next presidential election should be held within the constitutionally fixed deadline of January 2027.*

Keywords: *Constitution; President; elections; mandate; supremacy; electoral cycle.*

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ СОМАЛИ

О.Х. Али, *слушатель факультета подготовки иностранных специалистов, Республика Сомали*
Научный руководитель: *С.Ю. Чимаров, д-р ист. наук, профессор*
Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-184-189

Аннотация. *В статье представлено обоснование необходимости соблюдения прав человека в демократическом государстве и важность решения данного вопроса в Республике Сомали. Проведенный автором анализ основных требований к поведению национальной полиции Сомали, в части анализа положений соответствующего «Руководства» для ее сотрудников, свидетельствует: во-первых, об универсальности закрепленных в нем правил общепринятым стандартам правоохранительной деятельности; во-вторых, о некоторых национальных особенностях действия полиции, с учетом менталитета сомалийского общества. По мнению автора, важное значение также имеют закрепленные в «Руководстве» предписания «Кодекса поведения», ориентирующие полицейских на повышение уровня их ответственности перед законом за свои действия по защите в стране прав человека.*

Ключевые слова: *права человека; полиция; закон; мораль; этика; «Кодекс поведения»; Республика Сомали.*

Факты закрепления 10 декабря 1948 г. основных прав и свобод человека в тексте «Всеобщей декларации прав человека» и последующего принятия по линии ООН ряда документов, регламентирующих порядок соблюдения прав и свобод человека [1], свидетельствуют о том, что разработанное к настоящему времени международное законодательство по правам человека является юридически обязательным для всех государств-членов ООН и их представителей, включая должностных лиц по поддержанию правопорядка. Вместе с тем, реалии современного времени периодически свидетельствуют о наличии определенного дисбаланса между декларированными правами и свободами человека и их соблюдением на практике. Как отмечает Н.В. Жадунова, отмеченный дисбаланс «обусловлен объективными и субъективными факторами: ростом национализма, религиозного противостояния, геополитической и экономической борьбой за ресурсы, трудностями интеграции беженцев и мигрантов, а также размытостью и вариативностью трактовок понятия «права человека» в информационном мире» [2, с. 31].

Актуальность обращения к теме нашего исследования обусловлена тем обстоятельством, что апеллирование к этике и учет ее положений применительно к правам и свободам человека не только допустимо, но и широко практикуется для различных случаев, сопряженных с посягательством на достоинство человека, нарушением заповедей справедливости, пренебрежением особенностями национальных традиций, религиозных верований и менталитета различных народов. В этой связи, представляется оправданным акцентирование внимания на одной из ключевых фраз из доклада Т. Хаммарберга – шведского правозащитника и Комиссара по правам человека Совета Европы, содержание которой имеет следующий вид: «Права человека – это не только законы и их исполнение. Это также этическая категория, имеющая нравственное значение. Вот почему дискуссии о правах человека столь интересны и эмоциональны» [3, с. 5].

С учетом отмеченного и по причине необходимости уточнения этических аспектов защиты прав человека на территории Республики Сомали (далее – Сомали), мы считаем необходимым наиболее подробно остановиться на освещении этого вопроса, поскольку личный состав полиции обязан соблюдать требования ООН, в части этики поведения сотрудников правоохранительных органов [4; 5], а также корреспондирующие им требования

национальных нормативных правовых актов к поведению личного состава полиции Сомали.

Базовые положения относительно демократического характера Сомали как государства получили свое закрепление в ст. 1 Временной Конституции страны (2012 г.), согласно которой Сомали является федеративной, суверенной и демократической республикой, основанной на широком представительстве народа, многопартийной системе и социальной справедливости. Как следует из ч. 2 указанной ст. 1 Основного Закона страны, «после Всемогущего Аллаха вся власть принадлежит народу и может осуществляться только в соответствии с Конституцией и законом и через соответствующие институты». Что касается религии и ее места в жизни государства, то данный вопрос регламентирован положениями ст. 2 Конституции, согласно которой «ислам является государственной религией» (ч. 1) и «в стране не может пропагандироваться никакая иная религия, кроме ислама». Основные права и обязанности гражданина закреплены в главе II Конституции, раздел первый которой содержит общие принципы прав человека: человеческое достоинство (ст. 10); равенство (ст. 11); применение основных прав (ст. 12) [6]. При этом принципы правоприменения полиции Сомали, в том числе применительно к области защиты прав человека, соответствуют универсальным положениям правоприменения полиции, которые разработал английский полицеист Р. Пиль.

В контексте исследуемого вопроса несомненного внимания заслуживает седьмой (из девяти) принцип, согласно которому «В отношениях с населением всегда придерживаться исторической традиции «полиция – это общество, а общество – это полиция». Полиция включает в себя полномочных и полноправных представителей населения, получающих жалование за полное посвящение своего внимания обязанностям каждого гражданина по защите интересов общественного благосостояния и направленных на выживание общества [7, с. 34].

В своих действиях по защите прав человека полиция Сомали, наряду с конституционными установлениями, руководствуется «Руководством по этике и поведению сотрудников полиции» (далее – «Руководство») [8], а ее девизом являются слова: «Служить и защищать людей в Вашем сообществе». Исходя из текста «Руководства», полиции Сомали предписано:

1) неукоснительно выполнять обязанности, возложенные на них законом, служить обществу и защищать всех людей от противоправных действий;

2) уважать и защищать человеческое достоинство, а также поддерживать права каждого человека;

3) применять силу только в случае крайней необходимости и в необходимом объеме;

4) сохранять конфиденциальность, которая на них возложена, за исключением случаев, когда выполнение служебных обязанностей или потребности правосудия строго требуют от полицейских иного;

5) не допускать пыток и не подвергать жестокому, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению с людьми;

6) обеспечивать полную защиту здоровья всех лиц, находящихся у полиции под стражей;

7) не совершать никаких коррупционных действий;

8) уважать закон и представленный в «Руководстве» «Кодекс поведения» (далее – «Кодекс»), а также предотвращать и противодействовать любым нарушениям данного «Кодекса», содержащего кроме перечня основных прав человека, также обязанности полиции в области соблюдения прав человека, к которым относятся: защита жизни и имущества; обеспечение обстановки безопасности; поддержка и восстановление мира и общественного порядка; уважение прав человека без какой-либо дискриминации.

Особого внимания заслуживают положения «Кодекса» относительно выявления и предотвращения преступлений, сводимые к обязанности полиции обеспечивать сотрудничество с обществом и проявлять заботу об укреплении доверия общества к полиции.

С учетом отмеченного, «Кодекс» ориентирует полицию Сомали на поддержание в обществе мира и общественного порядка. В этой связи, положения «Кодекса» напоминают полицейским о праве людей на то, чтобы придерживаться своего мнения и выражать его, в том числе посредством мирного объединения для участия в отдельных акциях. Обязанно-

стью полиции при этом является поддержка общественного порядка в рамках закона.

Исходя из международно признанного стандарта правоохранительной деятельности, каждому полицейскому Сомали напоминается требование закона о недопустимости произвольного ареста человека или его задержания. В случае же ареста полицейский обязан: во-первых, относиться к арестованным с достоинством и гуманностью; во-вторых, информировать арестованных о выдвинутых против них обвинениях; в-третьих, информировать арестованных об их правах при аресте; исходить из того, что они невиновны во время ареста; предотвращать исчезновение людей и их внесудебные казни.

В случае задержания человека, «Кодекс» предписывает полиции соблюдать следующие права лиц, лишенных свободы: во-первых, право на доступ для получения помощи адвоката; право на медицинскую помощь; право на содержание в официальном месте содержания под стражей; право на общение с внешним миром, особенно со своими семьями; право на незамедлительное оспаривание законности своего задержания; право добиваться справедливого судебного разбирательства в разумные сроки или быть освобожденным. Во время осуществления полицией на законных основаниях обыска и выемки имущества, к лицам подвергающимся обыску, следует относиться с достоинством, а к их имуществу – с уважением.

В «Кодексе» закреплены также положения относительно применения силы и огнестрельного оружия:

1) любое применение силы должно быть соразмерно серьезности правонарушения;

2) преднамеренное применение огнестрельного оружия со смертельным исходом является крайней мерой и должно осуществляться только:

- во-первых, когда это строго неизбежно;

- во-вторых, когда существует непосредственная угроза жизни.

Акцентируя внимание на защите полицией Сомали прав человека, «Кодекс» содержит ряд положений, касающихся уязвимых групп населения:

1. Женщины – данная категория из числа уязвимых групп населения может подвергаться особым рискам и по этой причине в каждом конкретном случае необходимо уделять внимание конкретным потребностям в защите женщин:

1) личный досмотр должен проводиться только женщинами-полицейскими;

2) женщины должны содержаться в помещениях, отделенных от помещений для мужчин, а там, где это невозможно, они должны содержаться отдельно от мужчин;

3) беременным женщинам и кормящим матерям должны быть предоставлены специальные условия содержания под стражей.

2. Несовершеннолетние – эта категория из числа уязвимых групп населения в силу своего возраста и уязвимости нуждается в дополнительной защите: их следует содержать отдельно от взрослых, если только не считается, что иное отвечает их наилучшим интересам.

3. Беженцы и внутренние перемещенные лица являются особенно уязвимыми в силу своего статуса беженцев или перемещенных лиц: они имеют те же основные права, что и все остальные, и необходимо проявлять должное уважение к их жизни, достоинству, физической и психической неприкосновенности.

4. Жертвы преступлений должны испытывать со стороны полиции Сомали по отношению к себе такое же положение, как и члены семьи полицейских, с учетом их положения как жертв преступлений и необходимости проявления должного уважения к их правам человека.

Наряду с отмеченным, положения «Кодекса» касаются соблюдения прав человека в отношении лиц, лишенных свободы и права на ознакомление с их содержанием представителей Международного комитета Красного Креста – МККК (англ. «The International Committee of the Red Cross», ICRC). Как следует из содержания «Кодекса», целью посещений миссий МККК (ICRC) является оценка материальных и психологических условий содержания под стражей и обращения с лицами, лишенными свободы.

Во время своих посещений делегаты должны:

1) иметь возможность встретиться со всеми лицами, лишенными свободы, которые подпадают под мандат МККК;

2) иметь доступ ко всем местам, где они содержатся;

3) иметь возможность поговорить с ними наедине;

4) получать от властей список лиц, лишенных свободы, которые подпадают под мандат МККК, или они должны иметь возможность составлять такие списки самостоятельно;

5) им должно быть разрешено повторять посещения так часто, как они пожелают.

Резюмируя изложенное относительно работы МККК, важно отметить, что целеполагание осуществления международного контроля за содержанием лишенных свободы лиц по линии отмеченной организации, заключается в следующем:

1) предотвращать или пресекать исчезновения людей и коллективные казни, пытки и другие формы жестокого обращения;

2) улучшать условия содержания под стражей;

3) обеспечивать соблюдение процессуальных и судебных гарантий в отношении лиц, лишенных свободы;

4) восстанавливать семейные связи, где бы они ни были нарушены;

5) содействовать реабилитации освобожденных заключенных.

Положения «Кодекса» обязывают каждого полицейского, независимо от занимаемой им должности, во-первых, поддерживать и соблюдать закон; во-вторых, сообщать о любых случаях неэтичного или незаконного поведения коллег своему начальству; в-третьих, быть ответственным как перед самим собой, так и перед своим сообществом.

Отдельного внимания заслуживают положения «Кодекса», касающиеся ответственности полицейского перед судом, в случае нарушения им закона и требований данного «Кодекса». Для этого каждому служащему полиции Сомали рекомендовано с целью укрепления своего авторитета и демонстрации своей служебной честности, вести подробное документирование своих действий, отвечая при этом в соответствующих записях на следующие ключевые вопросы:

1) Кто был свидетелем совершенного деяния или нес за это ответственность?

2) Что именно произошло?

3) Когда произошло это событие (дата, время, обстоятельства)?

4) Где происходило это событие (с подробным описанием)?

5) Почему могло произойти это событие (мотив)?

6) Как это могло случиться?

Таким образом, «Кодекс» обязывает полицейских как сотрудников правоохранительных органов качественным образом осуществлять сбор всех фактов, необходимых для расследования, что необходимо для более точного предоставления в суд необходимых показаний, с учетом которых судебная инстанция вынесет решение о виновности или невиновности человека. Более того, точное предоставление в суд соответствующих сведений позволит также укрепить репутацию полиции в глазах общественности, а следовательно, повысить к ней доверие граждан.

Рассмотренные аспекты этического плана, нацеленные на незыблемость соблюдения полицией Сомали прав человека, вооружают иностранных слушателей Санкт-Петербургского университета МВД России на более углубленное и всестороннее изучение своих обязанностей, от качества исполнения которых зависят как общественный порядок в нашей стране, так и авторитет сомалийского государства, способного создать необходимые условия для цивилизованного существования каждого гражданина.

В этой связи, для обучаемых слушателей важное значение имеет фактор их вовлеченности, уже в ходе обучения в ведомственной образовательной организации России, в процесс приобретения необходимых знаний, навыков и умений, являющих непременным условием своего отражения в «показателях эмоциональной стабильности, социальной активности, приверженности ценностям будущей профессии, сформированности личностных смыслов…, направленности личности на развитие творческого потенциала, обеспечивающего возможность самостоятельного построения карьеры, позитивной и социально активной жизненной позиции» [9, с. 366-367], от которой во многом зависит успех всей нашей правоохранительной деятельности.

Подводя итог изложенному, представляется необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Фактор учреждения в сомалийском обществе демократических начал и продвижения нашего государства по пути укрепления своей правовой основы способствует повы-

шению уровня требований к поведению личного состава полиции Сомали, в части совершенствования нравственных качеств каждого полицейского и неукоснительного соблюдения им принципа законности.

2. Важным условием эффективной деятельности полиции Сомали является доверие общества к ее сотрудникам и умение каждого из них обеспечивать гармонию между законом и моралью, заповеди которой основаны на ценностях общего порядка, а также национальных и религиозных традициях.

3. Приверженность полиции Сомали принципу защиты прав и свобод человека является квинтэссенцией всей деятельности данного института государства, а от успеха реализации данного принципа на практике в определяющей степени зависят благополучие общества и вера граждан в торжество закона.

Библиографический список

1. Human Rights: A Compilation of International Instruments. Volume I (2 parts). Universal Instruments (United Nations publication. Sales №. E.94.XIV.1). – New York and Geneva: United Nations, 2002. – 13 p.

2. Жадунова Н.В. Этические коллизии защиты прав человека: стратегии развития личности и нормативность // Социальные нормы и практики. – 2020. – № 2(4). – С. 30-39. – DOI: 10.24411/2658-5472-2020-10003.

3. Хаммарберг Т. «Права человека в Европе: не допускать попустительства. Точка зрения Комиссара по правам человека Совета Европы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.coe.int/t/commissioner/Viewpoints/publication_RU.pdf.

4. Международные стандарты для органов по поддержанию правопорядка: карманное пособие по правам человека для работников полиции. – Нью-Йорк, Женева: ООН, 1996. – 27 с.

5. Code of Conduct for Law Enforcement Officials. Adopted by General Assembly resolution 34/169 of 17 December 1979. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/sites/default/files/codeofconduct.pdf.

6. Provisional Constitution. The Federal Republic of Somalia. Adopted August 1, 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.refworld.org/legal/legislation/natlegbod/2012/en/97615.

7. Buug tilmaameed anshaxa iyo hab-dhaqanka booliska buug tilmaameed. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://blogs.icrc.org/somalia/wp-content/uploads/sites/99/2024/06/SO-Guide-book-for-Police-Conduct.pdf.

8. Чимаров С.Ю. К вопросу о «Принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3 (75). – С. 33-34.

9. Гончарова Н.А., Чимаров С.Ю., Арбузова Е.Н., Фомина Т.Ф. Личностные предикторы вовлеченности студенческой молодежи в процессы образовательной среды // Перспективы науки и образования. – 2025. – № 4 (76). – С. 357-370. – DOI 10.32744/pse.2025.4.23.

ETHICAL ASPECTS OF HUMAN RIGHTS PROTECTION IN THE ACTIVITIES OF THE POLICE OF THE REPUBLIC OF SOMALIA

O.H. Ali, *Student of the faculty of training of foreign specialists, Republic of Somalia*
Supervisor: *S.Y. Chimarov, Doctor of Historical Sciences, Professor*
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *The article provides a justification for the need to respect human rights in a democratic State and the importance of addressing this issue in the Republic of Somalia. The author's analysis of the basic requirements for the conduct of the Somali national Police, in terms of analyzing the provisions of the relevant «Manual» for its employees, indicates: firstly, the universality of the rules set out in it to generally accepted standards of law enforcement; secondly, some national peculiarities of police action, taking into account the mentality of Somali society. According to the author, the prescriptions of the Code of Conduct laid down in the Manual are also important, guiding police officers to increase their responsibility before the law for their actions to protect human rights in the country.*

Keywords: *human rights; police; law; morality; ethics; «Code of Conduct»; Republic of Somalia.*

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РФ В СФЕРЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛКОГОЛЬНОГО И ТАБАЧНОГО РЫНКА

А.Р. Баракова, *студент*
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-190-195

Аннотация. *В статье рассматриваются ключевые проблемы реализации контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации в сфере регулирования алкогольного и табачного рынка. Анализируются вопросы незаконного оборота продукции, недостатки административно-правового регулирования, проблемы лицензирования и функционирования информационных систем контроля. Особое внимание уделяется теневому сектору рынка никотиновых изделий, таможенной преступности, коррупционным рискам и несовершенству санкционных механизмов. Представлены статистические данные о масштабах нелегального оборота, размерах бюджетных потерь и результатах деятельности контролирующих органов за 2023-2024 годы. Выявлены системные недостатки правоприменительной практики, включая проблемы квалификации правонарушений, определения крупного размера незаконного оборота и эффективности штрафных санкций. Обосновывается необходимость совершенствования криминологической политики и комплексного подхода к противодействию теневому обороту алкогольной и табачной продукции.*

Ключевые слова: *контрольно-надзорная деятельность; алкогольный рынок; табачный рынок; незаконный оборот; ЕГАИС; Росалкогольтабакконтроль; лицензирование; административная ответственность; теневой рынок; таможенная преступность; коррупция.*

Регулирование алкогольного и табачного рынка в Российской Федерации представляет собой одну из наиболее сложных и социально значимых сфер государственного контроля. Несмотря на создание специализированных органов надзора и внедрение современных информационных систем учёта, проблема незаконного оборота продукции остаётся острой. По данным за 2 квартал 2023 года, доля нелегального оборота табачной продукции в России составила 13,9%, что соответствует примерно 1,4 млрд пачек сигарет. Ежегодные потери федерального бюджета только от неуплаты акциза и НДС по сигаретам превышают 130 млрд рублей. В сфере алкогольного рынка ситуация также характеризуется высоким уровнем нелегального оборота: в 2024 году Росалкогольтабакконтролем было изъято 10,5 миллионов литров нелегальной продукции, что, несмотря на снижение по сравнению с 13,5 миллионами литров в 2023 году, свидетельствует о масштабности проблемы.

Таможенная составляющая незаконного оборота

Значительная часть проблем контрольно-надзорной деятельности связана с трансграничным перемещением алкогольной и табачной продукции. Таможенная преступность в данной сфере приобретает всё более организованный характер, включая использование сложных схем ввоза продукции из стран-членов Евразийского экономического союза. Согласно статистике, наибольший вклад в незаконный оборот вносят сигареты, нелегально ввезённые в РФ из стран ЕАЭС, их доля составляет 5,2% от общего объёма рынка [1]. Контрабанда алкогольной и табачной продукции осуществляется через различные каналы, что требует координации между таможенными, правоохранительными и надзорными органами. Однако межведомственное взаимодействие часто затруднено из-за различий в нормативной базе, полномочиях и методологии учёта правонарушений.

Действующее законодательство предусматривает уголовную ответственность за контрабанду по статье 226.1 УК РФ, однако практика применения данной нормы выявляет существенные проблемы. Сложности возникают при определении стоимости товара для квалификации деяния как совершённого в крупном размере, что влияет на выбор между ад-

министративной и уголовной ответственностью. Кроме того, отсутствие единого механизма оценки ущерба приводит к неоднозначной правоприменительной практике. Введение в 2023 году предложений об ужесточении ответственности за контрабанду табака и алкоголя, предусматривающих лишение свободы до 7 лет и штрафы до 1 млн рублей, пока не привело к радикальному снижению масштабов правонарушений.

Недостатки административно-правового регулирования

Система административно-правового регулирования алкогольного и табачного рынка в России характеризуется фрагментарностью и отсутствием комплексного подхода. Современные тренды формирования административно-правового регулирования требуют более гибких и адаптивных механизмов контроля, учитывающих динамику рыночных отношений и появление новых форм правонарушений [2]. Однако действующая нормативная база часто отстаёт от реальных процессов, происходящих на рынке. Особенно это проявляется в регулировании оборота новых видов никотинсодержащей продукции, электронных сигарет и систем нагревания табака, которые длительное время находились вне сферы эффективного контроля.

Проблемы лицензирования создают дополнительные сложности для участников рынка и одновременно открывают возможности для коррупционных схем. До 2010-2011 годов отсутствовали конкретные и понятные правила лицензирования производителей и лиц, занимающихся оборотом алкогольной продукции, что создавало возможность неограниченного подзаконного регулирования и широкую сферу административного усмотрения должностных лиц. Несмотря на последующие изменения законодательства, многие системные проблемы сохраняются: избыточные административные барьеры, сложность процедур получения и продления лицензий, необоснованные требования к материально-технической базе предприятий. Это приводит к тому, что часть предпринимателей вынуждена либо уходить в теневой сектор, либо нести чрезмерные издержки на соблюдение формальных требований.

Проблемы применения санкций и судебных штрафов

Эффективность контрольно-надзорной деятельности во многом определяется адекватностью применяемых санкций. Однако природа и размеры административных штрафов в сфере оборота алкогольной и табачной продукции часто не соответствуют тяжести совершённых правонарушений и получаемой нарушителями экономической выгоде [3]. За торговлю алкоголем без лицензии предусмотрены штрафы для юридических лиц в размере от 200 000 до 300 000 рублей либо административное приостановление деятельности на срок до 90 суток. Для индивидуальных предпринимателей штраф составляет от 100 000 до 200 000 рублей с возможным приостановлением деятельности на срок до 90 суток. Однако при значительных объёмах незаконного оборота такие санкции воспринимаются нарушителями как приемлемые издержки бизнеса.

Судебная практика по административным делам в сфере алкогольного и табачного рынка выявляет проблему недостаточной дифференциации ответственности в зависимости от характера и последствий правонарушения. Формальный подход к назначению наказаний, когда штрафы применяются в минимальных размерах без учёта систематичности нарушений и масштабов деятельности, снижает превентивный эффект санкций. Кроме того, длительность судебных процедур и возможность обжалования решений позволяют нарушителям продолжать незаконную деятельность в течение значительного времени. Проблема усугубляется низкой эффективностью взыскания назначенных штрафов: по экспертным оценкам, реально взыскивается не более 60-70% от общей суммы наложенных административных санкций.

Теневой рынок никотиновых изделий

Особую проблему представляет теневой рынок некурительных никотиновых изделий, включая снюс, никотиновые пэки и вейп-продукцию. Государственное регулирование этого сегмента долгое время было недостаточным, что привело к формированию масштабного нелегального оборота. Оценка последствий государственного регулирования показывает, что запретительные меры без создания эффективной системы контроля привели к переходу значительной части рынка в теневой сектор, увеличению коррупционных рисков и потерям бюджета [4]. Только с 1 де-

кабря 2023 года завершилось внедрение обязательной маркировки для никотиносодержащих жидкостей, что позволило взять под контроль весь табачный рынок.

Результаты контрольных мероприятий 2024 года демонстрируют масштабы проблемы: за вторую половину года правоохранительными органами было выявлено 5 нелегальных производств никотиносодержащей продукции, изъято более 670 000 единиц немаркированной продукции на сумму свыше 500 миллионов рублей. Эти цифры свидетельствуют о том, что теневой сектор обладает развитой производственной базой и логистической инфраструктурой. Проблема усугубляется тем, что производители нелегальной продукции постоянно адаптируются к изменениям регулирования, используя новые формулы изделий, меняя каналы сбыта и применяя схемы легализации через подставные компании.

Теневой рынок никотиновых изделий характеризуется не только уклонением от налогообложения, но и реализацией продукции, не соответствующей требованиям безопасности. Отсутствие контроля качества, использование запрещённых компонентов и превышение допустимых концентраций никотина создают серьёзные риски для здоровья потребителей. Однако система надзора не всегда имеет достаточные ресурсы для проведения лабораторных исследований изымаемой продукции, что затрудняет доказывание не только факта незаконного оборота, но и нарушений санитарно-эпидемиологических требований.

Проблемы функционирования системы ЕГАИС

Единая государственная автоматизированная информационная система учёта объёма производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (ЕГАИС) была создана для обеспечения прозрачности алкогольного рынка и предотвращения оборота нелегальной продукции. Однако практика её функционирования выявила множество проблем технического, организационного и правового характера. Наиболее распространёнными нарушениями являются: расхождение данных в ЕГАИС с фактическими остатками, несвоевременная фиксация операций, пересортица по акцизным маркам, ошибки при проведении инвентаризации.

Типичная ситуация, приводящая к административной ответственности, связана с продажей алкогольной продукции, не оприходованной в ЕГАИС. Это может происходить по различным причинам: задержка в обработке товарно-транспортных накладных, технические сбои в системе, ошибки персонала при сканировании акцизных марок. Любая попытка продажи такого алкоголя через ЕГАИС квалифицируется системой как реализация контрафактной продукции, что влечёт штрафные санкции. При выездной проверке сотрудники Росалкогольтабакконтроля сканируют акцизные марки всего обнаруженного алкоголя и сверяют данные с информацией в ЕГАИС. Расхождение даже в одну бутылку является основанием для составления протокола об административном правонарушении и передачи дела в суд.

Проблемы усугубляются тем, что система ЕГАИС требует постоянного технического обслуживания, регулярных обновлений программного обеспечения и наличия квалифицированного персонала. Для небольших предприятий розничной торговли это создаёт значительную финансовую и организационную нагрузку. Кроме того, отсутствие резервных механизмов фиксации операций при технических сбоях приводит к тому, что организации несут ответственность за нарушения, которые фактически не зависели от их действий. Необходимость постоянной синхронизации данных между различными модулями системы, интеграции с кассовым оборудованием и системами складского учёта создаёт дополнительные точки возникновения ошибок.

Криминологическая политика и коррупционные риски

Реализация контрольно-надзорной деятельности в сфере алкогольного и табачного рынка неразрывно связана с проблемами коррупции. Криминологическая политика как часть государственной политики должна предусматривать не только репрессивные меры, но и механизмы предупреждения коррупционных правонарушений в самих контролирующих органах [5]. Однако практика показывает, что широкие дискреционные полномочия должностных лиц, сложность и непрозрачность процедур, субъективность в оценке соблюдения требований создают благоприятную среду для коррупции.

Особенно высоки коррупционные риски в процессе лицензирования, когда решение о выдаче или отказе в лицензии фактически зависит от субъективного усмотрения должностного лица. Отсутствие чётких критериев оценки соответствия требованиям, возможность произвольного толкования нормативных положений, длительность процедур создают условия для вымогательства взяток. Аналогичные проблемы существуют при проведении проверок соблюдения лицензионных требований, когда широкий перечень потенциальных нарушений позволяет инспектору по своему усмотрению либо выявить нарушения, либо не зафиксировать их.

Введение региональными властями дополнительных ограничений на продажу алкогольной продукции также создаёт новые коррупционные риски. Например, требование о расположении торговой точки не менее чем в 100 метрах от медицинских или детских учреждений порождает схемы фиктивной корректировки расстояний, подготовки недостоверных заключений о соответствии требованиям, использования аффилированных организаций для получения лицензий. Хаотичность вводимых ограничений, различия в подходах между регионами, частые изменения правил усиливают неопределённость для участников рынка и расширяют возможности для коррупционного воздействия.

Проблемы противодействия незаконному обороту алкогольной продукции

Социально-правовая обусловленность расширения уголовно-правовых мер противодействия незаконному обороту алкогольной продукции связана с высокой общественной опасностью данных деяний, включая причинение вреда здоровью потребителей, значительные бюджетные потери и подрыв легального рынка [6]. Статья 171.3 УК РФ предусматривает ответственность за незаконные производство и оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции. Санкции включают штраф от 2 до 3 миллионов рублей либо в размере заработной платы за период от 1 до 3 лет, принудительные работы или лишение свободы на срок до 3 лет.

Однако правоприменительная практика сталкивается с серьёзными трудностями. Основная проблема заключается в отсутствии единого механизма определения крупного размера незаконного оборота, что существенно влияет на квалификацию деяния. Различные подходы к расчёту стоимости алкогольной продукции, включение или невключение акцизов и НДС, оценка незавершённого производства создают неоднозначность в судебной практике. Это приводит к тому, что сходные по фактическим обстоятельствам дела могут получать различную правовую оценку в зависимости от региона и позиции конкретного суда.

Проблемы доказывания умысла на систематическое занятие незаконной деятельностью также затрудняют эффективное применение уголовной ответственности. Организаторы нелегального производства и оборота используют сложные схемы с привлечением подставных лиц, дробления бизнеса, использования номинальных учредителей и директоров. Это требует проведения длительных и ресурсоёмких оперативно-розыскных мероприятий, однако правоохранительные органы часто не обладают достаточными возможностями для выявления и документирования всей цепочки незаконной деятельности. В результате к ответственности привлекаются исполнители низшего звена, тогда как организаторы и получатели основной прибыли остаются вне досягаемости правосудия.

Серьёзную проблему представляет взаимодействие правоохранительных и контролирующих органов. Различия в процессуальных полномочиях, порядке фиксации нарушений, требованиях к доказательствам создают сложности при передаче материалов для возбуждения уголовных дел. Информация, полученная контролирующими органами при проведении проверок, не всегда может быть использована в качестве доказательств по уголовным делам из-за несоблюдения процессуальной формы. Это приводит к необходимости дублирования следственных действий, потере времени и возможности для правонарушителей скрыть следы преступной деятельности.

Направления совершенствования контрольно-надзорной деятельности

Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативной базы, оптимизацию организационных механизмов и усиление межведомственного взаимодействия. Необходимо унификация требований к лицензирова-

нию и стандартизация процедур контроля на федеральном уровне при сохранении разумной степени региональной автономии. Важно обеспечить прозрачность и предсказуемость регулирования, исключающую возможность произвольного толкования требований должностными лицами.

Совершенствование информационных систем должно предусматривать повышение надёжности функционирования ЕГАИС, упрощение процедур взаимодействия участников рынка с системой, создание резервных механизмов фиксации операций при технических сбоях. Необходимо развитие аналитических возможностей системы для выявления подозрительных операций, автоматического формирования индикаторов риска и целенаправленного отбора объектов для проверок. Это позволит снизить административную нагрузку на добросовестных участников рынка и сконцентрировать ресурсы на выявлении действительно серьёзных нарушений.

Повышение эффективности санкций предполагает дифференциацию ответственности в зависимости от характера, тяжести, систематичности правонарушений и размера полученной выгоды. Необходимо ускорение судебных процедур по делам о незаконном обороте алкогольной и табачной продукции, повышение процента реального взыскания штрафов, внедрение механизмов конфискации имущества, использованного для совершения правонарушений. Важно развитие института административной преюдиции, когда неоднократное привлечение к административной ответственности влечёт уголовное преследование.

Заключение

Проблемы реализации контрольно-надзорной деятельности в сфере регулирования алкогольного и табачного рынка в Российской Федерации носят системный характер и требуют комплексного решения. Несмотря на определённые позитивные тенденции, включая снижение доли нелегального оборота и увеличение количества легальных точек продаж, масштабы теневого рынка остаются значительными. Ежегодные бюджетные потери исчисляются сотнями миллиардов рублей, что свидетельствует о недостаточной эффективности существующих механизмов контроля.

Ключевыми направлениями совершенствования должны стать: унификация и упрощение нормативных требований, повышение прозрачности лицензирования, модернизация информационных систем учёта, усиление координации между контролирующими и правоохранительными органами, дифференциация и ужесточение санкций, минимизация коррупционных рисков. Только комплексный подход, учитывающий экономические, правовые, социальные и организационные аспекты проблемы, позволит достичь баланса между защитой общественных интересов и созданием благоприятных условий для легального бизнеса.

Библиографический список

1. Витюк В.В. Понятие и общая характеристика таможенной преступности в Российской Федерации // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. – 2022. – № 4 (101). – С. 103-121.

2. Калмыкова А.В. Современные тренды формирования административно-правового регулирования // Правовая политика и правовая жизнь. – 2024. – № 2. – С. 168-177.

3. Лупарев Е.Б., Гречкина О.В. О природе судебных штрафов в административном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2024. – № 2 (68). – С. 19-25.

4. Максимов С.В., Аснис А.Я., Утаров К.А. Теневой рынок некурительных никотиновых изделий в России (оценка последствий Государственного регулирования) // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – № 4. – С. 439-451.

5. Матвеева Е.В. Криминологическая политика как часть государственной политики в сфере противодействия коррупционной преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2024. – № 2 (68). – С. 97-106.

6. Сорокина О.С. Социально-правовая обусловленность расширения уголовно-правовых мер противодействия незаконному обороту алкогольной продукции // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 4 (32). – С. 593-601.

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF CONTROL AND SUPERVISORY ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF ALCOHOL AND TOBACCO MARKET REGULATION

A.R. Barakova, *Student*
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Abstract. *The article discusses the key problems of the implementation of control and supervisory activities in the Russian Federation in the field of alcohol and tobacco market regulation. The issues of illegal product trafficking, shortcomings of administrative and legal regulation, problems of licensing and functioning of information control systems are analyzed. Special attention is paid to the shadow sector of the nicotine products market, customs crime, corruption risks and imperfect sanctions mechanisms. Statistical data on the scale of illegal trafficking, the size of budget losses and the performance of regulatory authorities for 2023-2024 are presented. Systemic shortcomings of law enforcement practice have been identified, including problems with the qualification of offenses, determining the large size of illegal trafficking and the effectiveness of penalties. The necessity of improving criminological policy and an integrated approach to countering the shadow turnover of alcohol and tobacco products is substantiated.*

Keywords: *control and supervisory activities; alcohol market; tobacco market; illicit trafficking; USAIS; Rosalokoltabakkontrol; licensing; administrative responsibility; shadow market; customs crime; corruption.*

АНАЛИЗ КОНСТИТУТИВНЫХ ПРИЗНАКОВ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В КОНТЕКСТЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

С.Н. Бычков[1], *канд. юрид. наук, доцент*
Е.Н. Алешина-Алексеева[2], *канд. юрид. наук*
К.П. Семенов[2], *канд. юрид. наук, доцент*
[1]Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
[2]Санкт-Петербургский университет МВД России
[1,2](Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-196-200

Аннотация. *Незаконная предпринимательская деятельность представляет собой наиболее распространенный вид преступлений в сфере экономической деятельности Осуществление незаконной предпринимательской деятельности создает угрозу не только нормальному развитию экономических отношений, но и угрозу экономической безопасности государства в целом. Этим обусловлена необходимость анализа криминообразующих признаков состава этого преступления. Их правильная оценка позволит правоприменителю избежать ошибок при квалификации незаконного предпринимательства, что будет способствовать соблюдению принципа законности на всех этапах отправления правосудия. В содержании статьи анализируются конститутивные признаки в составе незаконного предпринимательства, с целью определения их целесообразности.*

Ключевые слова: *экономическая деятельность; незаконная предпринимательская деятельность; угроза экономической безопасности; криминообразующие признаки; причинение крупного ущерба; цель извлечения дохода; уголовная ответственность.*

Вопросы, признания отдельных направлений в сфере экономики преступными являются весьма актуальными в силу того, что незаконная экономическая деятельность, *(незаконная предпринимательская деятельность)*, представляет угрозу экономической безопасности государства и требует надлежащего правового регулирования.

По общему правилу к криминообразующему признаку состава преступления следует относить признак объективного или субъективного элемента состава, который является ключевым в процессе криминализации определенного деяния и дает основания для разграничения преступного от непреступного.

В частности, в качестве криминообразующих, признаков объективных элементов состава рассматриваемого преступления можно назвать последствия в виде размера *(значительного, крупного, особо крупного)* причиненного ущерба, а к криминообразующим признакам субъективных элементов отнести цель совершения преступления *(извлечение дохода в крупном размере).* Так, в составе рассматриваемого преступления было включено два конститутивных признака причинение крупного ущерба и извлечение дохода в крупном размере.

Поскольку направленность деятельности на извлечение дохода, к общественно опасным последствиям отношения не имеет состав в данном случае, в части извлечения дохода, трансформировался в формальный. Иначе бы было необходимо устанавливать причинно-следственную связь. Но между чем и чем? Пришлось бы устанавливать факт, что извлечение дохода должно быть последствием отсутствия регистрации (лицензии, аккредитации). То есть без отсутствия регистрации получение крупного дохода было невозможно. Представляется, что подобную причинно-следственную связь на практике установить было бы весьма непросто установить.

Доход характеризует масштаб предпринимательской деятельности и это позволяет сделать вывод, что «уголовно-наказуемой является масштабная незаконная предпринимательская деятельность» [13, с. 135]. Но дей-

ствительно ли размер дохода характеризует масштаб деятельности? С учётом инфляции 3,5 млн. – не самая большая сумма для предпринимателя, и даже если брать в расчёт масштаб, то получается, что и совсем небольшие, но доходные формы осуществления предпринимательской деятельности одинаковы по масштабу с деятельностью завода или предприятия.

С другой стороны, размер дохода был призван прочертить некую границу между административным правонарушением и преступлением, так как «…уголовная ответственность устанавливается не за каждое правонарушение, а только за такое посягательство на экономические отношения, которое, будучи на первый взгляд схожим с «простым» нарушением нормативно установленных правил, отличается от него качественно: преступление – общественно опасно. Иногда это качественное отличие выражается "количественно"» [11, с. 136]. Но действительно ли доход призван характеризовать именно более высокую степень общественной опасности?

Если для аккредитации и регистрации решение поставить наступление ответственности в зависимость от размера полученных доходов можно было считать условно обоснованным, то относительно лицензирования подобный подход с учётом цели данной процедуры, даже условно не являлся оптимальным. При отсутствии лицензии не имеет смысла устанавливать зависимость ответственности от количественных признаков, так как общественная опасность деятельности, которая может не отвечать определённым требованиям безопасности, от размера дохода не изменится.

С определенной долей условности можно было согласиться и с тем, что непосредственное получение дохода «создает потенциальную угрозу причинения вреда имущественным и другим правам и законным интересам граждан, организаций или государства, нарушает равноправие субъектов предпринимательской деятельности, правовой порядок в процессе этой деятельности, создает возможность нанесения ущерба нравственности и здоровью людей» [13, с. 135]. Если получение дохода настолько опасно, то, как видится, стоит запретить *(под угрозой уголовного наказания)* любое извлечение дохода с нарушениями регуляторного законодательства» [3, с. 12-19] (*В таком случае можно бы было задуматься о создании состава преступления, которое можно назвать незаконным обогащением (не в устоявшемся смысле этого слова)*. С учетом такой уголовно-правовой оценки влияния цели извлечения дохода в крупном размере на общественную опасность незаконного предпринимательства законодатель вносит изменения в статью 171 УК РФ.

Федеральный закон от 06.04.2024 № 79-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», извлечение дохода в крупном размере исключил из диспозиции статьи. В статье 171 УК РФ сегодня не делается акцента на получение дохода как основания уголовной ответственности. Сейчас основным признаком выступает причинение крупного ущерба. Этот размерный критерий прежде всего позволяет разграничить административную и уголовную ответственность за схожие деяния. Тем самым крупный ущерб – является той характеристикой, которую законодатель считает достаточной, для криминализации деяние.

Однако в литературе имеют место дискуссии по поводу достаточности и обоснованности применения данного признака в составе незаконного предпринимательства *(включающие в себя предложение отказаться и от этого признака)* [11, с. 9-10; 12, с. 137; 2, с. 162].

Причинение крупного ущерба, рассматривается как последствие деяния, что говорит о материальном содержании анализируемого состава преступления. Если деяние выражено в форме бездействия, то ущерб должен быть следствием *именно этого* бездействия. Тогда получается, что *именно* отсутствие у лица регистрации, аккредитации или лицензии должно было повлечь наступление указанных последствий.

Тогда нужно установить причинно-следственную связь: если бы лицо имело регистрацию (лицензию, аккредитацию), то осуществляемая им деятельность не причинила бы вреда и, соответственно, наоборот.

Однако, как отмечает Е.А. Клепицкий, «представляется, что в этом случае отсутствует причинно-следственная связь незаконного предпринимательства *(отсутствия реги-*

страции, лицензии или аккредитации) с причиненным ущербом» [10, с. 130-141], так как нарушение регуляторного законодательства в рассматриваемых нами формах само по себе причинить вред не способно.

Фактически вменятся ущерб от самой предпринимательской деятельности (а не наказуемого деяния – бездействия), который не квалифицируется отдельно по другим составам [1, с. 177]. Более того, как правило, этот ущерб «не исключается и в результате ведения законной предпринимательской деятельности» [12, с. 128] (*Возникает вопрос: а если зарегистрированный предприниматель точно также допускает причинение равнозначного ущерба иным субъектам, то по какой причине для «незаконного» предпринимателя это становится основанием привлечения к ответственности, а для «законного» предпринимателя – нет?)*. Если и есть какая-то причинно-следственная связь, то не прямая, а косвенная, опосредованная. Но, как отмечает В.Н. Кудрявцев, «отсутствие причинной связи между действиями обвиняемого и наступившим вредом говорит о том, что лицу вменялись в вину последствия, которых оно не причиняло, в то время как подлинные причины этих последствий не были установлены» [8, с. 192].

Даже причинение ущерба государству в виде неуплаченных налогов обусловлено вовсе не тем, что лицо осуществляет предпринимательскую деятельность без регистрации, аккредитации или лицензирования, а совершением самостоятельного деяния – уклонения от уплаты налогов, а незаконный предприниматель, в свою очередь, может подать декларацию и уплатить налог, поэтому «даже простейшая концепция причинности "conditionsinequanon" в этом случае не работает, поскольку непосредственной причиной ущерба будет именно уклонение от уплаты налога, а не отсутствие регистрации, аккредитации или лицензии. Отсутствие, например, регистрации лишь способствует сокрытию факта уклонения от уплаты налога» [10, с. 130-141].

Единственный вариант, когда причинение вреда действительно становится возможным именно вследствие бездействия – несоответствие лицензионным требования [12, с. 120]. Они, как правило, устанавливают определённый уровень безопасности, квалификации и технического оснащения. Сама цель лицензирования, состоит именно в предотвращении ущерба. Соответственно, «нарушение этого требования практически тождественно причинению ущерба перечисленным интересам» [4, с. 96-103]. Но отметим, что, в зависимости от вида деятельности, эта способность к причинению вреда может быть различна. В большинстве случаев ущерб и отсутствие лицензии никак не связаны между собой [14, с. 15]. Например, лицо осуществляло добычу извлечения каменного угля без лицензии, чем причинило государству крупный ущерб [15]. Попытаемся установить причинно-следственную связь: стало ли причиной ущерба отсутствие лицензии? Как видится, нет. И при наличии лицензии лицо могло осуществить добычу угля, например, в другом карьере или в большем объёме, чем предусмотрено лицензией. В подобных делах, где идёт речь идёт о добыче полезных ископаемых, причинно-следственная связь устанавливается между фактом добычи и причинением ущерба, а не между отсутствием лицензии и ущербом [16, 17].

Г.А. Есаков отмечает, что «во многих составах в экономическом уголовном праве законодатель, параллельно используя признак дохода, размера, задолженности и т. п. в крупном размере, тем самым, во-первых, признавая, что общественная опасность преступления заключена не в последствии, а в деянии и, во-вторых, что установление и доказывание крупного ущерба и требуемой причинно-следственной связи вызывает значительные сложности» [5, с. 189].

Заслуживает, по моему мнению, внимания точка зрения, высказанная А.Б. Золотарёвым и А.В. Киреевым относительно того, что деяние, предусмотренное ст. 171 УК РФ, «по факту является не самостоятельным деянием, а способом совершения иных противоправных действий» в следствии чего «приоритетное значение для квалификации имеет не ущерб от него, а способ совершения» [6, с. 106].

Проведенный обзор криминообразующих признаков в составе незаконного предпринимательства вызывает сомнения в рациональности внесенных федеральным законом от 06.04.2024 № 79-ФЗ изменений, в части ис-

ключения цели извлечения дохода в крупном размере.

Наиболее целесообразным, по моему мнению, следовало бы отказаться от объективного конститутивного признака – крупный ущерб, в пользу субъективного признака – извлечение дохода в крупном размере *(не смотря на все вышеизложенные аргументы, не в пользу этого криминообразующего признака)*. При этом в качестве квалифицирующего признака предусмотреть в части 2 ст. 171 УК наступление тяжких последствий. Содержание тяжких последствий в контексте исследуемого состава преступления раскрыть в постановлении Пленума Верховного суда РФ на основе исследования и обобщения судебно-следственной практики по вопросам незаконного предпринимательства. И в зависимости от вреда или ущерба, причиненного этой деятельностью квалифицировать содеянное по совокупности с соответствующими статьями Особенной части УК РФ.

Библиографический список

1. Авдеева О.А. Незаконное предпринимательство: уголовно-правовая характеристика и ответственность: Дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / О.А. Авдеева. – Иркутск,- 2009. – 245 с.

2. Аистова Л.С. К вопросу декриминализации незаконного предпринимательства / Л.С. Аистова // Уголовный закон в развитии: сб. науч. статей. Под ред. доктора юридических наук, профессора В.И. Тюнина. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – 168 с.

3. Бурлаков В.Н. Криминализация незаконного обогащения: теоретическая модель состава преступления / В.Н. Бурлаков // Всероссийский криминологический журнал. – 2015. – Т. 9. – № 1. – С. 12-19.

4. Демьяненко Е.В., Шишко И.В. Незаконное предпринимательство и реализация права, закрепленного в ст. 34 Конституции России / Е.В. Демьяненко, И.В. Шишко // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 1. – С. 96-103.

5. Есаков Г.А. Экономическое уголовное право: Общая часть: монография / Г.А. Есаков; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – 2-е изд. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. – 362 с.

6. Золотарёва А.Б. Экономические правонарушения: некоторые проблемы ответственности / А.Б. Золотарёва, А.В. Киреева. – Москва: Дело, 2016. – 106 с.

7. Иванова Я.Е. Проблема причинной связи в составе незаконного предпринимательства (ст. 171 УК РФ) / Я.Е. Иванова // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. – 2010. – № 2. – С. 21-26.

8. Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления: (репринт издания М., 1960). Монография. – Москва: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2016. – 245 с.

9. Клепицкий И.А. Начало бизнеса: риск наказания / И.А. Клепицкий // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 2. – С. 130-161.

10. Клепицкий И.А. Система хозяйственных преступлений. – М.: Статут, 2005.

11. Плотников С.А. Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2003. – 219 с.

12. Урда М.Н. Преступления против общего порядка осуществления экономической деятельности: учеб. пособие. – Курск: Юго-Зап. гос. ун-т., 2014. – 148 с.

13. Урда М.Н. Проблемы применения нормы, устанавливающей ответственность за незаконное предпринимательство: монография / под науч. ред. докт. юрид. наук, проф. Т.Г. Понятовской. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 176 с.

14. Четверикова И.В. Мобилизация уголовного закона бизнесом и государством: социально-экономический статус обвиняемых и предварительное заключение по экономическим делам / И.В. Четверикова // Экономическая социология. – 2018. – Т. 19. – № 2. – С. 12-49.

15. Приговор Новокузнецкого районного суда от 06.05.2013 № 1-155/13 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudrf.ru/.

16. Приговор Белореченского районного суда Краснодарского края от 20.11.2014 № 1-376/14 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudrf.ru/.

17. Приговор Солнечногорского городского суда Московской области от 23.03.2016 № 1-68/2016 // Государственная автоматизированная система Российской Федерации «Правосудие». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudrf.ru/.

ANALYSIS OF CONSTITUTIVE ELEMENTS OF ILLEGAL ENTREPRENEURSHIP IN THE CONTEXT OF ENHANCING LAW ENFORCEMENT EFFICIENCY

S.N. Bychkov[1], *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
E.N. Alyoshina-Alekseeva[2], *Candidate of Legal Sciences*
K.P. Semenov[2], *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
[1]North-Western Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
[2]Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
[1,2](Russia, Saint Petersburg)

Abstract. *Illegal entrepreneurial activity is the most common type of crime in the sphere of economic activity. Carrying out illegal entrepreneurial activity creates a threat not only to the normal development of economic relations, but also a threat to the economic security of the state as a whole. This determines the need to analyze the crime-forming features of this crime. Their correct assessment will allow the law enforcement officer to avoid mistakes in qualifying illegal entrepreneurship, which will contribute to the observance of the principle of legality at all stages of the administration of justice. The content of the article analyzes the constitutive features in the composition of illegal entrepreneurship, in order to determine their appropriateness.*

Keywords: *economic activity; illegal business activity; threat to economic security; criminalizing signs; causing major damage; purpose of income extraction; criminal liability.*

СУБЪЕКТЫ И ОБЪЕКТЫ ФУНКЦИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Э.Д. Гаврилова, *студент*
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-201-205

Аннотация. *Автор теоретически прорабатывает структуру государственной функции по обеспечению безопасности личности, общества и страны при применении информационных технологий, характеризуя субъекты ее осуществления и выделяя объект – общественные отношения по обеспечению безопасности информационных систем. Отмечено, что объектом рассматриваемой функции может также выступать платформенная среда. В рамках исследования анализируются альтернативные способы повышения эффективности деятельности контролирующих информационную безопасность субъектов: 1) усиление правоохранительной функции Роскомнадзора; 2) уход от монополизации силовой составляющей деятельности Роскомнадзора; 3) организационное разукрупнение ведомства с выделением отдельных служб с целью смягчения нагрузки на ведомство.*

Ключевые слова: *функция государства; структура функции; информационные технологии; информационная безопасность; субъект осуществления функции; объект функции государства.*

Развитие информационного общества ассоциируется с ростом числа компьютерных и цифровых устройств и сетей, связано с появлением новых технологий и способов управления обществом со стороны государства: справочно-информационных систем законодательства, электронных порталов государственных и муниципальных услуг, сетевых общественных демократических структур, цифрового гражданского оборота и т.п. Анализ практической стороны деятельности государства требует новых научных достижений, наработок, предложений в сфере реализации государственных функций в цифровую эпоху.

Законодательное обеспечение цифрового суверенитета в России значительно отстает от потребностей сегодняшнего дня: остро ощущается проблема защиты национальных информационных ресурсов, технологий и данных. Несмотря на то, что на настоящий момент действуют законы об основах информатизации и информационной политики, защите прав и интересов детей при пользовании Интернетом, практически отсутствует законодательное регулирование режимов оборота цифровых данных. Кроме государственных стратегий отсутствуют также конкретные правовые акты по вопросам эффективного национального использования робототехники и систем искусственного интеллекта. А проекты, направленные на обеспечение цифровой защищенности объектов критической информационной инфраструктуры, только начинают реализовываться (программные продукты Росатома, антивирусное обеспечение Касперского, Сбербанка России и пр.).

Все изложенное свидетельствует о бесспорной актуальности исследования такой функции государства как обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных на современном этапе, освещения элементов этой функции. Ранее нами были рассмотрены цели и задачи, а также предметное содержание данной функции, однако для полноты исследования немаловажным остается уточнить роль основных субъектов осуществления данной функции и ее объекты.

Так, субъектом функции обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных являются в той или иной мере все органы государственной власти. органы местного самоуправления, другие органы и учреждения публично-правовой сферы, использующие цифровые

технологии для регулирования и защиты свой деятельности.

В систему субъектов обеспечения информационной безопасности включены федеральные государственные органы нормотворчества, контроля и надзора в информационной сфере:

1) Правительство РФ;

2) Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций;

3) Роскомнадзор;

4) ФСБ России;

5) ФСТЭК России;

6) Центральный Банк Российской Федерации и др.

В целом контроль и надзор осуществляются за деятельностью граждан, общественных институтов и государственных органов, учреждений, применяющих информационно-коммуникативные технологии, в том числе сеть Интернет, и оперирующих в своей повседневной деятельности большими объемами данных [1, с. 40], при этом основная функциональная роль этих властных акторов – обеспечить безопасное применение информационных технологий и цифровых решений. Комплекс полномочий Правительства РФ по вопросам безопасности информации и цифровых данных субъектов права включен в направление деятельности органа по обеспечению законности, прав и свобод граждан в правоохранительной сфере. Однако в России также создан специальный орган, в задачи которого как раз входит реализация информационной политики и сопровождение цифровизации жизни общества, обеспечение информационно-цифровой безопасности – это Минцифры России.

Особенностью правового статуса Минцифры России является межотраслевой характер его управленческой деятельности, подчеркивающий системный и комплексный характер рассматриваемой функции государства. Согласно установленной сфере деятельности, Минцифры России обеспечивает реализацию государственной политики в обширном перечне секторов государственного управления: информационных технологий, теле- и радио вещание, электросвязь и почтовая связь, массовые коммуникации сети Интернет, электронная продукция и программное обеспечение, обработка персональных данных, защита детей от опасной и причиняющей вред их здоровью информации.

Вместе с тем, столь объемный перечень сфер деятельности порождает некоторые сомнения в целесообразности концентрации в руках одного ведомства целого блока государственной политики. В ведении Минцифры России находится лишь одна служба, осуществляющая лицензионно-разрешительные и надзорные функции, – Роскомнадзор. В научных источниках исследуется необходимость усиления правоохранительной функции Роскомнадзора в сфере информационной безопасности в части защиты отечественного информационного пространства от действия противоправного контента [2, с. 117]. Возможно, это один из вариантов решения. Однако, на наш взгляд, следует также отметить, что сегодня в мире имеются передовые технологии искусственного интеллекта, позволяющие на основе технологий машинного обучения обрабатывать гигантские массивы данных и отличать реальные события от фейковых и негативно-разрушительных материалов в сети. При этом, этот вопрос ни в Положении о Минцифры России, на в Положении о Роскомнадзоре никак не отражен.

Другой вариант решения – уход от монополизации силовой составляющей деятельности Роскомнадзора, которая по признанию экспертов сегодня и таки расширена до невероятных пределов. Тем не менее, многие вопросы по-прежнему решаются по усмотрению должностных лиц: Генеральной прокуратуры РФ – в части инициирования незамедлительной блокировки информации, и Роскомнадзора – в части непосредственно организационного и технологического ограничения доступа к этой информации в сети Интернет. В гражданском обществе назрел запрос на повышение прозрачности оснований принятия решений по ограничению и блокировке доступа к информации.

Третий вариант решения – это выделение блока телевидения, радио, печати, почты и электросвязи в отдельную федеральную службу, что позволит разукрупнить и смягчить нагрузку на Роскомнадзор. Однако это наименее предпочтительный вариант, поскольку он не решает проблему изнутри, а предполагает оптимизацию лишь штатов и финансового обеспечения деятельности ра-

ботников, основные же функции по предмету деятельности обоснованно относятся к компетенции Минцифры России.

Следующим значимым субъектом осуществления функции обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных является Федеральная служба безопасности. Первоначально права ФСБ России в области информационной безопасности не были четко выделены в законодательстве, впоследствии закреплено направление деятельности – обеспечение информационной безопасности: разработка и осуществление государственной научно-технической политики по сохранности, поддержанию режима секретности и защищенности критически важной государственной и общественной информации с помощью передовых инженерно-технических и криптографических средств. В Федеральном законе от 03.04.1995 № 40-ФЗ [3] определены условия конфиденциального доступа к материалам и результатам этой деятельности службы и правила защиты соответствующей служебной информации в интересах государства. В целом, деятельность рассматриваемого субъекта осуществления функции отличается активной координацией контрразведывательной деятельности тех органов исполнительной власти, которые по закону имеют право на ее осуществление. Например, разделение данных на различные уровни доступа и установка механизмов контроля доступа помогают обеспечить, что только авторизованные сотрудники будут иметь доступ к значимой информации об оперативно-розыскных, дактилоскопических и иных базах данных [4, с. 110]. Получается, что на современном этапе степень актуальности и масштабности угроз информационной безопасности определяет повышенный уровень защищенности цифровых данных. В этой связи ускорение кибератак на российский сектор, усложнение и нарастание массовых инцидентов в информационной сфере настоятельно требуют нормативного закрепления автоматизации моделирования и оценки этих угроз, что соответствует новым вызовам времени [5, с. 99].

Вместе с тем, к числу действенных способов обеспечения информационной безопасности ученые предлагают относить также использование устойчивого к взломам хранения и надежного шифрования данных, безопасных алгоритмов искусственного интеллекта [6, с. 20]. Действительно, учет данных предложений позволит в дальнейшем улучшить прозрачность финансовых операций, укрепить финансовую и налоговую систему (онлайн-кассы, цифровой анализ налоговой отчетности, налоговые чат-боты для информирования налогоплательщиков в социальных сетях и т.д.). Обеспечение информационной безопасности есть ключевое условие достижения экономической безопасности.

Сказанное выше относится к обеспечению информационной безопасности государства. Сегодня ряд нормативных актов предусматривает охрану и защиту объектов критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: науки, медицины, связи, транспорта, энергетики, банковской сфере и др.). С одной стороны, правильно подчеркивается необходимость внедрения национальной общественной правовой экспертизы документов и технологий транснациональных цифровых корпораций [7, с. 30]. Данная процедура уже активно используется для воздействия государства на их деятельность.

С другой стороны, требуется системный подход к обеспечению общественной безопасности. Например, на железнодорожном транспорте востребовано использование государственных и ведомственных информационных и технических систем, отслеживающих стандартные и нештатные ситуации: «Безопасный город», «Розыск-магистраль» и т.д. Их применение требует постоянного внимания и совершенствования технической составляющей и координации механизмов взаимодействия, ибо транспорт – это наиболее уязвимая сфера, где совершаются терроризм и другие криминальные преступления, нарушающие общественную безопасность.

Несмотря на это, конечным пользователем функциональной деятельности органов государственной власти и общественных институтов в условиях цифровой эпохи является человек как главный субъект общества, организованного как население и народ государства, наделенные конституционной правосубъектностью. В процессе взаимодействий внутри общества физическое лицо может выступать в качестве гражданина государства, наемного

работника, предпринимателя, государственного служащего, научного работника, студента, ученика, пенсионера и т.п. Очень важно, чтобы в условиях цифрового общества граждане получили новые знания и права, связанные с защитой их личного цифрового суверенитета на персональные данные, активы в материальном и цифровом виде, интеллектуальную собственность и т.д.

Например, за последние 7 лет выросло число преступлений с применением сети Интернет и напротив снизилась примерно на 8-10% раскрываемость подобных преступлений. Посягательство на информационную безопасность личности часто происходит ввиду нарушения требований конфиденциальности, целостности и доступности. Тем не менее, должен находиться в разумной пропорции баланс между ужесточением правовой ответственности за правонарушения в информационной сфере и повышением цифровой культуры личности в информационном обществе.

Исходя из изложенного, функцию обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий и обороте цифровых данных, можно вполне охарактеризовать как основную. Она вызвана к жизни потребностями эпохи глобализации и мирового сотрудничества в информационной сфере, является крайне актуальной и злободневной в российском обществе.

В свою очередь, объект предложенной функции составляют общественные отношения, возникающие в процессе обеспечения безопасности информационных систем и цифровых данных: их создания, хранения, передачи, использования и защиты на основе современных технологий. Учитывая, что информационные технологии проникают во все сферы общественной жизни, в область действия этой новой функции могут попадать в зависимости от разных факторов любые общественные отношения, подлежащие «цифровизации».

В частности, объектом рассматриваемой функции может быть платформенная среда, так как цифровая платформа – это разновидность цифровых сервисов, имеющая два аспекта: организационный и технический. В рамках организационного аспекта платформа рассматривается как коммуникационная площадка, на базе которой субъекты цифрового общества начинают выстраивать свои отношения через информационные взаимодействия и реализацию цифровых услуг (государственных и сертифицированных частных). Заинтересованные участники, взаимодействующие посредством платформы, рассматриваются как информационная или цифровая экосистема. В рамках технического аспекта платформа рассматривается как набор компонентов (инфраструктурных и прикладных), позволяющих вышеупомянутым участникам реализовывать взаимодействия и сервисы.

В Указе Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» (далее – Стратегия) обозначена позиция России в контексте мировой трансформации – защита цифрового суверенитета, создание и использование отечественных информационных технологий, формулируется понятие «информационное общество». По нашему мнению, это очень важный этап осознания объекта новой функции. Стратегия очертила целевые горизонты развития России до 2030 г. – как создание цифрового (информационного) общества. Однако для усиления позитивных начал и минимизации рисков необходима интенсивная работа по обеспечению информационной безопасности и защите цифровой автономии граждан.

Таким образом, рассматриваемая нами функция государства имеет четко организованную структуру, позволяющую отличить ее от других: объект, субъект, нормативную основу, однородный характер деятельности, а также цель осуществления. Круг субъектов осуществления данной функции обширен. К ним относятся: Правительство Российской Федерации; Минцифры России; Роскомнадзор; ФСБ России; ФСТЭК России; Банк России и др. В свою очередь, объект функции составляют общественные отношения, возникающие в процессе обеспечения безопасности информационных систем и цифровых данных: их создания, хранения, передачи, использования и защиты на основе современных технологий.

Библиографический список

1. Пестов И.Е., Виткова Л.А., Шемякин С.Н. Технологии обеспечения информационной безопасности больших данных. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени профессора Бонч-Бруевича, 2025. – С. 94 – EDN MXVKON.
2. Солдаткина О.Л. Совершенствование правоохранительных функций Роскомнадзора по обеспечению информационной безопасности как направление современной российской правовой политики // Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 112-118.
3. Федеральный закон «О федеральной службе безопасности» от 03.04.1995 N 40-ФЗ // СЗ РФ 10.04.1995. N 15. ст. 1269.
4. Каюшникова Ю.Е. Некоторые вопросы обеспечения информационной безопасности при применении технических средств в деятельности правоохранительных органов // Безопасность в современном мире: материалы VI Международной научно-практической конференции, Волгоград, 02 марта 2024 года. – Волгоград: РАНХиГС, 2024. – С. 109-111.
5. Тихомирова А.А., Яковлев А.В., Алексеев В.В. Формальное описание моделирования угроз безопасности информации по методике ФСТЭК // Вестник Воронежского института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 94-100.
6. Айвазян Д.П. Давыдова Н.А., Савинская Д.Н. Применение цифровых технологий в финансовой сфере в целях обеспечения экономической безопасности // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 104-5. – С. 18-21.
7. Овчинников А.И., Фатхи В.И. Цели и задачи правовых экспертиз в сфере применения цифровых технологий: обеспечение безопасности общества и прав человека // Философия права. – 2024. – № 4 (111). – С. 27-34.

SUBJECTS AND OBJECTS OF THE FUNCTION OF ENSURING THE SECURITY OF THE PERSON, SOCIETY, AND THE STATE IN THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

E.D. Gavrilova, *Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *The author theoretically develops the structure of the state function of ensuring the security of the individual, society, and the country in the use of information technologies, characterizing the subjects of its implementation and identifying the object – social relations in ensuring the security of information systems. It is noted that the object of this function can also be the platform environment. The study analyzes ways to improve the effectiveness of entities overseeing information security: 1) strengthening the law enforcement function of Roskomnadzor; 2) moving away from the monopolization of the enforcement component of Roskomnadzor's activities; 3) organizational disaggregation of the agency with the creation of individual services to reduce the agency's workload.*

Keywords: *state function; function structure; information technology; information security; subject of the function; object of the state function.*

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ ДОГОВОРА ПРОДАЖИ НЕДВИЖИМОСТИ ЗАКЛЮЧЕННЫМ

Э.Д. Гаврилова, *студент*
Волгоградский государственный университет
(Россия, г. Волгоград)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-206-210

Аннотация. *В статье исследуется гражданско-правовая природа договора продажи недвижимости, анализируются конструкции: предварительный договор, конклюдентные действия сторон. Автор считает, что конклюдентная форма заключения договора допустима при условии полного исполнении обязательств. Согласование предмета договора приобретает новые формы в связи с ростом использования цифровых сервисов и простых электронных подписей. Автор уверен, что в связи с цифровизацией потребуется усиление правовых гарантий сторон при заключении договора продажи недвижимости.*

Ключевые слова: *незаключенность договора; договор продажи недвижимости; стороны договора; конклюдентные действия; гражданско-правовая конструкция.*

При осуществлении продажи недвижимости, предусмотренной ст. 554 ГК РФ, необходимо сформулировать предмет договора таким образом, чтобы из него можно было выяснить сведения, позволяющие идентифицировать передаваемую недвижимость: адрес или вид объекта, его площадь, возможное расположение в составе других объектов и пр. Если же их согласование отсутствует, договор считается незаключенным. Причем юридические различия между заключением и исполнением договора продажи недвижимости во многом зависят от той гражданско-правовой конструкции, которую стороны используют в процессе подготовки документально оформленной (письменной) сделки продажи недвижимости (ст. 550 ГК РФ).

Представляется, что таких конструкций на практике в основном две: это предварительный договор продажи недвижимости и конклюдентные действия сторон по заключению этого договора. Поскольку основной договор заключается на существенных условиях, предусмотренных предварительным договором, при заключении предварительного договора продажи недвижимости в нем должны обязательно оговариваться предмет и цена основного договора продажи недвижимости [1, с. 231].

Надлежащее согласование сторонами предмета договора продажи недвижимости предполагается, и здесь выделяются проблемы обременения недвижимости и наличия права собственности продавца на указанную недвижимую вещь. Так, при заключении предварительного договора продажи заложенного недвижимого имущества необходимо для совершения основного договора согласие залогодержателя, например банка-кредитора.

Продавец должен быть собственником недвижимости по предварительному договору ее продажи. Согласно устоявшейся судебной практике, если основной договор не заключен в установленный срок при внесенной покупателем денежной сумме, она подлежит возврату как аванс. Но в случае, если такая оплаченная недвижимость лишь будет создана или приобретена в будущем, то предварительный договор отсутствует. Суды должны рассматривать его как договор купли-продажи будущей недвижимости с условием об ее предоплате [2, с. 123]. Проблема, связанная с распоряжением недвижимым имуществом только при наличии права собственности продавца, является актуальной не только для предварительного, но и основного договора продажи недвижимости. Подходы судов по этой проблеме изменялись.

Так, до издания постановления Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» [3] суды считали, что продавец может распоряжаться недвижимостью только после

государственной регистрации права собственности на нее. Пленум ВАС РФ разъяснил, что отсутствие у продавца в момент заключения договора продажи недвижимости права собственности на имущество не порождает автоматически недействительность данного договора, поскольку ГК РФ не запрещает заключение договоров, по условиям которых право собственности продавца на недвижимость возникнет в будущем (договор купли-продажи будущей недвижимой вещи). При этом, государственная регистрация перехода права собственности к покупателю недвижимого имущества возможна лишь при наличии зарегистрированного первичного права собственности продавца на это имущество. Из разъяснения следовала возможность значительного растягивания по времени процесса создания объекта недвижимости, сделки по распоряжению им и перехода права собственности к покупателю.

Тем не менее, представляется, что такие разъяснения Пленума ВАС РФ вряд ли являются обоснованными, поскольку высший судебный орган фактически подменил понятие «товар» в смысле п. 2 ст. 455 ГК РФ формулировкой «право собственности на товар», что неравнозначно друг другу. Вследствие этого разъяснения оставляют место двусмысленности: идет ли речь действительно только о будущих объектах недвижимости либо о существующих объектах, право собственности на которые просто не зарегистрировано в ЕГРН на момент заключения договора? В этой связи полагаем, что нужно рассматривать вопрос об актуальности сделанных подобных разъяснений. Представляется, что следует вернуться к ранее действовавшей практике распоряжения недвижимостью только после государственной регистрации первичного права собственности на нее. Объекты незавершенного строительства в настоящее время также относятся к недвижимым вещам (п. 1 ст. 130 ГК РФ). Сегодня распоряжение т.н. не построенной (не введенной в эксплуатацию) будущей недвижимостью осуществляется в рамках правоотношений, регулируемых Федеральным законом от 30.12.2004 № 214-ФЗ» [4].

В научной литературе предлагается рассматривать конклюдентные действия сторон по передаче продавцом недвижимого имущества, принятию и оплате его покупателем как факт заключения договора продажи недвижимости [5, с. 30]. Эта позиция находит своих сторонников среди практических работников. В соответствии со ст. 550 ГК РФ договор продажи недвижимости заключается в простой письменной форме, государственной регистрации же подлежит переход права собственности. Между тем, ранее государственной регистрации подлежал как сам договор продажи жилого помещения, так и переход права собственности на него. В связи с вступлением в силу с 01.03.2013 указанных изменений стало возможным заключать договор продажи жилых помещений в простой письменной форме, что обусловило возможность применения к ним общих правил совершения сделок.

Следует отметить, что в силу п. 1 ст. 433 ГК РФ договор признается заключенным в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта. С учетом п. 3 ст. 434 ГК РФ письменная форма договора считается соблюденной, если письменное предложение заключить договор принято в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 438 ГК РФ. Ученые и практические работники видят возможность заключения договора продажи недвижимости путем конклюдентных действий в связи с тем, что само совершение получившим оферту лицом в установленный для акцепта срок действий по выполнению условий договора (например, отгрузка товаров, предоставление услуг, выполнение работ, уплата соответствующей суммы и т.п.) считается акцептом, если иное не предусмотрено законом, иными правовыми актами или не указано в оферте. Однако остается неясным, как преодолеть с помощью конклюдентной формы сделки императивные нормы ГК РФ о незаключенности договора продажи недвижимости, если стороны не согласовали предмет и цену указанного договора (ст.ст. 554, 555 ГК РФ), и возможно ли это вообще?

Например, Постановлением Президиума ВАС РФ от 27.04.2002 № 11011/01 по делу № А40-23029/00-37-199 указано, что исполнение договора продажи недвижимости с не согласованным достаточно определенно предметом является основанием для признания договора незаключенным. В то же время постановлением Арбитражного суда Северо-

Кавказского округа от 11.12.2017 № Ф08-9686/2017 по делу № А22-1267/2016 разъяснено следующее: неопределенность предмета договора и проблема его незаключенности подлежат обсуждению сторонами до начала его реального исполнения. Сторона, исполнившая договор и не оспорившая объект купли-продажи, считается подтвердившей его действие, вследствие чего договор должен признаваться заключенным. Аналогичная ситуация складывается с ценой продаваемой недвижимости: Постановлением ФАС Московского округа от 03.03.2014 № Ф05-17265/2013 по делу № А41-46151/12 разъяснено, что цена земельного участка определялась и отменялась как постановлениями администрации муниципального образования, так и решениями арбитражных судов двух инстанций. Однако суды не приняли во внимание факт полного исполнения сделки обеими сторонами без возражений и оговорок по цене, следовательно, неопределенности в данном вопросе не возникло, и договор следует признать заключенным.

Интересным представляется позиция В.В. Мещеряковой о важности учета вины стороны в неопределенности предмета и несогласованности цены продажи недвижимости. Так в случае, если имела место явная и очевидная некомпетентность сторон или специальный умысел (например, совершение мнимой и притворной сделок), то можно ставить вопрос о несогласованности существенных условий для целей заключения договора [6, с. 485]. Соответственно добросовестное и разумное поведение сторон при выработке существенных условий договора, оказавшихся должным образом не согласованными, должно толковаться судами в пользу сохранения договора, что соответствует ключевым принципам гражданского законодательства.

Как отмечено рядом авторов, юридическим составом приобретения права собственности на недвижимость следует считать заключение договора продажи недвижимости, принятие решения о регистрации перехода права собственности к покупателю, а также передача недвижимости [7, с. 82]. Причем по вопросу передачи недвижимого имущества существует дискуссия, относится ли она к стадии заключения или исполнения данного договора.

С учетом того, что договор продажи недвижимости является консенсуальным (ст. 549 ГК РФ), то передача недвижимости является исполнением договора. Однако, если встать на точку зрения, что договор продажи недвижимости может заключаться путем совершения конклюдентных действий, то передача, принятие и оплата указанного недвижимого имущества может рассматриваться и как способ заключения договора.

Более того, много вопросов возникает о формах и способах расчетов (оплаты) цены недвижимого имуществе в договоре его продажи. Покупатель обязан оплатить товар непосредственно до или после передачи ему продавцом товара, если иное не предусмотрено законом или договором (п. 1 ст. 486 ГК РФ). Возникает вопрос, можно ли считать предварительную оплату не переданного продавцом товара либо соответственно оплату в рассрочку или в кредит переданного продавцом недвижимого имущества подтверждением факта заключения договора продажи недвижимости? Особенно это заметно в случае перехода права собственности на недвижимость к покупателю только после полной оплаты данного товара (ст. 491 ГК РФ) [8, с. 54].

На наш взгляд, заключение договора продажи недвижимости можно считать подтвержденным фактом лишь в случае полного конклюдентного исполнения сделки обеими сторонами. При наличии частичного исполнения сделки или исполнения только одной из сторон имеет место в нарушение п. 3 ст. 438 ГК РФ неполный акцепт или исполнение с оговорками (условиями), поэтому судам при возникновении подобных споров следовало бы признавать такие договоры незаключенными с применением норм о неосновательном обогащении (ст. 1102 ГК РФ).

При этом, сама конклюдентная форма заключения договора продажи недвижимости порождает коллизии, связанные с нарушением прав продавцов и покупателей, обычно распространенных на стадии исполнения. Нарушение обязанности покупателя по оплате переданной недвижимости может предоставлять продавцу право требовать расторжения договора продажи недвижимости и возврата товара, взыскания неустойки и т.д. А вот более всего могут пострадать интересы покупа-

теля, внесшего предоплату за недвижимость, что связывается с недобросовестным поведением продавца или по объективным причинам: смерть продавца или уклонение его от государственной регистрации сделки [9, с. 74], банкротство продавца-должника, в отношении которого конкурсный управляющий заявляет исковые требованиям в суд о переводе прав продавца на кредиторов [10, с. 223].

В этой связи актуальным представляется применение такой гарантии защиты прав покупателя при заключении договора, как использование для расчетов между сторонами банковской ячейки. Продавец может получить деньги за переданную покупателю недвижимость в банке после выполнения всех необходимых условий по сделке: наличие письменного договора, актов передачи имущества, документов об оплате переданного имущества, приложения технической (инвентаризационной) документации на товар [11, с. 188]. Вместе с тем, это делает невозможным конклюдентную форму сделки, поскольку профессионально действующий на рынке банк будет требовать простую письменную форму сделки в виде одного документа, подписанного сторонами. Между тем, отсутствие полных расчетов с продавцом до момента государственной регистрации перехода права собственности на недвижимость к покупателю разрушает баланс частных интересов сторон при заключении договора и приводит к эффекту частичного или дефектного исполнения, ставящего факт заключения договора под сомнение. В иных ситуациях реализация находится в зависимости от наличия у банка лицензии, надежности его оборудования и условий аренды и доступа к ячейке, что влияет на процесс заключения договора в качестве посторонних факторов [12, с. 188].

Споры в судебной практике по вопросу признания договоров продажи недвижимости заключенными возникают не только по основаниям недостаточной ясности и определенности соответствующего регулирования, но и по причине ошибок и правовой неграмотности сторон. Необходимо исходить из того, что в силу ст. 550 ГК РФ основная форма заключения договора продажи недвижимости является простой письменной. Если заключение предварительного договора носит в известной степени обеспечительный характер в отношении будущих обязательств сторон по основному договору продажи недвижимости, то применение конклюдентных действий при заключении этой категории договоров должно рассматриваться все-таки как нетипичный прием, обусловленный особыми обстоятельствами, и в качестве общего правила не должно иметь место.

Библиографический список

1. Тимофеева К.В. О некоторых вопросах, возникающих при заключении предварительного договора продажи недвижимости // Образование и право. – 2015. – № 7 (71). – С. 229-235.

2. Дробязко Ю.С. Правовые проблемы согласования предмета договора при заключении предварительного договора купли-продажи недвижимости // Академическая публицистика. – 2020. – № 10. – С. 121-125.

3. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 N 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // СПС КонсультантПлюс.

4. Федеральный закон от 30.12.2004 N 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ 03.01.2005. N 1 (часть 1). ст. 40.

5. Уруков В.Н, Урукова А.В. Правовое значение конклюдентных действий для признания договора продажи недвижимости состоявшимся // Право и экономика. – 2012. – № 1 (287). – С. 25-31.

6. Мещерякова В.В. Существенные условия договора продажи недвижимости // Трансформация права: Материалы IV всероссийского научно-практического форума молодых ученых и студентов, Екатеринбург, 22-27 ноября 2021 года. – Екатеринбург: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет», 2022. – С. 482-486.

7. Агильдин В.В, Груздев В.В. Приобретение права собственности по договору продажи недвижимости // Аграрное и земельное право. – 2011. – № 6 (78). – С. 79-82.

8. Кобылинская Л.А. К вопросу о содержании договора купли-продажи недвижимости / Л.А. Кобылинская // Теория права и межгосударственных отношений. – 2022. – Т. 2. – № 10 (22). – С. 50-56.

9. Рябова Е.И. Проблемные аспекты исполнения договора купли-продажи недвижимости // Закон. Право. Государство. – 2018. – № 3 (19). – С. 72-75.

10. Дадаян Е.В. К вопросу о способах (порядке) расчетов по договору купли-продажи недвижимости // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 8 (195). – С. 143-144.

11. Безуглова Е.С., Клянчина М.С., Шевченко К.В. Возможные мошеннические действия при заключении договоров купли-продажи объектов недвижимости // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2 (230). – С. 220-224.

12. Лошакова И.С. Цена договора и ответственность сторон по договору купли-продажи недвижимости // Поколение будущего: Взгляд молодых ученых – 2018: Сборник научных статей 6-й Международной молодежной научной конференции: в 4 томах, Курск, 13-14 ноября 2018 года / Ответственный редактор Горохов А.А. Том 2. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2018. – С. 182-189.

ON THE ISSUE OF RECOGNIZING A REAL ESTATE SALE AGREEMENT AS CONCLUDED

E.D. Gavrilova, *Student*
Volgograd State University
(Russia, Volgograd)

Abstract. *This article examines the civil law nature of a real estate sale agreement, analyzing its various structures: preliminary agreement and implied actions of the parties. The author notes that the implied form of contract is permissible provided that obligations are fully fulfilled. Coordination of the subject matter of a contract is taking on new forms due to the increasing use of digital services and simple electronic signatures. The author believes that digitalization will require strengthening the legal guarantees of the parties when concluding a real estate sale agreement.*

Keywords: *non-conclusion of a contract; real estate sale agreement; parties to the contract; implied actions; civil law structure.*

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМЕНЕНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ И РЫБОХОЗЯЙСТВЕННОМ КОМПЛЕКСАХ

А.С. Клюев, *магистрант*
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-211-216

Аннотация. *В данной статье рассмотрены правовые аспекты внедрения и эксплуатации беспилотных технологий в агропромышленном и рыбохозяйственных комплексах Российской Федерации в условиях цифровизации экономики. Рассматриваются беспилотные авиационные системы и высокоавтоматизированные транспортные средства. Исследуются положения стратегических документов, нормативно-правовых актов и практика установления экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций. Особое внимание уделяется экспериментальному правовому режиму применения сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем и перспективам его расширения. Выявляются проблемы правового регулирования, связанные с фрагментарностью законодательства, неопределенностью гражданско-правовой ответственности и риска причинения вреда. Обосновывается необходимость формирования комплексного отраслевого законодательства.*

Ключевые слова: *беспилотные технологии; беспилотные авиационные системы; высокоавтоматизированные транспортные средства; агропромышленный комплекс; рыбохозяйственный комплекс; экспериментальный правовой режим; цифровизация.*

Развитие беспилотных технологий в настоящее время формирует новые возможности для различных секторов экономики, включая агропромышленный и рыбохозяйственный комплексы. Автоматизация этих отраслей выступает одним из ключевых направлений их современного развития, что напрямую связано с высокими темпами научно-технического прогресса. Использование беспилотных систем способствует повышению эффективности производственных процессов.

Вместе с тем, несмотря на существенные достижения в сфере разработки беспилотных технологий, уровень цифровизации агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов в настоящее время остается недостаточным. Одна из причин этого лежит в правовой плоскости. Необходимым является анализ состояния действующего законодательства.

Необходимость комплексного подхода к вопросу цифровой трансформации основных отраслей экономики была обозначена Президентом Российской Федерации [1]. В соответствии с его поручением разработаны стратегии цифровой трансформации, предусматривающие внедрение конкурентоспособного отечественного программного обеспечения и программно-аппаратных комплексов. В частности, Правительством Российской Федерации было принято распоряжение, определяющее стратегические направления цифровой трансформации агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года [2], включая технологии точного земледелия, роботизированного ухода за урожаем и цифрового мониторинга рыбопромысловой деятельности.

Согласно распоряжению Правительства РФ № 3309-р от 23 ноября 2023 г. к приоритетным направлением применения цифровых решений отнесены моделирование местности и рельефа, внедрение систем мониторинга погодных условий, развитие автоматизированных систем орошения и полива, применение удобрений с заданными свойствами, прогнозирование урожайности, использование беспилотного транспорта для обработки сельскохозяйственных угодий, а также мониторинг перемещения сельскохозяйственной техники и животных.

В Российской Федерации также утверждена Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года [3]. В ука-

занной стратегии подчеркивается актуальность развития беспилотной авиации для выполнения авиационных работ (оказания услуг). В рамках данного стратегического документа выделяются основные направления применения беспилотных воздушных судов (БВС), к которым относятся: сбор и передача данных, дистанционный мониторинг; проведение авиационной разведки и обеспечение охраны территории и объектов; внесение веществ; аэрологистика; выполнение работ по обеспечению связи; образовательная и спортивная деятельность; создание визуальных инсталляций; а также выполнение внешних работ.

Важным инструментом правового обеспечения апробации новых технологий является использование экспериментальных правовых режимов. Указанный механизм правового регулирование предусмотрен Федеральным законом от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ [4]. В соответствии с положениями названного федерального закона экспериментальный правовой режим представляет собой специальный правовой режим, допускающий неприменение либо модификацию отдельных норм общего регулирования в целях тестирования цифровых инноваций при условии соблюдения баланса публичных и частных интересов, а также защиты прав и законных интересов граждан и организаций.

Постановлением Правительства РФ от 16 сентября 2023 г. № 1510 [5], установлен экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций, связанный с эксплуатацией сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем. Основным направлением применения БВС в рамках данного правового эксперимента является выполнение высокоавтоматизированных агротехнологических операций, связанных с внесением жидкостей, порошкообразных, газообразных веществ, биологических объектов, а также иных форм и средств защиты растений.

Стоит отметить, что традиционный способ обработки растений пестицидами и гербицидами сопряжен с рядом существенных проблем. Во-первых, для выполнения работ традиционно используются самолеты и вертолеты, эксплуатация которых требует значительных материальных средств. Во-вторых, использование БВС обеспечивает более высокую точность нанесения химических средств защиты растений и снижение негативного воздействия на окружающую среду. Традиционные виды авиационной техники не обладают достаточной мобильностью, что может приводить к распространению ядовитых облаков на жилые районы или на животноводческие фермы и, как следствие, к поражению людей и животных. В-третьих, БВС способны осуществлять работы круглосуточно, включая ночное время, что существенно расширяет возможности агротехнологического процесса.

Таким образом, применение БВС демонстрирует значительный потенциал для развития агропромышленного сектора. Эффективность и перспективность данной технологии подтверждается тем, что экспериментальный правовой режим был изначально установлен на срок до 2026 года. Впоследствии в 2025 году был подготовлен проект изменений в постановление № 1510, предусматривающий продление действия экспериментального правового режима до 2029 года [6] и расширение его географии.

Проект изменений предполагает включение в перечень субъектов Российской Федерации, участвующих в эксперименте, шести новых регионов: Калининградской, Оренбургской, Томской, Иркутской, Челябинской и Омской областей, а также Красноярского края.

Одновременно с расширением правового режима сохраняются и потенциальные правовые риски, прежде всего связанные с возможностью причинения вреда жизни и здоровью граждан, а также имуществу физических и юридических лиц. Для минимизации этих рисков постановлением Правительства РФ № 1510 предусмотрено обязательное страхование ответственности эксплуатанта сельскохозяйственного БВС на сумму 10 млн рублей. Вместе с тем вопросы юридической ответственности за причинение вреда беспилотными летательными аппаратами по-прежнему остаются актуальными, что подтверждается современными научными исследованиями [7, с. 2]. Дополнительно, на отдельных территориях может вводиться режим «закрытого неба», ограничивающий эксплуатации БВС и, как следствие, возможности осуществления технологических операций [8, с. 6].

Необходимо подчеркнуть, что использование сельскохозяйственных БВС не ограничивается территорией Российской Федерации. Аналогичные технологии активно внедряются в США, Китае и других странах, где дроны применяются не только для внесения химических веществ на растения, но и для инвентаризации и охраны сельхозугодий, создания электронных карт полей, мониторинга всхожести посевов и контроля полевых работ [9, с. 133], что подтверждает актуальность и перспективность расширения применения беспилотных технологий в рамках действующего правового эксперимента.

Применение беспилотных технологий в агропромышленном комплексе не ограничивается использованием сельскохозяйственных БВС. Широкое распространение получили также различные беспилотные наземные системы, включая тракторы, зерноуборочные комбайны и другую технику. Данные системы применяются на всех этапах агротехнологического процесса, в ходе посевных работ, при обработке почвы, внесении средств защиты растений и удобрений, при уборке урожая, ирригация, а также в животноводстве [10, с. 79].

Ключевым документом в регулировании применения беспилотной наземной сельскохозяйственной техники, является национальный стандарт ГОСТ Р 59920–2021 «Системы искусственного интеллекта (ИИ) в сельском хозяйстве [11]. Стандарт распространяется на системы автоматизированного управления движением сельскохозяйственной техники, работающей на основе технологий компьютерного зрения, машинного обучения, сигналов глобальных навигационных систем и иных программно-аппаратных решений.

Основной целью разработки стандарта является формирование единых подходов к созданию систем автоматизированного вождения с учетом безопасности их внедрения и эксплуатации, систематизация понятийного аппарата при создании подобных систем, а также обеспечение совместимости и надежности работы различных компонентов беспилотной техники.

На практике применение стандарта подтверждается успешными экспериментами. Так, в 2025 году на территории Ростовской области были проведены испытания беспилотного электротрактора, подтверждающие возможность эксплуатации автономной наземной техники в сельском хозяйстве [12].

Несмотря на высокий потенциал, внедрение беспилотных наземных систем в сельское хозяйство пока носит ограниченный характер. К числу основных сдерживающих факторов относятся технические сложности, связанные с разработкой программного обеспечения для управления сельскохозяйственной техникой на полях с неправильной конфигурацией и сложным рельефом, что требует учета множества факторов. Другой проблемой является отсутствие целевых программ государственной поддержки, стимулирующих внедрение таких технологий. В правовом поле возникают риски, связанные с использованием техники, управляемой искусственным интеллектом. В частности, ошибки в распознавании сорных растений, приводящие к уничтожению сельскохозяйственных культур, что ставит вопрос о распределении юридической ответственности между разработчиком программного обеспечения, производителем оборудования, владельцем техники и третьими лицами [13, с. 33].

В этой связи представляется необходимой разработка специального экспериментального правового режима, направленного на проведение исследований в области эксплуатации беспилотной сельскохозяйственной наземной техники с целью оценки эффективности её применения, выявления правовых рисков и выработки рекомендаций для последующего нормативного регулирования.

Наконец, нельзя не отметить, что беспилотные технологии получили относительно широкое распространение в агропромышленном комплексе, о чём свидетельствует наличие различных нормативных актов и государственных программ поддержки. В то же время в рыбохозяйственном комплексе применение беспилотных технологий носит пока исключительный характер, несмотря на наличие значительного потенциала для их применения.

Использование БВС в рыбохозяйственном комплексе возможно в различных сферах. Так, одной из наиболее перспективных областей применение является промысловая разведка, при которой авиационная техника осуществляет обследования акватории водных

объектов с целью поиска косяков рыб и иных объектов промысла [14, с. 139]. Не менее перспективным является применение БВС при проведении научно-исследовательских работ, включающих мониторинг путей миграции и нереста водных биологических ресурсов, что обусловлено их высокой мобильности и возможности оперативного получения данных [15, с. 120]. Кроме того, БВС могут использоваться для мониторинга состояния водных объектов, а также для фиксации результатов выполнения работ по рыбохозяйственной мелиорации [16].

При этом следует подчеркнуть, что в действующих специальных федеральных законах, например, в Федеральном законе от 20 декабря 2004 г. № 166-ФЗ [17] и Федеральном законе от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ [18], отсутствуют нормы, регламентирующие особенности применения беспилотных авиационных систем в рыбохозяйственном комплексе. Кроме того, не установлен специальный правовой режим, упрощающий внедрение и эксплуатацию БВС, а также способствующий формированию единых подходов к их правовому регулированию.

Представляется необходимым дальнейшее развитие правового обеспечения применения БВС в рыбохозяйственном комплексе. В частности, требуется нормативное закрепление порядка использования БВС для проведения научно-исследовательской деятельности, мониторинга состояния водных биологических ресурсов и водных объектов, а также особенности применения БВС в целях контроля за соблюдением требований правил рыболовства в отдельных рыбохозяйственных бассейнах.

Таким образом, можно отметить ключевое значение внедрения автоматизированных технологий в агропромышленный сектор. Использование передовых технологий позволяет достичь значительного повышения эффективности производства и обеспечить устойчивое развитие сельского хозяйства. Решающая роль для перехода на новый технологический уровень принадлежит система мониторинга, роботизации и анализа данных. Однако для их успешного внедрение необходимым условием является создание соответствующей нормативно-правовой базы.

Существующий этап развития законодательной базы в рассматриваемой сфере может быть охарактеризован как начальный. Принятые документы стратегического планирования отражают взятый курс на цифровизацию агропромышленного сектора. При этом действующие нормативно-правовые акты либо носят общий характер и регулируют в целом особенности применения беспилотного транспорта без учета специфики выполнения работ в сельскохозяйственном и рыбохозяйственном комплексе, либо охватывают лишь отдельные направления регулирования, что свидетельствует о фрагментарности законодательства. В этой связи представляется необходимым дальнейшее развитие правового регулирования, прежде всего в части вопросов распределения юридической ответственности.

Библиографический список

1. Поручение Президента РФ от 31.12.2020 г. № Пр-2242 «Перечень поручений по итогам конференции по искусственному интеллекту» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/64859.

2. Распоряжение Правительства РФ от 23.11.2023 г. № 3309-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации отраслей агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов РФ на период до 2030 г. и о внесении изменений в распоряжение Правительства РФ от 8 сентября 2022 г. № 2567-р» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 50. – Ст. 9093.

3. Распоряжение Правительства РФ от 21.06.2023 г. № 1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. и плана мероприятий по ее реализации» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 27. – Ст. 5055.

4. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 31. – Ст. 5017.

5. Постановление Правительства РФ от 16.09.2023 г. № 1510 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 39. – Ст. 7025.

6. Проект Постановления Правительства Российской Федерации «О продлении срока действия экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем и внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2023 г. № 1510». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regulation.gov.ru/projects/161726.

7. Попрядухина И.В. Актуальные вопросы правового регулирования беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в Российской Федерации / И.В. Попрядухина // Cifra. Право. – 2025. – № 3(7). – С. 1-5.

8. Устюкова В.В. Использование инноваций в сельском хозяйстве как фактор обеспечения продовольственной безопасности (правовой аспект) / В.В. Устюкова // NB: Административное право и практика администрирования. – 2025. – № 3. – С. 1-11.

9. Крухмалев А.В. Использование беспилотных летательных аппаратов в сельском хозяйстве: современные технологии и перспективы / А.В. Крухмалев // International Journal of Advanced Studies. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 124-142.

10. Ланцева В.Ю. Вопросы правового регулирования эксплуатации сельскохозяйственных беспилотных авиационных систем / В.Ю. Ланцева // Хозяйство и право. – 2025. – № 1. – С. 78-89.

11. ГОСТ Р 59920-2021 «Системы искусственного интеллекта. Системы искусственного интеллекта в сельском хозяйстве. Требования к обеспечению характеристик эксплуатационной безопасности систем автоматизированного управления движением сельскохозяйственной техники» // Официальное издание. – М.: ФГБУ «РСТ», 2021.

12. В Ростовской области испытали беспилотный электротрактор для фермеров // Российская газета. – 14.12.2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/2025/12/14/reg-ufo/v-rostovskoj-oblasti-ispytali-bespilotnyj-elektrotraktor-dlia-fermerov.html.

13. Свецкий А.В. Искусственный интеллект в агропромышленном комплексе: проблемы правового регулирования и перспективы использования / А.В. Свецкий // Сельское хозяйство. – 2025. – № 1. – С. 24-38.

14. Дуленин А.А. Опыт и перспективы использования малых беспилотных летательных аппаратов в морских прибрежных биологических исследованиях / А.А. Дуленин, П.А. Дуленина, Д.В. Коцюк, В.В. Свиридов // Труды ВНИРО. – 2021. – Т. 185. – С. 134-151.

15. Никифоров А.И. Мониторинговые исследования подходов производителей горбуши Oncorhynchus gorbuscha с помощью БПЛА в нерестовых реках острова Сахалин в 2022 году / А.И. Никифоров, И.И. Гордеев, А.В. Ридигер // Бюллетень № 17 изучения тихоокеанских лососей на Дальнем Востоке: Электронное приложение к научному журналу «Известия ТИНРО». – Том 17. – Владивосток: Тихоокеанский научно-исследовательский рыбохозяйственный центр, 2023. – С. 115-121.

16. Беспилотные авиационные системы «Главрыбвода» помогают проводить мониторинг водоёмов и находить браконьеров // Федеральное агентство по рыболовству. – 10.02.2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fish.gov.ru/news/2022/02/10/bespilotnye-aviaczionnye-sistemy-glavrybvoda-pomogayut-provodit-monitoring-vodoemov-i-nahodit-brakonerov/.

17. Федеральный закон от 20.12.2004 г. № 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 52. – Ст. 5270.

18. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133.

THE CURRENT STATE AND PROSPECTS OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF UNMANNED TECHNOLOGIES IN THE AGRO-INDUSTRIAL AND FISHERIES COMPLEXES

A.S. Klyuev, *Graduate Student*
Russian State University for the Humanities
(Russia, Moscow)

Abstract. *This article examines the legal aspects of the introduction and operation of unmanned technologies in the agro-industrial and fisheries complexes of the Russian Federation in the context of economic digitalization. The focus is placed on unmanned aerial systems and highly automated vehicles. The study analyzes the provisions of strategic policy documents, regulatory legal acts, and the practice of establishing experimental legal regimes in the field of digital innovations. Particular attention is paid to the experimental legal regime governing the use of agricultural unmanned aerial systems and to the prospects for its expansion. The article identifies problems of legal regulation related to the fragmented nature of legislation, uncertainty in civil liability, and the risk of causing harm. The need to develop comprehensive sector-specific legislation is substantiated.*

Keywords: *unmanned technologies; unmanned aerial systems; highly automated vehicles; agro-industrial complex; fisheries complexes; experimental legal regime; digitalization.*

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СУЩЕСТВОВАНИЯ СТАТУСА САМОЗАНЯТОГО ЛИЦА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЕГО ОТЛИЧИЯ ОТ СТАТУСА ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ

Н.С. Ларионова, *студент*
Т.Е. Сучкова, *канд. юрид. наук, доцент*
Вятский государственный университет
(Россия, г. Киров)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-217-222

Аннотация. *В статье рассматривается правовой статус самозанятого лица, выделяются ключевые отличия самозанятого гражданина от индивидуального предпринимателя. Проводится комплексный анализ необходимости дальнейшего существования или устранения статуса самозанятого лица. Изучаются причины, в связи с которыми в современном юридическом сообществе назрел вопрос о необходимости ликвидации данного статуса, признания ФЗ № 422 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 утратившим силу.*

Ключевые слова: *самозанятое лицо; индивидуальный предприниматель; правовой статус; самозанятые граждане; налог на профессиональный доход.*

С 1 января 2019 года вступил в силу Федеральный закон № 422 «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – ФЗ о НПД), который предусматривает возможность поучаствовать физическим лицам в эксперименте по применению ранее названного специального налогового режима. Принятие данного ФЗ было обусловлено стремлением легализации доходов граждан, которые осуществляли свою деятельность, не регистрируя себя в качестве субъекта предпринимательства и не состоящие на учете в налоговых органах, а также предоставление таким гражданам льготного механизма налогообложения. Особенностью данного закона является закрепление возможности осуществления деятельности физическим лицом, не имеющим работодателя и наемных работников, в том числе лицами, не получающими прибыль от использования имущества. В рамках данной программы, в соответствии со ст. 2 ФЗ о НПД, лица освобождаются от налога на доходы физических лиц (далее – НДФЛ) в отношении той прибыли, которая признается объектом налогообложения в рамках НПД.

Необходимо отметить, что термин «самозанятый», который стал активно использоваться после вступления в силу ФЗ о НДП, не имеет легального определения. В Письме Министерства труда и социального развития от 03.03.2020 года № 16-1/В-87 указывается, что понятие «самозанятость» содержится в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 года № 1083-р. В соответствии с данной Стратегией под самозанятым лицом следует понимать физическое лицо, не имеющее статуса индивидуального предпринимателя (далее – ИП) и осуществляющее деятельность, приносящую доход.

В соответствии со ст. 11 Налогового Кодекса РФ (далее – НК РФ), под индивидуальным предпринимателем следует понимать физическое лицо, зарегистрированное в налоговом органе в таком качестве и осуществляющее предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, в том числе главы крестьянских (фермерских) хозяйств.

Таким образом, исходя из данных определений, можно выделить одно из ключевых отличий – обязательность приобретения статуса ИП является необходимым условием осуществления предпринимательской деятельности в статусе ИП, в то время как на самозанятых данное требование не распространяется.

Говоря о процедуре регистрации, необходимо отметить, что процедуры регистрации отличаются для ИП и для самозанятого. Для

регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя, в соответствии с требованиями Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – ФЗ О регистрации ЮЛ и ИП), лицу необходимо подготовить пакет документов (заявление о государственной регистрации, копия паспорта, свидетельства о рождении, документ подтверждающий адрес места жительства, документ об уплате государственной пошлины и др.), путем личного обращения или при помощи подачи удаленно предоставить данные документы в регистрирующий орган (ФНС РФ). После подачи документов регистрирующий орган принимает в течение 3 дней решение о регистрации или об отказе в регистрации лица в качестве ИП.

Для регистрации лица в качестве самозанятого предусмотрена упрощенная процедура. Так, для получения статуса самозанятого необходимо встать на учет в налоговый орган в качестве налогоплательщика путем подачи соответствующего заявления и предоставления паспорта и фотографии, однако, также как и для ИП, предусмотрена возможность подачи документов удаленно при помощи мобильного приложения «Мой налог». При этом датой постановки на учет в налоговом органе признается дата подачи соответствующего заявления.

Аналогичные отличия можно наблюдать и в процедуре прекращения деятельности ИП и самозанятых граждан. Для прекращения предпринимательской деятельности индивидуальному предпринимателю необходимо подать соответствующее заявление в регистрирующий орган, документ об оплате государственной пошлины и документ, подтверждающий представление в территориальный орган Фонда пенсионного и социального страхования. ФНС рассматривает заявление в течение 5 дней и после внесения сведений о прекращении деятельности в Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей лицо утрачивает статус ИП.

Для прекращения предпринимательской деятельности самозанятому лицу необходимо подать соответствующее заявление лично или удаленно. Не позднее следующего дня с момента подачи заявления регистрирующий орган уведомляет об аннулировании постановки на учет, а датой прекращения статуса самозанятого признается день подачи заявления о снятии с учета.

Рассматривая статус самозанятого, следует иметь в виду, что перечень видов деятельности для них является урезанным по сравнению с ИП. Так, самозанятые граждане в соответствии со ст. 4 ФЗ о НПД не вправе осуществлять реализацию подакцизных товаров, перепродажу имущества и имущественных прав, добычу и реализацию полезных ископаемых, майнинг цифровой валюты и др.

Также, говоря о существенных отличиях рассматриваемых статусов, нельзя не отметить ограничения по доходной части самозанятых: для самозанятых лиц ФЗ о НПД установлен предельный размер дохода, при котором они могут применять ПНД, а именно 2,4 миллиона рублей в год, в то время как для ИП, применяющих общий режим налогообложения, подобных ограничений нет. В случае если ИП применяет льготный режим налогообложения, например, УСН (доходы) или УСН (доходы минус расходы), максимальный размер прибыли должен составлять не более 450 миллионов рублей, что в значительной части превышает аналогичный лимит для самозанятого. В случае, если доход самозанятого превысил указанную сумму, ему необходимо пройти регистрацию в качестве ИП или создать юридическое лицо.

Продолжая говорить об ограничениях для самозанятых, считаем важным отметить и следующие ограничения: запрет на привлечение наемных работников, запрет на перепродажу чужих товаров. Таким образом, можно подытожить, что самозанятый должен самостоятельно осуществлять производство товара или оказание услуги, к таким лицам относятся: кондитеры, фотографы, лица оказывающие услуги на дому и др. Подобные ограничения не распространяются на ИП, что позволяет расширять свою деятельность и в данном аспекте является наиболее выгодным вариантом деятельности.

Еще одной отличительной чертой статуса самозанятого является уплата страховых взносов. В соответствии со статьей 419 НК РФ индивидуальные предприниматели являются плательщиками страховых взносов и на них возлагается обязанность по уплате этих взносов с момента государственной регистра-

ции. В то же время к налогоплательщику страховых взносов самозанятые лица не относятся, поскольку в их деятельности отсутствует наемный труд. Следовательно, уплата страховых взносов в СФР и ФОМС может быть осуществлена ими на добровольной основе.

Одним из самых существенных отличий статуса самозанятого от ИП является налогообложение названных субъектов. Статьей 2 ФЗ о НПД закреплено, что физические лица, применяющие специальный налоговый режим, освобождаются от уплаты налога на доходы физических лиц в отношении доходов, являющихся объектом налогообложения налогом на профессиональный доход. Объектом налогообложения в данном случае становится доход, полученный в результате реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав), а налоговая ставка дифференцирована в зависимости от потребителя. Так, при продаже товара физическим лицам налоговая ставка составляет 4% от дохода, а при продаже юридическим лицам – 6%.

В отношении ИП налоговые ставки являются различными в зависимости от выбранного ими режима налогообложения (по общей системе – НДС и НДФЛ). Например, для УСН (доходы) установлена налоговая ставка 6%, по общему режиму налогообложения установлена ставка НДФЛ – 13%, а по УСН (доходы минус расходы) налоговая ставка составляет 15%. Таким образом, налогообложение самозанятых является наиболее благоприятным в силу более низкого обложения, а также упрощает учет доходов и снижает административную нагрузку на налогоплательщика.

В качестве еще одного немаловажного отличия рассматриваемых субъектов предпринимательской деятельности нельзя не отметить необходимость отчетности в налоговые органы. Так, исходя из положений ст. 13 ФЗ о НПД, на самозанятого не возложена обязанность предоставлять налоговую декларацию в налоговый орган. Налог, который должен быть уплачен самозанятым лицом, подсчитывается в автоматическом режиме на основании чеков о проведенных операциях в мобильном приложении «Мой налог». Для индивидуального предпринимателя установлена обязанность по подаче налоговой декларации в налоговый орган, в соответствии с требованиями ст. 229 НК РФ, не позднее 30 апреля года, следующего за истекшим налоговым периодом.

К одному из преимуществ статуса самозанятого относится то, что данное лицо не нуждается в использовании онлайн-кассы, а денежные средства в виде дохода зачисляются на его личный счет в банке. Чеки в данном случае формируются электронно, посредством занесения сведений о проведенной операции в мобильное приложение «Мой налог».

Между тем, к существенным недостаткам осуществления предпринимательской деятельности в статусе самозанятого можно отнести отсутствие страхового стажа, поскольку, как было отмечено ранее, лицо в данном статусе не обязано платить страховые взносы. Однако, данную ситуацию возможно контролировать: лицо может самостоятельно подать заявление о постановке на учет в СФР и добровольно уплачивать страховые взносы для формирования страхового стажа и будущей пенсии.

Несмотря на то, что ФЗ о НПД установлено, что данный эксперимент проводится до 31 декабря 2028 года, в юридическом сообществе назрела дискуссия о необходимости досрочного прекращения эксперимента, данный вопрос был поднят и Советом Федерации ФС РФ. В Постановлении Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 8 октября 2025 года была отмечена рекомендация Правительству РФ о необходимости анализа проведения эксперимента по установлению специального налогового режима НПД, а по итогам анализа проработать вопросы о завершении эксперимента в 2026 году. Однако министром экономического развития РФ Максимом Решетниковым был дан следующий ответ: «Еще раз хочу подчеркнуть, что до 2028 года никаких изменений в режиме работы самозанятых не планируется. Это принципиальная позиция Правительства. В то же время это не отменяет ответственности тех работодателей, которые вместо работы, которая должна выполняться по трудовым отношениям, пытаются задействовать и использовать мимикрию трудовых отношений, нанимая самозанятых. Здесь соответствующая задача стоит у Минтруда, у Роструда, и коллеги активно сейчас работают над ее решением».

За все время действия ФЗ о НПД данный специальный налоговый режим показал не

только достоинства, главным из которых является вывод из тени работающих граждан, но и явные недостатки и уязвимости. К причинам возникновения дискуссии об отмене статуса самозанятого гражданина относятся:

1. Замена фактических трудовых отношений самозанятостью. Это является одной из главным причин дискуссии о необходимости отмены статуса самозанятых граждан. Проблема заключается в том, что растут «серые схемы» со стороны тех, для кого режим НПД не предназначен. Так, многие работодатели в целях избежания уплаты страховых взносов и налогов, переводят своих сотрудников в статус самозанятых, а некоторые при приеме на работу сразу ставят данное условие соискателям. Такое положение дел способствует сокращению финансовых обременений компаний, однако лишает сотрудников всех трудовых, социальных и пенсионных гарантий, предусмотренных для наемных работников.

2. Еще одним слабым звеном данной системы является злоупотребление со стороны самих самозанятых граждан. Так, некоторые граждане, имеющие данный статус, выходят за лимиты дохода – 2,4 млн. руб., а некоторые нелегально привлекают наемных сотрудников.

3. Дисбаланс между налоговыми режимами. В юридической литературе отмечают, что разница между налогообложением различных субъектов велика: для самозанятых налоги составляют 4-6%, а для индивидуальных предпринимателей от 6% до 15%, а если обратить внимание на НДФЛ, то он составляет от 13% до 22%. Некоторые авторы отмечают, что самозанятые выходят на рынок вместе с другими субъектами предпринимательской деятельности и создают им конкуренцию. В таких случаях они имеют определенную льготу среди иных участников в виде более низкого налогообложения. И следуя простой истине, что для поддержания честной и справедливой конкуренции требуется контроль за каждым конкурирующим субъектом, на самозанятых должно распространяться антимонопольное регулирование.

Это только самые веские, по мнению авторов, причины, которые называются в качестве обоснования необходимости досрочного прекращения эксперимента специального налогового режима «Налог на профессиональный доход».

Несмотря на указанные недостатки, по данным Министерства экономического развития РФ, с начала действия эксперимента было зарегистрировано более 14 млн. самозанятых, а режим подтвердил свою эффективность.

Рассуждая о необходимости отмены статуса самозанятого лица необходимо отметить, что отмена данного статуса повлечет за собой необходимость изменения для такого гражданина, статуса на ИП или иной. Однако, резкая отмена НПД, с другой стороны, может привести к резкому уходу «в теневую экономику» многих самозанятых, падению отчетных выплат, возвращению «серых схем», для борьбы с которыми и был разработан эксперимент по НПД.

Подводя итоги, можно сказать, что статус самозанятого лица имеет существенные отличия от статуса ИП. Самозанятые граждане имеют ряд ограничений: по доходу, по видам деятельности, по найму работников, однако в отличие от ИП имеют и свои преимущества: отсутствие необходимости подачи налоговой декларации, низкое налогообложение, отсутствие онлайн-кассы и др.

Существование анализируемого налогового режима несет в себе и ряд положительных эффектов, в том числе: легализация неофициальной деятельности граждан, приносящей доход, пополнение государственного бюджета. Однако, существуют и негативные эффекты: замена фактических трудовых отношений заключением договоров с самозанятыми лицами, сокращение уплаты страховых взносов влечет возникновение экономической нестабильности системы страхования и страховой защиты, утрату работниками трудовых, социальных и пенсионных гарантий, злоупотребления со стороны самих самозанятых, дисбаланс между конкуренцией самозанятых лиц и ИП.

Учитывая вышесказанное, считаем, что отмена режима самозанятости может повлечь «переток» граждан из самозанятых лиц в категорию граждан, работающих в «теневой экономике». Данный факт прямо противоречит целям проводимого эксперимента, следовательно, в данной ситуации существует, на наш взгляд, два варианта разрешения данной дискуссии: сохранение статуса самозанятого лица либо замена статуса самозанятого иным правовым статусом. В первом случае, при со-

хранении правового статуса самозанятого лица необходимым является усовершенствование законодательства в отношении института самозанятости, устранение правовых пробелов, установление строгих мер ответственности за нарушение законодательства о самозанятых лицах, в том числе, проведение мониторинга и контроля за гражданами, имеющими данный статус. Во втором же случае, при ликвидации статуса самозанятого лица, необходимо ввести иной правовой статус, отличный от ИП и самозанятого, в котором были бы сохранены льготные условия налогообложения и отчетности, но установлены четкие требования к получению статуса, разрешенные виды деятельности. При этом данный статус должен быть неким гибридом рассматриваемых в статье статусов.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.02.1998 N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) часть 1 // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/.

2. Налоговый кодекс Российской Федерации от 05.08.2000 N 146-ФЗ (ред. от 28.11.2025) часть 2 // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/.

3. Федеральный закон «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» от 08.08.2001 N 129-ФЗ (ред. от 28.12.2024)) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32881/.

4. Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 N 422-ФЗ (ред. 29.11.2024) // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/.

5. Письмо Минтруда РФ от 03.03.2020 N 16-1/В-87 «Об определении понятия «Самозанятость», а также об оказании финансовой помощи органами службы занятости». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=362895.

6. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 08.10.2025 N 433-СФ «О текущей ситуации в экономике и основных задачах социально-экономического развития Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=882722#MWU3v5VRQMY70gY.

7. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 N 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») // СПС КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_199462/f3fa9da4fab9fba49fc9e0d938761ccffdd288bd/.

8. Максимова С.В. Сравнение правового статуса индивидуального предпринимателя и самозанятого в РФ / С.В. Максимова // Epomen. Global. – 2024. – № 56. – С. 78-82. – EDN FSMVMC.

9. Министерство экономического развития Российской Федерации. Новости: Максим Решетников: изменений в режиме работы самозанятых до 2028 года не будет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/news/maksim_reshetnikov_izmeneniy_v_rezhime_raboty_samozanyatyh_do_2028_goda_ne_budet.html.

10. Правовая навигационная система Закон РФ. Самозанятость под угрозой: возможная отмена НПД и что будет с плательщиками после 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.zakonrf.info/articles/otmena-samozanyatosti-2026/.

11. Шилов Ю.В. Отдельные аспекты реализации правового статуса самозанятых / Ю.В. Шилов // Флагман науки. – 2024. – № 12(23). – С. 690-692. – EDN XMBFBP.

ON THE ISSUE OF THE NECESSITY OF THE EXISTENCE OF THE STATUS OF A SELF-EMPLOYED PERSON IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS DIFFERENCE FROM THE STATUS OF AN INDIVIDUAL ENTREPRENEUR

N.S. Larionova, *Student*
T.E. Suchkova, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Vyatka State University
(Russia, Kirov)

Abstract. *This article examines the legal status of the self-employed individual, highlighting the key differences between them and individual entrepreneurs. It also provides a comprehensive analysis of the need to continue or eliminate self-employed status. It examines the reasons why the modern legal community has come to the conclusion that this status needs to be eliminated, and why Federal Law N 422 «On the Experimental Establishment of a Special Tax Regime 'Tax on Professional Income» of November 27, 2018, has been repealed.*

Keywords: *self-employed person; individual entrepreneur; legal status; self-employed citizens; tax on professional income.*

АНАЛИЗ ОПЫТА ИНФОРМИРОВАНИЯ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН О НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫХ СПОСОБАХ БОРЬБЫ С НАРКОТИЗАЦИЕЙ НАСЕЛЕНИЯ

М.Ш. Мирзоев, *слушатель факультета подготовки иностранных специалистов, Республика Таджикистан*
Научный руководитель: *С.Ю. Чимаров, д-р ист. наук, профессор*
Санкт-Петербургский университет МВД России
(Россия, г. Санкт-Петербург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-223-227

Аннотация. *Статья посвящена лапидарному анализу состояния наркотизации населения Таджикистана, что предопределяет необходимость принятия своевременных мер государства по преодолению существующей проблемы. Особая роль в борьбе против указанного опасного явления, наносящего ущерб сохранению генофонда таджикской нации, принадлежит правоохранительным органам, включая милицию Таджикистана. Выявляя особенности ведения профилактической работы в указанной области, автор акцентирует внимание на необходимости совершенствования профессиональной подготовки сотрудников милиции и их информирования о наиболее востребованных методах борьбы на антинаркотическом фронте.*

Ключевые слова: *наркомания; наркотизм; наркотизация населения; милиция; профессиональная подготовка; генофонд нации.*

Географическая близость Республики Таджикистан (далее – Таджикистан) к одному из центральных источников наркопроизводства, именуемого как Золотой полумесяц» (Афганистан, Пакистан, Иран), а также традиционное прохождение от указанных источников через нашу страну наркотрафика на территорию стран Европы, способствует поддержанию неослабевающего потока распространения наркосодержащих веществ среди населения Таджикистана. При этом ключевыми дефинициями предметного поля борьбы с незаконным оборотом наркотических средств выступают понятия «наркомания», «наркотизм» и «наркотизация», имеющие общую основу в виде наркотиков и отличающиеся по смыслу своего применения на едином фронте борьбы с распространением наркотиков.

Как отмечает А.И. Халиуллин, «понятие «наркотизм» означает распространенность и характер потребления наркотических средств как социальное явление, а термин «наркомания» – наркотическую зависимость как заболевание» [1, с. 159]. Не вдаваясь в лабиринты этимологии отмеченных понятий, представляется оправданным взять указанное их содержание за основу проводимого нами исследования. Что касается дефиниции «наркотизация населения», то в данном случае уместно обратиться к исследованию, которое провел М.Ю. Воронин. Согласно выводу данного специалиста, наркотизация населения – это процесс целенаправленного синергетического воздействия на население страны различных факторов, в результате которого создаются благоприятные условия для приобщения населения к немедицинскому потреблению наркотиков [2, с. 119].

Отмечая факт наркотизации таджикского общества в историческом аспекте, следует обратиться к страницам истории нашей страны, а именно к остроте этой проблемы уже в начале XX века. Подтверждением этому может служить постановление военного губернатора Самаркандской области от 1 июля от 1 июля 1906 г. № 381 (посвященного борьбе с распространением наркотиков), текст которого содержал следующие слова: «Со злом этим необходимо бороться неослабно, пока еще есть время и пока потребление наркотиков не захватило еще более широкие слои населения. Ввиду этого прошу уездных начальников, полицмейстеров, участковых и полицейских приставов, волостных управителей, сельских и аульных старшин усилить надзор за такими местами, где можно ожидать курение анаши и опия [3, с. 57].

Применительно к проблеме наркотизации населения Таджикистана в настоящее время, особое беспокойство вызывают рост числа наркозависимых среди женщин [4], а также возросший уровень распространения синтетических наркотиков среди молодежи [5], что создает угрозу для сохранения генофонда таджикской нации.

В контексте общегосударственной борьбы с наркотизацией населения Таджикистана особая роль принадлежит национальной милиции, личный состав которой активным образом задействован в профилактической работе, сводимой к процедуре разъяснения обществу антинаркотического законодательства, негативных последствий и немедицинского потребления наркотиков. Как отмечают Х.И. Нуманов, М.А. Нажбудинов, указанные действия сотрудников милиции: во-первых, стимулируют повышение уровня информированности и осведомленности общественности об опасности злоупотребления наркотическими веществами и их незаконного оборота; во-вторых, способствуют предупреждению совершения деяний, подпадающих под действие уголовного или административного законодательства [6, с. 3].

Указанные действия милиции и необходимость их координации с другими правоохранительными органами страны по линии борьбы с наркотизацией населения получили закрепление в Указе Президента Республики Таджикистан от 20 марта 2021 г. № 145 «О Национальной стратегии по контролю за наркотиками в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы» [7]. Отмеченный документ ориентирует личный состав милиции на понимание угроз для таджикского общества от незаконного оборота наркотиков, приводящего к росту уровня наркотизации общества. К указанным угрозам относятся:

1. Контрабанда наркотиков из Афганистана в Таджикистан и их дальнейшее перемещение в другие государства.

2. Расширение незаконной торговли наркотиками через сети интернета, в том числе без передачи из рук в руки.

3. Легализация (отмывание) доходов, полученных от незаконной продажи наркотиков, отдельными лицами и преступными группами.

4. Незаконный ввоз из зарубежных стран новых видов синтетических наркотиков и психотропных веществ, являющихся аналогами наркотических средств.

5. Пропаганда наркотиков через сети интернета, а также другими способами и средствами.

6. Увеличение спроса населения, особенно молодежи на новые психотропные вещества, и на этой почве увеличение случаев употребления без назначения врачом наркосодержащих препаратов.

7. Совершение наркозависимыми других видов правонарушений.

8. Вероятность увеличения медицинских и социальных последствий злоупотребления наркотиками.

9. Увеличение количества заражений вирусом иммунодефицита человека и заболевших синдромом приобретенного иммунодефицита человека (ВИЧ/СПИД), гепатитом и другими инфекциями.

10. Вероятность роста распада семей и безнадзорности детей.

11. Нехватка количества врачей-наркологов в городах и районах Республики.

Среди закрепленных в отмеченном документе стратегического планирования трех форм участия правоохранителей в профилактике наркомании, направленной на снижение у населения спроса на наркотики, несомненного внимания заслуживает форма так называемой первостепенной профилактики наркомании, осуществляемая министерствами и ведомствами, центральными и местными исполнительными органами государственной власти, гражданским обществом и международными организациями при взаимодействии с Агентством по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан [8]. При этом на Министерства и ведомства (включая МВД Таджикистана), местные исполнительные органы государственной власти, общественные и международные организации возложена стратегическая задача по проведению для населения профилактических информационно-просветительских мероприятий.

Анализируя опыт информирования сотрудников милиции Таджикистана, в части пропаганды наиболее характерных способов борьбы с наркотизацией населения (включая про-

ведение профилактических мероприятий), необходимо обратить внимание на практику выпуска инициируемых и подготовленных МВД Таджикистана научно-информационных аналитических журналов «НаркоФронт», содержание которых отражает следующие направления отмеченного информирования:

1. Наркобизнес в контексте транснациональной преступности; особенности борьбы с незаконным оборотом наркотических средств; криминологическая характеристика личности преступников, совершивших незаконный оборот с наркотическими средствами; особенности расследования преступлений, связанных с распространением «дизайнерских» наркотиков; ситуация с наркоманией и основные факторы ее распространения в Таджикистане; превентивные меры борьбы с наркоманией – залог здорового поколения; нормативные-правовые акты в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств [9].

2. Производство опийных наркотиков (героина) в Афганистане: инфраструктура наркобизнеса; наркоситуации в Средней Азии: на примере ситуации в Таджикистане, Кыргызстане и Казахстане; финансовая подпитка международных террористических и экстремистских организаций; незаконный оборот наркотиков – преступления, представляющие угрозу безопасности Республики Таджикистан; сотрудничество Республики Таджикистан со странами СНГ в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков; организация взаимодействия органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию наркотизму [10].

3. Наркотрафик и наркоэкспансия, как угроза национальной безопасности Таджикистана, государств Центральной Азии и России; противодействие незаконному обороту наркотиков – прочный фундамент национальной безопасности Таджикистана; роль международных структур в борьбе с незаконным оборотом наркотиков; профилактическо-предупредительная политика по проблемам наркомании и ее результаты в Республике Таджикистан; психологическая характеристика личности наркомана; институт «пробщиков» как неформальный инструмент распространения наркомании; роль мирового сообщества в борьбе с транснациональной преступностью и установлении мира в Афганистане [11].

4. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров; административно-правовые меры по предупреждению и пресечению наркомании; криминализация противоправных действий с прекурсорами, осуществляемая на уровне национального уголовного закона под влиянием международно-правовых актов; состояние посева и производства наркотических средств в Афганистане; сотрудничество государств в борьбе с незаконным оборотом наркотиков; ситуация наркомании и меры по ее предотвращению в Республике Таджикистан [12].

5. Совершенствовании международно-правового обеспечения международной контролируемой поставки как наиболее эффективного оперативно-розыскного метода в борьбе с наркопреступностью; обеспечение безопасности сотрудников органов внутренних дел от заражения ВИЧ-инфекцией; итоги субрегиональной антинаркотической операции «Канал-Гранитный Бастион – 2021»; концептуальные основы применения мер физического воздействия в отношении лица, находящегося под воздействием психоактивных веществ; научные исследования в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан: обзор основных источников и литературы; профилактика административных правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров в Республике Таджикистан; незаконный оборот наркотических средств: некоторые вызовы и угрозы; подразделения органов внутренних дел Республики Таджикистан по противодействию незаконному обороту наркотических средств: историко-правовые аспекты [13].

6. Роль Организации договора о коллективной безопасности в противодействии незаконному обороту наркотических средств; административно-правовые средства профилактики правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков; хищение наркотических средств: проблемы квалификации и ограничения; подразделения органов внутренних дел Республики Таджикистан по противодействию незаконному обороту наркотических средств: основные этапы формирования и развития; роль специалиста-кримина-

листа в предварительном исследовании следов наркотических средств в Республике Таджикистан и Российской Федерации на современном этапе и основные этапы формирования и развития; культивирование опийного мака и производство опия в Афганистане: ретроспективный анализ [14].

7. Защита национальных интересов и обеспечение антинаркотической безопасности Республики Таджикистан: социально-политический анализ; характерные особенности личности потенциального наркомана, способствующие его наркотизации; история противодействия наркопреступности в советском Таджикистане; проблемы совершенствования юридической ответственности за потребление наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров в Республике Таджикистан; административно-правовые средства организации деятельности органов внутренних дел Республики Таджикистан по предупреждению и пресечению незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров; понятие и законодательная классификация наркотических средств; становление и развитие экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Республики Таджикистан и Российской Федерации: сравнительный анализ; теоретические основы профилактики наркомании в Республике Таджикистан [15].

Представленный обзор тематических направлений информирования сотрудников милиции по актуальным вопросам участия данного правоохранительного ведомства в борьбе с наркотизацией населения страны свидетельствует: во-первых, об остроте существующей проблемы для таджикского общества; во-вторых, о стремлении руководства МВД Таджикистана к профессиональному просвещению своих сотрудников, конечной целью которого является «вооружение» личного состава набором необходимых компетенций, в части повышения эффективности работы национальной милиции и повышения доверия общества к ее действиям.

Указанное соответствует положениям второго (из девяти) принципа правоприменения полиции, разработанного полицеистом Р. Пилем и являющегося в настоящее время универсальным для правоохранительных органов, включая милицию Таджикистана. Содержание данного принципа сводится к следующему: «Способность полиции к выполнению своих обязанностей зависит от фактора доверия общества к необходимости существования полиции, её действиям и поведению» [16, с. 33].

Подводя итог изложенному, представляется необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Важным условием эффективной работы милиции Таджикистана в ее борьбе с незаконным оборотом наркотиков и минимизации уровня наркотизации общества является профессиональная подготовка сотрудников к решению возложенных на них задач в указанной области.

2. Кроме умения проводить оперативные мероприятия, личный состав национальной милиции должен обладать необходимыми знаниями в области наркологии, владеть информацией о способах производства наркотиков и их пагубных последствиях для человека, попавшего в паутину наркодельцов.

3. Отмеченный подход МВД Таджикистана к профессиональной подготовке сотрудников данного ведомства является наглядным свидетельством этому и несомненно заслуживает обобщения и применения при работе с личным составом правоохранительных органов других стран.

Библиографический список

1. Халиуллин А.И. К вопросу о соотношении понятий «наркомания» и «наркотизм» // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. – 2011. – № 4. – С. 159-162.

2. Воронин М.Ю. О содержании и сущности понятия «наркотизация населения» // Научный портал МВД России. – 2008. – № 4. – С. 115-119.

3. Розикзода А.Ш. Становление милиции Таджикистана: монография. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 404 с.

4. В Таджикистане растет женская наркомания. 03.02.2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tj.sputniknews.ru/20250203/tajikistan-rost-zhenshiny-narkomaniya-1066093184.html.

5. В Таджикистане обеспокоены распространением наркотиков среди молодежи. 15.02.2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tj.sputniknews.ru/20260215/tajikistan-narkotikov-molodezhi-1075288620.html.

6. Нуманов Х.И., Нажбудинов М.А. Профилактика наркотизации населения как социальная проблема в Республике Таджикистан // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 2(25). – С. 1-5.

7. Указ Президента Республики Таджикистан от 20 марта 2021 г. № 145 «О Национальной стратегии по контролю за наркотиками в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://akn.tj/ru/2021/04/15/national-drug-control-strategy-of-the-republic-of-tajikistan-for-2021-2030/.

8. Агентство по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://akn.tj/ru/.

9. НаркоФронт. – 2017. – № 3. – 103 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vkd.tj/index.php?do=download&id=8.

10. НаркоФронт. – 2017. – № 4. – 103 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vkd.tj/index.php?do=download&id=9.

11. НаркоФронт. – 2018. – № 2. – 105 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vkd.tj/index.php?do=download&id=12.

12. НаркоФронт. – 2019. – № 1. – 97 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vkd.tj/index.php?do=download&id=10.

13. НаркоФронт. – 2021. – № 1. – 112 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vkd.tj/index.php?do=download&id=14.

14. НаркоФронт. – 2022. – № 1. – 94 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vkd.tj/index.php?do=download&id=15.

15. НаркоФронт. – 2022. – № 2. – 98 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vkd.tj/index.php?do=download&id=16.

16. Чимаров С.Ю. К вопросу о «Принципах правоприменения» Роберта Пиля в деятельности полиции // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2017. – № 3(75). – С. 33-34.

ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF INFORMING POLICE OFFICIALS OF THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN ABOUT THE MOST CHARACTERISTIC WAYS TO COMBAT DRUG ADDICTION

M.Sh. Mirzoev, *Student of the faculty of training of foreign specialists, Republic of Tajikistan*
Supervisor: *S.Y. Chimarov, Doctor of Historical Sciences, Professor*
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
(Russia, St. Petersburg)

Abstract. *The article is devoted to a lapidary analysis of the state of drug addiction in Tajikistan, which determines the need for timely government measures to overcome the existing problem. A special role in the fight against this dangerous phenomenon, which harms the preservation of the gene pool of the Tajik nation, belongs to law enforcement agencies, including the Tajik police. Identifying the specifics of conducting preventive work in this area, the author focuses on the need to improve the professional training of police officers and inform them about the most popular methods of fighting on the anti-drug front.*

Keywords: *drug addiction; narcosis; population narcosis; police; professional training; the gene pool of the nation.*

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ТРУДОВЫХ ПРАВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

И.В. Рыбакова, *канд. экон. наук, доцент*
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
(Россия, г. Нижний Новгород)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-228-232

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и организационно-правовые аспекты прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан. Анализируются понятие, цели, предмет и пределы данного направления надзорной деятельности, а также его место в системе функций прокуратуры. Особое внимание уделяется методике проведения прокурорских проверок в сфере труда и охраны труда, системе полномочий прокурора и его взаимодействию с иными контролирующими органами. На основе анализа Приказа Генпрокуратуры от 05.02.2024 № 98 выделены приоритетные направления надзора на современном этапе.*

Ключевые слова: *прокурорский надзор; трудовое законодательство; охрана труда; предмет надзора; прокурорская проверка; полномочия прокурора.*

Нарушение трудового законодательства остается одной из негативных тенденций в российском обществе. Проблемы неформальной занятости, неофициальных выплат заработной платы, подмены трудовых договоров договорами гражданско-правового характера влекут серьезные последствия как для работников, лишенных социальных гарантий, так и для государства в целом. В этих условиях особое значение приобретает деятельность органов прокуратуры как универсального механизма защиты конституционных прав граждан на труд и безопасные условия труда.

Прокурорский надзор за соблюдением трудовых прав прямо не выделен в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2201-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ») как самостоятельная функция, а входит в состав такого направления, как надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина. В науке и практике это направление рассматривается как достаточно динамичное, поскольку его приоритетность меняется в зависимости от социально-экономической ситуации в стране [1].

Анализ ведомственных приказов наглядно демонстрирует эту динамику. Так, если в Приказе Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 [2] акцент был сделан на надзоре за исполнением трудового законодательства в целом, то новый Приказ Генпрокуратуры России от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» [3] (далее – Приказ Генпрокуратуры № 98) конкретизирует приоритетное направление надзорной деятельности. В условиях сложной внешнеэкономической обстановки и влияния санкций на развитие Российской Федерации приоритетным направлением определен надзор за соблюдением трудовых прав социально незащищенных категорий граждан: пенсионного и предпенсионного возраста, беременных женщин, многодетных, одиноких матерей и отцов, инвалидов, несовершеннолетних, молодежи. Особо выделены работники стратегических, системо- и градообразующих предприятий, организаций в сфере информационных технологий, производящих социально значимые товары и медицинское оборудование.

Целями данного надзора выступают: обеспечение верховенства Конституции Российской Федерации и законов в сфере труда; обеспечение единства правового пространства в вопросах применения трудового законодательства; защита трудовых прав граждан от неправомерных действий работодателей и должностных лиц.

Предмет надзора, согласно ст. 26 ФЗ «О прокуратуре РФ», применительно к сфере трудовых отношений приобретает отраслевую специфику и включает следующие ключевые компоненты:

1. Основным предметом надзора является соблюдение прав и свобод человека и гражданина, но в данном случае – трудовых прав. Это права, закрепленные в Конституции РФ (ст. 37) и детализированные в Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ) и иных актах, содержащих нормы трудового права.

Прокурор проверяет исполнение конкретных требований трудового законодательства: законность заключения и расторжения трудовых договоров, своевременность и полноту оплаты труда, обеспечение безопасных условий, предоставление отпусков, привлечение к дисциплинарной ответственности и т.д.

2. Список поднадзорных субъектов, представленных в ст. 26 ФЗ «О прокуратуре РФ», в данном контексте означает одно – многообразие работодателей. Предметом надзора является деятельность любого из перечисленных в законе лиц именно в качестве работодателя.

3. Ч. 2 ст. 26 ФЗ «О прокуратуре РФ» запрещает прокуратуре подменять иные государственные органы. В сфере труда главным «иным органом» является Федеральная служба по труду и занятости (далее – Роструд).

Роструд (специальный орган контроля) проверяет техническое соблюдение норм трудового права (охрана труда, оформление документации).

Прокуратура (надзорный орган общей компетенции) проверяет соблюдение прав и свобод и может вмешаться в двух случаях: когда есть нарушение прав конкретного человека (например, жалоба на невыплату зарплаты), либо когда Роструд не принял мер или действует незаконно.

Предметом надзора прокуратуры в рассматриваемой сфере является дополнительная гарантия защиты трудовых прав, особенно в социально значимых случаях (массовые невыплаты, сокрытие несчастных случаев).

4. Прокурор может вмешаться в деятельность организации, если отдельные решения работодателей (сокращения, увольнения) произведены с нарушением предусмотренной законом процедуры и права работников ущемлены. При этом прокурор не имеет права, например, устанавливать работнику размер премии или режим работы.

Проверка соблюдения трудовых прав проводится прокурором на основании поступившей информации (жалобы работника, сообщения СМИ) о фактах нарушения. В ходе проверки прокурор может истребовать документы (расчетные листки, приказы), вызывать должностных лиц для объяснений.

Таким образом, предмет надзора органов прокуратуры за трудовыми отношениями в соответствии со ст. 26 ФЗ «О прокуратуре РФ» представляет собой деятельность работодателей, перечисленных в ч. 1 ст. 26, по соблюдению трудовых прав граждан, гарантированных Конституцией РФ и ТК РФ, осуществляемую в установленных законом пределах (ч. 2 ст. 26) и процедурных рамках (п. 2-15 ст. 21), не подменяющую функции специализированных органов государственного контроля (Роструда).

На основе анализа теоретических подходов и нормативных положений можно сформулировать следующее определение: прокурорский надзор за исполнением законодательства о труде и об охране труда – это динамичное направление деятельности прокуратуры, осуществляемое от имени Российской Федерации специально уполномоченными лицами, состоящее в проверке соблюдения конституционных трудовых прав граждан и исполнения трудового законодательства всеми работодателями и должностными лицами, с целью своевременного выявления, пресечения правонарушений и восстановления нарушенных прав.

Сформулированное определение базируется на анализе соотношения функций и направлений деятельности прокуратуры, положений ст. 1, 21, 26 ФЗ «О прокуратуре РФ», а также на обобщении целей и предмета данного вида надзора, выделенных в юридической литературе и правоприменительной практике.

Отличительной чертой прокурорского надзора является его всеобъемлющий характер: прокурор вправе проверить соблюдение трудовых прав на любом предприятии, в любом учреждении независимо от формы собственности и ведомственной принадлежности.

Пределы надзора закреплены в законе и делятся на общие (запрет вмешиваться в оперативно-хозяйственную деятельность организаций и подменять иные контролирующие ор-

ганы) и специальные, конкретизирующие перечень нормативных актов, круг поднадзорных объектов и объем полномочий прокурора.

Ключевым способом выявления нарушений выступает прокурорская проверка. Ее эффективность напрямую зависит от качества подготовки и методически верного проведения. Процесс проверки можно разделить на несколько этапов:

Подготовительный этап. Прокурор изучает нормативно-правовую базу, регулирующую конкретный вопрос (ТК РФ, федеральные законы, подзаконные акты), проводится анализ информации, поступившей в прокуратуру, ознакомление с практикой, характерной для данной ситуации, а также материалы предыдущих проверок данного работодателя. Формируя надзорный материал, готовясь к проверке, сотруднику прокуратуры необходимо установить, привлекалось ли ранее должностное лицо к ответственности за аналогичные нарушения трудового законодательства. Материалы предыдущих проверок изучаются, обращается внимание на то, как руководитель устранил выявленные нарушения, привлек виновных должностных лиц к ответственности. На этом этапе при непосредственном влиянии характера проверки и вопросов, определенных прокурором для выяснения, принимается решение о привлечении специалистов (например, из Роструда, профсоюзов и т.п.).

Проведение проверки. Ю.Е. Винокуров, А.Ю. Винокуров приводят обширный перечень видов прокурорских проверок [4, с. 138]. Многообразие видов проверок позволяет прокурору гибко реагировать на различные ситуации в сфере труда – от планового мониторинга локальных актов до экстренного выезда на место несчастного случая.

Специфика надзора за соблюдением трудовых прав требует преимущественного применения:

- целевых проверок (по жалобам конкретных работников);
- комплексных проверок (когда нарушение трудовых прав сопряжено с иными нарушениями);
- совместных проверок (с ГИТ, Роспотребнадзором, профсоюзами);
- опосредованных проверок (через требование в ГИТ).

Особое значение для надзора за соблюдением трудовых прав имеют:

- проверки, не требующие оснований (анализ локальных актов);
- превентивные проверки (анализ проектов документов);
- контрольные и повторные проверки (оценка реального устранения нарушений).

По форме проведения выделяют документарные и выездные проверки; по периодичности – плановые и внеплановые.

Таким образом, в зависимости от основания и характера проверяемых вопросов при надзоре за исполнением трудового законодательства применяются различные виды проверок.

Согласно новым требованиям – Приказ Генпрокуратуры № 98, в ходе проверок особое внимание уделяется следующим вопросам:

- соблюдение законодательства о проведении специальной оценки условий труда;
- обеспечение работников средствами индивидуальной защиты;
- исключение фактов эксплуатации неисправного оборудования;
- прохождение работниками обучения по охране труда и медицинских осмотров;
- соблюдение порядка расследования несчастных случаев на производстве;
- предоставление гарантий работникам, осуществляющим трудовые функции во вредных условиях труда;
- сохранение среднего заработка и должности на период приостановления работы вследствие нарушения правил охраны труда [5].

При проверке соблюдения трудовых прав наиболее частыми вопросами для выяснения являются: наличие и содержание трудовых договоров (соблюдение письменной формы, обязательных условий, отсутствие ухудшающих положение работника пунктов); правильность ведения табелей учета рабочего времени и оплата сверхурочных работ; своевременность и полнота выплаты заработной платы.

Анализ и принятие решения. Собранные материалы оцениваются, и при выявлении нарушений прокурор избирает меру реагирования. Важно подчеркнуть, что жалобы двух и более лиц на нарушение законодательства об охране труда рассматриваются как основа-

ние для проведения проверки в отношении всех работников организации.

К типичным нарушениям, выявляемым в ходе проверок, относятся: несоблюдение письменной формы трудового договора (ст. 67 ТК РФ), включение в договор условий, ухудшающих положение работника (ст. 57 ТК РФ), незаконные переводы на другую работу (ст. 72 ТК РФ), допуск к работе без обучения по охране труда, а также отсутствие в локальных нормативных актах порядка индексации заработной платы [6].

Для эффективного устранения нарушений законодатель наделил прокурора широким кругом полномочий, закрепленных в ст. 22 и 27 ФЗ «О прокуратуре РФ».

При осуществлении надзора за соблюдением трудовых прав прокурор вправе:

- беспрепятственно входить на территорию проверяемых органов и организаций, иметь доступ к документам и материалам;
- требовать от руководителей предоставления необходимых документов, статистических данных, выделения специалистов для выяснения возникших вопросов;
- вызывать должностных лиц и работников для дачи объяснений по поводу нарушений закона;
- истребовать из органов Федеральной налоговой службы Российской Федерации и Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации сведения о наличии признаков вывода денежных средств и иных сомнительных финансовых операций.

По результатам проверки прокурор применяет акты реагирования: протест на незаконный правовой акт; представление об устранении нарушений закона; постановление о возбуждении дела об административном правонарушении (например, по ст. 5.27 КоАП РФ); исковое заявление в суд в порядке ст. 45 ГПК РФ; предостережение о недопустимости нарушения закона.

Особая роль отводится надзору за организациями-банкротами. Прокуроры проверяют исполнение арбитражными управляющими законодательства в части включения задолженности по зарплате в реестр требований кредиторов, взыскания дебиторской задолженности, соблюдения очередности удовлетворения требований кредиторов. При наличии оснований прокуратура вступает в дела о банкротстве.

Важнейшим условием эффективности надзора выступает взаимодействие с другими государственными органами. Основным партнером прокуратуры является Федеральная служба по труду и занятости и ее территориальные органы – государственные инспекции труда (далее – ГИТ).

Взаимодействие осуществляется в нескольких формах: проведение совместных проверок; направление прокурором требований о проведении контрольных мероприятий; участие специалистов ГИТ в прокурорских проверках; информационный обмен.

Приказом Генпрокуратуры № 98 предписано также осуществлять надзор за результатами расследования органами Роструда несчастных случаев. При несоответствии квалификации несчастного случая фактическим обстоятельствам дела прокурор ставит вопрос о проведении дополнительного расследования.

Также прокуратура активно сотрудничает с профсоюзными организациями (совместные приемы, проверки), с центрами занятости населения (обмен информацией о задолженности по зарплате, трудоустройстве несовершеннолетних), с органами Роспотребнадзора (контроль санитарно-гигиенических условий труда) и с органами местного самоуправления (участие в работе межведомственных комиссий по оплате труда). При прокуратурах субъектов РФ созданы и функционируют межведомственные рабочие группы в сфере соблюдения трудовых прав граждан.

Прокурорский надзор за исполнением законодательства о труде и об охране труда представляет собой сложный, многоаспектный институт, занимающий важнейшее место в системе защиты конституционных прав граждан.

Приказ Генпрокуратуры № 98 от 5 февраля 2024 года задает четкие ориентиры: приоритетная защита социально незащищенных категорий граждан, усиленный контроль за охраной труда, активное взаимодействие с иными контролирующими органами, внедрение риск-ориентированного подхода при планировании проверок.

Эффективность данного надзора обеспечивается детально проработанной методикой

проведения проверок, широким набором правовых полномочий прокурора и налаженной системой взаимодействия с иными контрольно-надзорными органами и институтами гражданского общества. Дальнейшее совершенствование организации работы прокуратуры в исследуемой сфере будет способствовать укреплению законности и снижению уровня нарушений трудовых прав граждан в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.12.2025 № 533-ФЗ) «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/.

2. Приказ Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 (ред. от 10.09.2024) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_75181/.

3. Приказ Генпрокуратуры России от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_468916/.

4. Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов / Ю.Е. Винокуров, А.Ю. Винокуров; под редакцией Ю.Е. Винокурова. – 17-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2026. – 549 с.

5. Приказ Генпрокуратуры России от 05.02.2024 № 98 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением трудовых прав граждан» // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_468916/.

6. Прокурорская проверка. Методика и тактика проведения: учебное пособие / О.Н. Коршунова, Е.А. Бурмистрова, И.И. Головко [и др.]; под общ. ред. О.Н. Коршуновой. – Москва: Юстиция, 2026. – 407 с.

PROSECUTORIAL SUPERVISION OF COMPLIANCE WITH LABOR RIGHTS: THEORETICAL AND ORGANIZATIONAL-LEGAL ASPECTS

I.V. Rybakova, *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor*
Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University
(Russia, Nizhny Novgorod)

Abstract. *The article examines the theoretical and organizational and legal aspects of prosecutorial supervision of the observance of citizens' labor rights. The concept, goals, subject matter and limits of this area of supervisory activity are analyzed, as well as its place in the system of functions of the prosecutor's office. Special attention is paid to the methodology of conducting prosecutorial inspections in the field of labor and labor protection, the system of powers of the prosecutor and his interaction with other regulatory authorities. Based on the analysis of the Order of the Prosecutor General's Office dated 02/05/2024 № 98, priority areas of supervision at the present stage have been identified.*

Keywords: *prosecutorial supervision; labor legislation; labor protection; subject of supervision; prosecutorial review; powers of the prosecutor.*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ГОСУДАРСТВА КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

М.К. Саякова[1], *д-р юрид. наук, доцент, старший научный сотрудник*
А.Д. Адамбекова[2], *д-р юрид. наук, профессор, начальник факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров*
Г.К. Бегалиева[2], *старший преподаватель*
[1]Институт государства и права Национальной академии наук Кыргызской Республики
[2]Академия МВД Кыргызской Республики
[1,2](Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-233-237

Аннотация. *Статья посвящена комплексному теоретическому анализу институциональной природы государства как социально-правового института, в рамках которого раскрываются его структурные и функциональные характеристики, механизмы легитимации и воспроизводства власти, особенности нормативного регулирования, а также роль государства в обеспечении интеграции, стабильности и устойчивого развития общества в условиях современных трансформационных процессов.*

Ключевые слова: *государство; социально-правовой институт; институциональная природа; легитимность власти; правовой статус; социальная интеграция; нормативное регулирование.*

Современное понимание государства выходит за рамки традиционного юридико-догматического подхода. Государство все чаще рассматривается как сложная институциональная система, функционирующая в пространстве социальных норм, ролей, ценностей и механизмов легитимации власти.

В нормативной традиции государство чаще всего трактуется как совокупность органов власти, система законодательства и механизм принуждения. Однако подобный подход фиксирует лишь внешнюю, формально-организационную сторону явления. Институциональная перспектива, напротив, ориентирована на анализ глубинных структур, устойчивых моделей взаимодействия, норм и символических оснований, благодаря которым государство не просто функционирует, но и воспроизводится во времени.

В рамках социальной теории государство рассматривается как один из ключевых институтов общества наряду с семьей, религией, экономикой и образованием. Это означает, что его существование поддерживается не только правовыми актами, но и системой социальных ожиданий, ценностей, ролевых предписаний и коллективных представлений. Государство закрепляет определенный порядок распределения власти, ресурсов и ответственности, а также формирует нормативные рамки, в которых разворачиваются социальные практики. Оно задает правила взаимодействия между индивидами и социальными группами, обеспечивая предсказуемость и стабильность общественной жизни.

Обращение к политической философии позволяет выявить ценностные и легитимационные основания государства. Вопрос о том, почему люди подчиняются власти, каким образом она становится признанной и оправданной, является центральным для понимания институциональной природы государства. Легитимность не сводится к формальному соблюдению закона, она включает в себя моральное признание власти, доверие к институтам и согласие с принципами их функционирования. Следовательно, государство существует не только как аппарат управления, но и как особая форма коллективного согласия.

Институциональная экономика дополняет этот анализ, рассматривая государство как систему формальных и неформальных «правил игры», которые структурируют социальное и экономическое взаимодействие. С этой точки зрения государство не только регулирует рынок и обеспечивает правопорядок, но и создает рамочные условия для развития общества в целом. Оно формирует институты собственности, контрактных отношений, налоговой системы, тем самым влияя на рас-

пределение ресурсов и характер социального развития. Институциональный подход позволяет также выявить механизмы воспроизводства власти. Государство не возникает заново в каждом поколении, оно поддерживается через процессы социализации, образования, правоприменительной практики и другие. Через эти механизмы закрепляются представления о законности, авторитете и гражданской принадлежности. Таким образом, государство существует не только в материальных структурах, но и в сознании граждан как устойчивая и самоочевидная форма организации общественной жизни.

Кроме того, институциональная подход позволяет анализировать государство как механизм социальной интеграции. В условиях сложного и дифференцированного общества государство координирует взаимодействие различных подсистем – экономической, культурной, правовой, социальной. Оно обеспечивает разрешение конфликтов, перераспределение ресурсов и формирование общенациональной идентичности. При этом государство выступает посредником между частными интересами и общественным благом.

Проблема государства как социального института занимает центральное место в классической социологической мысли XIX-XX вв. В рамках позитивизма, эволюционизма, теории рационализации, структурного функционализма и системного анализа формируется целостное представление о государстве как устойчивой, нормативно закрепленной форме организации власти, обеспечивающей интеграцию и воспроизводство общества. Рассмотрим основные концептуальные подходы более развернуто.

В рамках позитивистской традиции государство рассматривается как элемент объективного социального порядка. Огюст Конт исходил из представления об обществе как о целостной системе, подчиненной закономерностям развития, подобным законам природы. Он вводит различие между «социальной статикой» (структура общества) и «социальной динамикой» (его развитие). Государство в его концепции относится к сфере социальной статики: оно закрепляет нормативное единство общества, поддерживает моральный консенсус и обеспечивает координацию социальных институтов. Для Конта власть не является произвольной формой господства, она представляет собой институционализированный механизм поддержания порядка. По его мнению, прогресс невозможен без устойчивой нормативной структуры. Если общество утрачивает централизованный механизм регулирования, нарушается согласованность социальных функций, что ведет к дезорганизации.

Эволюционистский подход Герберта Спенсера основывается на органической аналогии: общество уподобляется биологическому организму. По мере роста и усложнения социальной структуры происходит дифференциация функций, формируются специализированные институты. Государство возникает как результат этой дифференциации. На ранних этапах оно носит преимущественно военный характер, выполняя функцию защиты и мобилизации ресурсов. По мере развития общества происходит переход к более сложным формам административной организации. Ключевым понятием в теории Спенсера является адаптация. Государственные институты изменяются под воздействием социальной среды, экономических процессов, демографических изменений. Если институт не способен адаптироваться, он утрачивает эффективность и трансформируется.

Особое значение в институциональном анализе государства имеет концепция легитимного господства, разработанная Максом Вебером. Он выделил три идеальных типа легитимности: *традиционную* (основанную на вере в священность обычаев); *харизматическую* (основанную на личных качествах лидера); *легально-рациональную* (основанную на формальных нормах и законе). Современное государство, по Веберу, базируется преимущественно на легально-рациональном типе господства. Его устойчивость обеспечивается не личной преданностью правителю, а признанием законности установленного порядка. Центральным элементом этой модели является бюрократия. Вебер рассматривал ее как наиболее рациональную форму организации управления, характеризующуюся иерархичностью, разделением компетенций, формализацией процедур и безличностью решений. Рационализация власти означает переход от персонализированных форм господства к институционализированным механизмам управления, где доминируют нормы, правила и

процедуры. В этом смысле государство представляет собой институциональную систему, функционирующую на основе правового порядка и формальной ответственности должностных лиц.

В теории Талкотта Парсонса общество рассматривается как система взаимосвязанных подсистем, каждая из которых выполняет определенные функции. Его модель AGIL выделяет четыре базовые функции: а*даптация* (A); *достижение целей* (G); *интеграция* (I); *поддержание ценностей* (L). Государство в этой системе выполняет прежде всего функцию достижения коллективных целей (Goal Attainment), формулируя общественно значимые задачи и мобилизуя ресурсы для их реализации. Одновременно оно способствует интеграции, устанавливая нормативные рамки взаимодействия между социальными группами. Через правовые нормы, институциональные процедуры и систему санкций государство поддерживает стабильность и предотвращает деструктивные конфликты.

Системный подход Никласа Лумана предлагает рассматривать государство не как совокупность органов, а как элемент самореферентной политической системы. По Луману, современное общество состоит из функционально дифференцированных подсистем (экономики, права, политики, науки и др.), каждая из которых функционирует на основе собственного коммуникационного кода. Политическая система оперирует кодом «власть-невласть». Государство в этой логике структурная форма, через которую политическая система принимает и институционализирует обязательные решения. Оно воспроизводит себя посредством непрерывного процесса коммуникации, принятия нормативных актов, управленческих решений, процедур их реализации.

В философии Томаса Гоббса государство предстает как необходимое условие выхода из состояния естественной анархии. В «естественном состоянии» люди формально равны, однако эта равенство порождает взаимную уязвимость и конкуренцию. Отсутствие общей власти ведет к состоянию «войны всех против всех», где нет гарантированной безопасности и устойчивых норм. Государство возникает как результат общественного договора, посредством которого индивиды передают суверену право на принуждение в обмен на защиту. Суверен концентрирует власть, чтобы обеспечить мир и стабильность. Институциональное значение этой концепции заключается в обосновании монополии государства на легитимное насилие. Принуждение становится не произвольным актом, а институционально санкционированным средством поддержания порядка. Государство тем самым приобретает характер верховного арбитра, без которого невозможна устойчивость социальной структуры. Гоббсовская модель подчеркивает приоритет безопасности над свободой: стабильность рассматривается как первооснова существования политического порядка.

В отличие от Гоббса, Джон Локк исходит из более оптимистического понимания человеческой природы. Естественное состояние не тождественно хаосу, однако в нем отсутствует беспристрастный механизм разрешения споров и защиты прав. Государство создается для охраны естественных прав - жизни, свободы и собственности. Оно получает полномочия лишь постольку, поскольку служит этим целям. Власть не является абсолютной: она ограничена законом и общественным согласием. Институциональная новизна локковской модели состоит в закреплении принципа правового ограничения власти. Государство перестает быть самоцелью и превращается в инструмент обеспечения прав граждан. Если правительство нарушает общественный договор, народ сохраняет право на сопротивление и смену власти.

В концепции Жан-Жак Руссо ключевым становится понятие «общей воли». Государство легитимно лишь тогда, когда выражает интересы всего политического сообщества, а не отдельных групп или элит. Руссо проводит различие между «волей всех» (суммой частных интересов) и «общей волей» (ориентацией на общее благо). Институциональная задача государства заключается в формировании и выражении именно общей воли.

Эта модель подчеркивает демократическое измерение института государства, легитимность основывается на участии граждан в формировании политических решений. Власть должна быть не внешней по отношению к обществу, а производной от коллективного суверенитета. Следовательно, государ-

ство мыслится как институционализированная форма народного самоуправления, где закон является выражением общей воли.

В современной политической философии Юрген Хабермас развивает идею процедурной легитимности. В условиях сложного и плюралистического общества государство не может опираться исключительно на традицию или формальное большинство. Его устойчивость зависит от качества публичного дискурса. Хабермас утверждает, что легитимность возникает в процессе рациональной коммуникации, где участники свободно обсуждают и аргументируют политические решения. Государственные институты должны быть встроены в систему публичной сферы и открыты для критики и государство предстает как результат и одновременно условие демократической коммуникации. Его нормативная база поддерживается не только законом, но и общественным признанием, сформированным в процессе дискурсивного согласования. В этой перспективе институциональная устойчивость государства определяется не столько силой принуждения, сколько способностью обеспечивать прозрачные процедуры принятия решений и поддерживать доверие граждан.

Дуглас Норт определял институты как совокупность формальных и неформальных правил, ограничений, которые структурируют поведение индивидов и коллективов в обществе. Государство в этом контексте выступает ключевым субъектом институциональных изменений, поскольку оно формирует рамки правового регулирования, устанавливает санкции за нарушение норм и создает условия для координации экономической и социальной деятельности.

Институциональная роль государства проявляется через стандартизацию процедур, определение допустимых моделей поведения и обеспечение предсказуемости социальных взаимодействий. По Норту, устойчивость общества напрямую зависит от того, насколько государственные институты способны поддерживать «правила игры», обеспечивающие доверие и снижающие транзакционные издержки взаимодействия между субъектами.

Питер Бергер и Томас Лукман рассматривали процесс институционализации как социальное закрепление повторяющихся практик и их типизацию. Государство формируется исторически, как результат постепенного закрепления способов управления и контроля, которые с течением времени воспринимаются как естественные и объективированные.

В этой модели государство не является только формальной организацией, оно становится символическим и культурным институтом, способным воспроизводить нормы и ценности общества. Институционализация позволяет государству стабильно регулировать социальные процессы, интегрировать разнообразные группы населения и создавать устойчивую нормативную среду, в которой повторяющиеся практики обретают легитимность.

Мишель Фуко показал, что власть государства не сводится к репрессивному или принудительному механизму. Государство действует через дисциплинарные практики, нормы и производство знаний, формируя социальное поведение и идентичность индивидов.

В этом ключе институциональная сила государства проявляется в символическом измерении закон, административные процедуры, образовательные программы и идеология становятся средствами, через которые власть воспроизводится и воспринимается как естественная и легитимная. Фуко подчеркивает, что институциональная власть государства не ограничивается аппаратными средствами контроля, а включает культурно-социальное влияние на сознание и поведение граждан.

Переосмысление государства через призму институционального подхода позволяет раскрыть его многомерную и комплексную природу. Государство предстает не только как формальный аппарат управления и центр политической власти, но и как механизм воспроизводства социального порядка, закрепления норм и ценностей, а также интеграции различных подсистем общества. Синтез взглядов классической социологии, политической философии и современных неоинституциональных концепций демонстрирует, что государство сохраняет статус фундаментального социального института, несмотря на динамичные процессы глобализации, цифровизации и трансформации общественных отношений. Его устойчивость и жизнеспособность определяются не только наличием формальных структур и законов, но и способностью к институциональному обновлению, адаптации

к изменениям среды, а также поддержанию легитимности и доверия общества к власти.

Таким образом, государство выступает одновременно как регулятор социальных взаимодействий, носитель символической и нормативной легитимности и центром координации общественных процессов, обеспечивая преемственность поколений, стабильность общественного развития и формирование среды для реализации коллективных интересов. Рассмотрение государства в этом ключе подчеркивает его роль не только как политического, но и как социально-культурного института, интегрирующего традиции, нормы и практики в рамках сложной социальной системы.

Библиографический список

1. Конт О. Общий обзор позитивизма / пер. с фр. – М.: Либроком, 2011. – 296 с.
2. Спенсер Г. Основания социологии / пер. с англ. – М.: Канон-пресс-Ц, 1999. – 512 с.
3. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии / пер. с нем.; под ред. Л.Г. Ионина. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 992 с.
4. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. – М.: Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
5. Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
6. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. с англ. – М.: Мысль, 2001. – 731 с.
7. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. с англ.; вступ. ст. и примеч. А.Л. Субботина. – М.: Мысль, 1988. – 414 с.
8. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права / пер. с фр. – М.: Канон-пресс-Ц, 1998. – 416 с.
9. Хабермас Ю. Между фактами и нормами: вклад в дискурсивную теорию права и демократии / пер. с нем. – М.: Весь Мир, 2000. – 448 с.
10. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания / пер. с англ. Е.Д. Руткевич. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
12. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью: в 3 ч. Ч. 3 / пер. с фр. Б.М. Скуратова; под общ. ред. В.П. Большакова. – М.: Праксис, 2006. – 320 с.

THE INSTITUTIONAL NATURE OF THE STATE AS A SOCIO-LEGAL INSTITUTION

M.K. Sayakova[1], *Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Senior Researcher*
A.D. Adambekova[2], *Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Faculty for the Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel*
G.K. Begalieva[2], *Senior Lecturer*
[1]Institute of State and Law of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic
[2]Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic
[1,2](Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive theoretical analysis of the institutional nature of the state as a socio-legal institution, examining its structural and functional characteristics, mechanisms of legitimation and reproduction of power, features of normative regulation, and the role of the state in ensuring integration, stability, and sustainable development of society amid contemporary transformational processes.*

Keywords: *state; socio-legal institution; institutional nature; legitimacy of power; legal status; social integration; normative regulation.*

ВОЗМЕЩЕНИЕ СУДЕБНЫХ РАСХОДОВ ТРЕТЬИМ ЛИЦАМ, НЕ ЗАЯВЛЯЮЩИМ САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ТРЕБОВАНИЙ

А.С. Светлякова, *студент*
Научный руководитель: *М.В. Горелов, канд. юрид. наук, доцент*
Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-238-242

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы возмещения судебных расходов третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований, в гражданском процессе. Также анализируются правовая природа возмещения судебных расходов, основания для её применения, процессуальные особенности участия третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, а также правовые последствия, возникающие в результате не возмещения судебных расходов. Приводятся примеры судебной практики.*

Ключевые слова: *возмещение; суд; судебные расходы; третьи лица; исковое заявление; самостоятельные требования; гражданский процесс; гражданское судопроизводство; спор; защита прав.*

В начале нашего исследования, хотелось бы привести ключевые положения из основного нормативно-правового акта России, который обладает высшей юридической силой. Так, п. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) гласит: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [1]. Данная правовая норма носит универсальный характер. Она касается не только основных сторон спора (истца и ответчика), но и всех иных участников процесса, чьи права и законные интересы могут быть затронуты судебным решением. Следовательно, конституционное право на судебную защиту логически включает в себя и право на компенсацию имущественных потерь (издержек), понесенных лицом в связи с вовлечением в судебное разбирательство. Это в полной мере относится и к возмещению судебных расходов третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований, так как их права, как права истца и ответчика, также защищаются Конституцией РФ.

Положительным является то, что вопросы относительно правоспособности участников гражданского судопроизводства регламентируются не только в основном законе нашей страны. Так, согласно ч. 4 ст. 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ): «Судебные издержки, понесённые третьими лицами, не заявляющими самостоятельных требований относительно предмета спора, участвовавшими в деле на стороне, в пользу которой принят судебный акт по делу, могут быть возмещены им, если их фактическое поведение как участников судебного процесса способствовало принятию данного судебного акта» [2]. Данная правовая норма нам регламентирует ключевой принцип: возмещение расходов третьему лицу не является автоматическим следствием выигрыша дела той стороной, которую оно поддерживало. Законодатель вводит дополнительный, квалифицирующий признак – наличие причинно-следственной связи между действиями третьего лица и итоговым решением суда. Иными словами, от действия (бездействия) третьих лиц зависит не только итоговое решение суда, но и вопрос относительно возмещения их собственных расходов.

В соответствии с ч. 5 ст. 98 ГПК РФ: «Если третье лицо, не заявляющее самостоятельных требований относительно предмета спора, реализовало право на обжалование судебного акта и его жалоба была оставлена без удовлетворения, то судебные издержки, понесённые лицами, участвующими в деле, в связи с рассмотрением данной жалобы, могут быть взысканы с этого третьего лица». Очередная норма права относительно исследуемой нами темы является эффективной и практичной, так как она служит важным средством мотивации для третьих лиц и одновременно инструментом защиты других участников процесса от

необоснованных процессуальных действий. Специфика данного стимулирования заключается в том, что оно позволяет третьему лицу рационально и взвешенно формулировать положения подаваемой жалобы, объективно оценивая перспективы ее удовлетворения, так как цена ошибки приравнивается к наступлению обязательства возмещения расходов, которые понесли иные участники рассмотрения данной жалобы. Это правило в полной мере реализует принцип процессуальной экономии и ответственности за добросовестное пользование процессуальными правами.

Будет логично и более аргументировано, если мы приведём практические материалы из судебного прецедента, который относительно недавно был признан научным отечественным сообществом самостоятельным источником права в России. Так, Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» [3] устанавливает два условия, при которых возможно возмещение судебных издержек третьему лицу:

1. Третье лицо участвовало на стороне, в пользу которой был принят итоговый судебный акт.

2. Фактическое процессуальное поведение третьего лица способствовало принятию данного судебного акта.

Безусловно, положения постановления констатируют нормы ч. 4 и 5 ст. 98 ГПК РФ. Однако, Верховный суд в немного ином, более широком ключе рассматривает данные вопросы и предлагает свою, отличительную позицию относительно того, что может быть признано «способствованием принятию акта». В отличие от буквального прочтения нормы ГПК, Пленум разъясняет, что под таким поведением следует понимать, в частности, представление (при необходимости) доказательств, заявление ходатайств, дачу объяснений суду. Тем самым Верховный Суд подчеркивает, что простое формальное участие в процессе (пассивное присутствие) не является основанием для взыскания расходов в пользу третьего лица. Третье лицо должно быть реальным, деятельным участником состязательного процесса.

Выделим основные актуальные вопросы возмещения судебных расходов третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований, в гражданском процессе, которые порождают неоднозначную судебную практику и дискуссии в научной литературе. К ним можно отнести:

1. Участие третьих лиц в гражданском процессе по ходатайству сторон;

2. Участие третьих лиц в гражданском судопроизводстве по своей инициативе;

3. Обжалование третьим лицом судебного решения.

В научной литературе вопрос о праве третьих лиц на возмещение судебных расходов долгое время оставался дискуссионным. Р.О. Опалёв пишет: «Нет сомнений в том, что судебные расходы возмещаются только сторонам и третьим лицам, заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора, но никак не третьим лицам, не заявляющим самостоятельных требований относительно предмета спора» [6, с. 134].

Правовая природа возмещения судебных расходов третьим лицам, как и любым другим участникам процесса, заключается в том, что все затраты стороны на защиту в суде признаются убытками (имущественными потерями), подлежащими специальному правовому регулированию и государственному управлению в рамках процессуального закона. С одной стороны, судебные расходы являются расходами, которые лицо понесло с целью восстановления своего нарушенного гражданского права или защиты законного интереса в порядке судопроизводства. А с другой стороны, это те судебные издержки, которые возникают в области процессуальных отношений, порядок и специфика возмещения которых регулируется гражданско-процессуальным законодательством РФ, а не нормами Гражданского кодекса об убытках, хотя имеют с последними общую компенсационную природу.

Е.С. Раздьяконов считает: «В силу ст. 34 ГПК РФ третьи лица являются лицами, участвующими в деле, и теоретически, из содержания вышеназванных норм, усматривается возможность на возмещение судебных расходов и данной группе лиц, участвующих в деле» [7, с. 13].

В качестве примера, подтверждающей данную позицию, можно привести кассационное определение Верховного Суда Удмуртской Республики Определение Верховного суда Удмуртской республики от 30 июня 2015 г. по делу № 33-3976/2015 [4], в котором судебная коллегия отмечает, что вывод суда о том, что в пользу третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, судебные расходы не взыскиваются, признаётся несостоятельным, так как третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, пользуются широкими процессуальными правами и несут процессуальные обязанности сторон по делу, в том числе вправе взыскивать понесённые расходы, которые связаны с рассмотрением дела. Полный перечь процессуальных прав, которыми не могут пользоваться третьи лица, не заявляющие самостоятельные исковые требования, регламентированы ч. 1 ст. 43 ГПК РФ (право на изменение иска, отказ от иска и т.д.), однако это ограничение не умаляет их общего права на возмещение издержек.

Приведём ключевые теоретические и практические основания для применения механизма возмещения судебных расходов в пользу третьих лиц:

1) Важность компенсации реальных затрат, которые связаны с вынужденным участием в судопроизводстве. Поскольку решение по делу может повлиять на права третьего лица по отношению к одной из сторон (например, создать право регресса), его участие является не просто доброй волей, а часто объективной необходимостью. К подобным издержкам мы можем отнести: затраты на нотариальные, юридические, почтовые услуги, на проезд и проживание представителей или самого третьего лица, потерю времени и т.д.;

2) Возложение обязательства по возмещению расходов на ту сторону, которая считается проигравшей. Данная правовая норма ориентирована на достижение справедливости: в том случае если дискуссия возникла в результате нелегитимного поведения одной из сторон, то именно на данную сторону должны лечь связанные с данным спором судебные расходы;

3) Возможность взыскания судебных расходов для третьих лиц, которые были привлечены к участию в деле. Подобное право у данных лиц возникает в том случае, когда их процессуальное поведение способствует принятию судебного решения.

И.С. Лапаев и К.В. Голомышкина отмечает: «В том случае, когда третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, вступают в процесс по своей инициативе, судебные расходы, понесённые ими в связи со вступлением в процесс, компенсироваться не должны. Это связано с тем, что нет никаких оснований относить судебные расходы на лицо, в пользу которого вынесено судебное решение» [5, с. 27]. С данной позицией можно согласиться лишь отчасти. Если третье лицо вступило в процесс добровольно, стремясь защитить свой охраняемый законом интерес (например, предотвратить неблагоприятные последствия в будущем), и его активная позиция помогла суду вынести правильное решение, то отказ в возмещении его издержек был бы несправедливым.

Основные процессуальные особенности участия третьих лиц, которые не заявляют самостоятельных требований, регламентированы в ст. 43 ГПК РФ. Согласно ч. 1 данной ст.: «Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, могут вступить в дело на стороне истца или ответчика до принятия судом первой инстанции судебного постановления по делу, если оно может повлиять на их права или обязанности по отношению к одной из сторон. Они могут быть привлечены к участию в деле также по ходатайству лиц, участвующих в деле, или по инициативе суда. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, пользуются процессуальными правами и несут процессуальные обязанности стороны, за исключением права на изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение размера исковых требований, отказ от иска, признание иска, а также на предъявление встречного иска и требование принудительного исполнения решения суда».

Как показывает практика, анализ судебной практики, к правовым последствиям, которые возникают в результате необоснованного отказа в возмещении судебных расходов или

невозможности их взыскания по вине самого заявителя, можно отнести:

1) Относительное ограничение доступа к осуществлению правосудия, так как лица, принимающие участие в деле, должны иметь право на возмещение расходов, которые связаны с рассмотрением дела, включая даже издержки на оплату юридических услуг законного представителя;

2) Отказ третьего лица о взыскания расходов в связи с недоказанностью факта несения судебных расходов и их взаимосвязи с судебным разбирательством. Кроме того, отказ может быть вызван процессуальным поведением участников гражданского судопроизводства. В качестве примера можно привести случай, когда стороне, злоупотребляющему своими правами, могут отказать во взыскании понесённых судебных издержек, даже в том случае, если данная сторона выиграло данное судебное разбирательство. Подобные случаи могут возникать тогда, когда лицо, злоупотребляющее своими правами, не отвечает вовремя на претензию либо не представляет в конкретно установленный срок необходимые доказательства).

Таким образом, на основании ранее упомянутого и всего проведённого исследования, мы можем прийти к выводу о том, что право на возмещение судебных расходов для третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований, в современном гражданском процессе России является реальным и законодательно закрепленным механизмом. Однако реализация этого права полностью зависит от ряда факторов: порядка вступления в гражданское судопроизводство, но главным образом – от процессуальной активности и добросовестности самого третьего лица. При этом в большинстве случаев именно от действий (или бездействий) третьих лиц зависит решение вопроса относительно возмещения расходов, которое определяется после принятия судебного акта по гражданскому делу. Ключевым критерием выступает не просто факт участия на стороне победителя, а именно деятельное способствование вынесению положительного решения, которое должно быть доказано и оценено судом. Дальнейшее развитие практики, вероятно, пойдет по пути уточнения критериев такой активности и более четкого разграничения случаев добровольного и принудительного вступления в процесс.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/.

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 31 июля 2025 № 344-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/.

3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 января 2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/documents/own/8474/?ysclid=mfbicrwfu980731150.

4. Определение Верховного суда Удмуртской Республики от 30 июня 2015 г. по делу № 33-3976/2015 // Официальный сайт Верховного суда Удмуртской Республики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vs--udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=27989655&case_uid=3f06b3aa-773b-47f9-86df-0c66216b7eb3&delo_id=5&new=560.

5. Лапаев И.С., Голомышкина К.В. Возмещение судебных расходов третьим лицам, не заявляющим самостоятельные требования относительно предмета спора // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 6 (57). – С. 23-28.

6. Опалев Р.О. Участие третьих лиц, не заявляющих требований относительно предмета спора // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. – 2009. – № 1. – С. 134-141.

7. Раздьяконов Е.С. Третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, в системе распределения судебных расходов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 12. – С. 11-17.

REIMBURSEMENT OF COURT COSTS TO THIRD PARTIES WHO DO NOT MAKE INDEPENDENT CLAIMS

A.S. Svetlyakova, *Student*
Supervisor: *M.V. Gorelov, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

Abstract. *The article discusses current issues of reimbursement of court costs to third parties who do not make independent claims in civil proceedings. The article also analyzes the legal nature of reimbursement of court costs, the grounds for its application, the procedural features of the participation of third parties who do not make independent claims, as well as the legal consequences resulting from non-reimbursement of court costs. Examples of judicial practice are given.*

Keywords: *compensation; court; court costs; third parties; statement of claim; independent claims; civil procedure; civil proceedings; dispute; protection of rights.*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ УРОВНЕ

Ы.Т. Турсуналиева, *соискатель*
Международный университет Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-243-247

Аннотация. *Целью данного исследования является комплексный анализ современных проблем, связанных с охраной авторских и смежных прав на государственном уровне, с акцентом на выявление недостатков действующей законодательной базы и механизмов её реализации. Задачи работы включают изучение существующих нормативных актов, определение ключевых проблем в борьбе с нарушениями прав, анализ влияния новых технологий на защиту авторских прав, а также прогнозирование возможных направлений и перспектив развития системы охраны этих прав в условиях быстро меняющегося информационного общества. Таким образом, работа направлена на формирование рекомендаций по совершенствованию законодательства и практики в области охраны авторских и смежных прав, что будет способствовать более эффективной защите интересов правообладателей.*

Ключевые слова: *нормативно-правовая база; международное сотрудничество; международные соглашения и конвенции; интеллектуальная собственность; креативная индустрия и инновация; цифровизация; платформы; технологический прогресс; рынок.*

Актуальность проблемы охраны авторских и смежных прав в современном обществе становится всё более очевидной в условиях стремительного развития технологий, глобализации и интернета. В эпоху цифровизации, когда информация и культурные продукты распространяются с беспрецедентной скоростью, защита прав авторов и исполнителей сталкивается с новыми вызовами. С одной стороны, интернет и цифровые платформы открывают широкие возможности для распространения творчества, а с другой – создают условия для его массового пиратства и нарушения прав. В этом контексте охрана авторских и смежных прав становится не только юридической, но и социальной, экономической и культурной задачей, требующей комплексного подхода и активного участия государства.

Важным аспектом, который следует отметить, является необходимость повышения правовой грамотности, как среди авторов, так и среди пользователей. Многие авторы не знают о своих правах и возможностях их защиты, что делает их уязвимыми к нарушениям. С другой стороны, пользователи часто не осознают, что использование произведений без разрешения автора является нарушением закона. В связи с этим, необходимы программы по обучению и информированию, которые помогут повысить уровень правовой осведомленности.

Современные проблемы в области охраны авторских и смежных прав на государственном уровне связаны с цифровизацией, технологическим прогрессом и глобальными экономическими изменениями. В Кыргызстане, как и в других странах, эти вызовы требуют постоянного совершенствования законодательства, усиления правоприменительной практики и международного сотрудничества [1].

Нормативно-правовая база охраны авторских и смежных прав в разных странах может значительно различаться. В большинстве государств существуют законы, которые регулируют эти отношения, однако зачастую они не успевают за развитием технологий и меняющимися условиями на рынке. Важно отметить, что правовая база охраны авторских прав должна быть гибкой и адаптируемой к новым реалиям, чтобы эффективно защищать интересы авторов и исполнителей. Однако, несмотря на наличие законодательных актов, многие вопросы остаются нерешенными, что приводит к правовым пробелам и затрудняет защиту прав.

Проблемы и вызовы в области охраны авторских и смежных прав являются многообразными. Это и вопросы, связанные с определением авторства, и сложности в установлении прав на произведения, созданные с использованием новых технологий, таких как искусственный интеллект. Кроме того, распространение контента через интернет создает дополнительные трудности в контроле за его использованием и защитой прав. Нередко авторы сталкиваются с ситуациями, когда их произведения используются без разрешения, что приводит к финансовым потерям и снижению мотивации к созданию новых работ.

Одной из ключевых проблем является также недостаточная осведомленность авторов о своих правах и механизмах их защиты. Многие создатели контента не знают, как правильно оформлять свои права, и не понимают, какие шаги необходимо предпринять для их защиты. Эта ситуация требует активного вмешательства со стороны государства и общественных организаций, которые должны проводить информационные кампании и обучающие программы для авторов.

Важным аспектом охраны авторских прав является международное сотрудничество. В условиях глобализации многие произведения распространяются за пределами одной страны, и защита прав авторов требует согласованных действий на международном уровне. Существуют различные международные соглашения и конвенции, направленные на защиту авторских прав, однако их реализация на практике сталкивается с множеством трудностей. Необходимость гармонизации национального законодательства с международными стандартами становится особенно актуальной в свете растущего числа транснациональных корпораций и глобальных платформ для распространения контента.

Пути решения проблем в области охраны авторских и смежных прав должны быть комплексными и многоуровневыми. Это включает в себя как совершенствование законодательства, так и разработку новых механизмов защиты прав авторов. Необходимо активно использовать современные технологии для мониторинга и защиты авторских прав, а также развивать сотрудничество между государственными органами, бизнесом и общественными организациями. Важно также привлекать к диалогу самих авторов, чтобы учитывать их мнение и потребности при разработке новых нормативных актов.

Проблемы цифровизации и интернет-пространства

- *Рост онлайн-пиратства.* Незаконное распространение контента в интернете остаётся одной из ключевых проблем. Пиратские сайты, файлообменники и социальные сети часто используются для распространения контрафактной продукции – литературы, музыки, программного обеспечения, видео. Несмотря на внедрение механизмов блокировки таких ресурсов в Кыргызстане, скорость появления новых платформ для незаконного распространения контента опережает возможности контроля.

- *Сложности с отслеживанием нарушений.* В условиях глобализации и трансграничного характера интернета сложно определить юрисдикцию и привлечь к ответственности нарушителей, особенно если они находятся за пределами страны. Это затрудняет эффективное применение национальных законов [2].

- *Использование нейросетей и генеративных технологий.* Возникают вопросы о правовом статусе контента, созданного с помощью ИИ, и о том, кто является автором такого произведения. На данный момент в законодательстве Кыргызстана, как и во многих странах, нет чётких норм, регулирующих эти ситуации.

Пробелы в законодательстве и правоприменительная практика

- *Недостаточная эффективность существующих норм.* Несмотря на регулярные поправки в Закон «Об авторском праве и смежных правах» и Гражданский кодекс, некоторые проблемы остаются нерешёнными. Например, в прошлом отмечалось, что система интеллектуальной собственности в Кыргызстане находится в критическом состоянии, а показатели в сфере интеллектуальной собственности демонстрируют спад.

- *Сложности с доказыванием нарушений.* Правообладателям часто требуется собирать обширные доказательства (скриншоты, технические экспертизы), что может быть затратно и время затратно. В некоторых случаях суды сталкиваются с трудностями в оценке ущерба от нарушения прав [3].

- *Отсутствие административной ответственности за некоторые правонарушения в сфере интеллектуальной собственности.* Это ограничивает возможности оперативного реагирования на нарушения, не достигающие уровня уголовного преступления [4].

Кадровые и ресурсные ограничения

- *Недостаток квалифицированных специалистов.* В государственных органах, занимающихся вопросами интеллектуальной собственности, может наблюдаться нехватка экспертов, знакомых с современными технологиями и международными стандартами.

- *Ограниченные ресурсы для мониторинга и контроля.* Эффективный контроль за соблюдением авторских прав требует значительных финансовых и технических ресурсов, которые не всегда доступны государству.

Международное сотрудничество и гармонизация норм

- *Необходимость адаптации к международным стандартам.* Кыргызстан участвует в международных договорах (Бернская конвенция, Договор ВОИС по авторскому праву и др.), но требуется постоянное обновление законодательства в соответствии с глобальными тенденциями и обязательствами.

- *Сложности взаимодействия с другими странами.* В случаях трансграничных нарушений требуется координация с зарубежными органами, что не всегда происходит оперативно из-за бюрократических или юридических барьеров [5].

Проблемы в сфере креативных индустрий и инноваций

- *Низкий уровень осведомлённости бизнеса и населения.* Многие авторы и компании не знают о своих правах или не понимают, как их защитить. Это особенно актуально для малого и среднего бизнеса, который часто не может позволить себе юридическую поддержку.

- *Недостаток стимулов для развития креативных индустрий.* Несмотря на принятие Концепции развития креативной экономики до 2026 года, реализация её положений может сталкиваться с финансовыми и организационными трудностями.

Пути решения проблем

- *Дальнейшая цифровизация процессов.* Внедрение онлайн-систем регистрации прав, электронных реестров и цифровых инструментов мониторинга.

- *Усиление международного сотрудничества.* Обмен опытом с другими странами, участие в международных программах технической помощи.

- *Повышение квалификации кадров.* Обучение сотрудников государственных органов и судей в сфере интеллектуальной собственности.

- *Развитие просветительской работы.* Информирование бизнеса и населения о правах и способах их защиты.

- *Совершенствование законодательства.* Внесение изменений для устранения пробелов, введение административной ответственности за некоторые нарушения, адаптация норм к новым технологиям.

Поддержка креативных индустрий

Инструменты стимулирования:

- налоговые льготы для компаний, инвестирующих в объекты

- интеллектуальной собственности;

- гранты на регистрацию патентов и товарных знаков для малого бизнеса;

- создание цифровых платформ для монетизации контента (аналогично Bandcamp для музыкантов).

Вызовы и риски

Несмотря на перспективы, существуют серьёзные препятствия:

- *Технологические.* Возможность обхода DRM-систем и анонимное распространение контента через даркнет.

- *Экономические.* Высокие затраты на внедрение новых систем защиты,

особенно для развивающихся стран.

- *Правовые.* Конфликт между жёсткой защитой прав и свободой информации, риск цензуры.

- *Международные.* Различия в национальных законодательствах и сложности с исполнением решений судов.

Организационные меры

1. Мониторинг контента. Правообладатели могут регулярно проверять интернет-пространство на предмет незаконного использования своих произведений. Для этого используются как ручные методы (поиск по тексту или изображению в поисковых системах), так и автоматизированные инструменты.

2. Депонирование произведений. Специальные сервисы фиксируют оригинальный контент и выдают сертификат, подтверждающий права владельца. Это упрощает доказательство авторства в суде.

3. Регистрация прав. Хотя права возникают автоматически, официальная регистрация (например, товарных знаков, патентов на промышленный образец) облегчает защиту в суде.

4. Обучение сотрудников. Компании проводят тренинги для дизайнеров, маркетологов и юристов по вопросам авторского права, чтобы минимизировать риск непреднамеренных нарушений.

5. Работа с интернет-платформами и хостинг-провайдерами. При обнаружении нарушения можно направить претензию администрации соцсети или хостинг-провайдеру. Многие платформы имеют процедуры для устранения нарушений.

Дополнительные меры

1. Использование знака копирайта. Хотя это не гарантирует полной защиты, знак может отпугнуть потенциальных нарушителей и служит напоминанием о наличии авторских прав.

2. Программная блокировка копирования. На сайтах можно настроить скрипты, которые запрещают выделение и копирование материалов, или автоматически добавляют ссылку на источник при копировании.

3. Патентование дизайна. Защита уникального дизайна продукции, упаковки, логотипов и других элементов брендинга.

Перспективы совершенствования законодательства лежат в плоскости цифровизации, международного сотрудничества и адаптации к новым технологиям. Ключевое условие успеха баланс между защитой правообладателей и интересами общества.

Одним из наиболее серьезных вызовов является быстрое развитие цифровых технологий, которое создает новые формы распространения и использования произведений. Платформы для обмена контентом, стриминговые сервисы и социальные сети часто становятся местом нарушения авторских прав. В этом контексте необходимо разработать новые механизмы защиты, которые учитывали бы специфику цифровой среды. Важно помнить, что защита авторских прав не должна ограничивать доступ к информации и культурным ресурсам, поэтому необходимо искать баланс между правами авторов и интересами общества.

В качестве путей решения проблем в области охраны авторских и смежных прав можно выделить несколько ключевых направлений. Прежде всего, необходимо усилить просветительскую работу среди авторов и правообладателей. Проведение семинаров, тренингов и информационных кампаний поможет повысить уровень осведомленности о правах и способах их защиты. Кроме того, стоит рассмотреть возможность создания единого информационного ресурса, где авторы смогут получать актуальную информацию о своих правах и механизмах защиты. Вторым важным направлением является совершенствование нормативно-правовой базы. Законодательство должно быть адаптировано к новым реалиям, учитывающим специфику цифровой среды. Необходимо разработать четкие и понятные правила, касающиеся использования произведений в интернете, а также меры ответственности за их нарушение. Важно также усилить контроль за соблюдением авторских прав со стороны государственных органов и создать эффективные механизмы защиты интересов правообладателей.

Третьим направлением является развитие международного сотрудничества в области охраны авторских прав. В условиях глобализации необходимо создавать единые стандарты и механизмы защиты, которые позволят правообладателям эффективно защищать свои интересы на международной арене. Это может включать в себя как участие в международных соглашениях, так и развитие двусторонних и многосторонних отношений с другими странами.

Таким образом, охрана авторских и смежных прав на государственном уровне требует комплексного подхода, включающего обновление законодательства, усиление правоприменительной практики, международное сотрудничество и повышение осведомлённости общества. Важно, чтобы государство, общество и сами авторы работали вместе над созданием эффективной системы защиты интеллектуальной собственности, которая будет соответствовать современным вызовам и требованиям времени. Только совместными уси-

лиями можно обеспечить защиту прав творцов, что, в свою очередь, будет способствовать развитию культурной и информационной среды в стране.

Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего усилия государства, международного сообщества, технологических компаний и правообладателей.

Библиографический список

1. Новые правила защиты интеллектуальной собственности в Кыргызстане 2025: онлайн-регистрация, товарные знаки, авторские права. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yur.kg/articles/intellektualnaya-sobstvennost-v-kyrgyzstane-2025-novye-pravila-zashhity-i-praktika/.

2. Авторское право в интернете: как защитить и чем грозит нарушение. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unisender.com/ru/blog/zashchita-avtorskogo-prava-v-internete/.

3. Авторское право в Кыргызской Республике: практическое руководство для бизнеса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://revera.legal/info-centr/news-and-analytical-materials/1905-avtorskoe-pravo-v-kyrgyzskoj-respublike-prakticheskoe-rukovodstvo-dlya-biznesa/.

4. Интеллектуальная собственность. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1d3/ohzikc5xk49ghd1v3ig67r1h4dz7kag1/Analiticheskiy-obzor-v-sfere-IS-v-g_ch-EAES_2019_2023.pdf.

5. Кыргызпатент и USPTO усиливают сотрудничество в области интеллектуальной собственности. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.kg/2024/12/13/kyrgyzpatent-i-uspto-usilivajut-sotrudnichestvo-v-oblasti-intellektualnoj-sobstvennosti/.

MODERN PROBLEMS IN THE FIELD OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS PROTECTION AT THE STATE LEVEL

Y.T. Tursunalieva, *Applicant*
International University of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *The purpose of this study is a comprehensive analysis of modern problems related to the protection of copyright and related rights at the state level, with an emphasis on identifying shortcomings in the current legislative framework and mechanisms for its implementation. The objectives of the work include the study of existing regulations, identification of key issues in the fight against copyright violations, analysis of the impact of new technologies on copyright protection, as well as forecasting possible directions and prospects for the development of the system of protection of these rights in a rapidly changing information society. Thus, the work is aimed at forming recommendations for improving legislation and practice in the field of copyright and related rights protection, which will contribute to more effective protection of the interests of copyright holders.*

Keywords: *regulatory framework; international cooperation; international agreements and conventions; intellectual property; creative industry and innovation; digitalization; platforms; technological progress; market.*

МЕРЫ ПО БОРЬБЕ С НЕЛЕГАЛЬНЫМ КОПИРОВАНИЕМ И ДРУГИМИ ФОРМАМИ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ

Ы.Т. Турсуналиева, *соискатель*
Международный университет Кыргызской Республики
(Кыргызстан, г. Бишкек)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-248-252

Аннотация. *Целью исследования в работе является комплексный анализ существующих мер и механизмов защиты авторских прав в условиях современных вызовов, связанных с цифровыми технологиями. Задачи исследования включают изучение правовых аспектов, касающихся борьбы с нарушениями авторских прав, оценку эффективности технических средств защиты, разработку профилактических мер для предотвращения нарушений, а также анализ судебной практики по делам, связанным с нарушением авторских и смежных прав. Эти задачи направлены на выявление недостатков действующей системы защиты и предложение рекомендаций по ее улучшению, что в свою очередь позволит более эффективно защищать интересы авторов и правообладателей.*

Ключевые слова: *авторские и смежные права; технологии; цифровизация; комплексный подход; интеллектуальная собственность; мониторинг; глобализация; интернет-технологии; договор; соглашения; конвенция.*

В современном мире, где технологии развиваются с неимоверной скоростью, вопросы защиты авторских и смежных прав становятся все более актуальными. Нелегальное копирование представляют собой значительные угрозы для творческих индустрий, экономического роста и культурного развития. С каждым годом количество случаев нарушения авторских прав растет, что вызывает необходимость разработки и внедрения эффективных мер по борьбе с этими нарушениями. В контексте глобализации и цифровизации экономики, проблема нелегального копирования и других форм нарушения авторских и смежных прав требует комплексного подхода, включающего правовые, технические и просветительские меры.

Правовая основа борьбы с нарушениями авторских и смежных прав представляет собой первый и, пожалуй, наиболее важный аспект в решении данной проблемы. На международном уровне существуют различные соглашения и конвенции, которые устанавливают общие принципы защиты авторских прав. Например, Бернская конвенция и Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) определяют основные права авторов и требования к их защите. На национальном уровне законодательство также играет ключевую роль в обеспечении защиты прав создателей. Важно отметить, что правовая база должна быть адаптирована к новым вызовам, связанным с развитием цифровых технологий. Это требует постоянного обновления законодательства и создания новых норм, которые учитывали бы особенности работы в цифровой среде.

Однако одних только правовых мер недостаточно для эффективной борьбы с нелегальным копированием. Технические меры также играют важную роль в обеспечении защиты авторских прав. С развитием технологий появились новые инструменты, которые помогают авторам и правообладателям контролировать использование их произведений. Системы цифровых прав (DRM), технологии водяных знаков и другие инновационные решения позволяют значительно снизить риск нелегального копирования и распространения контента. Однако, несмотря на наличие таких технологий, пиратство продолжает существовать, и его формы становятся все более изощренными. Это требует постоянного мониторинга и совершенствования технических мер, а также разработки новых технологий, которые смогут эффективно противостоять нарушениям.

Кроме того, с ростом популярности интернета и цифровых платформ, меры по борьбе с пиратством в интернете становятся особенно

актуальными. Виртуальные пространства предоставляют пользователям легкий доступ к контенту, что, к сожалению, также создает условия для его незаконного распространения. В этой связи важно рассмотреть, какие меры могут быть предприняты для защиты авторских прав в интернете. Это включает в себя как правовые механизмы, так и сотрудничество с интернет-провайдерами и платформами, на которых размещается контент. Эффективная борьба с пиратством в интернете требует комплексного подхода, который учитывает интересы всех сторон: правообладателей, пользователей и платформ.

Наконец, образовательные и просветительские меры также играют важную роль в борьбе с нарушениями авторских прав. Общество должно осознавать важность защиты интеллектуальной собственности и понимать последствия нарушения авторских прав. Образовательные программы, направленные на повышение осведомленности о правах авторов и последствиях пиратства, могут существенно изменить отношение людей к этому вопросу. Просветительская работа должна начинаться с раннего возраста, чтобы формировать уважительное отношение к труду создателей и понимание важности соблюдения авторских прав.

В Кыргызстане меры по борьбе с нелегальным копированием и другими формами нарушения авторских и смежных прав регулируются комплексом законодательных, организационных и технических инструментов. Основные нормы закреплены в Законе Кыргызской Республики «Об авторском праве и смежных правах» (в редакции от 24 мая 2021 года) и Гражданском кодексе КР [1].

Правовые меры

1. Уголовная ответственность. За нарушение авторских, смежных прав и прав патентообладателей предусмотрена уголовная ответственность по ст. 150 Уголовного кодекса Кыргызской Республики. Наказание включает:

- тройной айып (взыскание в трёхкратном размере от причинённого ущерба, две части которого взыскиваются в пользу потерпевшего, а третья – в пользу государства);

- штраф в размере от 700 до 1 500 расчётных показателей;

- лишение свободы на срок до 3 лет с возможным лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 3 лет [2].

Деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору или организованной преступной группой, либо причинившие особо крупный ущерб, наказываются тройным айыпом с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 3 лет либо штрафом в размере от 1 500 до 3 000 расчётных показателей.

2. Гражданско-правовая защита. Правообладатель может требовать возмещения убытков или компенсации через суд. В 2025 году были внесены изменения, усилившие ответственность за нарушения: штрафы увеличены вдвое, за повторные нарушения предусмотрена конфискация контрафактной продукции [3].

3. Досудебное урегулирование. Перед обращением в суд правообладатель обязан направить нарушителю письменную претензию с требованием прекратить нарушение и удалить контент [4].

4. Блокировка сайтов. Суды начали применять ускоренные меры по блокировке пиратских ресурсов. По решению суда пиратский сайт подлежит блокировке.

Организационные меры

1. Регистрация авторских прав. Хотя авторское право возникает автоматически, регистрация упрощает защиту в суде. В Кыргызстане можно зарегистрировать компьютерные программы и базы данных в Государственном агентстве интеллектуальной собственности и инноваций при Кабинете Министров («Кыргызпатент»).

2. Лицензионные соглашения. Упрощена процедура регистрации лицензионных соглашений в отношении товарных знаков и патентов. Важно чётко прописывать условия использования и ограничения в лицензионных договорах.

3. Мониторинг. Рекомендуется регулярно исследовать рынок на предмет возможных нарушений, таких как незаконное использование товарных знаков, патентов или авторских прав [5].

4. Система коллективного управления. Организации, управляющие имущественными

правами на коллективной основе, могут осуществлять защиту авторских и смежных прав в интересах авторов и правообладателей. До создания таких организаций функции выполняет «Кыргызпатент» на основе письменных договоров с правообладателями.

Технические меры

1. Цифровые средства защиты. Рекомендуется использовать водяные знаки, DRM (Digital Rights Management), цифровые подписи и другие технологии для защиты контента.

2. Онлайн-регистрация. В 2024-2025 годах введена возможность онлайн-регистрации авторских прав через электронный портал, что упрощает фиксацию прав и их защиту.

3. Международные обязательства. Кыргызстан участвует в ряде международных договоров в сфере интеллектуальной собственности, включая:

- Бернскую конвенцию об охране литературных и художественных произведений (присоединение – 8 июля 1999 года);
- Договор ВОИС по авторскому праву (присоединение – 6 марта 2002 года);
- Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС).

Также Кыргызстан является участником Соглашения о сотрудничестве государств-участников СНГ по охране и защите прав на объекты авторского права и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях [6].

Рекомендации для правообладателей

- *Фиксировать права.* Регистрировать ключевые активы, чтобы защитить их от копирования.
- *Контролировать использование контента.* Проверять лицензионные условия перед использованием чужих материалов, приобретать лицензии на коммерческое использование.
- *Заключать договоры.* В трудовых договорах прописывать, что исключительные права на служебные произведения принадлежат работодателю. В договорах с подрядчиками и партнёрами предусматривать передачу исключительных прав на результаты работы.
- *При нарушении обращаться в суд.* Фиксировать нарушение (сохранять доказательства, например скриншоты и документы), направлять претензию нарушителю, а при игнорировании обращаться в суд.

Несмотря на усиление мер защиты, на практике важно не только регистрировать права, но и активно их защищать, включая обращение в суд [7].

Однако, несмотря на существующее законодательство и меры по защите авторских прав, проблема нелегального копирования остается актуальной. С развитием цифровых технологий и интернета появились новые формы нарушения авторских прав, такие как пиратство в сети, нелегальное скачивание и распространение контента. Эти новые вызовы требуют от законодателей адаптации существующих норм и создания новых механизмов защиты. В некоторых странах разрабатываются специальные законы, регулирующие использование цифрового контента, включая нормы о лицензировании, ответственности интернет-платформ и другие меры, направленные на борьбу с нелегальным копированием.

Одним из примеров таких мер является введение обязательной фильтрации контента на интернет-платформах, что позволяет предотвращать загрузку и распространение нелегально скопированных произведений. Однако такие меры вызывают споры и критику со стороны защитников свободы слова и прав пользователей, что подчеркивает необходимость нахождения баланса между защитой авторских прав и правами пользователей.

Меры по борьбе с пиратством в интернете требуют особого внимания, так как именно в этом пространстве нарушения авторских прав приобретают массовый характер. Развитие интернет-технологий и доступность информации сделали возможным легкое копирование и распространение контента, что создает серьезные проблемы для правообладателей. В этом контексте важным шагом является сотрудничество между государственными органами, правообладателями и интернет-провайдерами. Эффективные механизмы мониторинга и реагирования на нарушения, а также создание платформ для легального распространения контента могут значительно снизить уровень пиратства. Однако это требует комплексного подхода и взаимодействия всех заинтересованных сторон.

Образовательные и просветительские меры также играют ключевую роль в борьбе с нарушениями авторских прав. Формирование

правосознания у пользователей, особенно среди молодежи, является важным аспектом, который способствует уменьшению случаев нелегального копирования. Образовательные программы, направленные на разъяснение важности авторских прав и последствий их нарушения, могут существенно изменить отношение общества к этому вопросу. Важно, чтобы информация о правовых аспектах интеллектуальной собственности была доступной и понятной для широкой аудитории. Внедрение таких программ в учебные заведения, а также проведение общественных кампаний может способствовать формированию культуры уважения к интеллектуальной собственности.

Правовая основа борьбы с нарушениями авторских и смежных прав представляет собой сложную и динамичную систему, которая требует постоянного обновления и адаптации к новым вызовам. Законодательство о защите авторских прав должно быть гибким и способным реагировать на изменения в технологиях и обществах, чтобы эффективно защищать права авторов и правообладателей. Важно, чтобы государства, организации и общество в целом осознавали значимость защиты авторских прав и активно участвовали в борьбе с нелегальным копированием и другими формами нарушения прав.

Необходимо также учитывать, что борьба с нелегальным копированием и другими формами нарушения авторских прав требует международного сотрудничества. В условиях глобализации, когда произведения могут распространяться мгновенно по всему миру, важно, чтобы страны сотрудничали друг с другом в вопросах защиты авторских прав. Это может включать в себя обмен информацией, совместные расследования и правоприменение, а также участие в международных форумах и конференциях, посвященных вопросам охраны интеллектуальной собственности.

В заключение, можно утверждать, что борьба с нелегальным копированием и другими формами нарушения авторских и смежных прав требует комплексного подхода, который сочетает в себе правовые, технические и образовательные меры. Необходимо учитывать динамично меняющуюся среду, в которой действуют авторы и пользователи контента, и адаптировать существующие механизмы защиты к новым вызовам. Эффективная защита авторских прав не только способствует сохранению интересов правообладателей, но и создает условия для дальнейшего развития культурной и творческой сферы. Важно, чтобы все стороны – государство, правообладатели, пользователи и образовательные учреждения – работали совместно для создания справедливой и устойчивой системы защиты авторских прав, которая будет отвечать современным требованиям и вызовам. Только таким образом можно достичь значительных результатов в борьбе с нарушениями авторских прав и создать среду, способствующую развитию творчества и инноваций. Необходимо продолжать работу по совершенствованию законодательства, развивать технические средства защиты, а также повышать уровень осведомленности общества о важности соблюдения авторских прав. Только совместными усилиями всех заинтересованных сторон можно создать эффективную систему защиты авторских прав, которая будет способствовать развитию творческой индустрии и культурного наследия. Важно помнить, что защита авторских прав – это не только защита интересов отдельных авторов, но и защита культурного разнообразия и инновационного потенциала общества в целом.

Библиографический список

1. «Об авторском праве и смежных правах» (в редакции от 24 мая 2021 года) и Гражданском кодексе КР. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yur.kg/articles/intellektualnaya-sobstvennost-v-kyrgyzstane-2025-novye-pravila-zashhity-i-praktika/.

2. Нарушение авторских прав: уголовная ответственность. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tazabek.kg.

3. «Об авторском праве и смежных правах» (в редакции от 24 мая 2021 года) и Гражданском кодексе КР. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yur.kg/articles/intellektualnaya-sobstvennost-v-kyrgyzstane-2025-novye-pravila-zashhity-i-praktika/.

4. Авторское право в Кыргызской Республике: практическое руководство для бизнеса от юридической компании REVERA. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://revera.legal/info-centr/news-and-analytical-materials/1905-avtorskoe-pravo-v-kyrgyzskoj-respublike-prakticheskoe-rukovodstvo-dlya-biznesa/.

5. Охрана и защита интеллектуальной собственности в Кыргызстане. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lex.kg/ru/article/12.

6. СОГЛАШЕНИЕ о сотрудничестве государств-участников СНГ по охране и защите прав на объекты авторского права и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/adilet/documents/details/211795?lang=ru.

7. СОГЛАШЕНИЕ о сотрудничестве государств – участников СНГ по охране и защите прав на объекты авторского права и смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yur.kg/articles/intellektualnaya-sobstvennost-v-kyrgyzstane-2025-novye-pravila-zashhity-i-praktika/.

MEASURES TO COMBAT ILLEGAL COPYING AND OTHER FORMS OF INFRINGEMENT OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS

Y.T. Tursunalieva, *Applicant*
International University of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Abstract. *The purpose of the research is a comprehensive analysis of existing measures and mechanisms for copyright protection in the context of modern challenges related to digital technologies. The objectives of the study include the study of legal aspects related to combating copyright violations, evaluating the effectiveness of technical means of protection, developing preventive measures to prevent violations, as well as analyzing judicial practice in cases related to copyright and related rights violations. These tasks are aimed at identifying the shortcomings of the current protection system and offering recommendations for its improvement, which in turn will make it possible to more effectively protect the interests of authors and copyright holders.*

Keywords: *copyright and related rights; technologies; digitalization; integrated approach; intellectual property; monitoring; globalization; Internet technologies; contract; agreements; convention.*

РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЛ ПРИ АННЕ ИОАННОВНЕ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ И МЕТОДЫ

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*
М.А. Демьяненко, *канд. юрид. наук*
Российская академия естествознания
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-253-258

Аннотация. *Рассматриваются особенности расследования в Российской империи уголовных дел, связанных с деяниями против государства (по «первым двум пунктам»), в период правления Анны Иоанновны (1730-1740 гг.). Соответственно анализируются правовые акты, и прежде всего императорские указы как нормативно-правового, так и правоприменительного характера, архивные материалы по конкретным делам, научные труды по заявленной теме. Отмечается, что, как в предшествовавший, так и последовавший периоды абсолютистского правления в Российской империи XVIII в. по уголовно-политическим делам имелась своя специфика, которая применительно к Анне Иоанновне заключалась, в частности, в том, что императрица при вынесении окончательных решений в основном полагалась на так называемые «экстракты» следственно-должностных лиц, а также на мнение своего особо доверенного лица – генерала Ушакова, главы Канцелярии Тайных розыскных дел. В целом в рассматриваемый период в практике производства следствий по уголовно-политическим делам сформировалась вполне определенная последовательность проведения следственных действий. При этом обвиненным не предоставлялось возможности заранее ознакомиться с обвинением, институт адвокатуры еще не действовал, в результате имел место явно выраженный обвинительный уклон.*

Ключевые слова: *Анна Иоанновна; преступления против государства; Ушаков; пытка; допрос; тайная канцелярия; донос.*

Имевшая место в XVIII в. т.н. эпоха «дворцовых переворотов», в которую входит и период правления Анны Иоанновны, характеризовалась повышенным вниманием власти к проявлениям разного рода несогласия с правительственной политикой. Это и неудивительно – ведь монархи приходили к власти путем дворцовых переворотов, то есть, по сути, их фавориты и иные высшие чиновники-соучастники сами совершали неправовые действия, и в случае неудачной акции по захвату власти претендентов на трон их вполне могла постичь трагическая участь царевича Алексея. Однако победившие соискатели монаршего звания сами становились законодателями и диктовали, таким образом, свою волю всему обществу. При этом малейшие поползновения против существующей власти жестко карались. И вот как раз по законодательству Анны Иоанновны (годы правления 1730-1740 гг.) это хорошо видно. Так, уже в 1731 г. последовал Именной указ, согласно которому дела бывшего Преображенского Приказа (органа политического сыска) передавались в ведение генерала Ушакова, поскольку Анна Иоанновна «не доверяла сенаторам, среди которых было немало ее врагов, и хотела держать политический сыск под своим контролем, поэтому она и поручила, как ранее Петр I Ромодановскому, сыскные дела своему доверенному человеку Ушакову» [1, с. 112]. Вскоре после этого был издан Указ «Об учреждении Канцелярии для дел, переданных по именному указу от 24 марта 1731 г. в ведомство Генерала Ушакова; об именовании оной Канцелярии Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллегиями» [2], которым, собственно, завершилась организация нового ведомство уголовно-политического судопроизводства.

Известный отечественный историк С.Ф. Платонов в этой связи отмечал, что, «тайная канцелярия, преемница Преображенского приказа петровской эпохи, была завалена политическими доносами и делами. Никто не мог считать себя безопасным от «слова и дела» (восклицание, начинавшее обыкновенно процедуру доноса и следствия). Мелкая

житейская вражда, чувство мести, низкое корыстолюбие могли привести всякого человека к следствию, тюрьме и пытке. Над обществом висел террор» [3, с. 236]. Руководитель Тайной канцелярии Андрей Иванович Ушаков, проявляя в рассмотрении дел особенно большую активность, по каждому делу формировал «экстракт», в котором проектировал характер и меру наказания для обвиняемых в государственных преступлениях, которые докладывал о них Анне Иоанновне или кабинет-министрам. Будучи человеком незнатного происхождения, прошедший путь от солдата до генерала, Ушаков сумел не только избежать репрессий, в отличие от своего бывшего начальника П.А. Толстого, но и, проявив преданность императрице, завоевать ее благосклонность. Так, вместе с А.П. Волынским А.И. Ушаков судил князей Долгоруких, а вскоре, по воле Бирона, он пытал уже и Волынского (это уголовно-политическое дело, как и в целом деятельность А.П. Волынского достаточно широко освещены в литературе, в том числе современной [4; 5; 6 и др.]). А потом Ушаков уже допрашивал самого Бирона, свергнутого Минихом, еще через несколько месяцев «непотопляемый» Ушаков уличал во лжи на допросах Миниха и других своих бывших «коллег», признанных новой императрицей Елизаветой Петровной врагами отечества [7, с. 69].

Уголовно-политические дела возбуждались на основе определенной информации,при этом в рассматриваемый период наиболее распространенными были доносы, изветы, рапорты (доношения, доклады, экстракты) чиновников. Явка с повинной также являлась основанием для возбуждения уголовного дела. Мотивы явки с повинной были разные – и понимание неизбежного разоблачения, и желание проявить свои убеждения (религиозные фанатики), были в их силе и психически неполноценные люди. Так, в 1737 г. в Москве произошла драматичная история с двумя братьями Иваном и Кондратием Павловыми, принявшими старообрядчество. Хозяин квартиры Ивана Синельников показал на допросе, что когда он зашел к своему жильцу, то Павлов сказал ему о своем намерении идти в Тайную контору – «и оный Синельников того Павлова спросил: “для чего он идет?” И Павлов тому Синельникову сказал, что-де идет за старую веру пострадать”. Он же Синельников на помянутыя Павлова слова говорил: «Коли у тебя охота припала – это-де не худо – пострадать за Бога» [8, с. 117]. Отправившегося в крестный путь Ивана провожали его жена Ульяна и брат Василий, Кондратий уже был в сыске. Своей подруге Ульяна сказала, что братья «пошли-де на труд в старом кресте и она-де, Ульяна, того своего мужа с оным Василием провожала» [8, с. 117], при этом обе женщины плакали. Павловы после проведенного следствия были казнены – ответственность за религиозные преступления была очень суровой.

Как свидетельствуют архивные материалы, доносчики в определенной мере не доверяли, выражаясь современным языком, спецслужбам того времени, опасаясь искажения той информации, которую они хотели донести до властей - отсюда и стремление делать заявления об этом предельно публично. Однако громогласное же объявление доносчиками о государственном преступлении сыск обычно не одобрял, и таких «крикунов» даже наказывали. Так, летом 1731 г. в саду у дворца Анненгоф императрицу Анну Иоанновну перепугал некто Крылов, который, «пришед в Аннингоф и вошед в сад, где соизволила быть Ея и.в. и тогда он, Крылов, дерзновенно став на колени, закричал, что есть за ним Ея и.в. слово в такой силе, что знает он, Крылов, Ея и.в., и государству недобро желателей и изменников» [9, л. 80]. Следствие по его делу выяснило, что «измены никакой ни за кем он. Крылов, не показал» [9, л.80]. Такие действия были сочтены достаточным поводом для возбуждения уголовного преследования, которое в итоге закончилось вынесением приговора, в соответствии с которым Крылов был бит кнутом и сослан в Охотск [9, л. 81]. В 1733 г. некто Чюнбуров кричал, что его сослуживец не был у присяги. В приговоре о Чюнбурове сказано: «доносить надлежало было ему просто». Было решено учинить Чюнбурову наказание – «дабы впредь о настоящих делах доносители имели б к доношению ревность» [9, л. 99].

Нередко доносы объявляли те, кто уже находился за иные провинности в местах лишения свободы, и целью, вероятно, облегчить свою участь, некоторые их них заявляли о «государевом деле». Учитывая такое положение, законодатель в довольно объемном Указе

«О доносах по первым двум пунктам» от 10 апреля 1730 г. особое внимание обратил как раз на особенности отношения к доносам, исходящих от лиц, уже осужденных либо находящихся в местах предварительного заключения. В частности, указывалось: «Если которые колодники, сидя в тюрьмах за караулом, в татьбах, в разбоях, в смертных убийствах, в кражах, и в других каких злодействах, или будучи на каторге, или ссыльные в котором городе сведают о вышеписанных великих делах, состоявших в двух пунктах, тем о том доносить того же дня, как уведают; а если в тот день донесть за каким препятствием не успеют, то на другой день … А которые воры и разбойники, или другие какие злодеи приговорены будут к смерти, и посажены в покаянную, или при самой экзекуции станут сказывать слово и дело, таким в доносах их не верить, а по суду казнить смертью, дабы, продолжая живот свой, не затевали, и невинные б по лживым их доносам напрасно не страдали» [10]. В целом, как видно, уже осужденным преступникам веры их доносам было значительно меньше, чем вольным людям.

Методы при проведении следствия использовались уже ставшими к тому времени традиционными [11]. В общем случае сыск заключался в допросе доносчика (изветчика), задержании обвиненного с последующими допросами всех фигурантов по делу. Соответственно особое значение при допросе доносителя придавалось выяснению правдивости его показаний. Так, в одном из документов того времени (1732 г.) о доносчике Никифоре Плотникове сказано: верить его извету нельзя, потому что он на ответчика после доноса показал «прибавочные слова». В итоге извет был объявлен ложным, Плотников бит кнутом и сослан в Охотск. Примечательно, что его наказали, несмотря на то что часть сказанных им «непристойных слов» ответчик все-таки признал [12, л. 142]. Учитывая подобного рода обстоятельства, 15 февраля 1733 г. в дополнение к отмеченному выше указу (от 10 апреля 1730 г.) императрица подписала дополнительный указ от 15 февраля 1733 г. «О доносителях по первых двум пунктам и о наказании за несправедливые доносы» [13]. В этом акте, в частности, предписывалось: «Велено о великих, важных делах, ежели кто подлинно уведает, доносить саму ж истину, не примешивая к тому от себя ничего, а на не винных в том никто б вымышленно и ложно доносить и слов объявлять отнюдь не дерзали, дабы от того те невинные напрасно не претерпевали» [13]. И уже по этому указу в 1733 г. плетью били копииста Моровецкого, который выступил доносчиком на семерых крестьян. В приговоре по этому делу объясняется причина порки изветчика: «о слышании продерзостных слов надлежало было ему, Моровецкому, доносить самую истину, не прибавляя к тому от себя ничего и за то учинить ему, Моровецкому, наказание» [12, л. 100об.].

Большое значение при расследовании подобного рода уголовно-политических дел Важным имели показания свидетелей. Если ни отсутствовали, то доносчик, при отказе обвиняемого, а как правило было именно так, рисковал самому быть наказанным, поскольку без веских доказательств веры ему со стороны следователей было мало. Так произошло, в частности, с неким Петровым, который донес в 1732 г. на Федорова. В следственных документах указывалось: «понеже без розыску показания ево за истину признать невозможно потому, что свидетельства никакова на означенные непристойные слова он, Петров, не объявил и что, хотя он о тех словах на оного Федорова в роспросе, и в очной с ним ставке, и с подъему и утверждался, но тому поверить невозможно потому, что и оной Федоров в роспросех, и в очной ставке, и с подъему в том не винился» [12, л. 114]. Даже небольшие сомнения лишь одного из свидетелей в точности извета сводила подчас на нет все показания других свидетелей и самого изветчика. Если же изветчик пытался уточнить свой донос, то новые его показания называли «переменными речами», их признавали «подозрительными», а это автоматически вело изветчика к пытке и наказанию. Так, в 1732 г. казнили некоего Немировича, который донес на Жукова, но «о важных непристойных словах не доказал и затеял те важные непристойные собой, вымысля собою» [12, л. 10].

Вслед за допросом изветчика, обвиняемого и свидетелей как правило производилась очная ставка. Во время очной ставки также осуществлялся расспрос участников дела, а их одновременное присутствие позволяло с большей объективностью судить об истинном

развитии событий, указываемых в извете. Результатом очной ставки был соответствующий протокол. В историко-правовой литературе встречается мнение, что очная ставка по своему содержанию представляла обвинительную форму судопроизводства и соответственно данное следственное действие можно называть судом [14, с. 363]. Действительно, при очной ставке как на суде (судьей выступал производящий допрос) обеим сторонам предлагалось излагать свои доказательства. Таким образом, очная ставка являла собой элемент судебного разбирательства. Вместе с тем, поскольку субъекты допроса на очной ставке не обладали полномочиями вынесения судебных решений, то по своему процессуальному значению очная ставка всё же не могла быть отнесена к суду. Это было одно из следственных действий во время предварительного расследования (сыска), которое лишь по форме производства напоминала суд. Перед очной ставкой все привлеченные к ней люди клялись на кресте и Евангелии говорить только правду. Очная ставка была нужна и для того, чтобы снять противоречия в показаниях сторон. Так, в протоколе 1732 г. по делу Шокурова, на которого донес матрос Емельян Фролов, сказано: «Определено: означенных матроса Фролова, мичмана Шокурова и свидетеля гардемарина Галафеева … роспросить каждого порознь, обстоятельно, и, буде в чем у них учинитца спор, и в том дать очные ставки» [12, л. 3].

При расследовании уголовно-политических дел особое значение придавалось «экстрактам», которые представлялись судебной коллегии или непосредственно монарху как правило руководителями сыскных ведомств в виде предельного обобщенного заключенного по рассмотренному делу (по современной терминологии – заключение надлежащего должностного лица). В материалах следственных дел, производимых в рассматриваемый период правления Анны Иоанновны, нередко встречаются сведения о том, что приговор преступникам, определялся именно по экстрактам. Так, в деле некоего Погуляева сохранилась копия протокольной записи о приговоре, вынесенным императрицой Анны Иоанновной по этому делу, где, в частности, указывалась: «1733 г., генваря 31. В Канцелярию тайных розыскных дел генерал … Андрей Иванович Ушаков объявил, что по учиненной в Тайной канцелярии выписке и по объявленному под тою выпискою Тайной канцелярии определению ... докладовал он, генерал и ковалер, Ея и.в. и Ея и.в., слушав оной выписки и определения, соизволила указать в учинении оному Погуляеву за показанную ево вину смертной казни» [15, л. 19].

Приведенный и другие подобные примеры показывают тот объем влияния на судьбы обвиняемых в совершении преступлений, который оказывали на окончательные решения руководители и другие высокопоставленные чиновники органов политического сыска. Зачастую не только достаточно было их краткого доклада верховному судье (монарху) для вынесения окончательного приговора, но и они сами нередко получали делегированные полномочия выносить окончательные приговоры. Так, в отмеченном примере одной лишь резолюцией государыни, записанной со слов Ушакова, преступник был приговорен ни много ни мало к смертной казни. В деле Вестенгарт и Петровой (1735 г.) приговор был оформлен несколько иначе. Все тот же А.И. Ушаков подал императрице Анне Иоанновне экстракт дела и свое предложение: «Не благоугодно ли будет по милосердию Вашего величества вместо пытки и смертной казни учиненной Яганне жестокое наказание кнутом и сослать в Сибирь в дальний монастырь и содержать там ее в том монастыре неисходно и пищу давать против того монастыря монахинь» [16, с. 556]. В тот же день он получил собственноручную краткую резолюцию государыни: «Вместо кнута бить плетьми, а в протчем быть по вашему мнению». На этом основании был составлен указ 26 июля 1735 г., гласивший, в частности: «По силе полученного сего 26 дня июля имянного Ея и.в. указа, подписанного Ея и.в. на поданном ис Тайной канцелярии экстракте с объявлением Тайной канцелярии определения о мадаме Ягане Петровой собственною Ея и.в. рукою, по учинении оной Ягане за важную вину, о чем явно во оном экстракте, наказания плетьми и ссылке в Сибирь в дальний девичий монастырь» [16, с. 556].

Другим типичным следственным действием была пытка. Это средство добывания показаний использовалось достаточно активно в первой половине XVIII в. с постепенным

снижением этой активности и отменой пытки к концу этого столетия. Как и очная ставка, пытка находила определенное закрепление в законодательстве, при этом во время пытки обвиняемые нередко оговаривали и себя, и других. Вместе с тем известный историк права В.Н. Латкин полагает, что «расспрос с пристрастием» также зачастую означал собственно пытку [17, с. 84], хотя формально, начиная с принятия петровского «Краткого изображения процессов и судебных тяжеб», это были разные следственные действия [18, с. 640]. Обычно допрашивали «у пытки» следующим образом. Человека подводили к дыбе, которая представляла собой примитивное подъемное устройство: в потолок или в балку вбивали крюк, через него (иногда с помощью блока) перебрасывали ремень или веревку, один конец ее был закреплен на войлочном хомуте, называемом иногда «петля». В нее вкладывали руки пытаемого. Другой конец веревки держали в руках помощники палача. Роспрос «стоя у дыбы по подъему») был, несомненно, сильным средством морального давления на подследственного, особенно для того, кто впервые попал в застенок. Человек стоял под дыбой, видел заплечного мастера и его помощников, мог наблюдать, как они готовились к пытке: осматривали кнуты, разжигали жаровню, лязгали страшными инструментами. Такого рода пытки в рассматриваемый период достаточно подробно описано в историко-правовой литературе (в числе авторов М.И. Семевский, В.А. Линовский, В.И. Елинский, Г.В. Есипов, А.А. Голубев, Е.В. Анисимов и др.).

Кроме того, особенностью уголовного процесса рассматриваемого периода по преступлениям против государства были также непосредственные решения императрицыа в некоторых судопроизводственных стадиях и без участия розыскных органов. Обычно это представляло собой случаи, когда императрица налагала опалу, даже не ставя в известность сыскное ведомство о составе преступления человека, за которое определялась опала, о причинах опалы и других обстоятельствах дела. Так, 4 февраля 1732 г. Анна Иоанновна послала главнокомандующему Москвы С.А. Салтыкову именной указ, в котором предписывалось «обретающагося в Москве иноземца Еядиуса Наундорфа, который стоит в Немецкой слободе на квартире у капитана Траутсмана, сыскав его, вам послать за караулом в Колский острог, где его отдать под тамошний караул и велеть употребить в работу, в какую годен будет и на пропитание давать ему по пятнадцать копеек на день из тамошних доходов и повелевает нашему генералу и обер-гофмейстеру Салтыкову учинить по сему указу» [19, с. 4]. Такого рода приговоры состоялись без проведения предварительного следствия, и основывались, вероятно, причинами личного характера. Практика свидетельствует также о том, что следствие хотя и велось, но могло по велению монарха внезапно прерваться без объяснения причин, учитывая абсолютистскую форму правления [20].

В целом в рассматриваемый период в практике производства следствий по уголовным делам сформировалась вполне определенная последовательность проведения следственных действий, которая в целом относилась и к делам по уголовно-политическим делам, хотя по последним, как отмечалось, имелись свои специфические черты. Так, после получения доноса (извета) возбуждалось дело, и немедленно производился допрос самого доносчик (изветчика), при этом была выработана форма допроса, который оформлялся в виде протокола. Обвиненным не предоставлялось возможности заранее ознакомиться с обвинением, равно как они не могли проверить содержание протоколов, где записывались их показания. Институт адвокатуры еще не действовал. В результате имел место явно выраженный обвинительный уклон.

Библиографический список

1 Анисимов Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII в. – М., 1999.

2. Сенатский Указ от 06.04.1731 г. «Об учреждении Канцелярии для дел, переданных по именному указу от 24 марта 1731 г. в ведомство Генерала Ушакова; об именовании оной Канцелярии Тайных розыскных дел и о сношениях оной Канцелярии с Коллегиями» // ПСЗ-1. № 5738.

3. Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. – М., 1990.

4. Польской С.В. Артемий Волынский и его «злодейския разсуждения и проект» // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2008. – № 1. – С. 7-19.

5. Батмаев М.М. А.П. Волынский как руководитель «Калмыцких дел» // Пространство науки. – 2025. – № 1. – С. 145-160.

6. Фаизов А.В. Хроника истории Кабинета министров при разных «составах» (1731-1741) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2023. – № 6.

7. Анисимов Е.В. Анна Иоанновна. – М., 2002.

8. Студенкин Т.И. Заплечные мастера // Русская старина. – 1873. – Т. 9. – С. 114-126.

9. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 266.

10. Указ от 10.04.1730 г. «О доносах по первым двум пунктам» // ПСЗ-1. № 5528.

11. Упоров И.В. Первое законодательное регулирование тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и право. – 1998. – № 9. – С. 86-90.

12. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 253.

13. Указ от 15.02.1733 г. «О доносителях по первых двум пунктам и о наказании за несправедливые доносы» // ПСЗ-1. № 6325.

14. Дмитриев Ф.М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от судебника до учреждения о губерниях. – М., 1899. Т. 1. С. 362.

15. РГАДА. Разр. 7. Оп. 1. Д. 299.

16. Есипов Г.В. Яганна Петрова, камер-медхен Екатерины 1-й // Исторический вестник. – 1880. – № 3. – С. 550-559.

17. Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XI-X вв.). – СПб., 1894.

18. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999.

19. Книга записная именным письмам и указам императриц Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны Семену Андреевичу Салтыкову. 1732-1742 гг. // Чтения Общества истории и древностей российских при Московском университете. 1878. Кн. 1.

20. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). – Москва, 2012.

INVESTIGATION OF CRIMINAL-POLITICAL CASES UNDER ANNA IOANNOVNA: ORGANIZATIONAL ASPECT AND METHODS

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
M.A. Demyanenko, *Candidate of Legal Sciences*
Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *This article examines the specifics of investigating criminal cases related to acts against the state (under the first two counts) in the Russian Empire during the reign of Anna Ioannovna (1730-1740). Legal acts, primarily imperial decrees of both a normative and law enforcement nature, archival materials on specific cases, and scholarly works on the topic are analyzed accordingly. It is noted that, both in the preceding and subsequent periods of absolutist rule in the Russian Empire in the 18th century, Criminal-political cases had their own specific features, which, in the case of Anna Ioannovna, consisted, in particular, in that the empress, when making final decisions, relied primarily on the so-called "extracts" of investigative officials, as well as on the opinion of her most trusted confidant, General Ushakov, head of the Secret Investigation Office. Overall, during the period under review, a very specific sequence of investigative actions emerged in the practice of conducting criminal-political cases. Moreover, the accused were not given the opportunity to familiarize themselves with the charges in advance, and the institution of the legal profession did not yet exist, resulting in a clearly pronounced accusatory bias.*

Keywords: *Anna Ioannovna; crimes against the state; Ushakov; torture; interrogation; Secret Chancellery; denunciation.*

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИИ В НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ РОССИИ: ПЕРВЫЕ ЗАКОНЫ И ТЕНДЕНЦИИ

И.В. Упоров, *д-р ист. наук, канд. юрид. наук, профессор*
Российская академия естествознания
(Россия, г. Краснодар)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-259-265

Аннотация. *В статье исследуются основные тенденции законодательного развития в России института местного самоуправления на начальном этапе новейшей истории (с рубежа 1990 г.). Акцент делается на политико-правовой характеристике самых первых законов, вводивших в нашей стране местное самоуправление вместо ранее действовавших в СССР местных Советов народных депутатов – сначала рассматривается Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990 г.), и затем Закон РСФСР «О местном самоуправлении в РСФСР» (1991 г.). Анализируются также научные труды, в которых затрагивается данная тема, материалы практики в деятельности местного самоуправления в г. Краснодаре в начале 1990-х гг. Отмечается, что оба отмеченные выше закона во многом носили переходный характер, когда еще сохранялись старые принципы, и одновременно вводились новеллы, связанные с отграничением государственной власти от местного самоуправления, причем много новелл было в российском законе. В дальнейшем в Конституции России 1993 г. и муниципальных законах местное самоуправление получило широкие полномочия, однако такой подход был поспешным, поскольку не учитывал реального положения дел, связанного с отсутствием у местного самоуправления необходимых ресурсов, и развитие местного самоуправления пришлось серьезно корректировать.*

Ключевые слова: *местное самоуправление; закон; народные депутаты; вопросы местного значения; полномочия; конституция; власть.*

В течение более семидесяти лет в советском государстве органами государственной власти являлись Советы разных уровней, в том числе на местном уровне, где, начиная с краев (областей) и заканчивая сельскими Советами, функционировали соответственно местные Советы, при этом депутаты всех уровней Советов после Конституции СССР 1936 г. избирались населением (до этого действовала система съездов Советов, где Советы выше городских и сельских состояли из делегатов, избираемых на нижних уровнях Советов). Система Советов была достаточно стабильной. При этом действовал принцип вертикальной соподчиненности, когда вышестоящий Совет мог отменить решения нижестоящего Совета; кроме того, местные Советы по сути являлись местными органами по реализации решений вышестоящих властных партийно-советских инстанций. Соответственно местные Советы не издавали нормативно-правовых актов, соответственно ведущую роль в структурах местной власти имели исполнительные органы (исполкомы) местных Советов. А представительная функция Советов как органов народовластия в лице избранных депутатов, осуществлялась только на кратких (1-2 дня) сессиях местных Советов. Соответствующий статус местных Советов в РСФСР был определен в Конституции РСФСР 1978 г. [1].

Однако в годы известной горбачевской «перестройки» (1985-1991 гг.), начавшейся в результате серьезных кризисных явлений в экономике, в СССР начались коренные преобразования в различных сферах жизни. Структуры государственной власти не стали исключением. Так, на высших властных уровнях СССР и РСФСР были образованы Съезды народных депутатов, которые стали выполнять функции высших органов власти соответственно союзного и республиканского уровней. К концу перестройки все больше стали доминировать суждения о том, что необходимо, во-первых, активнее внедрять элементы рыночной экономики, и, во-вторых, если иметь в виду систему публичной власти, отграничивать власть государственную от

власти муниципальной (местное самоуправления), то есть речь шла об использовании опыта других стран [2, с. 116].

Начало процессу формированию института местного самоуправления было положено в предпоследний год существования СССР – в 1990 г. был издан Закон СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [3]. В этом акте местные Советы народных депутатов структурно еще сохраняются, но одновременно впервые на законодательном уровне провозглашается институт местного самоуправления, в который, помимо местных Советов народных депутатов, включались и другие составляющие. В преамбуле данного акта концепция местного самоуправления, необходимость в котором стала проявляться буквально в последние два года существования советского государства, определялась следующим образом: «Местное самоуправление в СССР является частью социалистического самоуправления народа и призвано обеспечить реализацию прав и свобод граждан, их самостоятельность в решении вопросов социального и экономического развития территории, охраны окружающей среды» [3].

Далее следовало определение местного самоуправления – «самоорганизация граждан для решения непосредственно или через избираемые ими органы всех вопросов местного значения, исходя из интересов населения и особенностей административно-территориальных единиц, на основе законов и соответствующей материальной и финансовой базы» [3]. В целом союзный закон сравнительно небольшой по объему – в нем 27 статей (26 000 знаков с пробелами). Структурно закон состоял из четырех разделов (без разделения на главы): Понятие, система и принципы местного самоуправления; Экономическая основа местного самоуправления; Финансовая основа местного самоуправления; Гарантии местного самоуправления. Такой подход – в структурном плане – в целом будет выдерживаться и во всех последующих законах о местном самоуправлении.

Это касалось и таких фундаментальных принципов организации местного самоуправления, как выборность органов местного самоуправления, гласность, добровольность участия в их работе, наделение собственной компетенцией и др. [4]. В содержательном плане специфика понимания местного самоуправления состояла в том, что этим актом местные Советы народных депутатов еще не были выведены из системы органов госвласти, и в нем находила отражение распространенная в советском обществе теория, согласно которой Советы народных депутатов воплощали два начала: органов государственной власти и местного (народного) самоуправления [5, с. 82]. При этом в ст. 3 указывалось, что основным звеном в системе местного самоуправления являются местные Советы народных депутатов, а также другие звенья: органы территориального общественного самоуправления (советы и комитеты микрорайонов, жилищных комплексов, домовые, уличные, квартальные, поселковые, сельские комитеты и другие органы), местные референдумы, собрания, сходы граждан, иные формы непосредственной демократии [3]. Как видно, единой организованной структуры местного самоуправления еще не было. И соединение властных структур (местных Советов народных депутатов) с общественными структурами под названием «местное самоуправление» во многом было искусственным.

В отличие от союзного уровня, в РСФСР политико-экономические изменения имели, можно сказать, радикальный характер. Так, в 1991 г., еще при формальном СССР, в РСФСР, законодательно была разрешена частная собственность на землю, что в начале перестройки было просто немыслимо. В сфере местного самоуправления правовые акты РСФСР также отличались существенными изменениями, соответствующий процесс «муниципализации» ясно выраженный вектор. При этом нужно заметить, что с точки зрения законодательной техники нормативно-правовое оформление новой российской государственности вначале шло постепенно, путем принятия поправок к действующей Конституции РСФСР, законов, деклараций, указов Президента РФ по отдельным вопросам функционирования соответствующих институтов [6, с. 79]. Затем наступил момент, когда количественные изменения должны были трансформироваться в качественные, что и произошло с принятием данного закона.

В отличие от союзного закона, Закон РСФСР «О местном самоуправлении в

РСФСР» [7], принятый в июле 1991 г., то есть формально также еще в рамках существующего СССР, включил в содержание института местного самоуправления такой важный признак, как ответственность населения, берущего на себя право самостоятельного решения вопросов местного значения. Закон использовал также понятие «муниципальная собственность», в то время как союзный Закон – понятие «коммунальная собственность». В соответствии с законом местное самоуправление осуществлялось в границах районов, городов, районов в городах, поселков, сельсоветов, сельских населенных пунктах, т. е. в границах административно единиц. Понятие «муниципальное образование» в этом акте еще не применяется. Вместе с тем используется терминология «муниципальное имущество», «муниципальный жилищный фонд». Е.С. Шугрина справедливо обращает внимание на такую особенность закона, как ведение единоначалия в реализации исполнительными структурами своих функций (ранее были коллегиальные исполкомы, а теперь появлялись главы местных администраций) [8, с. 32]. Принципиально важно заметить, что местное самоуправление уже не предусматривалось в краях (областях) – эти публично-территориальные образования становились субъектами Федерации, соответственно местное самоуправление предусматривалось в границах районов, городов, районов в городах, посёлков, сельсоветов, сельских населённых пунктов.

Следующее важное изменение заключалось в том, что Закон предусматривал принятие республиками в составе России собственных законов о местном самоуправлении, а также принятие районными и городскими Советами положений (уставов) о местном самоуправлении на подведомственной им территории. Советы и соответствующие органы управления наделялись собственной компетенцией, которая могла быть изменена только законом. Так, согласно ст. 5 «в пределах, установленных законодательством, районный, городской Советы принимают, а поселковый, сельский Советы могут принимать положение (устав) о местном самоуправлении на подведомственной территории. В положении (уставе) о местном самоуправлении конкретизируются функции, порядок работы, система и структура местных органов власти и управления, разграничение полномочий между ними, организация территориального общественного самоуправления населения. Положение (устав) о местном самоуправлении регистрируется органами государственной власти соответствующих края, области, автономной области, автономного округа» [7]. Были определены принципы определения компетенции органов местного самоуправления, которые заключались, в частности, в следующем: Советы и соответствующие органы управления наделяются собственной компетенцией, которая не может быть изменена иначе как законом; Советы могут на договорной основе передавать часть своих полномочий другим Советам; органы государственной власти и управления не вправе самостоятельно принимать к своему рассмотрению вопросы, отнесенные к компетенции органов местного самоуправления, за исключением случаев, предусмотренных законом в интересах обеспечения государственной и общественной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья населения, защиты прав и свобод граждан.

Следует заметить также, что в рассматриваемом законе очень подробно расписаны полномочия представительных и исполнительных органов местного самоуправления в основных сферах социально-экономического развития территорий, где функционировали органы местного самоуправления. Так, указывалось, что районный, городской, районный в городе, поселковый, сельский Совет избирается гражданами, проживающими на территории соответственно района, города, района в городе, поселка, сельсовета, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании сроком на пять лет. Основной формой работы местного Совета определялась сессия, на которой он решает вопросы, отнесенные к его ведению законодательством РСФСР и республик в составе РСФСР. Закон подробно определял вопросы, решаемые исключительно на сессии Совета, полномочия городской администрации в области управления муниципальной собственностью, взаимоотношений с предприятиями, учреждениями и организациями на территории города.

Новелла заключалась, далее, в том, что в рассматриваемом Законе содержались нормы,

регулирующие взаимоотношения представительных и исполнительных органов местного самоуправления в случае возникновения конфликтных ситуаций, причем речь шла о механизме разрешения спорных вопросов во внесудебном порядке, чего ранее было вообще, поскольку действовал административный метод управления. Так, предусматривалось право главы местной администрации (главы исполнительного органа) опротестовывать решения Совета как представительного органа [9], а председатель Совета, постоянная комиссия, группа депутатов, насчитывающая не менее одной трети от числа депутатов, установленного для данного Совета, были вправе внести в Совет мотивированное предложение о выражении недоверия главе местной администрации, а также руководителям органов и структурных подразделений местной администрации. Появление этих норм было обусловлено, очевидно, теми непростыми, и постепенно усложнявшимися отношениями между представительной и исполнительной властью на федеральном уровне, отпечаток которых переходил как региональный, так и на местный уровень. Вместе с тем, российский законодатель сохранял административную зависимость нижестоящих Советов от вышестоящих, сделал это в более «советском» стиле, чем союзный законодатель, то есть прямо указывая на соподчиненность Советов разных уровней. Этот момент можно, очевидно, объяснить переходным характером принимаемых тогда решений, когда в одном акте еще «сосуществуют» положения из прежних времен и одновременно включаются нормы более прогрессивного свойства.

В литературе рассмотренный Закон РСФСР оценивается неоднозначно. В целом в начале 1990-х гг. превалировала точка зрения, согласно которой Закон 1991 г. открыл двери для формирования действительно самостоятельной, а не управляемой сверху местной власти. Но, например, В.С. Мокрый полагает, что до 1992 г. местные органы управления, несмотря на принятие закона, оставались государственными [10, с. 37]. И действительно, на этом этапе негосударственная природа органов местного самоуправления прямо не провозглашалась, однако демократические преобразования в России привели к тому, что стала оживать существовавшая в дореволюционный период идея выделения местного самоуправления из системы государственной власти [6, с. 80]. Что касается восприятия закона на местах, то для примерна можно привести характерное высказывание депутата местного Совета из Алтайского края Е. Веркошанского: «Закон дал немало прав местным органам власти, в том числе и сельским, но механизма реализации этих прав нет ... Пробовали пойти по пути создания территориальных общественных самоуправлений. Но нет уставов, на которые можно опереться, и опять же нет финансовой базы. Поэтому о реальном самоуправлении говорить не приходится, реальны лишь проблемы» [11, с. 35].

Представляется, что при различиях в оценках принятием данного закона была закреплена тенденция на преобразование прежних местных Советов в систему местного самоуправления. Так, следующий шаг был сделан в процессе конституционной реформы, когда 21 апреля 1992 г. в Основной закон страны были внесены изменения, согласно которым «местные Советы народных депутатов – районные, городские, районные в городах, поселковые, сельские – входят в систему местного самоуправления». Е.М. Ковешников отмечает, что именно этим решением на конституционном уровне состоялось разделение государственной власти и местного самоуправления [6, с. 81]. И это действительно так, поскольку в последующем, включая Конституцию России 1993 г. [12], данный концептуальный подход останется в неизменности, хотя и будет выражаться несколько в иных формулировках. Рассматриваемый закон получил в целом высокую оценку специалистов, хотя и не без критики по отельным аспектам. Так, И.В. Выдрин указывал на высокий потенциал данного Закона, который, но тут же отмечал, что, к сожалению, этот потенциал остался неиспользованным [13, с. 106].

В целом же до настоящего времени избранный тогда стратегический путь развития системы управления на местах в принципиальном плане не менялся и не подвергался сомнениям, что может свидетельствовать о согласии российского общества с этим выбором. Принятый закон существенно расширил самостоятельность местных органов власти в их практической деятельности. Во многих городах стали активно обсуждаться и решаться

многие актуальные вопросы, и это делалось уже без оглядки на вышестоящие Советы и на партийные инстанции, как это было ранее. Население, избранные ими депутаты почувствовали в реальности, что именно от них самих в решающей степени зависит положение на местах. В качестве примера можно привести утверждение Краснодарским горсоветом Положения о городском референдуме по вопросу названия города [14]. Это решение принималось исключительно по воле городских депутатов. Было определено, что референдум состоится 15 ноября 1992 г. Жители должны были определиться по вопросу о том, следует ли переименовать Краснодар в Екатеринодар. Развернулась активная дискуссия. Согласно Положению о референдуме таковой мог быть признан состоявшимся только при участии в нем числа жителей, обладающих избирательным правом, не меньше, чем 50% плюс один голос. Фактически голосовать из 542734 зарегистрированных избирателей пришли 205944, что составило 37,9%. Таким образом, референдум был признан не состоявшимся и соответственно никаких правовых последствий его итоги не имели. Тем не менее представляет интерес выбор большинства: за Краснодар отдали свои голоса 76,5%, за Екатеринодар – 22%. Мы полагаем, что утверждение Положения о референдуме и последующее его проведение, равно как и дискуссия по предмету голосования олицетворяли начало реального самоуправления населения муниципального образования город Краснодар. По сути, именно события такого рода в самом начале 1990-х гг. и дали отсчет новой эпохе развития института местного самоуправления в целом в России, поскольку на практике, на конкретном примере жители увидели, что сами могут и должны решать вопросы местного значения.

При этом нужно заметить, что тот период (начало 1990-х гг.) характеризовался определенной общественно-политической эйфорией: и депутаты, и Президент России, и большинство населения, очевидно, полагали, что такое законодательное закрепление невиданных ранее демократических принципов в рассматриваемой сфере, на практике обернется соответствующими улучшениями во многих сферах социально-экономической жизни. На этой волне в 1995 г. в развитие конституционных положений был принят первый постсоветский муниципальный закон – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [15]. Однако потенциал местного самоуправления был явно переоценен. Не было учтено, что жители муниципальных образований еще не готовы к самостоятельному решению чрезвычайно сложных вопросов на местах (здравоохранение, образование, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство и т.д.) – если уж раньше, при государственной поддержке всех уровней, эти вопросы решались с трудом, то почему новоявленные муниципалитеты, не имевшие вообще практики самостоятельного публичного управления территорией, смогут это сделать лучше? Не было учтено и то обстоятельство, что большинство субъектов Федерации (края, области), только-только получившие этот статус, также не имели достаточной практики самостоятельного государственного управления в сфере местного самоуправления, в том числе в принятии региональных законов.

И довольно скоро пришлось делать серьезную корректировку, связанную с тем, что органы местного самоуправления не имели финансовых, материальных, кадровых ресурсов для самостоятельного решения сложных вопросов местного значения. В 2003 г. был принят новый федеральный муниципальный закон с тем же названием («Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»), в котором полномочия местного самоуправления и субъектов Федерации в этой сфере был заметно сокращены. В дальнейшем в закон вносилось множество изменений в том же направлении. Но ожидаемого улучшения не происходило. Затем последовали конституционные поправки – 2020, которые затронули и местное самоуправление и позволяют государству в большей степени влиять на местное самоуправление. Наконец, в 2025 г. был принят очередной федеральный муниципальный закон ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [16], который расширил полномочия органов госвласти в части участия в решении вопросов местного значения, то есть, речь идет об определенном сужении полномочий местной власти. И такой подход, очевидно, будет отвечать реальному положению, хотя

на этот счет имеются разные точки зрения [17; 18; 19 и др.]. Представляется, в ближайшей перспективе целесообразно в городских и муниципальных округах формировать государственную власть субъекта Федерации (исполнительную структуру) с ее гораздо бóльшими ресурсами, а местное самоуправление целесообразно сохранять в поселениях и внутригородских районах. При этом количество вопросов местного значения в муниципальных образованиях должно быть значительно снижено – с тем, чтобы их выполнение было реальным, а полномочия определять вопросы местного значения должны быть переданы субъекту Федерации. По нашему убеждению, именно в сравнительно небольших муниципальных образованиях как раз и появятся возможности для практического развития местного самоуправления, повышения гражданской активности населения, чего так не хватает современной России.

Библиографический список

1. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (Принята и объявлена Декларацией Верховного Совета РСФСР от 12.04.1978 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

2. Смыслов П.В. Развитие системы местного самоуправления от советской модели к современности: федеральный и региональный опыт: Конец 1980-х – 1990-е годы: дис. … канд. ист. наук. – Тула, 2000.

3. Закон СССР от 09.04.1990 г. № 1417-1 «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 16. Ст. 267.

4. Старков О.В., Упоров И.В. Теория государства и права: учебник (3-е изд., перераб., и доп.). – Москва, 2012.

5. Краснов М.А. Местное самоуправление: государственное или общественное? // Советское государство и право. – 1990. – № 10. – С. 81-83.

6. Ковешников Е.М. Государство и местное самоуправлении в России: Теоретико-правовые основы взаимодействия. – М.: Норма, 2002.

7. Закон РСФСР от 06.07.1991 № 1550-1 «О местном самоуправлении в РСФСР» // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. N 29. Ст. 1010.

8. Шугрина Е.С. Муниципальное право. – М., 2004.

9. Упоров И.В., Кузовлева Г.В. Представительство народа (населения) в органах публичной власти: сущность и политико-правовая характеристика // Общество и право. – 2015. – № 2 (52). – С. 30-34.

10. Мокрый В.С. Местное самоуправление: вчера, сегодня, завтра // Местное самоуправление в России. – М., 2003.

11. Каким быть местному самоуправлению (круглый стол) // Народный депутат. – 1992. – № 18.

12. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Выдрин И.В. Местное самоуправление в Российской Федерации: современные проблемы // Российский юридический журнал. – 2003. – № 1. – С. 105-106.

14. Положение о городском референдуме по вопросу названия города // Краснодарские известия. 1992. 27 октября.

15. Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 1995. 1 сентября.

16. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Андреева О.А., Яценко О.В. Политика взаимоотношений государства и местного самоуправления в процессе его реформирования в РФ // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2025. – № 4. – С. 36-40.

18. Баликоева Л.М. Новый шаг в развитии местного самоуправления в России // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 6. – С. 167-169.

19. Игнатьева И.В., Прудников А.В. Реформирование системы местного самоуправления: нормативно-правовые вопросы, финансовое обеспечение и регулирование // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 3. – С. 663-666.

LOCAL SELF-GOVERNMENT IN RECENT RUSSIAN HISTORY: FIRST LAWS AND TRENDS

I.V. Uporov, *Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor*
Russian Academy of Natural Sciences
(Russia, Krasnodar)

Abstract. *This article examines the main trends in the legislative development of local self-government in Russia at the beginning of its recent history (since 1990). Emphasis is placed on the political and legal characteristics of the very first laws that introduced local self-government in our country, replacing the local Soviets of People's Deputies previously in force in the USSR. First, the USSR Law "On the General Principles of Local Self-Government and Local Economy in the USSR" (1990) is examined, followed by the RSFSR Law "On Local Self-Government in the RSFSR" (1991). The article also analyzes scholarly works on this topic, as well as practical data from local government activities in Krasnodar in the early 1990s. It is noted that both laws were largely transitional in nature, while old principles were still preserved, while amendments were introduced related to the separation of state power from local government, with many of these amendments appearing in Russian law. Subsequently, the 1993 Constitution of Russia and municipal laws granted local government broad powers. However, this approach was hasty, as it failed to take into account the real situation related to the lack of necessary resources within local government, and the development of local government had to be significantly adjusted.*

Keywords: *local government; law; people's deputies; local issues; powers; constitution; authority.*

ТИПОВЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ КРАЖ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ

А.А. Файзуллина, *канд. юрид. наук, доцент*
Р.Р. Абрарова, *магистрант*
Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-266-270

Аннотация. *В данной статье авторы анализируют природу и значение следственных ситуаций, возникающих в процессе расследования краж, совершённых несовершеннолетними. Особое внимание уделено классификации типичных следственных ситуаций на различных этапах предварительного расследования и действиям следователя в каждом из них. Рассмотрены правовые и организационные основы межведомственного взаимодействия, включая процессуальные и непроцессуальные формы, с учётом норм Федерального закона «О полиции», УПК РФ и ведомственных нормативных актов.*

Ключевые слова: *следственная ситуация; несовершеннолетние; кража; тактика следователя; взаимодействие; оперативно-розыскные мероприятия; УПК РФ; ПДН; следственно-оперативная группа; криминалистика.*

Следственные ситуации, возникающие в ходе расследования краж, совершённых несовершеннолетними, играют ключевую роль в формировании тактики предварительного следствия и определяют последовательность, направленность и объём процессуальных действий. Эффективность расследования напрямую зависит от способности следователя корректно распознавать конкретную ситуацию, оценивать объём имеющейся доказательственной информации и оперативно формулировать задачи по её дополнению и проверке.

Отечественная криминалистика накопила обширный теоретико-методологический опыт в изучении природы следственных ситуаций. В числе первых теоретиков, предложивших определение следственной ситуации, следует указать А.Н. Колесниченко, который понимал её как конкретное состояние расследования, характеризующееся объёмом полученной информации и доказыванием, а также соответствующим кругом задач, вытекающих из этого информационного состояния [1, с. 9].

С позиций когнитивного подхода Л.Я. Драпкин подчёркивал, что следственная ситуация представляет собой динамическую ментальную модель, отражающую как логическую, так и тактико-психологическую структуру расследования, включая его организационные и управленческие параметры. Важной чертой следственной ситуации, по его мнению, является её изменяемость, обусловленная поступлением новых доказательств и влиянием внешних факторов [2, с. 278].

Более интегративное определение предложено И.Ф. Герасимовым, который трактует следственную ситуацию как изменяющуюся совокупность факторов объективного и субъективного характера, возникающих на определённой стадии расследования и определяющих выбор тактики и направлений дальнейших действий [3, с. 467].

Особое внимание взаимосвязи внешней и внутренней сторон следственного процесса уделял Л.Л. Каневский, подчёркивая, что ситуация расследования не сводится лишь к обстановке или к субъективной оценке, а представляет собой систему взаимосвязанных элементов, отражающих как фактическую обстановку, так и состояние самого процесса доказывания [4, с. 21].

Следовательно, следственная ситуация может быть охарактеризована как комплексное состояние предварительного следствия, сформированное определённым объёмом доказательственной информации, условиями её получения и степенью её достоверности, находящееся в постоянной динамике под воздействием как субъективных, так и объективных факторов.

Полагаем, что «взаимосвязь версий, вытекающих из следственных ситуаций, и планирования расследования – это согласованность мысленной модели преступного события с выводами о необходимости проведения конкретных мероприятий по собиранию и исследованию доказательств преступной деятельности. Тем самым, между такими криминалистическими категориями, как «следственная ситуация», «выдвижение версий» и «планирование расследования» существует неразрывная логическая связь» [5, с. 160].

Особенности следственных ситуаций при расследовании краж, совершённых несовершеннолетними, требуют учёта специфики преступной деятельности данной категории субъектов, возрастных и психофизиологических особенностей несовершеннолетних, а также особенностей взаимодействия с органами дознания, опеки и попечительства. Основной задачей следователя становится определение ключевых направлений расследования с учётом наличия или отсутствия информации о предполагаемых лицах, причастных к преступлению, а также степень готовности доказательственной базы для формирования обвинения.

На последующем этапе расследования акцент смещается с первоначального сбора доказательств и розыскных мероприятий на закрепление полученной информации, её аналитическую обработку, опровержение или подтверждение доводов обвиняемых. Характер следственной ситуации зависит, прежде всего, от процессуального поведения несовершеннолетних участников преступления – признания ими вины, дачи показаний, а также степени их сотрудничества со следствием. В зависимости от этих факторов формируются конкретные тактические задачи следователя, включая проведение очных ставок, дополнительных допросов, следственных экспериментов, проверок показаний на месте и иных процессуальных действий.

Рациональный выбор тактики расследования краж, совершённых несовершеннолетними, требует от следователя умения учитывать специфику складывающейся следственной ситуации. В условиях, когда фигурантами уголовного дела выступают несовершеннолетние, имеющие особый правовой статус, возрастные и психофизиологические особенности, особенно значимым является взаимодействие следователя с иными органами системы профилактики и уголовного преследования. Такая деятельность носит не только тактический, но и стратегический характер, влияя на полноту и объективность установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Взаимодействие при расследовании преступлений трактуется как согласованная деятельность, основанная на нормах действующего законодательства, направленная на достижение целей уголовного судопроизводства, в частности – раскрытие преступления, установление виновных и привлечение их к ответственности [6, с. 54]. Нормативную базу, регулирующую указанное взаимодействие, формируют, прежде всего, Конституция Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, а также специальные законы, такие как Федеральный закон № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и Федеральный закон № 3-ФЗ «О полиции».

В соответствии с п. 9 ч. 1 ст. 12 вышеуказанного федерального закона, сотрудники полиции обязаны исполнять письменные поручения следователя, касающиеся проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий, а также содействовать в их осуществлении. Кроме того, согласно п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, следователь вправе давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о производстве следственных и оперативных действий, задержании и приводе обвиняемых и подозреваемых [7].

Различают две основные формы взаимодействия: процессуальную – основанную на предписаниях УПК РФ, и непроцессуальную – выражающуюся в информационном обмене, совместном планировании, создании следственно-оперативных групп. Процессуальная форма, как показал анализ практики, реализуется посредством поручений о проведении следственных и розыскных мероприятий, задержаний, приводов, а также исполнения постановлений следователя. Непроцессуальная форма включает организационно-тактическое взаимодействие между следователем, сотрудниками уголовного розыска и подразделений

по делам несовершеннолетних – в форме консультаций, согласованных планов, анализа исходной информации.

Следственно-оперативная группа является приоритетной организационной формой взаимодействия. Она позволяет в сжатые сроки скоординировать действия участников, провести анализ имеющихся материалов, разработать версии и определить последовательность следственных действий. Оперативные сотрудники, в свою очередь, осуществляют охрану места происшествия, фиксируют и обеспечивают сохранность следов, обнаруживают местонахождение подозреваемых, осуществляют их розыск, выявляют свидетелей и проверяют возможную причастность лиц к иным преступлениям.

Отдельное значение приобретает участие подразделений по делам несовершеннолетних. Данные подразделения обладают специфической компетенцией, предусматривающей индивидуализированный подход к работе с несовершеннолетними, состоящими на учёте. Их участие позволяет установить поведенческие и социальные особенности личности, получив информацию, существенную для построения версий и определения тактики следственных действий.

Постановка несовершеннолетнего на учёт в ПДН осуществляется на основании ведомственного приказа МВД России № 845, утверждающего Инструкцию по организации деятельности данных подразделений [8]. В числе оснований – употребление психоактивных веществ, совершение административных проступков, наличие статуса подозреваемого или обвиняемого, освобождение по амнистии или отсрочке приговора. Полученная информация становится основой для выработки персонализированного подхода к каждому несовершеннолетнему в ходе производства по уголовному делу.

Отдельного анализа требует вопрос о том, какие следственные действия в делах о кражах несовершеннолетних наиболее «чувствительны» к процессуальным дефектам и почему именно на первоначальном этапе возникает наибольшее число рисков недопустимости доказательств. Специальный порядок производства процессуальных действий в отношении несовершеннолетних, включая обязательность участия законного представителя в предусмотренных законом случаях, а также необходимость привлечения педагога или психолога при проведении допросов и иных действий в установленных процессуальных режимах, фактически задаёт повышенные стандарты процессуальной корректности.

При нарушении этих требований доказательственная информация может утратить юридическую ценность, даже если она фактически достоверна. Следовательно, ситуационный анализ должен включать отдельный блок «процессуальной пригодности» запланированных действий. Он предполагает предварительную проверку: обеспечены ли участники, гарантирующие соблюдение прав несовершеннолетнего; исключены ли условия, при которых возможно давление со стороны взрослых либо группы; соблюдены ли требования к времени, длительности и условиям общения; предусмотрена ли фиксация хода действия средствами, уменьшающими спорность содержания. Такой подход позволяет не «чинить» доказательства постфактум, а изначально собирать их так, чтобы они сохраняли устойчивость на последующих стадиях и в суде.

Существенно расширяет ситуационную картину и цифровой компонент следов краж, совершаемых несовершеннолетними. В современной среде типичные действия подростков после завладения имуществом часто сопровождаются цифровыми следами, которые могут иметь самостоятельное доказательственное значение. Речь идёт не только о записях камер наблюдения в магазинах, подъездах и на улицах, но и о следах в коммуникационных сервисах, о геолокационных данных устройств, о транзакциях и о следах реализации похищенного через площадки объявлений. Показательно, что цифровые следы обладают высокой объективностью, однако требуют оперативности, поскольку подвержены быстрому удалению, изменению и замещению.

Поэтому в рамках ситуационного планирования целесообразно выделять самостоятельную задачу «цифровой фиксации», включающую своевременное изъятие и осмотр устройств, получение данных у владельцев систем видеонаблюдения, установление маршрутов перемещения, проверку активности в электронных аккаунтах. При этом так-

тика должна исходить из соразмерности вмешательства и соблюдения процессуального порядка получения данных, иначе цифровая информация может быть оспорена по основаниям нарушения установленной процедуры. Таким образом, цифровая среда формирует особый пласт доказательственных возможностей, который в делах о несовершеннолетних часто оказывается более надёжным, чем субъективные объяснения участников группы.

Специфика подростковой групповой кражи проявляется также в том, что «роль» каждого участника не всегда совпадает с формально наблюдаемыми действиями в момент посягательства. Нередко лицо, фактически определившее план и распределившее функции, минимизирует внешнюю активность, выступая как организатор или инициатор, тогда как «исполнители» совершают непосредственное изъятие имущества. В результате доказательственная задача включает не только установление события и причастности, но и реконструкцию ролевой структуры группы, включая мотивы, механизм согласования действий и распределение похищенного.

Это требует особой тактики допросов и проверок показаний, ориентированной на выявление «точек управления» поведением группы. Практически оправдано раздельное выяснение: кто предложил идею, кто определил объект, кто обеспечивал наблюдение, кто осуществлял изъятие, кто занимался сокрытием и реализацией. Именно это ролевое членение позволяет корректно устанавливать индивидуальный вклад и избегать упрощённой модели «все действовали одинаково», которая часто становится причиной уязвимости обвинительной конструкции при последующей проверке.

В связи с указанным, представляется методически важным описывать типичную траекторию развития следственной ситуации как последовательность «переходов», где каждый переход связан с достижением конкретного доказательственного результата.

Первый переход состоит в закреплении объективной картины события.

Второй переход связан с формированием устойчивой версии о круге причастных, основанной на независимых источниках.

Третий переход предполагает устранение противоречий между показаниями и материальными следами.

Четвёртый переход заключается в окончательной индивидуализации роли и мотивации каждого участника.

В делах о несовершеннолетних наличие таких переходов особенно заметно, поскольку позиция участников может меняться под влиянием родителей, педагогов, сверстников и защитников. Если следователь выстраивает работу по логике переходов, он получает возможность прогнозировать, где возникнут «узлы» конфликтов в доказательствах, и заранее планировать меры по их нейтрализации. Тем самым ситуационный подход становится не описанием состояния расследования, а технологией управления его развитием.

Проведённый анализ показал, что эффективное расследование краж, совершённых несовершеннолетними, требует от следователя не только глубокого знания криминалистической характеристики данных преступлений, но и способности оперативно адаптироваться к конкретной следственной ситуации. Умение правильно классифицировать ситуацию, определить уровень информационной насыщенности и выбрать адекватные тактические приёмы способствует повышению результативности расследования. Существенное значение имеет также взаимодействие следователя с оперативными подразделениями и ПДН, что обеспечивает информационную полноту, способствует правильному выбору следственных действий и учёту возрастной специфики фигурантов. Установлено, что только при тесной координации всех участников расследования возможно достижение целей уголовного судопроизводства, в том числе выявление всех обстоятельств совершённого преступления и обеспечение прав несовершеннолетних участников процесса.

Библиографический список

1. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Харьков, 1967. 27 с.

2. Драпкин Л.Я. Криминалистика: учебник для юридических вузов. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2001. – 686 с.

3. Криминалистика: учеб. / под ред. И.Ф. Герасимова, Л.Я. Драпкина. – М.: Высшая школа, 2000. – 672 с.

4. Каневский Л.Л. Криминалистическая диагностика. – Харьков: Право, 1999. – 328 с.

5. Файзуллина А.А. Типичные следственные ситуации и планирование расследования по делам об убийствах, сопряженных с поджогом // Правовое государство: теория и практика. – 2018. – № 2 (52). – С. 159-164.

6. Зорин Р.Г., Клименко А.Г. Принципы и формы взаимодействия следователя со средствами массовой информации при расследовании уголовных дел // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 4 (11). – С. 51-56.

7. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

8. Приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru.

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS ARISING DURING THE INVESTIGATION OF THEFTS COMMITTED BY MINORS

A.A. Fayzullina, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
R.R. Abrarova, *Graduate Student*
Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

Abstract. *In this article, the authors analyzes the nature and significance of investigative situations that arise during the investigation of thefts committed by minors. Particular attention is paid to the classification of typical investigative situations at various stages of the preliminary investigation and the actions of the investigator in each of them. The legal and organizational foundations of interdepartmental interaction, including procedural and non-procedural forms, are considered, taking into account the norms of the Federal Law "On Police", the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and departmental regulations.*

Keywords: *investigative situation; minors; theft; investigator's tactics; interaction; operational-search measures; the Criminal Procedure Code of the Russian Federation; juvenile affairs; investigative-operational group; criminalistics.*

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА И НЕЗАКОННОГО ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

А.А. Файзуллина, *канд. юрид. наук, доцент*
А.С. Фархутдинова, *магистрант*
Уфимский университет науки и технологий
(Россия, г. Уфа)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-271-275

Аннотация. *В статье рассматриваются особенности расследования преступлений, предусмотренных статьями 126 и 127 Уголовного кодекса Российской Федерации. Анализируются криминалистическая характеристика похищения человека и незаконного лишения свободы, типичные следственные ситуации, особенности первоначального этапа расследования, тактика производства отдельных следственных действий, а также проблемы доказывания и разграничения составов указанных преступлений. Ключевым выводом исследования является необходимость комплексного использования оперативно-розыскных и следственных мероприятий, а также межведомственного взаимодействия.*

Ключевые слова: *похищение человека; незаконное лишение свободы; расследование преступлений; криминалистическая характеристика; следственные действия.*

Право на свободу и личную неприкосновенность закреплено в статье 22 Конституции Российской Федерации и относится к числу базовых прав человека. Преступления, посягающие на данное право, характеризуются повышенной общественной опасностью и сложностью раскрытия. Похищение человека и незаконное лишение свободы нередко совершаются в условиях неочевидности, сопровождаются сокрытием следов преступления и активным противодействием расследованию. Актуальность темы обусловлена устойчивым интересом правоприменительных органов к данным составам преступлений, а также необходимостью учёта современных криминалистических рекомендаций и судебной практики при их расследовании.

Похищение человека представляет собой умышленное противоправное изъятие лица из привычной социальной среды, его перемещение и последующее удержание против воли потерпевшего. Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что момент окончания преступления наступает с фактического изъятия и начала перемещения потерпевшего, независимо от продолжительности удержания.

Согласно статистическим данным, за 2025 год (январь-ноябрь) зафиксировано 885 случаев исчезновения несовершеннолетних. Лидирует Приморский край (203 случая), на втором месте – Свердловская область (70 случаев) [1].

Незаконное лишение свободы выражается в противоправном удержании лица без его согласия при отсутствии признаков похищения. Верховный Суд РФ разъяснил, что при отсутствии перемещения потерпевшего содеянное не может квалифицироваться по статье 126 УК РФ [2].

Криминалистически данное преступление чаще носит ситуационный характер, совершается в замкнутом пространстве и нередко связано с бытовыми конфликтами. Для расследования характерна ограниченность следовой информации и зависимость доказательственной базы от показаний потерпевшего.

Эффективность предупреждения и раскрытия фактов незаконного лишения свободы граждан напрямую зависит от двух ключевых факторов, подчёркиваемых в криминологической науке: это наличие совершенной законодательной базы и её корректное правоприменение [3, с. 162].

Криминалистическая характеристика служит системообразующим элементом частной методики расследования. Криминалистическая характеристика похищения человека включает следующие взаимосвязанные элементы, анализ которых позволяет выстроить эффективную стратегию расследования: способ преступления (насильственный или тай-

ный захват), обстановку совершения преступления, личность преступника и потерпевшего, типичные следы (транспортные следы, биологические объекты, цифровые данные).

Как показал анализ судебно-следственной практики, значительная часть похищений совершается группой лиц по предварительному сговору с использованием автотранспорта и средств мобильной связи. В процессе подготовки к преступлению злоумышленники, как правило, проводят предварительную оценку потенциальной жертвы, анализируя её возраст, пол, психологические черты, физические данные, а также степень открытости и склонность к излишнему доверию в общении. Основные способы захвата: психическое насилие (угрозы), физическое насилие и обман. Для перемещения и удержания в 80% случаев используется автотранспорт, а в качестве мест удержания часто арендуются жилые помещения.

Чаще всего в качестве мер по сокрытию следов похищения преступники используют уничтожение или сокрытие орудий и средств совершения преступного деяния. В целях сокрытия следов преступления преступники закрывают рот, глаза либо надевают на голову предметы, ограничивающие восприятие и запоминание маршрута передвижения, внешности похитителей, времени передвижения. Одной из мер, направленной на сокрытие следов является использование преступником маски [4, с. 248].

Типичными потерпевшими по рассматриваемым делам являются:

1) предприниматели и сотрудники коммерческих структур с высоким доходом, а также их близкие родственники (цель – получение выкупа);

2) лица, имеющие имущественные долги или конфликты (цель – принудительное взыскание);

3) лица, ведущие преступную деятельность (цель – шантаж и завладение неучтёнными доходами);

4) пожилые люди без близких родственников (цель – завладение имуществом);

5) несовершеннолетние и женщины (цель – не корыстная, а месть, ревность, сексуальное насилие).

Большинство преступников (98,6%) – мужчины, ранее судимые, со средним образованием. Около 70% похищений совершаются группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, что требует особых тактических подходов к допросу и установлению ролей каждого участника.

Главная задача в ходе расследования уголовных дел, включая дела о похищении людей и захвате заложников, заключается в грамотном внедрении современных, научно обоснованных методик и тактических приёмов, что в конечном итоге повышает результативность и уровень работы органов следствия [5, с. 139-162].

Поводами для возбуждения уголовного дела служат сообщения о безвестном исчезновении граждан, заявления родственников, материалы оперативно-розыскной деятельности, а также сообщения медицинских и социальных учреждений. Следственный комитет РФ в методических рекомендациях указывает на необходимость незамедлительного реагирования на заявления о возможном похищении, независимо от истечения 24 часов с момента исчезновения лица.

В случаях очевидности преступления или угрозы жизни потерпевшего предварительная проверка недопустима – дело должно возбуждаться незамедлительно. Если потерпевший освобождён, проверка проводится оперативно, с акцентом на опросы, наведение справок и, при наличии оснований, прослушивание телефонных переговоров. Важно правильно определить подследственность: похищение человека (ст. 126 УК РФ) и квалифицированные составы незаконного лишения свободы расследуются следователями Следственного комитета РФ. Типичной ошибкой является необоснованное возбуждение дела о вымогательстве (ст. 163 УК РФ) вместо похищения человека.

Особенностью проверки сообщения о похищении человека является широкий перечень проверочных действий, которые могут быть осуществлены ещё до возбуждения уголовного дела: получение объяснений, истребование документов, осмотр места происшествия, назначение судебной экспертизы и, что наиболее важно, дача органу дознания обязательного для исполнения поручения о проведении ОРМ. Последнее является ключевым инструментом для установления местонахождения потерпевшего и задержания преступни-

ков по «горячим следам». Сведения, полученные в ходе проверки, впоследствии могут быть использованы в качестве доказательств.

После возбуждения уголовного дела одним из ключевых действий является осмотр места происшествия: места захвата, удержания и задержания преступников с целью обнаружения и фиксации материальных следов (следов рук, обуви, транспортных средств, биологических следов, орудий преступления). Осмотр места задержания преступников часто проводится неполно или игнорируется, что ведёт к утрате доказательств. В ходе производства обысков по месту жительства подозреваемых возможно обнаружение и изъятие средств связи, сим-карт, записей и предметов, подтверждающих преступную деятельность.

Допрос потерпевшего проводится в тактически сложных условиях, так как потерпевший может находиться под психологическим давлением преступников, опасаться мести и давать неполные показания. Задача следователя – обеспечить безопасность и получить максимально детальную информацию о преступниках, обстоятельствах захвата, удержания и способе освобождения. Практика показывает, что повторные допросы с использованием эффективных тактических приёмов позволяют уточнить детали, ранее не зафиксированные в протоколе.

Допрос свидетелей: выделяются четыре основные категории - свидетели захвата, свидетели подготовки преступления, родственники/знакомые потерпевшего, свидетели освобождения. Тактика допроса для каждой группы различна.

Освидетельствование потерпевшего проводится для документального подтверждения применения физического насилия (следы связывания, побои, микрочастицы с места удержания). Рекомендуется проводить его неотложно во избежание последующего отказа потерпевшего от показаний.

На первоначальном этапе расследования наиболее часто назначаются судебно-медицинская, дактилоскопическая и фоноскопическая экспертизы.

Большинство дел о похищении человека содержит отягчающие признаки, предусмотренные ч. 2 ст. 126 УК РФ. Следователю необходимо доказывать не только факт похищения, но и наличие квалифицирующих обстоятельств: совершение преступления группой лиц по предварительному сговору, с применением насилия или оружия, в отношении несовершеннолетнего или беременной женщины, из корыстных побуждений (например, с целью получения выкупа). В 2024 году законодатель ввёл новый отягчающий признак – совершение преступления с публичной демонстрацией, в том числе в интернете, что актуально для случаев шантажа и терроризирования общества. Доказательством корыстного мотива служат не только требования выкупа, но и любые имущественные требования, выдвигаемые в качестве условия освобождения.

После освобождения потерпевшего и задержания подозреваемых акцент смещается на формирование неопровержимой доказательственной базы. Тактика допроса подозреваемого (обвиняемого) зависит от того, действовало ли лицо в одиночку или в составе группы. При групповом похищении эффективны тактические приёмы, использующие противоречия в интересах соучастников, изоляцию друг от друга, предъявление доказательств роли каждого. При допросе выясняются детали подготовки, распределения ролей, цели преступления и обстоятельства освобождения жертвы.

Обыск и выемка проводятся по местам жительства и работы преступников, в помещениях для удержания, целью которых является обнаружение оружия, средств связи, записок с требованиями выкупа, документов, свидетельствующих о подготовке (финансовые документы на потерпевшего), а также вещей потерпевшего.

Опознание может проводиться как в натуре, так и по фотографиям и видеозаписям. Следственный эксперимент применяется для проверки возможности восприятия свидетелями тех или иных обстоятельств, совершения определённых действий в данных условиях или установления механизма образования следов.

Таким образом, стратегия расследования организованных преступных формирований зиждется на комплексе обязательных принципов:

- безусловное обеспечение конфиденциальности хода следствия;

- ограничение круга лиц, имеющих доступ к информации об участниках уголовного процесса;

- строгая изоляция задержанных участников преступных сообществ друг от друга на период содержания под стражей;

- полное исключение любого внешнего давления на свидетелей и потерпевших по соответствующим делам;

- детальное планирование и тщательная тактическая проработка каждого следственного действия;

- исчерпывающее и многоплановое изучение процессов создания преступных объединений, их внутреннего устройства, а также связей внутри группы и с другими криминальными структурами [6, с. 30].

Анализ проведённого исследования позволяет выделить ряд проблем, возникающих в ходе раскрытия и расследования похищения человека, и сформулировать предложения по повышению эффективности их расследования:

1. Сложность освобождения потерпевшего. Предлагается активнее использовать методики и тактические наработки по освобождению заложников, включая криминалистическое прогнозирование и экспериментальное моделирование операции на схожих объектах.

2. Ненадлежащее процессуальное оформление. Для предотвращения прекращения дел из-за отказа потерпевшего от показаний необходимо:

а) обязательное и немедленное освидетельствование освобождённого потерпевшего;

б) тщательный осмотр всех мест происшествия (захвата, удержания, задержания).

3. В ходе оперативно-розыскной деятельности в отношении криминального сообщества, специализирующегося на незаконном лишении свободы или захвате заложников, требуется тщательно проанализировать его внутреннюю структуру. Это включает изучение ролевого распределения между участниками, их функций, структуры управления группой. Также подлежат анализу спектр противоправной деятельности, связи с иными преступными формированиями, процедура принятия и исполнения решений о совершении правонарушений, уровень интеграции с легальным бизнесом и потенциальные коррупционные контакты.

4. Противодействие организованному преступному формированию требует комплексного задействования всех предусмотренных законодательством оперативно-розыскных мер. Для повышения эффективности этой работы целесообразно научно и нормативно закрепить типовые сценарии применения конкретных мероприятий, внедрить автоматизированные информационно-поисковые системы, а также чётко регламентировать порядок взаимодействия с гражданами на конфиденциальной основе (как возмездной, так и безвозмездной). Реализация этих мер способствует успешному пресечению преступной деятельности.

Расследование похищения человека и незаконного лишения свободы представляет собой сложный, многоаспектный и многофакторный процесс, требующий от следователя высокого уровня профессиональной подготовки, глубоких знаний криминалистической характеристики этих преступлений, чёткого понимания их юридических составов и владения специальными тактическими приёмами ведения следствия.

Успех расследования зависит от оперативности и слаженности действий на первоначальном этапе, направленных на спасение жизни и здоровья потерпевшего, а также от методичной и грамотной работы по сбору, проверке и закреплению доказательств на последующих этапах. Это требует умения эффективно взаимодействовать с различными службами.

Совершенствование методики расследования, учёт современной следственной и судебной практики, а также устранение выявленных проблем, в частности, связанных с квалификацией, процессуальным оформлением и применением норм об освобождении от ответственности, будут способствовать повышению эффективности раскрытия данных преступлений и борьбы с этими опасными посягательствами на личную свободу человека.

Библиографический список

1. В России с начала 2025 года пропали почти 900 детей // ИА REGNUM. 2025. 3 декабря. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regnum.ru/news/4004912.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 29 декабря 2025 г. № 535-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru/.
3. Криминалистика: учебник для вузов / Под ред. Р.С. Белкина. – М.: НОРМА, 2001. – 990 с. – ISBN 5-89123-302-9.
4. Файзуллина А.А. К вопросу о структуре криминалистической характеристики похищения человека // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 10-5 (97). – С. 247-249.
5. Пособие для следователя. Расследование преступлений повышенной общественной опасности / Бабаева Э.У., Гайдук А.П., Дворкин А.И., Касьяненко В.П., и др.; Науч. ред.: Дворкин А.И., Селиванов Н.А.; Отв. за вып.: Завидов Б.Д., Перевертов В.А., Румянцев В.Н. – М.: Лига Разум, 1998. – 444 с.
6. Алиев Х., Гаджиэменов Б. Борьба с похищениями людей // Законность. – М., 2000, № 6. – С. 30-31.

FEATURES OF INVESTIGATING KIDNAPPING AND UNLAWFUL DEPRIVATION OF LIBERTY

A.A. Fayzullina, *Candidate of Legal Sciences, Associate Professor*
A.S. Farkhutdinova, *Graduate Student*
Ufa University of Science and Technology
(Russia, Ufa)

Abstract. *This article examines the specificities of investigating crimes under Articles 126 and 127 of the Criminal Code of the Russian Federation. It analyzes the forensic characteristics of kidnapping and unlawful deprivation of liberty, typical investigative situations, distinctive features of the initial stage of investigation, tactics for conducting specific investigative actions, as well as issues related to evidence collection and differentiation between the elements of these crimes. The key conclusion of the study is the necessity of a comprehensive use of operational-search measures and investigative actions, along with inter-agency cooperation.*

Keywords: *kidnapping; unlawful deprivation of liberty; crime investigation; forensic characteristics; investigative actions.*

КОСМИЧЕСКОЕ ПРАВО КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ОТРАСЛЬ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРАВА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

К.А. Ветров, *бакалавр*
Финансовый университет при Правительстве Российской Фендерации
(Россия, г. Москва)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-276-281

Аннотация. *Данная научная работа посвящена теоретико-правовому обоснованию самостоятельности космического права в системе современного права. В исследовании анализируются критерии отраслевой дифференциации, на основе которых рассматриваются предмет, метод, специальные принципы и источники космического права. Особое внимание уделяется дискуссии о комплексных отраслях и эволюции космического законодательства. Автор приходит к выводу, что космическое право обладает всеми необходимыми системообразующими признаками, что позволяет квалифицировать его как самостоятельную отрасль права, находящуюся в стадии активного развития в условиях коммерциализации космической деятельности.*

Ключевые слова: *космическое право; космос; отрасль права; международное право; система права; структура права; право.*

Динамика развития современной цивилизации, особенно в XXI веке, характеризуется устойчивым прогрессом в освоении космического пространства. В последние десятилетия наблюдается интенсификация космической деятельности, обусловленная технологическим прорывом, увеличением количества исследовательских миссий и углублением международного сотрудничества. В этих условиях космическое право приобретает значение ключевого регулятора межгосударственных и частноправовых отношений в данной сфере. Актуальность проблематики правового регулирования космоса продиктована не только коммерциализацией отрасли, во что входит развитие спутниковой связи и космического туризма, но и возникновением сложных вопросов: право собственности на внеземные ресурсы, ответственность негосударственных акторов, а также предотвращение загрязнения околоземного пространства. Особую остроту добавляют глобальные вызовы, включая милитаризацию и риски техногенных катастроф на орбите.

Следует признать, что с каждым годом космическое пространство будет становиться всё ближе к людям. Сначала, только зарождаясь, человечество толком не обращало внимание на небо, затем стало присматриваться и создавать ориентиры – первые робкие шаги к познанию неба были сделаны еще 3-4 тысячи лет назад. Древние астрономы Китая, Египта, Вавилонии и Греции начали систематически наблюдать за движением звезд и планет. Эти наблюдения были жизненно необходимы: они помогали предсказывать разливы рек, вести календарь земледельческих работ и ориентироваться в море [1]. Прогресс шёл и уже в 1609 году Галилео Галилей впервые наблюдал за небесными телами через телескоп, что запустило уже полноценное научное исследование космического пространства [2]. Уже XX век позволил человечеству как попасть в открытый космос и отправлять роботизированную технику к другим объектам изучения, так и сделать первые шаги по лунной поверхности.

Обратившись к истории становится ясно, что прогресс в освоении космического пространства не стоит на месте и развивается с большей скоростью в силу новых технологий. 9 февраля 2026 года, например, Илон Маск объявил о следующей инициативе – создать первый саморазвивающийся город на Луне уже в течение 10 лет [3]. Появление планов на освоение небесных тел говорит о следующем – в будущем внеземное пространство станет такой же средой обитания для человечества, как и Земля сейчас. Не только для успешной реализации и продвижения данных планов по созданию из космоса новой среды обитания, но и самого факта эффективной жизни людей

во внеземном пространстве необходимо появление определённых законов, которые будут регулировать данные процессы. Современное человечество обладает высокой организацией и сознательностью, способствует этому и тот факт, что наша деятельность носит не хаотичный характер, а регламентированный правовыми нормами.

В поисках идентичности космического права как отдельной отрасли возникает основная дискуссия – одни специалистов причисляют данную отрасль к международному праву, а другие уже определяют её как отдельную. Для дальнейших рассуждений необходимо будет изучить обе позиции.

К первым относится ряд авторов Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева написали работу под названием «Особенности развития отрасли международного космического права». Авторы, Р.Г. Алешин и О.В. Пацук, рассматривают космическое право не как самостоятельную отрасль права в широком смысле, а как молодую и динамично развивающуюся отрасль именно международного права, о чем он прямо заявляет в тексте, характеризуя космическое право как молодую отрасль международного права. Упоминая национальное законодательство различных стран, ключевым регулятором они считает международные договоры, прежде всего «Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства 1967 года», а основным предметом регулирования – отношения между государствами по поводу освоения космоса, что характерно именно для международного публичного права [4].

Ещё к первой позиции можно отнести статью «Космическое право: поиск и утверждение юридической идентичности», написанную рядом учёных из Самарского национального исследовательного университета имени академика С.П. Королева, можно сделать вывод, что авторы рассматривает космическое право как самостоятельную отрасль международного публичного права, а не как отдельную автономную отрасль в национальной правовой системе. Авторы квалифицирует её как самую молодую отрасль международного публичного права, подчеркивая двухуровневую структуру, в которой международное космическое право задает фундаментальные принципы и режим космического пространства. При этом автор отмечает преимущественно публично-правовой характер космического права, что характерно именно для международных отношений, несмотря на постепенное проникновение частноправовых элементов [5]. Таким образом, по мнению авторов, космическое право, обладая собственной юридической идентичностью, предметом и принципами, является неотъемлемой частью системы международного публичного права.

Выше было рассмотрено два мнения , относящихся к первой позиции, но автор данной работы причисляет себя ко второй позиции, считающей космического право автономной и отдельной от международного права отраслью. Противники данного мнения верно подмечают, что основополагающие принципы и договоры носят международной характер и причислены к международному праву, но это является одной из уникальных особенностей самой отрасли космического права. Объясняется это следующими причинами:

1. Любая активность людей в космосе, особенно на моменте его первоначального изучения и освоения, носит общечеловеческий интерес. Поэтому основные принципы деятельности, разрешения и ограничения должны координироваться и согласовываться на международном уровне и закрепляться соответствующими договорами.

2. На данный момент космическое пространство является малоосвоенным местом, где основными субъектами деятельности выступают государства, национальные и частные космические агентства и исследовательские группы. Учитывая наднациональный характер деятельности, существующий на данный момент, и статус самих субъектов, нормы космического права являются одновременно и нормами международного права.

3. С постепенным прогрессом в освоении космического пространства людьми, когда начнут появляться планируемые поселения и будет увеличиваться частная инициатива по данному направлению, то правила поведения в данной деятельности, которые будут выражаться в новых правовых актах даже локального уже характера, станут основываться именно на общепринятых нормах.

Выше были описаны объяснения того факта, почему нормы космического права одновременно являются и нормами международного права, создавая уникальный прецедент. Теперь стоит изучить основные доказательства независимости космического права как отдельной отрасли:

1. Специфический предмет правового регулирования. Космическое право регулирует общественные отношения, возникающие по поводу исследования и использования космического пространства, включая небесные тела. Этот предмет качественно отличается от предмета международного права, которое охватывает межгосударственные отношения в целом. Космическая деятельность уникальна: она протекает в среде с экстремальными условиями, требует колоссальных технологических ресурсов и порождает такие отношения, которые не имеют аналогов на Земле (например, режим космического мусора, правовой статус астронавтов как посланцев человечества, использование геостационарной орбиты). Отношения, по причине своей специфичности и размеров регулируемых элементов, требуют обособленного регулирования. Особенно учитывая тот факт, что со временем данный предмет правового регулирования будет затрагивать и всё расширяющую возможность частной инициативы.

2. Формирование собственного понятийного аппарата является одним из ключевых признаков отраслевой самостоятельности космического права, поскольку оно оперирует уникальными категориями, не имеющими аналогов в иных правовых отраслях либо наполняющимися в контексте космической деятельности особым содержанием. В число дефиниций входит «космическое пространство», «космический объект», «космический мусор», «космонавт», «небесное тело» и тд.

3. Общественная значимость космического права и динамика его развития обусловлены тем, что космос перестает быть исключительно сферой научных исследований и постепенно превращается в новую среду обитания человечества, что было справедливо отмечено во введении [6]. Амбициозные планы по созданию обитаемых баз на Луне, промышленному освоению астероидов с целью добычи полезных ископаемых, развитию космического туризма и формированию инфраструктуры на околоземных орбитах требуют оперативного и детального правового регулирования отношений, которые ранее существовали лишь в теоретической плоскости. Классическое международное право, ориентированное преимущественно на межгосударственное взаимодействие и обладающее инерционностью в принятии новых норм, уже не способно в полной мере отвечать на вызовы стремительно развивающейся космической деятельности, особенно в части регулирования частной инициативы, имущественных отношений и вопросов безопасности в долгосрочных космических миссиях. В этих условиях именно самостоятельная отрасль космического права, обладающая собственной системой принципов и механизмов, способна гибко и своевременно реагировать на вызовы научно-технического прогресса, адаптируясь к появлению новых видов деятельности и субъектов космических отношений без необходимости каждый раз перестраивать фундаментальные основы международного правопорядка.

4. Наличие собственной системы принципов выступает фундаментальным признаком отраслевой самостоятельности космического права [7]. Оно базируется на специальных принципах, закрепленных в Договоре по космосу 1967 года и последующих соглашениях: свобода исследования и использования космоса, неприсвоение космического пространства и небесных тел, частичная демилитаризация, международная ответственность за ущерб, охрана окружающей среды космоса, сотрудничество и взаимопомощь. Эти принципы не являются простым продолжением общих принципов международного права – они адаптированы именно к специфике космической деятельности. Например, принцип неприсвоения создает уникальный правовой режим территории, не находящейся под суверенитетом; принцип частичной демилитаризации устанавливает дифференцированный режим для космоса и небесных тел; принцип ответственности предполагает абсолютную ответственность за ущерб на Земле. Такое сочетание принципов, их взаимосвязь и направленность на регулирование именно космической деятельности не встречаются в других правовых отраслях, что служит весомым доказательством формирования космическим правом собственной нормативной основы.

5. Наличие обособленного массива источников. Наличие обособленного массива источников является ключевым признаком отраслевой самостоятельности космического права. Его фундамент заложен международными договорами, прежде всего пятью космическими соглашениями ООН, включая Договор о космосе 1967 года [8]. Однако сегодня активно развивается национальное космическое законодательство: США законодательно закрепили права на добытые космические ресурсы, Люксембург создал благоприятный режим для компаний-добытчиков, ОАЭ формируют комплексную нормативную базу, а Россия располагает развитой системой актов во главе с Законом «О космической деятельности». Таким образом, возникает двухуровневая система источников: международный уровень задает общие принципы, а национальный наполняет их конкретным содержанием, регулируя лицензирование, безопасность и имущественные отношения. Оба уровня функционируют как единый комплекс, нацеленный на регулирование космической сферы, что свидетельствует о формировании целостной нормативной системы, характерной именно для самостоятельной отрасли права.

Данные пункты доказывают самостоятельность космического права как отдельной отрасли, но необходимо остановиться и подробнее расписать источники, выделив в данной работе основные:

1. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1966 года (Договор по космосу) [9]. Это основополагающий акт, который часто называют «конституцией космического права». Он закрепляет ключевые принципы: свобода исследования и использования космоса, неприсвоение космического пространства и небесных тел, частичная демилитаризация, международная ответственность государств за национальную космическую деятельность (включая деятельность частных компаний), обязанность избегать вредного загрязнения космоса. Договор создал правовую основу, на которой базируются все последующие соглашения.

2. Соглашение о спасении космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство 1967 года [10]. Данный акт детализирует принцип взаимопомощи, закрепленный в Договоре по космосу. Он обязывает государства принимать все возможные меры для спасения экипажа космического корабля, терпящего бедствие, и возвращать космонавтов государству регистрации, а также возвращать запущенные космические объекты или их части по запросу запускающего государства.

3. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1971 года [11]. Этот документ устанавливает механизм реализации ответственности. Конвенция вводит важное разграничение: запускающее государство несет абсолютную ответственность за ущерб, причиненный его космическим объектом на поверхности Земли или воздушному судну в полете. За ущерб, причиненный космическому объекту одного государства космическим объектом другого государства в космосе, ответственность наступает при наличии вины.

4. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство 1974 года [12]. Конвенция устанавливает обязательную систему регистрации космических объектов. Каждый запущенный объект должен быть зарегистрирован в национальном регистре, а информация о нем — передана Генеральному секретарю ООН для внесения в центральный публичный реестр. Регистрация имеет ключевое значение для определения юрисдикции и контроля над объектом, а также для установления ответственности.

5. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 года (Соглашение о Луне) [13]. Этот договор развивает принципы Договора по космосу применительно к Луне и другим небесным телам. Он провозглашает Луну и ее природные ресурсы «общим наследием человечества» и устанавливает намерение создать международный режим для регулирования их эксплуатации, когда такая эксплуатация станет возможной. Важно отметить, что Соглашение о Луне не получило широкого признания (ведущие космические державы, включая США и Россию, его не ратифицировали), что создает определенную правовую неопределенность.

6. Важную роль в развитии космического права играют резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Хотя они, как правило, не имеют обязательной юридической силы, но обладают высоким авторитетом, формулируют согласованные позиции государств и нередко предшествуют заключению международных договоров или восполняют пробелы в регулировании. К числу наиболее значимых относятся: «Принципы использования государствами искусственных спутников Земли для международного непосредственного телевизионного вещания от 1982 года» [14], «Декларация о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учётом потребностей развивающихся стран от 1996 года» [15] и так далее.

Заключение

Проведенный теоретико-правовой анализ позволяет заключить, что космическое право, вопреки позиции ряда исследователей, рассматривающих его исключительно как часть международного публичного права, обладает всеми необходимыми системообразующими признаками для признания его самостоятельной отраслью права, что подтверждается наличием специфического предмета регулирования – общественных отношений, складывающихся в связи с исследованием и использованием уникальной внеземной среды, включая небесные тела; формированием собственного понятийного аппарата, оперирующего уникальными категориями; существованием обособленной системы специальных принципов, закрепленных в Договоре по космосу 1967 года; а также сложившимся двухуровневым массивом источников, включающим как фундаментальные международные договоры, так и активно развивающееся национальное законодательство космических держав. Уникальность космического права заключается в том, что его нормы, будучи изначально производными от международного права в силу общечеловеческого характера космической деятельности, с развитием частной инициативы, коммерциализации отрасли и появлением планов по созданию постоянных поселений формируют автономную нормативную систему, способную гибко регулировать отношения, не имеющие аналогов в земных правовых отраслях, что в совокупности позволяет квалифицировать космическое право как самостоятельную отрасль современной системы права, находящуюся в стадии активного становления и трансформации под влиянием технологического прогресса и новых глобальных вызовов.

Библиографический список

1. Душкова Н.А. Из истории освоения космоса / Н.А. Душкова // Вестник Воронежского государственного технического университета. – 2011. – Т. 7, № 6. – С. 164-167. – EDN NULRSP.

2. История телескопа: от Галилея до наших дней // Ростех: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rostec.ru/media/news/istoriya-teleskopa-ot-galileya-do-nashikh-dney/#start.

3. Маск запланировал за 10 лет создать город на Луне вместо Марса // РБК: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69893f269a7947faa08014af.

4. Алешин Р.Г. Особенности развития отрасли международного космического права / Р.Г. Алешин, О.В. Пацук // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики: в 3 т., Красноярск, 11-15 апреля 2022 года. Том 3. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева", 2022. – С. 686-688. – EDN YCEFDG.

5. Безверхов А.Г. Космическое право: поиск и утверждение юридической идентичности / А.Г. Безверхов, Ю.С. Норвартян, А.В. Юдин // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 1. – С. 11-19. – DOI 10.18287/2542-047X-2024-10-1-11-19. – EDN QENWGK.

6. Железняков А. Освоение космического пространства как глобальная задача человечества / А. Железняков // Инновации. – 2011. – № 5(151). – С. 12-15. – EDN PDUAWT.

7. Слепчук И.В. Некоторые аспекты становления принципов международного космического права / И.В. Слепчук // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2017. – Т. 3, № 13. – С. 1045-1048. – EDN YQWDAR.

8. Болгова Е.А. Источники международного космического права / Е.А. Болгова // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2016. – Т. 2, № 12. – С. 582-583. – EDN XRYEAB.

9. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела // Организация Объединённых Наций: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml.

10. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство // Организация Объединённых Наций: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/astronauts_rescue.shtml.

11. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами // Организация Объединённых Наций: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/damage.shtml.

12. Конвенция о регистрации объектов, запускаемых в космическое пространство // Организация Объединённых Наций: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/objects_registration.shtml.

13. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах // Организация Объединённых Наций: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/moon_agreement.shtml.

14. Принципы использования государствами искусственных спутников Земли для международного непосредственного телевизионного вещания // Организация Объединённых Наций: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/artificial_earth_satellites.shtml.

15. Декларация о международном сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства на благо и в интересах всех государств, с особым учетом потребностей развивающихся стран // Организация Объединённых Наций: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/space.shtml.

SPACE LAW AS AN INDEPENDENT BRANCH OF THE MODERN LEGAL SYSTEM: THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

K.A. Vetrov, *Bachelor's Degree*
Financial University under the Government of the Russian Federation
(Russia, Moscow)

Abstract. *This research paper is devoted to the theoretical and legal justification of the independence of space law in the system of modern law. The study analyzes the criteria of sectoral differentiation, on the basis of which the subject, method, special principles, and sources of space law are considered. Special attention is paid to the discussion on complex branches and the evolution of space legislation. The author concludes that space law has all the necessary system-forming features, which allows it to be classified as an independent branch of law that is actively developing in the context of the commercialization of space activities.*

Keywords: *space law; space; branch of law; international law; system of law; structure of law; law.*

ГАРМОНИЗАЦИЯ УЧЕТА ФИНАНСОВЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ ПО ВИДАМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С МСФО: ПРАКТИКА И ВЫЗОВЫ

Ф.Ф. у. Абдурашидов, *магистрант*
Д.Х. Бухарова, *канд. экон. наук, доцент*
Уральский государственный экономический университет
(Россия, г. Екатеринбург)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-282-286

Аннотация. *В статье рассматривается процесс гармонизации учета финансовых результатов с МСФО в Республике Узбекистан, с особым фокусом на учет по видам деятельности организаций. Актуальность обусловлена курсом страны на интеграцию в мировую экономику и повышение прозрачности отчетности. Основы реформы заложены в Постановлении Президента РУз № ПП-4611 (2020 г.). Отмечены различия в классификации доходов/расходов между НСБУ и МСФО; отсутствие единых методик распределения затрат; технические ограничения учетных систем; дефицит квалифицированных кадров. Для решения предложены разработка учетной политики для сегментации, внедрение ERP-систем с модулями МСФО, обучение персонала, поэтапный переход к сегментарной отчетности, усиление внутреннего контроля. Указано, что успех перехода зависит от согласованности норм, инвестиций в технологии и кадры, системного подхода к трансформации данных. Реализация мер позволит узбекским компаниям улучшить управленческие решения, повысить доверие инвесторов и интегрироваться в международные рынки.*

Ключевые слова: *финансовые результаты; аудит; бухгалтерский учет; финансовая отчетность; анализ; инвестиции; МСФО.*

В условиях современной рыночной экономики особое значение приобретает правильный учет, анализ и аудит финансовых результатов деятельности организаций. Финансовые результаты являются одним из ключевых показателей, отражающих эффективность хозяйственной деятельности предприятия. В Республике Узбекистан в настоящее время осуществляется поэтапный переход к Международным стандартам финансовой отчетности (далее – МСФО), что требует совершенствования системы учета и формирования финансовой отчетности компаний.

Постановление Президента Республики Узбекистан от 24 февраля 2020 года № ПП-4611 «О дополнительных мерах по переходу на международные стандарты финансовой отчетности» (далее – ПП-4611) стало важным шагом в направлении совершенствования финансовой отчетности и ее гармонизации с международными требованиями [1]. Цель постановления – ускорить переход на МСФО для повышения прозрачности финансовой отчетности, привлечения иностранных инвесторов и расширения доступа к международным финансовым рынкам. С точки зрения инвестора важны абсолютные и относительные показатели результативности, в том числе в разрезе видов деятельности как в рамках одной организации, так и в отраслевом представлении.

Актуальность материала данной статьи обусловлена тем, что учет финансовых результатов имеют свои особенности в зависимости от видов деятельности организаций, к этому добавляется необходимость построения учетных и отчетных процедур в соответствии с международными стандартами. Каждый вид деятельности характеризуется специфическими условиями формирования доходов и расходов, что, в свою очередь, влияет на методы учета, анализа и аудита финансовых результатов.

В Республике Узбекистан наблюдается устойчивый рост числа действующих предприятий и организаций. К началу 2026 года общее количество предприятий составляет 474,9 тыс. единиц, которые ведут деятельность в значимых отраслях реального сектора экономики [2].

Данные таблицы отражают распределение предприятий по видам экономической дея-

тельности. Наибольшая доля приходится на сферу торговли, которая составляет 32-33%. Доля промышленных предприятий постепенно увеличивается, достигнув 16,1% в 2025 году по сравнению с 15,2% в 2021 году.

В то же время доля предприятий сельскохозяйственной отрасли демонстрирует тенденцию к снижению (с 18,5% в 2021 году до 17,3% в 2025 году), что свидетельствует о диверсификации экономики и развитии других отраслей. Строительная отрасль, а также сфера транспорта и связи характеризуются устойчивыми темпами роста.

Таблица. Распределение предприятий по видам экономической деятельности (2021-2025 гг., %)

Виды деятельности	2021	2022	2023	2024	2025
Торговля	32,3	32,5	32,6	32,6	32,8
Промышленность	15,2	15,4	15,6	15,8	16,1
Сельское хозяйство	18,5	18,2	17,9	17,6	17,3
Строительство	9,8	10,1	10,3	10,5	10,7
Транспорт и связь	6,4	6,6	6,8	7,0	7,2
Прочие	17,8	17,2	16,8	16,5	16,0
Итого	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**	**100,0**

Проанализированная структура экономики Узбекистана по видам деятельности за 2021-2025 годы (торговля – 32,8%, промышленность – 16,1%, сельское хозяйство – 17,3%) подчеркивает многообразие хозяйственных субъектов и необходимость сегментарного учета.

В международной практике формирование финансовых результатов осуществляется в соответствии с требованиями МСФО (IAS) 1 «Представление финансовой отчетности», который определяет структуру и порядок представления отчета о прибылях и убытках [3].

Статья 40 Гражданского кодекса Республики Узбекистан регулирует деятельность юридических лиц. В соответствии с данной статьей юридическим лицом может являться организация, основной целью деятельности которой является получение прибыли (коммерческая организация), либо организация, не ставящая своей основной целью получение прибыли (некоммерческая организация) [4]. Это имеет важное значение для правильного определения типа организации при учете финансовых результатов.

В контексте интеграции Узбекистана в мировую экономику ключевое значение приобретает гармонизация национального учета финансовых результатов с МСФО. Постановление ПП-4611 стало ключевым документом, запустившим масштабную реформу по внедрению МСФО в стране. Оно заложило основу для гармонизации национального учета с международными стандартами, что впоследствии повлияло на последующие нормативные акты, включая Приказ Министерства финансов от 8 октября 2024 года № 3567 «Об утверждении Положения о сроках представления финансовой отчетности, а также ее составе и содержании» [5]. Указанный документ вступил в силу с 1 января 2025 года, задает базовые правила представления финансовой отчетности в условиях перехода на МСФО.

Положение регулирует сроки, состав и содержание финансовой отчетности для большинства субъектов, исключая: бюджетные организации; страховые компании; коммерческие банки и небанковские кредитные организации. Это создает дифференцированный подход к внедрению МСФО в зависимости от сектора экономики.

Вся отчетность составляется в сумах, пересчет иностранных валют выполняется по курсу ЦБ. Данные требования обеспечивают единообразие представления финансовых результатов в национальной валюте при трансформации в формат МСФО.

Установлены такие сроки представления отчетности: по национальным стандартам (далее – НСБУ) – не позднее 1 марта года, следующего за отчетным; по МСФО – не позднее 1 мая года, следующего за отчетным. Разделение сроков позволяет организациям поэтапно адаптироваться к требованиям МСФО, сохраняя при этом прозрачность и сопоставимость данных.

Полный комплект отчетности по НСБУ включает:

- бухгалтерский баланс;
- отчет о финансовых результатах;

- отчет о собственном капитале;
- отчет о движении денежных средств;
- примечания, расчеты и пояснения.

Этот набор форм служит базой для последующей трансформации в формат МСФО, где аналогичные отчеты (IAS 1, IAS 7, IAS 8 и др.) имеют сходные, но более детализированные требования.

Микрофирмы и малые предприятия представляют только: бухгалтерский баланс и отчет о финансовых результатах.

В соответствии с данным приказом:

- формы финансовой отчетности подписываются руководителем организации и лицом, осуществляющим функции бухгалтерского учета и финансового управления, либо главным бухгалтером;
- организации обязаны представлять годовую финансовую отчетность в государственные органы, установленные законодательством.

Ключевой аспект проводимой реформы направлен на гармонизацию учета финансовых результатов, в том числе по видам деятельности организации. Это требует не только формального соблюдения сроков и форм отчетности (как в Приказе Минфина от 8 октября 2024 года № 3567), но и глубокого переосмысления принципов классификации, признания и раскрытия доходов и расходов. Такая установка определяется МСФО (в частности, IFRS 8 «Операционные сегменты» и IAS 1 «Представление финансовой отчетности»), положения которых требуют:

- выделять отчетные сегменты (виды деятельности), если они приносят существенные доходы/расходы и управляются отдельно;
- раскрывать в отчетности финансовые результаты по каждому сегменту: выручку, прибыль/убыток, активы и обязательства;
- обеспечивать сопоставимость данных между периодами и сегментами.

Для национальных компаний это означает подготовку и реализацию ряда методологических решений, таких как:

- пересмотр учетной политики с учетом требований к сегментарной отчетности;
- внедрение аналитических разрезов в бухгалтерских регистрах (по направлениям бизнеса, регионам, продуктовым линиям);
- разработку методик распределения косвенных расходов между видами деятельности.

Текущее состояние учетно-аналитической системы в Республике Узбекистан представляет процесс постоянного совершенствования существенных аспектов учета объектов хозяйственной деятельности и формирования финансовой отчетности, удовлетворяющей интересам различных групп пользователей. Перед узбекскими организациями возникли ряд практических вызовов, особенно в части учета финансовых результатов по видам деятельности. Приведем ключевые проблемы и пути их решения.

1. Различия в классификации доходов и расходов. В рамках НСБУ доходы и расходы зачастую группируются исключительно по бухгалтерским счетам – без детализации по видам деятельности. Это создает расхождения с требованиями МСФО, которые предполагают: выделение выручки по основным продуктам и услугам; четкое разделение прямых и косвенных затрат по операционным сегментам; учет межсегментного ценообразования при внутренних операциях.

2. Отсутствие единых методик распределения затрат. На практике многие узбекские компании применяют упрощенные подходы – например, распределяют общехозяйственные расходы пропорционально выручке. МСФО предъявляет более строгие требования: необходимо обосновать базу распределения затрат (трудозатраты, машино-часы, площадь помещений и т.п.), что существенно усложняет учет по видам деятельности и требует пересмотра внутренних регламентов.

3. Технические ограничения учетных программах. Существующее программное обеспечение не поддерживает многомерный аналитический учет (по продуктам, регионам, центрам ответственности), консолидацию отчетности по сегментам, а также автоматическую трансформацию данных в формат МСФО.

Это приводит к параллельному учету вручную, что повышает трудозатраты и риск ошибок.

4. Кадровый дефицит. Для работы с МСФО требуются специалисты с практическими навыками формирования пояснений к отчетности с детализацией по видам деятельности и владеющие инструментами трансформации данных из НСБУ в МСФО.

Однако, на рынке труда пока недостаточно профессионалов, способных решать эти задачи.

Необходимость соблюдения требований национальных стандартов бухгалтерского учета и международных стандартов финансовой отчетности при учете и анализе финансовых результатов постоянно возрастает. В частности, форма № 2 «Отчет о финансовых результатах» имеет важное значение для полного и объективного отражения итоговых результатов хозяйственной деятельности организации [6].

В свете приведенных вызовов предлагаем такие пути решения:

1. Разработка учетной политики для сегментации. Организации должны: определить критерии выделения видов деятельности (например, по доле выручки, прибыли или активов); закрепить методы распределения косвенных затрат (с обоснованием выбранных баз); утвердить формы внутренней отчетности, позволяющие агрегировать данные по сегментам. Оперативное отслеживание изменений законодательства в сфере учета определяется глобально значимым условием в работе бухгалтерской службы компаний.

2. Модернизация информационных систем, включающая внедрение ERP-решения с модулями МСФО и сегментарного учета. Для сокращения ручного переноса и сбора данных настроить интеграцию с системами управленческого учета и обеспечить автоматическую генерацию отчетов по видам деятельности.

3. Обучение персонала. Рекомендуется провести обучение по ключевым МСФО, организовать стажировки на предприятиях с опытом составления отчетности по международным стандартам; привлечь сертифицированных экспертов для аудита текущих процессов и консультаций.

4. Поэтапный переход. Оптимальная стратегия предполагает пилотное внедрение сегментации для ключевых видов деятельности. Для обоснования выбора методики распределения затрат необходимо провести расчеты на исторических данных (за прошлые периоды). Далее - постепенно расширять охват до всех операционных сегментов с корректировкой процессов на основе обратной связи.

5. Системный внутренний контроль и аудит финансовых результатов, подлежащие перманентному проведению организациями, следует совершенствовать в направлении использования современных статистических и эконометрических методов при анализе финансовых результатов. Качество аудита повысится за счет применения риск-ориентированного подхода и использования технологий искусственного интеллекта.

На уровне отраслевых ведомств и финансового органа представляется целесообразным:

- разработать специальные методические рекомендации по учету финансовых результатов для организаций с различными видами деятельности;
- разработать упрощенную и цифровизированную систему финансовой отчетности для субъектов малого бизнеса;
- расширить программы переподготовки и повышения квалификации бухгалтеров и аудиторов в области МСФО;
- внедрить отраслевые средние показатели и методологию бенчмаркинга при оценке финансовых результатов предприятий.

Реализация данных предложений будет способствовать повышению качества управленческих решений за счет детализированной отчетности, повысит доверие инвесторов и кредиторов и позволит интегрироваться в глобальные цепочки поставок и международные финансовые рынки.

Библиографический список

1. Постановление Президента Республики Узбекистан от 24 февраля 2020 г. № ПП-4611 «О дополнительных мерах по переходу на международные стандарты финансовой отчетности». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nrm.uz/contentf?doc=619846_postanovlenie_prezidenta_respubliki_uzbekistan_ot_24_02_2020_g_n_pp-4611_o_dopolnitelnyh_merah_po_perehodu_na_mejdunarodnye_standarty_finansovoy_otchetnosti&products=4_prakticheskoe_nalogooblojenie.

2. Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stat.uz/ru/.

3. Рахимов А.А. Зарубежный опыт учета и оценки финансовых результатов деятельности / А.А. Рахимов, К.Ш. Курбоналиева, В.М. Шарапова // Актуальные вопросы современной экономики. – 2025. – № 6. – С. 305-311. – EDN LHJBHC.

4. Гражданский Кодекс Республики Узбекистан, часть первая, главы 1-5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nrm.uz/contentf?doc=1371_grajdanskiy_kodeks_(glavy_1-5_stati_1-80).

5. Приказ Министерства финансов Республики Узбекистан от 8 октября 2024 г. № 3567 «Об утверждении Положения о сроках представления финансовой отчетности, а также ее составе и содержании». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nrm.uz/contentf?doc=764171_polojenie_o_srokah_predostavleniya_finansovyh_otchetov_a_takje_ih_strukture_i_soderjanii_%28utverjdeno_prikazom_ministra_ekonomiki_i_finansov_ot_08_10_2024_g_n_181_zaregistrirovannym_myu_04_11_2024_g_n_3567%29&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana.

6. Тихонова В.А. Формирование отчета о финансовых результатах в условиях цифровой трансформации и интеграции факторов устойчивого развития / В.А. Тихонова, В.М. Шарапова, Ю.В. Шарапов // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. – 2025. – № 11. – С. 251-254. – EDN WRYJIC.

HARMONIZATION OF ACCOUNTING FOR FINANCIAL RESULTS BY TYPE OF ACTIVITY WITH IFRS: PRACTICE AND CHALLENGES

F.F. u. Abdurashidov, *Graduate Student*
D.H. Bukharova, *Candidate of Economic Sciences, Associate Professor*
Ural State University of Economics
(Russia, Yekaterinburg)

Abstract. *The article discusses the process of harmonization of accounting for financial results with IFRS in the Republic of Uzbekistan, with a special focus on accounting by type of organization. The relevance is due to the country's policy of integration into the global economy and increasing transparency of reporting. The foundations of the reform are laid down in Decree of the President of the Republic of Uzbekistan N PP-4611 (2020). Differences in the classification of income / expenses between the National Accounting Standards and IFRS are noted; lack of uniform cost allocation methods; technical limitations of accounting systems; shortage of qualified personnel. The solution includes the development of accounting policies for segmentation, the introduction of ERP systems with IFRS modules, staff training, a phased transition to segmental reporting, and strengthening internal control. It is stated that the success of the transition depends on the consistency of norms, investments in technology and personnel, and a systematic approach to data transformation. The implementation of the measures will allow Uzbek companies to improve management decisions, increase investor confidence and integrate into international markets.*

Keywords: *financial results; audit; accounting; financial reporting; analysis; investments; IFRS.*

СНИЖЕНИЕ БЕДНОСТИ И НЕРАВЕНСТВА В УСЛОВИЯХ БЫСТРОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

А.А. Бекмуратова, *преподаватель*
Гуманитарно-технологический колледж Ошского технологического университета (Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-287-292

Аннотация. *В статье проводится всесторонний анализ проблемы снижения бедности и доходного неравенства в условиях быстрого экономического роста. На основе теоретических положений кривой Кузнеца и современных эмпирических данных исследуется опыт трех стран с высокими темпами роста – Китая, Вьетнама и Индии. Показано, что быстрый рост ВВП способствует масштабному сокращению абсолютной и многомерной бедности, но на начальных и средних этапах часто сопровождается ростом неравенства доходов. В Китае с 1978 года из крайней нищеты выведено более 800 млн человек, бедность практически искоренена к 2021 году, однако коэффициент Джини в разные периоды достигал 0,46-0,49. Вьетнам демонстрирует более инклюзивную модель: при устойчивом росте 6-7% в год многомерная бедность снизилась до менее 1,3% к 2025 году при умеренном уровне неравенства (Джини около 0,36-0,37). В Индии за период 2005-2021 годы из многомерной бедности выведено сотни миллионов человек, однако неравенство остается высоким по ряду оценок. Анализируются государственные политики (прогрессивное налогообложение, социальные трансферты, инвестиции в человеческий капитал, целевые программы), позволяющие минимизировать рост неравенства без ущерба для темпов роста. Предлагаются рекомендации для развивающихся стран, включая страны Центральной Азии.*

Ключевые слова: *бедность; многомерная бедность; неравенство доходов; экономический рост; кривая Кузнеца; инклюзивный рост; Китай; Вьетнам; Индия; коэффициент Джини; социальная политика; перераспределение доходов; развивающиеся страны; цели устойчивого развития.*

Современный этап глобального экономического развития характеризуется значительными темпами роста в ряде развивающихся стран, особенно в Азии. Быстрый экономический рост выступает ключевым фактором сокращения бедности, позволяя миллионам людей выйти за черту нищеты. Однако он не всегда приводит к равномерному распределению благ. Во многих случаях рост сопровождается увеличением доходного неравенства, что создает социальные риски и может подорвать устойчивость развития.

Актуальность темы обусловлена необходимостью достижения Целей устойчивого развития ООН, прежде всего ЦУР 1 «Ликвидация нищеты» и ЦУР 10 «Сокращение неравенства». По данным Всемирного банка и UNDP на 2025 год, несмотря на значительный прогресс, в мире остается более 1 млрд человек в состоянии острой многомерной бедности [1]. В то же время быстрый рост в странах вроде Китая, Вьетнама и Индии демонстрирует, что возможно одновременное достижение высоких темпов ВВП и массового сокращения бедности.

Цель исследования – выявить механизмы и политики, позволяющие снижать бедность и неравенство в условиях быстрого экономического роста.

Задачи:

1) проанализировать теоретические основы взаимосвязи роста, бедности и неравенства;

2) изучить эмпирический опыт Китая, Вьетнама и Индии;

3) провести сравнительный анализ;

4) предложить рекомендации по государственной политике.

Объектом исследования являются процессы экономического роста и распределения доходов в развивающихся странах Азии. Предмет – государственные механизмы минимизации неравенства при сохранении высоких темпов роста.

Классической моделью, объясняющей динамику неравенства в процессе развития, остается гипотеза Саймона Кузнеца (1955).

Согласно ей, на ранних стадиях индустриализации неравенство доходов растет из-за структурных сдвигов: перехода рабочей силы из низкопроизводительного аграрного сектора в высокопроизводительный городской. Это приводит к концентрации доходов у ограниченной группы [2]. По достижении определенного уровня дохода на душу населения неравенство начинает снижаться благодаря развитию образования, социальной мобильности и перераспределительным механизмам.

Эмпирические исследования последних десятилетий частично подтверждают кривую Кузнеца для отдельных стран и периодов, но показывают значительные отклонения. Например, в ряде работ отмечается, что для глобальных загрязнителей (CO2) кривая имеет N-образную форму, а для доходного неравенства в современных условиях пик может смещаться или отсутствовать вовсе.

Концепция инклюзивного роста (Inclusive Growth), предложенная Всемирным банком и Азиатским банком развития, подчеркивает необходимость роста, при котором выгоды распределяются равномерно. Ключевыми факторами снижения неравенства при росте являются: инвестиции в человеческий капитал, прогрессивное налогообложение, социальные трансферты, развитие инфраструктуры в отстающих регионах.

Таблица 1. Основные теоретические подходы к взаимосвязи роста и неравенства

Подход	Автор/Источник	Основная идея	Эмпирическое подтверждение
Кривая Кузнеца	Кузнец С. (1955)	Инвертированная U-образная зависимость	Частично: Китай, Индия на восходящей ветви
Инклюзивный рост	World Bank (2008–2025)	Равномерное распределение выгод роста	Вьетнам, Южная Корея (исторически)
Перераспределение	Пикетти Т. (2014)	Рост r > g усиливает неравенство	Современные данные по топ-1%
Человеческий капитал	Беккер Г. (1964)	Инвестиции в образование снижают неравенство	Долгосрочные эффекты в Азии

Исследование основано на сравнительном анализе статистических данных Всемирного банка (Poverty and Inequality Platform, 2025), UNDP (Global Multidimensional Poverty Index, 2025), национальных статистических служб и научной литературы. Использованы показатели:

- темпы роста ВВП (среднегодовые);
- уровень бедности (по линиям $2.15, $3.65, национальные и многомерные);
- коэффициент Джини;
- доля топ-10% и боттом-50% в национальном доходе.

Период анализа – 2000-2025 годы. Метод – описательный и сравнительный с элементами статистического анализа.

Китай представляет уникальный пример: среднегодовой рост ВВП около 9-10% в 2000-2010 гг., замедлившийся до 5-6% к 2025 году. Это позволило вывести более 800 млн человек из крайней нищеты (линия $2.15 в день). К 2021 году абсолютная бедность официально искоренена [3].

Однако неравенство выросло: коэффициент Джини с 0,30 в 1980-х до пика 0,49 в 2008 году, затем стабилизация на уровне 0,46-0,47 к 2020-м. Основные причины: урбанизация, региональные диспропорции, концентрация в высокотехнологичных секторах.

Таблица 2. Динамика ключевых показателей в Китае, 2000-2025 (примерные данные на основе World Bank и национальной статистики)

Год	Рост ВВП (%)	Бедность ($2.15, %)	Джини
2000	8,5	~30	0,41
2010	10,6	~15	0,48
2020	2,2 (COVID)	<1	0,46
2025	~5,0	0	~0,45

Политики успеха: targeted poverty alleviation (с 2013), инвестиции в сельскую инфраструктуру, социальные трансферты.

Вьетнам после реформ Đổi Mới демонстрирует устойчивый рост 6-7% в год. Многомерная бедность снизилась с более 70% в 1980-х

до менее 1,3% к 2025 году, национальная – до 1,93% в 2024.

Неравенство умеренное: Джини стабильно 0,35-0,37. Факторы: экспортно-ориентированная индустриализация с акцентом на трудоемкие отрасли, инвестиции в образование, равномерное региональное развитие.

Таблица 3. Динамика показателей во Вьетнаме, 2000-2025

Год	Рост ВВП (%)	Многомерная бедность (%)	Джини
2000	6,8	~50	0,36
2010	6,4	~20	0,37
2020	2,9	~5	0,37
2025	~6,5	<1,3	~0,37

Индия показывает рост 6-8% в среднем за последние 20 лет. По данным UNDP (2025), многомерная бедность снизилась с 55,1% в 2005-2006 до 16,4% в 2019-2021, сотни миллионов выведены из нищеты [4].

Однако неравенство остается значительным: оценки Джини варьируются (0,35–0,50+ по разным источникам), доля топ-1% высока.

Таблица 4. Динамика показателей в Индии, 2000-2025

Год	Рост ВВП (%)	Многомерная бедность (%)	Джини (оценка)
2000	4,0	~60	~0,35
2010	8,5	~45	~0,37
2020	-6,6	~25	~0,40
2025	~7,0	~15	~0,42

Сравнительный анализ

Таблица 5. Сравнение ключевых показателей (средние за 2000-2025)

Страна	Средний рост ВВП (%)	Снижение бедности (прибл., млн чел.)	Джини (средний/последний)	Уровень инклюзивности
Китай	7,5-8,0	>800	0,45-0,47	Средний
Вьетнам	6,5	>60	0,36-0,37	Высокий
Индия	6,8	>400	0,38-0,45	Низкий-средний

Вьетнам показывает наилучший баланс благодаря равномерному распределению.

Эффективные меры включают:

1. Прогрессивное налогообложение и борьба с уклонением.
2. Социальные трансферты (условные и безусловные выплаты).
3. Инвестиции в образование и здравоохранение.
4. Развитие сельской инфраструктуры.
5. Минимальная зарплата и защита прав работников.
6. Целевые программы (как в Китае – targeted alleviation).

Таблица 6. Примеры политик в анализируемых странах

Страна	Ключевые политики	Эффект на неравенство
Китай	Targeted poverty alleviation, hukou реформы	Снижение с 2010-х
Вьетнам	Национальные программы по бедности, образование	Стабильный низкий Джини
Индия	MGNREGA, пищевые субсидии, Ayushman Bharat	Частичное снижение многомерной бедности

Для стран Центральной Азии (включая Кыргызстан) рекомендуется: сочетание проростовых реформ (привлечение инвестиций) с сильной социальной политикой; развитие человеческого капитала; региональное выравнивание.

Быстрый экономический рост в Китае, Вьетнаме и Индии в значительной степени способствовал сокращению бедности, однако глобальные вызовы, такие как пандемия COVID-19, климатические изменения и геополитические напряжения, создали дополнительные риски для устойчивости достигнутых

результатов [5]. Пандемия 2020-2022 годов временно увеличила уровень бедности во всех трех странах, особенно среди уязвимых групп населения – мигрантов, неформально занятых и сельских жителей.

В Китае пандемия привела к временному росту неравенства из-за локдаунов, затронувших малый бизнес и мигрантов. Однако благодаря строгим мерам контроля и масштабным фискальным стимулам (включая субсидии и инфраструктурные проекты) страна быстро восстановилась. К 2025 году рост ВВП составил 5,0%, а к 2026 прогнозируется 4,5-4,8%. Климатические риски (наводнения, засухи) затрагивают сельские регионы, где остаточная многомерная бедность составляет около 3,9% населения (по данным UNDP Global MPI 2025).

Во Вьетнаме пандемия замедлила рост до 2,9% в 2020 году, но экспортно-ориентированная экономика позволила быстро восстановиться. К 2025 году многомерная бедность снизилась до 0,9-1,1%, а коэффициент Джини остался стабильным на уровне 0,37. Климатические угрозы (тайфуны, повышение уровня моря) особенно актуальны для дельты Меконга, где сосредоточены бедные домохозяйства.

В Индии пандемия вызвала самый сильный временный рост бедности: по оценкам World Bank, в 2020-2021 годах в нищету вернулось до 75 млн человек. Восстановление было неравномерным: крупные города и IT-сектор выросли быстро, но сельские районы и неформальный сектор пострадали сильнее. К 2025 году уровень крайней бедности снизился до 1-5% (по новым линиям World Bank), однако имущественное неравенство остается высоким [6].

Таблица 7. Влияние пандемии COVID-19 на ключевые показатели (2020-2022 гг.)

Страна	Рост ВВП в 2020 (%)	Временный рост бедности (млн чел.)	Изменение Джини (пункты)	Время восстановления (до допандемийного уровня)
Китай	-2,2 (единственный отрицательный)	~20-30	+0,02–0,03	2021
Вьетнам	+2,9	~5-10	Стабильно	2021
Индия	-6,6	~75	+0,03-0,05	2023-2024

Таблица 8. Прогнозы экономического роста и бедности на 2026-2030 гг. (по данным IMF, World Bank, UNDP 2025-2026)

Страна	Прогноз роста ВВП 2026 (%)	Ожидаемая многомерная бедность к 2030 (%)	Прогноз Джини к 2030	Основные риски
Китай	4,5-4,8	<2	0,35-0,37	Замедление роста, старение населения
Вьетнам	5,6-6,5	<0,5	0,36-0,38	Климатические угрозы, зависимость от экспорта
Индия	6,2-7,1	5-10	0,40-0,45	Неравномерное восстановление, инфляция

Глобализация и приток ПИИ сыграли ключевую роль в ускорении роста анализируемых стран. В Китае с 1978 года ПИИ превысили 3 трлн долларов, создав миллионы рабочих мест в экспортных отраслях. Это способствовало массовому выводу из бедности, но также усилило региональное неравенство (восточное побережье vs. внутренние провинции).

Во Вьетнаме после вступления в ВТО (2007) и подписания CPTPP, EVFTA ПИИ выросли в разы, сосредоточившись в трудоемких отраслях (текстиль, электроника). Это обеспечило инклюзивный эффект: рост занятости среди женщин и этнических меньшинств.

В Индии либерализация 1991 года и недавние инициативы (Make in India) привлекли ПИИ в IT и производство, но выгоды сосредоточились в урбанизированных штатах (Махараштра, Карнатака), усиливая диспропорции.

Таблица 9. Приток ПИИ и его влияние на занятость (2015-2025 гг., млрд долларов и млн рабочих мест)

Страна	Кумулятивный ПИИ (2015-2025)	Созданные рабочие места (млн)	Доля в экспорте (%)	Влияние на неравенство
Китай	>1500	>50	~30	Увеличение на начальном этапе, затем стабилизация
Вьетнам	~300	~15	>70	Положительное (равномерное распределение)
Индия	~600	~20	~20	Усиление регионального разрыва

Опыт Китая, Вьетнама и Индии особенно актуален для стран Центральной Азии, включая Кыргызстан, где темпы роста остаются умеренными (3–5% в год), а бедность и неравенство сохраняются на относительно высоком уровне. В Кыргызстане многомерная бедность составляет около 15-20% (по национальным линиям), а коэффициент Джини – 0,30-0,35.

Рекомендуется адаптация успешных моделей: развитие экспортно-ориентированных отраслей (агропереработка, текстиль), инвестиции в человеческий капитал и целевые социальные программы. Привлечение ПИИ через ЕАЭС и «Один пояс – один путь» может ускорить рост, но требует механизмов перераспределения (прогрессивное налогообложение, региональные трансферты).

Таблица 10. Сравнение Центральной Азии с анализируемыми странами (2025 г.)

Регион/Страна	Средний рост ВВП (%)	Многомерная бедность (%)	Джини	Уровень ПИИ (на душу населения)
Китай	5,0	3,9	0,36	Высокий
Вьетнам	6,0	<1,1	0,37	Средний
Индия	6,8	~10-15	0,42	Средний
Кыргызстан	4,0	~15-20	0,32	Низкий
Центральная Азия (ср.)	4,5	10-25	0,35	Низкий

Заключение. Быстрый экономический рост – мощный инструмент сокращения бедности, но требует активной политики для контроля неравенства. Опыт Китая, Вьетнама и Индии подтверждает, что инклюзивный рост возможен и устойчив. Государства должны балансировать эффективность и справедливость для достижения ЦУР.

Библиографический список

1. Kuznets, Simon. Economic Growth and Income Inequality // American Economic Review 45, № 1 (1955): 1-28.
2. Four Decades of Poverty Reduction in China. – World Bank, 2022.
3. Global Multidimensional Poverty Index 2025. – UNDP, OPHI, 2025.
4. Poverty and Inequality Platform. – World Bank, 2025.
5. Vietnam Poverty and Equity Assessment. – World Bank, 2024-2025.
6. National Multidimensional Poverty Index: India. – NITI Aayog, 2023-2025.
7. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
8. Asian Development Outlook 2025. – ADB, 2025.
9. World Economic Outlook. – IMF, October 2025.
10. Income Inequality in Asia: Trends and Drivers. – Various reports, 2020-2025.

REDUCING POVERTY AND INEQUALITY IN AN ENVIRONMENT OF RAPID ECONOMIC GROWTH

A.A. Bekmuratova, *Lecturer*
Osh University College of Humanities and Technology
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article provides a comprehensive analysis of the problem of reducing poverty and income inequality in the context of rapid economic growth. Based on the theoretical provisions of the Kuznets curve and modern empirical data, the experience of three high-growth countries – China, Vietnam, and India – is examined. It is shown that rapid GDP growth contributes to a large-scale reduction in absolute and multidimensional poverty, but at the initial and middle stages it is often accompanied by an increase in income inequality. In China, more than 800 million people have been lifted out of extreme poverty since 1978, with poverty virtually eradicated by 2021, although the Gini coefficient reached 0.46-0.49 in different periods. Vietnam demonstrates a more inclusive model: with sustainable growth of 6-7% per year, multidimensional poverty has decreased to less than 1.3% by 2025 with a moderate level of inequality (Gini around 0.36-0.37). In India, hundreds of millions of people have escaped multidimensional poverty between 2005 and 2021, but inequality remains high according to a number of estimates. State policies (progressive taxation, social transfers, investments in human capital, targeted programs) are analyzed that minimize the growth of inequality without harming growth rates.*

Keywords: *poverty; multidimensional poverty; income inequality; economic growth; Kuznets curve; inclusive growth; China; Vietnam; India; Gini coefficient; social policy; income redistribution; developing countries; sustainable development goals.*

РАЗВИТИЕ УСТОЙЧИВОГО ЛИДЕРСТВА И УПРАВЛЕНИЕ ИЗМЕНЕНИЯМИ В ЭПОХУ МНОЖЕСТВЕННЫХ КРИЗИСОВ

М.А. Сариева, *преподаватель*
Г.В. Бакирова, *преподаватель*
Э.Н. Ахметова, *преподаватель*
Гуманитарно-технологический колледж Ошского технологического университета (Кыргызстан, г. Ош)

DOI:10.24412/2500-1000-2026-2-2-293-297

Аннотация. *В статье проводится комплексное исследование развития устойчивого лидерства как ключевого фактора эффективного управления изменениями в условиях множественных пересекающихся кризисов – экономических, климатических и геополитических. Современная бизнес-среда характеризуется высокой волатильностью, неопределённостью, сложностью и неоднозначностью (VUCA-мир), что требует от лидеров формирования новых компетенций для обеспечения адаптации и долгосрочной устойчивости организаций. На основе анализа теоретических концепций устойчивого лидерства (Hargreaves, Fink), адаптивного лидерства (Heifetz, Grashow, Linsky), трансформационного лидерства (Bass, Burns) и резилентного лидерства выделены и детально описаны ключевые компетенции: системное мышление, эмоциональная и психологическая резилентность, стратегическое предвидение, адаптивность, эмоциональный интеллект, способность к межфункциональному сотрудничеству, инновационность и этическая ориентация на устойчивость. Проведён обзор современных кризисов (пандемия COVID-19, геополитические конфликты 2022-2026 гг., климатические вызовы по данным IPCC) и их влияния на организационные процессы. Представлены кейс-стади успешной адаптации компаний (например, Microsoft, Unilever, Tesla). Предложена авторская модель развития компетенций устойчивого лидерства и практические рекомендации по их внедрению в корпоративные программы. Исследование подчёркивает, что устойчивое лидерство способствует не только выживанию в кризисах, но и созданию долгосрочной ценности для всех заинтересованных сторон. Результаты могут быть использованы в управленческой практике, образовательных программах и дальнейших эмпирических исследованиях.*

Ключевые слова: *устойчивое лидерство; управление изменениями; множественные кризисы; компетенции лидеров; адаптация организаций; неопределённость; резилентность; системное мышление; адаптивное лидерство; VUCA-мир; трансформационное лидерство; стратегическое предвидение; эмоциональный интеллект; инновации; этическое лидерство.*

Современный мир вступил в эпоху перманентных и множественных кризисов, которые пересекаются и усиливают друг друга, создавая среду экстремальной неопределённости. Экономические потрясения (глобальная инфляция, нарушения цепочек поставок, рецессии), климатические изменения (экстремальные погодные явления, переход к низкоуглеродной экономике) и геополитические конфликты (военные действия, санкции, миграционные кризисы) формируют так называемый VUCA-мир (Volatility – волатильность, Uncertainty – неопределённость, Complexity – сложность, Ambiguity – неоднозначность), расширенный до BANI (Brittle – хрупкость, Anxious – тревожность, Nonlinear – нелинейность, Incomprehensible – непостижимость) [1].

Традиционные подходы к лидерству, ориентированные на стабильность, иерархию и краткосрочные результаты, оказываются неэффективными. В таких условиях требуется переход к устойчивому лидерству, которое обеспечивает не только выживание организации, но и её долгосрочное развитие с учётом интересов всех заинтересованных сторон (stakeholders) [2]. Устойчивое лидерство, по Hargreaves и Fink, основано на принципах глубины, длительности, широты, справедливости и ресурсосбережения [3]. Оно дополняется адаптивным лидерством Heifetz, фокусирующимся на решении адаптивных (а не тех-

нических) задач через мобилизацию коллектива [4].

Актуальность исследования обусловлена ростом числа кризисов: по данным World Economic Forum (Global Risks Report 2025-2026), топ-риски включают климатические катастрофы, геополитические конфликты и экономическую нестабильность [5]. Организации, не адаптирующиеся к этим вызовам, теряют конкурентоспособность: более 70% компаний, столкнувшихся с множественными кризисами в 2020-2025 гг., сократили штат или закрылись [6].

Цель исследования – выявить и систематизировать компетенции лидеров, необходимые для развития устойчивого лидерства и управления изменениями в условиях множественных кризисов.

Задачи:

1) проанализировать теоретические основы устойчивого и адаптивного лидерства;

2) охарактеризовать современные кризисы и их влияние на организации;

3) выделить ключевые компетенции;

4) представить кейс-стади;

5) разработать модель и рекомендации по развитию компетенций.

Методология исследования включает теоретический анализ литературы, сравнительный анализ концепций, синтез и кейс-стади. Исследование носит теоретико-прикладной характер.

Результаты исследования

1. Теоретические основы устойчивого и адаптивного лидерства.

Концепция устойчивого лидерства была разработана Andy Hargreaves и Dean Fink в 2006 году как альтернатива краткосрочным реформам, истощающим ресурсы организации [3]. Авторы выделяют семь принципов:

- Глубина (depth) – фокус на глубоком обучении и развитии;
- Длительность (endurance) – долгосрочная перспектива;
- Широта (breadth) – распределённое лидерство;
- Справедливость (justice) – равенство и инклюзивность;
- Разнообразие (diversity);
- Ресурсосбережение (resourcefulness);
- Сохранение (conservation) – сохранение достижений прошлого.

Устойчивое лидерство противопоставляется «быстрому» лидерству, ориентированному на сиюминутные результаты.

Адаптивное лидерство Ronald Heifetz, Alexander Grashow и Marty Linsky подчёркивает различие технических проблем (решаемых экспертизой) и адаптивных (требующих изменения ценностей и поведения) [4]. В кризисах лидер должен: диагностировать ситуацию, регулировать давление, поддерживать дисциплинированное внимание, передавать ответственность коллективу и защищать голоса меньшинства.

Трансформационное лидерство (Bass, Burns) дополняет эти подходы, акцентируя вдохновение и интеллектуальную стимуляцию [7]. Резилентное лидерство фокусируется на восстановлении после потрясений [8]. В условиях множественных кризисов эти концепции интегрируются в гибридную модель устойчивого адаптивного лидерства.

Характеристика множественных кризисов и их влияние на организации. Множественные кризисы носят поли-кризисный характер (polycrisis) [9]. Экономические кризисы: инфляция 2022-2025 гг. достигла пиков в 8-15% в многих странах, нарушения цепочек поставок из-за пандемии и санкций привели к росту издержек на 20-40% [10]. Климатические кризисы: по IPCC AR6 (2023-2026), глобальное потепление приближается к 1,5°C, вызывая экстремальные погодные явления (наводнения, засухи), угрожающие агросектору и инфраструктуре [11]. Геополитические кризисы: конфликт в Украине (2022-наст.), напряжённость в Азиатско-Тихоокеанском регионе, торговые войны привели к фрагментации глобальной экономики [12].

Влияние на организации: снижение доходов (в среднем на 15-30% в 2020-2025 гг.), потеря талантов (Great Resignation), necessity радикальных трансформаций (цифровизация, декарбонизация). Лидеры без адаптивных компетенций теряют контроль.

Ключевые компетенции лидеров для адаптации к неопределённости. На основе синтеза литературы выделены восемь ключевых компетенций (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые компетенции устойчивого лидерства

№	Компетенция	Описание	Источники
1	Системное мышление	Видение организации как части экосистемы, учёт взаимосвязей	[4, 13]
2	Резилентность и эмоциональная устойчивость	Сохранение энергии в стрессе, поддержка команды	[8, 14]
3	Стратегическое предвидение	Антиципация сценариев, foresight	[15]
4	Адаптивность и гибкость	Быстрая корректировка стратегий	[4]
5	Эмоциональный интеллект	Эмпатия, управление эмоциями, разрешение конфликтов	[16]
6	Способность к сотрудничеству	Построение партнёрств, распределённое лидерство	[3]
7	Инновационность	Стимулирование креативности, эксперименты	[17]
8	Этичная ориентация на устойчивость	Интеграция ESG, долгосрочная ответственность	[18]

Каждая компетенция детализирована ниже.

Системное мышление позволяет учитывать нелинейные эффекты кризисов (например, как климатические риски влияют на экономику через цепочки поставок). Резилентность включает психологическую (post-traumatic growth) и организационную (antifragility по Taleb) [19]. Стратегическое предвидение использует инструменты scenario planning и horizon scanning. Адаптивность подразумевает agile-подходы и learning organization (Senge) [13]. Эмоциональный интеллект (Goleman) критичен для поддержания морали в кризисах [16]. Сотрудничество строит экосистемы (platform leadership). Инновационность превращает кризисы в возможности (disruptive innovation). Этичная ориентация интегрирует SDG OOH и ESG-фреймворки.

Кейс-стади успешной адаптации. Microsoft под руководством Satya Nadella: переход к cloud и AI в период пандемии и геополитических напряжений; рост капитализации в 3 раза за 2014-2026 гг. за счёт эмпатии и growth mindset [20]. Unilever (Paul Polman, Alan Jope): интеграция sustainability в стратегию; снижение углеродного следа на 50% к 2025 г. несмотря на кризисы [21]. Tesla (Elon Musk): адаптация к цепочечным нарушениям через вертикальную интеграцию и инновации в батареях [22]. Эти кейсы демонстрируют применение выделенных компетенций.

Авторская модель развития компетенций.

Предлагается трехуровневая модель:

- личный уровень (саморазвитие: рефлексия, коучинг);
- командный (тренинги, симуляции);
- организационный (культура learning organization, KPI по ESG).

Рекомендации по развитию компетенций.

Программы тренингов: mindfulness для резилентности, scenario planning для предвидения.

Корпоративные практики: ротация, менторство, 360-feedback. Образовательные инициативы: интеграция в MBA-программы.

Инструменты оценки: опросники (MLQ для трансформационного лидерства, Resilience Quotient).

Мониторинг: регулярный аудит компетенций.

Эмпирические исследования устойчивого лидерства в условиях множественных кризисов. Несмотря на преобладание теоретических разработок, в последние годы накоплен значительный объём эмпирических данных, подтверждающих эффективность устойчивого и адаптивного лидерства. Международные исследования, проведённые в 2023-2026 гг., демонстрируют корреляцию между уровнем развития ключевых компетенций лидеров и способностью организаций преодолевать множественные кризисы.

Согласно глобальному опросу Deloitte (2025), в котором участвовало более 2500 топ-менеджеров из 80 стран, компании с лидерами, обладающими высоким уровнем резилентности и системного мышления, в 2,7 раза чаще достигали положительной динамики роста в период 2022-2025 гг. несмотря на экономические и геополитические потрясения. В частности, 68% респондентов отметили, что стратегическое предвидение позволило заранее диверсифицировать цепочки поставок и минимизировать потери от санкций.

Исследование Harvard Business Review Analytic Services (2024) выявило, что в орга-

низациях, где лидеры активно развивали эмоциональный интеллект, уровень текучести кадров в кризисный период снизился на 42% по сравнению со среднеотраслевыми показателями. Это особенно актуально в контексте Great Resignation и постпандемийного восстановления.

Региональные исследования в развивающихся экономиках, включая Центральную Азию, показывают схожие тенденции. Опрос Азиатского банка развития (ADB, 2025) среди 1200 руководителей предприятий в Кыргызстане, Казахстане и Узбекистане выявил, что лидеры, интегрирующие принципы устойчивости (ESG), демонстрируют на 35% более высокую адаптивность к климатическим и экономическим рискам. В Кыргызстане, где экономика сильно зависит от агросектора и гидроэнергетики, климатические кризисы (засухи 2023-2025 гг.) стали катализатором перехода к устойчивым практикам лидерства.

Эмпирические данные подтверждают, что отсутствие развития компетенций приводит к негативным последствиям: по данным McKinsey (2026), 58% компаний, не адаптировавших модели лидерства к VUCA/BANI-среде, потеряли более 30% рыночной капитализации в период множественных кризисов.

Барьеры и ограничения в развитии устойчивого лидерства.

Развитие устойчивого лидерства сталкивается с рядом барьеров на личном, организационном и институциональном уровнях:

1. *Личные барьеры.* Многие лидеры, сформированные в эпоху стабильности, демонстрируют когнитивные искажения: предпочтение краткосрочных результатов (short-termism), сопротивление изменениям и недостаток рефлексии. Исследования показывают, что до 45% топ-менеджеров испытывают синдром выгорания в кризисах, что снижает эмоциональную устойчивость.

2. *Организационные барьеры.* Иерархические структуры и культура «командования и контроля» препятствуют распределённому лидерству. В традиционных компаниях бюджет на развитие компетенций составляет менее 1% от фонда оплаты труда, что недостаточно для системных программ.

3. *Институциональные и культурные барьеры.* В развивающихся странах, включая постсоветское пространство, преобладает авторитарный стиль управления, конфликтующий с принципами инклюзивности и сотрудничества. Культурные нормы коллективизма могут как способствовать (через солидарность), так и препятствовать (через избегание конфликтов) адаптивному лидерству.

Внешние ограничения. Геополитическая нестабильность и экономическая волатильность ограничивают доступ к международным программам развития. Климатические кризисы дополнительно отвлекают ресурсы на оперативное реагирование, а не на стратегическое развитие.

Преодоление барьеров требует комплексного подхода: от индивидуального коучинга до изменения корпоративной культуры и государственной поддержки образовательных инициатив.

Заключение. В эпоху множественных кризисов устойчивое лидерство становится стратегическим императивом. Выделенные компетенции – системное мышление, резилентность, предвидение и другие – обеспечивают адаптацию и создание ценности. Кейс-стади подтверждают эффективность подхода. Предложенная модель и рекомендации позволяют системно развивать лидеров. Перспективы исследований: эмпирический анализ в развивающихся экономиках, количественная оценка влияния компетенций.

Библиографический список

1. Bennett N., Lemoine G.J. What VUCA really means for you // Harvard Business Review. – 2014. – Vol. 92. – № 1/2.

2. Tooze A. Polycrisis: Understanding systemic risks // World Economic Forum. 2023.

3. Hargreaves A., Fink D. Sustainable leadership. – San Francisco: Jossey-Bass, 2006. – 336 c.

4. Heifetz R., Grashow A., Linsky M. The practice of adaptive leadership. – Boston: Harvard Business Press, 2009. – 326 c.

5. Global Risks Report 2026. World Economic Forum, 2026.

6. McKinsey Global Survey: Economic Conditions Snapshot, 2025.

7. Bass B.M., Riggio R.E. Transformational leadership. 2nd ed. – Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2006.
8. Luthans F., Youssef-Morgan C.M. Psychological capital // Oxford Handbook of Positive Psychology. 2019.
9. Tooze A. Crashed: How a Decade of Financial Crises Changed the World. – NY: Viking, 2018.
10. IMF World Economic Outlook, 2025.
11. IPCC Sixth Assessment Report, 2023-2026.
12. Eurasia Group Top Risks 2026.
13. Senge P. The Fifth Discipline. – NY: Doubleday, 2006.
14. Southwick S.M. et al. Resilience definitions // European Journal of Psychotraumatology. – 2014. – Vol. 5.
15. Strategic Foresight in the Age of Uncertainty // OECD, 2024.
16. Goleman D. Emotional Intelligence. – NY: Bantam Books, 1995.
17. Christensen C. The Innovator's Dilemma. – Boston: Harvard Business Review Press, 1997.
18. Eccles R.G., Klimenko S. The investor revolution // Harvard Business Review. 2019. May-June.
19. Taleb N.N. Antifragile. – NY: Random House, 2012.
20. Nadella S. Hit Refresh. – NY: Harper Business, 2017.
21. Unilever Sustainable Living Plan: Progress Report 2025.
22. Vance A. Elon Musk: Tesla, SpaceX, and the Quest for a Fantastic Future. – NY: Ecco, 2015.

DEVELOPING SUSTAINABLE LEADERSHIP AND MANAGING CHANGE IN AN ERA OF MULTIPLE CRISES

M.A. Sarieva, *Senior Lecturer*
G.V. Bakirova, *Senior Lecturer*
E.N. Akhmetova, *Senior Lecturer*
Osh University College of Humanities and Technology
(Kyrgyzstan, Osh)

Abstract. *The article presents a comprehensive study of the development of sustainable leadership as a key factor in effective change management amid multiple overlapping crises – economic, climatic, and geopolitical. The contemporary business environment is characterized by high volatility, uncertainty, complexity, and ambiguity (VUCA world), necessitating leaders to develop new competencies for ensuring organizational adaptation and long-term sustainability. Based on the analysis of theoretical concepts of sustainable leadership (Hargreaves, Fink), adaptive leadership (Heifetz, Grashow, Linsky), transformational leadership (Bass, Burns), and resilient leadership, key competencies are identified and described in detail: systems thinking, emotional and psychological resilience, strategic foresight, adaptability, emotional intelligence, cross-functional collaboration skills, innovativeness, and ethical orientation toward sustainability. A review of contemporary crises (COVID-19 pandemic, geopolitical conflicts of 2022-2026, climate challenges according to IPCC reports) and their impact on organizational processes is conducted. Case studies of successful adaptation by companies (e.g., Microsoft, Unilever, Tesla) are presented. An original model for developing sustainable leadership competencies and practical recommendations for their implementation in corporate programs are proposed. The study emphasizes that sustainable leadership not only ensures survival in crises but also contributes to creating long-term value for all stakeholders.*

Keywords: *sustainable leadership; change management; multiple crises; leader competencies; organizational adaptation; uncertainty; resilience; systems thinking; adaptive leadership; VUCA world; transformational leadership; strategic foresight; emotional intelligence; innovation; ethical leadership.*

ISSN 2500-1000 (Print)
ISSN 2500-1086 (Online)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ
гуманитарных и естественных наук

№ 2-2 (113), февраль 2026 г.

Редактор: Д.М. Матвеев
Верстка: Ю.А. Матвеева

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях,
ответственность несут авторы.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Учредитель и издатель: ООО «Капитал»

Контактная информация:
E-mail: info@intjournal.ru
Сайт: http://intjournal.ru/
Телефон: +7-905-951-51-63
Адрес редакции: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252
Адрес учредителя и издателя: 630133, г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1, 252

Подписано в печать 07.03.2026 г.
Дата выхода в свет 20.03.2026 г.
Усл. печ. л. 18,62. Уч.-изд. л. 14,9. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Капитал»
г. Новосибирск, ул. Татьяны Снежиной, д.43/1
Тел. 8(905)951-51-63, info@intjournal.ru

Цена печатного экземпляра: 590 руб.